

Годъ VI. Сентябрь. — Октябрь. — (Septembre. — Oktober.). 1904 г.

Сибирскій НАБЛЮДАТЕЛЬ.

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

(ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).

Книга 9 — 10.

ТОМСКЪ.

Паровая типо-лит. П. И. Макушина, Благовѣщ. п., соб. д.

1904.

Годовой

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дозволено цензурою. Томскъ, 16 ноября 1904 года.

Издательство Литературно-художественного общества

Томскъ, 1904

— 101 — В. А. М. 29

Содержаніе.

	Стр.
I. На таежныхъ началахъ (разсказъ), <i>С. Бой</i>	1
II. Формы общиннаго землепольз. въ Томск. г. (оч.), <i>В. Солдатова</i>	11
III. Матеріалы для исторіи г. Красноярска, <i>А. М. Серебренникова</i>	23
IV. Стихотворенія, <i>П. Блиновскаго</i>	33
V. Соловьиная пѣсня (повѣсть) — продолж., <i>А. Базарева</i>	36
VI. Матеріалы для исторіи г. Томска, <i>А. М. Серебренникова</i>	60
VII. Въ дѣбряхъ захолустья, <i>К. В. Дубровскаго</i>	64
VIII. Шуть (стихотвореніе) <i>А. Рославлева</i>	71
IX. Вѣнокъ (новелла Г. де-Лисъ) перев. <i>Е. Ник-ева</i>	72
X. Уральскія горнозаводскія дѣла, <i>П. Бли-скаго</i>	75
XI. Борьба съ нищенствомъ (очеркъ) — оконч., <i>В. Кибальчича</i>	96
XII. Солдатскія семейства, <i>В. Лапина</i>	107
XIV. Стихотвореніе, <i>Ф. Шкулева</i>	113
XV. Надъ пропастью (разсказъ), <i>М. С. Кларина</i>	114
XVI. Письма изъ городовъ. Изъ Канска, <i>Кранивы</i>	123
XVI. Театръ и музыка. По поводу одной музыкальной рецензіи, <i>И. В. Михайловскаго</i>	126
— Воспоминанія <i>Никса</i>	129
XVII. Музыкальный обзоръ	105
XVIII. Замѣтки наблюдателя, <i>Сибиряка</i>	158
XIX. Иностранное обозрѣніе, <i>В. Д.</i>	172
XX. Къ войнѣ: I. Иностранная печать о войнѣ. II. Печать во время войны III. Настроеніе въ Корей противъ японцевъ IV. Что дѣлается въ Ляоянѣ. V. О дѣятельности Краснаго Креста на Дальнемъ Востокѣ. VI. Съ театра военныхъ дѣйствій. VII. Разсказъ Н. Л. Кладо. VIII. О ген. Куропаткинѣ	178
XXI. Въ Маньчжуріи (изъ записокъ добровольца), <i>Вил.</i>	198
XXII. Замѣтки о судоустройствѣ и судопроизводствѣ <i>В. Д-кова</i>	203
XXIII. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ	210
XXIV. Библиографія: <i>Г. Вяткина, В. Долгорукова, Мат. Фл-ри, Гавр. Томскаго</i>	25
XXV. М. В. Загоскинъ (некрологъ)	225
XXVI. Похороны М. В. Загоскина	227
XXVI. Григорій Николаевичъ Потанинъ	230
XXVIII. Желѣзнодорожныя свѣдѣнія	231
XXIX. Для досуга	234
XXX. Новыя книги и брошюры	240
XXXI. Villes Sibériennes. VIII. Verkhne-Oudinsk IX Tchita	1—3
XXXII. Объявленія и четыре рисунка	
XXXIII. Приложение: Списокъ студентовъ и постороннихъ слушателей медицинскаго факультета Императорскаго Томскаго университета за 1888—1889 годы — за первое десятилѣтіе со времени открытія университета	17-32

Редакторъ-издатель **В. А. Долгоруковъ.**

Цѣна книжки въ отдѣльной продажѣ 75 к., съ перес. 85 к.

На таежныхъ качалахъ.

(Разсказъ).

Когда хмурое небо низко нависаетъ надъ землей, и все въ природѣ выглядитъ тускло и тяжело, тогда займка Оханка, на днѣ своей топкой лощины, удивительно похожа на сибирское болотце съ кочками и корягами. Но унесутся тучи, снопы золотыхъ лучей рассыплются по топкой лощинѣ, разорвется сѣрая мгла, плотно окутывающая займку, и тогда изъ глубины грязи и дрянныхъ кустовъ вытянется множество жердей въ различныхъ сочетаніяхъ, и затѣмъ уже, какъ-бы запутавшись въ этой уродливой городьбѣ, темными тяжело освѣщенными массами выглянетъ и сама Оханка—десятка полтора дворовъ. Жерди—крыши, жерди—ворота, жерди—загоны, топъ подъ ногами, глубокая тишина въ поселкѣ и темный вѣнецъ тайги вверху—чѣмъ-то первобытнымъ и безпросвѣтнымъ вѣяло отъ всего этого! Даже лѣтомъ, когда самый невзрачный уголокъ такъ живописенъ въ обступившей его зелени, Оханка оставалась неприглядной. Боръ, „предтаежье“, свѣжій, ароматный, звенящій веселымъ птичьимъ хоромъ, далеко отходяль отъ топкой лощины, взбѣгая по склонамъ горъ все выше и выше, какъ будто ему, съ его ликующей жизнью, хотѣлось уйти подальше отъ этой понурой займки, вязнувшей въ своемъ гниломъ болотѣ.

Но оханцы—переселенцы изъ Пермской губерніи—чувствовали себя очень хорошо въ топкой лощинѣ и желали только одного, чтобы и впередъ она оставалась такой-же вольной землей, какъ теперь, не знающей никакихъ повинностей. Даже представленіе о родинѣ стало у нихъ быстро тускнѣть и утрачиваться. Какъ только мысль ихъ касалась родины, такъ сейчасъ-же на сѣромъ фонѣ ихъ деревенской жизни настойчиво, крикливо выступало одно обидное воспоминаніе—растрепанные возишки хвой и валежнику, которые имъ приходилось покупать за высокую плату въ сосѣднихъ помѣщичьихъ и заводскихъ лѣсахъ. И эта обида, дѣлающаяся еще досаднѣе, еще злѣе здѣсь

среди „вольныхъ“ лѣсныхъ угодій, заслоняла собой тѣ маленькія теплыя искорки, которыя могли-бы свѣтить имъ изъ далекой родины. О родственныхъ связахъ жалѣть не приходилось: оханцы, какъ жили у себя, за Ураломъ, захудалой деревушкой, такъ и переселились въ „кучкой“, какъ они говорила, со всеѣмъ укладомъ ихъ крестьянской жизни, съ ихъ обычаями и пѣснями.

И вотъ этой маленькой колоніи пермяковъ, какъ сельскохозяйственной единицы, предстояла трудная миссія послужить колонизаторскимъ цѣлямъ Сибири—культуривовать занятый участокъ, въ данномъ случаѣ топкую лощину съ ея угодьями.

Черезъ извѣстный промежутокъ времени среди таежныхъ болотъ и рѣчекъ, плотнымъ кольцомъ охватившихъ Оханку, сиротливо чернѣли пашни, а на западѣ оханскихъ балагановъ—избъ, мокли огороды.

Это преобладаніе „неудобной“ земли въ оханскихъ угодьяхъ не было неожиданностью для оханцевъ. Ихъ ходоки оказались искусными „уловителями моментовъ“. Побродивши по Сибири и насмотрѣвшись на переселенческое жите, они пришли къ выводу, что „промыслить“, „добыть“ будетъ куда вѣрнѣе и скорѣе, чѣмъ будущіе урожаи, и сразу намѣтили топкую лощину, которая, по своему топографическому положенію, введетъ ихъ въ общій хищнический потокъ, охватившій подгородные и прирѣчные поселки. Въ этомъ духѣ они и сдѣлали докладъ своему обществу, прибавивъ въ заключеніе одно настойчивое замѣчаніе, еще разъ доказавшее ихъ смѣтливость и прозорливость,—они сказали, что въ виду нѣкоторыхъ грозныхъ признаковъ „ограниченій, съ топкой лощиной надо спѣшить“.

Въ первое время по переселенію оханцы какъ-то растерялись: слишкомъ много дикаго простора было кругомъ, слишкомъ много свободы! Послѣ лѣса на родинѣ, опутаннаго сѣтью запрещеній и штрафовъ, имъ было странно и жутко видѣть себя безъ посредниковъ, глазъ на глазъ съ тайгой и ея богатствами. И долго что то вродѣ священнаго трепета овладѣвало ими каждый разъ, какъ они заносили топоръ надъ лѣсиной, и невольно глазъ ихъ зорко всматривался въ чашу, а ухо чутко прислушувалось. Но „бока“ никому не было дѣла ни до оханцевъ, ни до срубленныхъ ими лѣсинъ, и только одно гулкое эхо далеко разносило по тайгѣ звукъ топора.

И какое-то умиленіе передъ Божьей тайгой нашло на оханцевъ, сердца ихъ смягчились, какъ будто въ топкой лошинѣ сидѣли совсѣмъ не тѣ оханцы, которые способны были ожесточенно враждовать изъ-за утянутой у нихъ къмъ нибудь гнилой доски или изъ за полъ-аршина земли, за который переступилъ сосѣдскій плетень.— „Тайга—Божья!“ „Тайги всѣмъ хватить!— говорили оханцы и съ изумленіемъ узнавали, какое это пріятное ощущеніе—давать жить другимъ.

Однако, эта идиллія была непродолжительна.

Оханцы стали привыкать къ тайгѣ. Хотя она попрежнему хмурилась, была страшно вѣроломна, но, пройденная съ ружьемъ и топоромъ, мѣстами уже истерзанная когтями шишкобоевъ, она уже не казалась оханцамъ грознымъ, почти мифическимъ существомъ, готовымъ вотъ-вотъ раздавить ихъ поселокъ. Цѣлая сѣть тропинокъ протянулась отъ Оханки въ тайгу, и Оханка, какъ маленькій, грязный паукъ, подстерегала, подсиживала и хватала все, что запутывалось въ этой сѣти. Ея аппетитъ все возрасталъ, и она начинала уже съ безпокойствомъ подумывать: „а что если сюда еще двѣ три такихъ Оханки—недолго и использовать оханскую тайгу!“ Отсюда Оханкѣ естественно было придти къ рѣшительному выводу: „такъ пусть-же будетъ здѣсь только одна Оханка!“ И отнынѣ всякій пришлый элементъ, которому удавалось продраться въ оханскую глушь, становился ей подозрителемъ, а когда этотъ элементъ предсталъ однажды передъ оханцами въ видѣ двухъ мужиковъ „на вершнихъ“, съ ружьями, мѣшками, рѣшетами для орѣховъ и другими уликами „посягательства“, то онъ едѣвался сейчасъ-же общественнымъ вопросомъ.

Собрали сходку и выработали рядъ предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ, отъ уговоровъ, усовѣщиванія до „рукоприкладства“. Таково было первое серьезное проявленіе общественнаго духа Оханки—этого, не связаннаго никакими путами, общества на вольной-же сибирской землѣ.

Все, казалось оханцамъ, было покончено съ внѣшнимъ міромъ, который существовалъ теперь для нихъ, по скольку онъ касался спроса и цѣнъ на рябковъ, орѣхи, рыбу, медъ.

Но міръ напомнилъ о себѣ.

Случилось событіе, котораго оханцы не то чтобы не ожидали: слишкомъ оно было естественно, чтобы не предвидѣть его—просто,

надѣялись, что все обойдется „по закону“. Умеръ одинъ изъ заимщиковъ и притомъ въ такое время, когда оханскія болота и рѣчки переполнились водой, вылили ея излишекъ на оханскія уголья, такъ что узкая дорога, ведущая изъ Оханки до ближайшаго населеннаго пункта, гдѣ была церковь, какъ будто провалилась вглубь и бѣжала гдѣ-то подъ жидкой грязью, и топкая лощина была отрѣзана отъ внѣшняго міра. Случалось это съ ней, кромѣ положеннаго срока—весны и осени, при каждой продолжительной дождливой погодѣ.

Что было тутъ дѣлать?

Обратились къ Якову Степановичу.

Яковъ Степановичъ, одинъ изъ оханскихъ ходоковъ, облюбовавшихъ топкую лощину, былъ грамотный, любилъ на свободѣ читать Псалтирь и, какъ говорила оханская молва, „прикержачивалъ“ на родинѣ. За его тягучій голосъ, „сладкую“ рѣчь его звали на заимкѣ „елейнымъ“. Онъ прочелъ нужныя молитвы, покойника зарыли и успокоились.

Но вотъ случился второй покойникъ и опять въ оханское „безвременье“, т. е. когда Оханка была на положеніи острова. Дѣло становилось серьезнымъ.

И вотъ тогда то Яковъ, который изъ прикержачивавшаго сдѣлался заправскимъ кержакомъ „часовеннымъ“, вслѣдствіе его постоянныхъ торговыхъ сношеній съ таежными кержаками, рѣшилъ, что теперь самая пора заняться спасеніемъ оханскихъ душъ.

Случилось, что въ это время собрались въ Оханку всѣ ея промышленники, пасѣчники, шишкобой. Оханка захотѣла воспользоваться ихъ присутствіемъ для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ по ея внутреннему хозяйству.

Собрали сходку.

Какъ огромныя ночныя птицы, громоздились сѣрые, взлохмаченные неуклюжіе оханцы, кто на плетнѣ, кто на кучкѣ сложенныхъ у плетня бревенъ, и, какъ ночныя птицы, были они жалки и нелѣпы на пышащей зноемъ прозрачной синевѣ неба, какъ-бы подериутой золотыми нитями, которыя упругими волнами уходили въ вышину.

„Обросли же вы, голубчики“,—подумалъ Яковъ, окидывая взглядомъ сходку и заранѣе испытывая приливъ злости прстивъ

собравшихся оханцовъ, отъ которыхъ ему надо было ждать отпора и, конечно, оскорбленій.

Послѣ оживленныхъ дебатовъ о поскотинѣ, заговорилъ „елейный“.

— Вотъ, братцы, — сказалъ онъ, — нынче хорошій у насъ годъ: и хлѣбушка будетъ, овоща всякая, орѣхъ тоже слава Богу. А вотъ душа-то, родименькіе, душа-то какъ?

— Это ты къ чему? — сурово откликнулся дрянный Кирила, сосѣдъ „елейнаго“.

— Никто не поддержалъ Кирилу.

Всѣ знали, о чемъ хочетъ говорить Яковъ, и чувствовали себя такъ, какъ будто они уперлись въ высокую, глухую стѣну. Сознавалъ это и Кирила, но, принадлежа къ наиболее экспансивнымъ натурамъ изъ оханскихъ заимщиковъ, не могъ преодолѣть стремленія какъ-нибудь обидѣть „елейнаго“. Обращаясь къ нему безъ обычнаго почтенія, онъ какъ-бы мстилъ ему за свою беспомощность и за неизбежность того, что должно было на этой сходкѣ произойти.

— Да вотъ отца-то духовнаго нѣтъ... ни часовенки, ни церкви... сироты мы горькіе... А вѣдь находится, братцы, человекъ — таинственно зашепталъ „елейный“, — и готовъ онъ помочь нашей бѣдѣ.. да не знаю какъ вы-то... примете-ли его.

— Значить, кержачить? — поспѣшилъ выяснить Кирила всѣ недомолвки „елейнаго“.

— Что ты? Что ты? Несуразный! — замахалъ руками Яковъ. — Къ чему слово такое! такъ только, до времени... до батюшки нашего. Какъ-же быть-то, братцы — сокрушался „елейный“. Вотъ старички помирать стали, младенчики родятся... все оно съ молитвой да обрядомъ покрѣпче будетъ.

— Не по закону оно — пытаются отстоять себя оханцы, — ни дѣды, ни отцы не кержачили.

— Да вѣдь это, милые, я къ примѣру, васъ жалѣючи. — Вѣдь это на время.

Наступило тягостное молчаніе.

Яковъ говорилъ что-то о преимуществахъ старой вѣры, поминалъ Никона....

Ненужно и неинтересно было это оханцамъ.

Они ушли мыслью въ свое прошлое.

Не было передъ ними болѣе глухой, страшной стѣны, — какъ будто туманъ затянулъ ее.

Гдѣ то въ сторонѣ, въ золотисто-розовой дымкѣ умирающаго дня намѣтились легкіе контуры ихъ сельской церковки и бѣлой узенькой колоколенки, съ множествомъ просвѣтовъ, пролетовъ, съ бархатными зелеными полосками мху на крышѣ и стѣнахъ... И вдругъ среди задорнаго щебетанья ласточекъ, которыя золотымъ дождемъ сыплются вокругъ куполовъ, самый старый изъ потемнѣвшихъ колоколовъ издаетъ тихій, протяжный звукъ — скорѣе вздохъ, и все вокругъ настораживается, все ждетъ. — И до оханцевъ изъ-за Урала доносится этотъ призывъ: имъ кажется, что они слышатъ его — и сердца ихъ замираютъ въ сладкомъ ожиданіи.

Какъ будто собравшись съ силами, стройно и плавно поютъ старые колокола, и ихъ мягкіе звуки, какъ кроткіе, теплые лучи, ложатся на поля, на деревню, освѣщая забытыя оханцами въ пылу промысловой горячки родныя картины, свѣтлыя настроенія. Забывъ все счеты, все недоразумѣнія съ родиной, оханцы жаднымъ взоромъ скользятъ по этимъ картинамъ, торопливо переживаютъ эти настроенія...

Но все эти ощущенія были для нихъ такъ новы, а главное — такъ мучительны, что они рѣшились сразу покончить съ Яковомъ. И когда они съ нимъ заговорили объ его предложеніи, ничего, кромѣ тупой покорности, не лежало на ихъ лицахъ.

— Поѣзжай, Яковъ! — сказали они. — Только ты ужъ самъ, смотри, чтобы по духовному-то все было въ порядкѣ: тебѣ виднѣе. А насчетъ тамъ избы, припасовъ, скотинки — мы не постоимъ, такъ и скажи.

Снабженный такими широкими полномочіями, Яковъ отправился въ Чулымо-Маріинскую тайгу, къ знакомымъ кержакамъ, гдѣ „до случая“ проживалъ отецъ Никола, тотъ самый человекъ, который, по словамъ „елейнаго“, принималъ такое горячее участіе въ судьбѣ оханцевъ.

Все, что касалось духовной стороны дѣла, было улажено Яковомъ и отцомъ Николой очень быстро, но когда рѣчь зашла о жизненномъ обезпеченіи отца Николы, то онъ предъявилъ такія требованія, что Яковъ не рѣшился взять на себя отвѣт-

ственность за окончаніе переговоровъ и поѣхалъ посоветоваться съ оханцами.

— Что ужъ тутъ? Дѣлать нечего!—уныло согласились оханцы, выслушавъ недоумѣнія Якова.

Разъ рѣшившись, они уже не оглядывались назадъ и торопились все оформить: они были рады попасть снова въ промысловую колею, изъ которой теперь, казалось, уже нечему было ихъ выбить. Все, смущавшее ихъ относительно старичковъ и младенчиковъ, было улажено, а что касается отца Николы и проявившейся у него склонности къ вымогательству, то оханцы твердо памятовали, что у нихъ съ Николой по соглашенію и въ ихъ волѣ видѣть въ немъ своего отца духовнаго или бродяжку изъ-за Чулыма, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Женскій элементъ Оханки проявилъ, въ противоположность мужскому, ревностный прозелитизмъ: усердно изготовлялъ лестовки, коврики для молитвенныхъ стояній, строго охранялъ ложки и плошки отъ обмірщенія и надѣвалъ на молитву платокъ концами врозь.....

Вскорѣ ближайшій отъ Оханки „мірской“ поселокъ вышучивалъ оханцевъ, называя ихъ „большими крестами“.*)

Большая изба „елейнаго“ пуста, вся семья въ полѣ, только маленькій Онька спитъ, раскинувшись на полу, да въ углу на лавкѣ виднѣется какъ будто какая-то кучка грязнаго тряпья и, лишь приглядѣвшись, можно различить всклокоченную дѣтскую головку, уткнувшуюся въ колѣни, охваченная коричневыми хуленькими рученками.

Палящимъ жаромъ пышетъ снаружи, въ открытыя окна, жаромъ несетъ и стѣ большой печи, натопленной „для хлѣбовъ“; рои мухъ съ надоѣдливымъ жужжаніемъ переносятся съ мѣста на мѣсто. Въ избѣ томительно тихо; тихо и на деревенской улицѣ.

Вдругъ грязный комочекъ высвободилъ изъ себя голову, обвелъ большими испуганными глазами избу и затѣмъ какъ то печально опустилъ углы губъ, скорбно изогнулъ брови—и тоненькой, однообразной струйкой потянулся дѣтскій голосокъ,

*) Такъ называютъ въ Томской и Енисейской г.г. кержаковъ, вслѣдствіе большихъ мѣдныхъ крестовъ въ ихъ молебняхъ и божницахъ.

потянулся и, всхлипнувъ, оборвался, затѣмъ снова вытянулъ двѣтри жалобныя нотки и снова замеръ, и долго онъ „налаживался“, какъ будто не подъ силу ему было прорваться сквозь эту раскаленную, неподвижную массу воздуха.

Это Варька, дочь „елейнаго“, читала кафизмы.

Ей семь лѣтъ, и уже годъ, какъ она читаетъ кафизмы, по десяти въ день. Какъ долго будетъ она читать ихъ, она не знаетъ, да и самый этотъ вопросъ, а его ей часто задаютъ оханскія кумушки, считаетъ празднымъ.

Она должна жить въ страхѣ Божьемъ—такъ учитъ отецъ Никола, такъ учитъ тятка—а страхъ Божій, какъ простодушно думаетъ Варька, и есть именно эта старая кожаная книга съ кафизмами, гдѣ каждая страница полна для нея воспомина- ніями о пережитыхъ ради „науки“ страховъ и облита жалкими дѣтскими слезами. Слѣдовательно, ей никогда не придется разстаться съ кафизмами—это неизбежно, какъ неизбежно то, что бы между кафизмами она таскала Оньку, дрова, воду, а когда эта переноска тяжестей перемежалась, чтобы уже ее, Варьку, таскали за обдерганные волосенки тятка и мачиха.

Варька уже была почти въ половинѣ заданнаго „урока“, какъ чей-то сиплый голосъ окликнулъ ее изъ окна.

Дѣвочка вздрогнула, подняла голову, и ея большіе глаза выразили необыкновенный ужасъ и смотрѣли, не мигая, не отрываясь, на широкую, могучую фигуру мужчины, виднѣвшуюся въ окнѣ, а все ея маленькое худенькое тѣльце какъ-то ежилось, трепыхалось: такъ ежится и трепещетъ птичка подъ взглядомъ злобы.

— Читаешь? — со злобной усмѣшкой спросилъ онъ.—Что бормочешь-то?... Скажи отцу, когда съ пасѣки придетъ, что бы коня зашелъ, дѣло есть,—и, Никола, нахлобучивъ свою кержацкую войлочную шляпу котелкомъ, заткнувъ длинныя полы кафтана за поясъ, тяжело опираясь на свой посохъ, затопалъ къ себѣ, въ ближнюю отъ оханки таежку, гдѣ оханцы, вѣрные своимъ обязательствамъ, срубили ему избу со службами.

Варька, многострадальная выученица отца Николы, должна была служить живой рекламой его учености и педагогическаго опыта, но, вопреки его ожиданіямъ, эта живая реклама съ ея забитостью и бессмысленнымъ бормотаньемъ, была такъ жалка,

что произвела какъ разъ противоположное дѣйствіе на оханцевъ. „Заучили!“ „Языкъ переломали!“—пеняли они „елейному“ и отказались подвергать своихъ дѣтей дальнѣйшимъ педагогическимъ экспериментамъ отца Николы.

Такимъ образомъ надежды отца Николы приготовить себѣ въ будущемъ изъ юныхъ оханцевъ приверженную и убѣжденную паству не оправдались.

Вотъ объ этой неудачѣ думать теперь отецъ Никола, возвращаясь отъ „елейнаго“. Солнце жжетъ немилосердно, выжимая каплю за каплей жизненные соки изъ кедровъ, сосенъ, лиственницъ, и матовыя янтарныя блестки смолы въ изобиліи усѣвають темную кору хвойняка. Мощно, тяжело дышетъ тайга, глубоко внутри отходитъ таежная земля, и кое-гдѣ курится чуть замѣтнымъ паркомъ, возбуждающимъ и разпѣживающимъ. Какъ будто вся сила тайги собралась, спустилась и замерла въ воздухъ. Какъ ни свыкся отецъ Никола съ тайгой, но его эта напряженная стихійная сила давитъ, душитъ, лишаетъ воли... Но вотъ среди вольныхъ, дикихъ запаховъ проскальзываетъ маленькая струйка, какъ будто какая-то будничная среди безграничной свободы и ликованія вокругъ: это усадебка отца Николы съ ея амбарушками, хлѣвушками, насквозь прокаленная солнцемъ, источаетъ изъ себя испаренія всякой домашности.

Вотъ онъ и дома.

Съ облегченнымъ вздохомъ опускается онъ на свое чистенькое крылечко.

Ему хорошо. Онъ отходить всѣмъ своимъ наболѣвшимъ тѣломъ стараго бродяги, всей своей настрадавшейся душой. Будто далеко назадъ остаются его недавнія ощущенія загнаннаго звѣря, и теперь только одно чувство, сладкое полузабытое чувство крестьянина, земельного собственника, мирнаго и свободнаго хозяина, доверху наполняетъ его душу. Ему хочется ярче, образнѣе переживать это чувство, найти въ немъ, можетъ быть, еще новые оттѣнки, и онъ уже не можетъ усидѣть на мѣстѣ. Онъ идетъ къ плетню, около котораго дремлетъ его каурый, ласково треплетъ его по шеѣ, шутитъ съ пѣгой коровой, выглядывающей изъ чащи кустовъ, заботливо обходитъ и обряжаетъ свою домашность, не устаешь любоваться ею, нѣжно любить.

ее уже ради того только, что она даетъ ему возможность такъ полно наслаждаться сознаниемъ своего благосостоянія.

— А что, милый человекъ—послышался вдругъ молодой, звучный голосъ откуда-то сбоку,—не соблаговолите-ли выдать намъ напитокъ.

Отецъ Никола быстро обернулся. Первое, что метнулось ему въ глаза, была форменная фуражка... да, настоящая форменная фуражка съ кокардой,—а на заднемъ планѣ какія-то сѣрыя фигуры.

„Бѣжать!“ „Опять бѣжать!“—мелькнула у него мысль, а языкъ, помимо его воли, бормоталъ что-то несвязное, не то какую-то просьбу, не то жалобу на что-то...

— Экъ напужался!—засмѣялись сѣрыя фигуры—не тронемъ... землю вашу размѣряемъ... его благородіе—землемѣръ, а мы при емъ рабочіе...

Отецъ Никола осмѣлился попристальнѣе взглянуть на того, кого называли землемѣромъ, и сразу убѣдился, что ни въ наружности, ни въ поведеніи этого молодого, жизнерадостнаго человека въ форменной фуражкѣ не было ничего того, что привыкъ видѣть отецъ Никола въ представителяхъ низшей и карающей власти, съ которыми ему приходилось сталкиваться въ его скитальческой жизни.

Завязалась бесѣда.

Говорить ему землемѣръ, что уже съ ранней весны желѣзная цѣпь неумоимо крестить и безжалостно рѣжетъ вольныя оханскія уголья, говоритъ объ имѣющихъ быть „отграниченіяхъ“, „межеваніи“, „столбованіи“, о всѣхъ тѣхъ неизбѣжныхъ этапахъ, по которымъ пойдетъ отнынѣ закрѣпощеніе „топкой лощины“—я глухая тревога охватываетъ отца Николу, а гдѣ-то въ сердлѣ плачетъ и жалуется какая то надорванная струна: „нѣтъ больше у насъ топкой лощины!“ „нѣтъ больше оханской большой земли“!

Вскорѣ оханцы оцять снаряжали ходоковъ смотрѣть новыя мѣста.

С. Б—ая.

23 го іюля 1904 г.

Формы общиннаго землепользованія въ Томской губерніи.

(Очеркъ).

Не разъ уже изслѣдователи сибирской поземельной общины указывали на тотъ фактъ, что она не находится въ неподвижномъ состояніи, но постоянно переживаетъ рядъ имѣній, причемъ они, благодаря крайнему разнообразію условій, въ различныхъ мѣстахъ не одинаково далеко зашли, почему по существующимъ въ настоящее время общиннымъ порядкамъ можно возстановить исторію сибирской общины и намѣтить ходъ развитія ея. Это создаетъ особенный интересъ къ изученію общинныхъ порядковъ въ Сибири, тѣмъ болѣе, что первобытныя стадіи развитія общины съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезаютъ, уступая мѣсто позднѣйшимъ стадіямъ. Особенно быстрымъ темпомъ пойдетъ исчезновеніе ихъ теперь подъ вліяніемъ такихъ причинъ, какъ: наплывъ переселенцевъ, естественное размноженіе населенія, производящееся по закону 31 мая 1899 года, надѣленіе крестьянъ землею въ размѣрѣ не свыше 15 каз. десятинъ удобной земли на наличную душу мужескаго пола, неурожай послѣднихъ лѣтъ (1900 и 1901 года), проведеніе сибирской желѣзнодорожной магистрали, введеніе быстроходныхъ пароходовъ и т. под. Дѣло въ томъ, что неурожаи являются толчкомъ къ экономической дифференціаціи деревни, желѣзная дорога и пароходы создали условія для широкой капиталистической эксплуатаціи страны, для роста денежнаго хозяйства и исчезновенія натуральныхъ формъ его, а это должно повлечь за собою опредѣленные измѣненія въ общинномъ строѣ деревни и способствовать расширенію запашки*), что увеличеніе населенія путемъ иммиграціи и естественнаго прироста, парал-

*) Что расширеніе запашки имѣло мѣсто въ Томской губерніи послѣ проведенія желѣзной дороги, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. По даннымъ переписи 1805—1810 годовъ общая посѣвная площадь въ сѣверо-западной части Барабинской степи была равна 3, 3 дес. на хозяйство; по даннымъ подворной переписи 1890 года—3, 4 дес., т. е. за 80 лѣтъ до проведенія желѣзной дороги площадь сѣва на 1 дворъ почти не увеличилась. По даннымъ подворной переписи Усть-Тартаской волости на 1 дворъ приходилось въ 1900 году 5,32 дес. посѣва; за послѣд-

лельное уменьшение для огромнаго большинства общинъ количества земли, находящагося въ ихъ распоряженіи, даетъ новый могучій импульсъ къ глубокимъ измѣненіямъ въ общинныхъ порядкахъ. Всѣ эти причины влекутъ за собою исчезновеніе первобытныхъ формъ общины, основанныхъ на многоземельи, рѣдкости населенія и на натуральномъ хозяйствѣ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы коснемся только небольшого уголка нашихъ общинныхъ порядковъ: по существующимъ въ Томской губерніи формамъ землепользованія попробуемъ создать картину измѣненій его за послѣднія два десятилѣтія.

Надо различать терминъ *землепользованія* отъ термина общиннаго *землевладѣнія*: землевладѣніе обусловливаетъ собою ничѣмъ не связанное право на владѣніе, пользованіе и распоряженіе землей, которое почти всюду въ Сибири принадлежитъ общинѣ *en masse*; землепользованіе-же есть форма проявленія права на временное, пожизненное или родовое пользованіе землею, съ ограниченіемъ правъ распоряженія ею. Такимъ образомъ землепользованіе является опредѣленнымъ отношеніемъ отдѣльныхъ членовъ общины къ землѣ, принадлежащей всей общинѣ, какъ владѣльцу, и характеризуетъ земельныя отношенія внутри общины. Системы землепользованія составляютъ основу, на которой зиждется весь строй общины и поэтому онѣ имѣютъ чрезвычайный интересъ.

При внимательномъ изученія земельныхъ отношеній внутри общины, мы приходимъ къ заключенію о существованіи четырехъ основныхъ формъ общиннаго землепользованія. Пользуясь принятой главными изслѣдователями сибирской общины (преимущественно, Кауфманомъ и Кролемъ*) терминологіей, мы назовемъ въ послѣдовательномъ порядкѣ: 1) захватный, 2) вольный, 3) урѣзнительный (душевсй) и 4) подворный способы пользованія

нія 10 лѣтъ площадь сѣва увеличилась на 57 0/0. См. Е. С. Фалимонова: „Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ и инородцевъ сѣверо-западной Барабы“. С. П. Б. 1892 г. 192 стр., и І. К. Окулича: „Отчетъ правительственнаго агронома по Томской губерніи Департаменту земледѣлія за 1902 годъ“ Томскъ, 1903 г. 2 стр.

*) См. Кауфмана: „Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ восточной части Томскаго округа и сѣверо-западной части Маріинскаго округа“ Т. П. С. П. Б. 1892 г.; Кроля: „Матеріалы комиссіи по изслѣдованію землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области формы землепользованія“ С. П. Б. 1898 г.

общинною землею. Сущность захватной или заимочной формы землепользования составляет ничѣмъ не регулируемый захватъ въ пожизненное пользованіе пустолежащей земли. Вслѣдствие того, что первые переселенцы приходили въ страну, обильную никѣмъ не занятыми землями, получалась возможность каждому желающему брать себѣ какое угодно количество земли и распоряжаться ею втеченіи долгаго срока по своему усмотрѣнію; такимъ образомъ создавалась первая форма землепользования—захватно-заимочная. Но какъ только количество населенія увеличилось на столько, что не стало хватать земли для новыхъ переселенцевъ и для вновь народившихся членовъ общины, эта форма землепользования начала измѣняться и постепенно, цѣлымъ рядомъ промежуточныхъ формъ, перешла въ вольное пользованіе землею, когда всякій желающій изъ членовъ общины имѣетъ право пользоваться землею въ неограниченномъ размѣрѣ, но срокъ пользования ограниченъ тѣмъ, что земля принадлежит кому-либо только до тѣхъ поръ, пока онъ ею пользуется, и поступаетъ въ общее владѣніе по прошествіи извѣстнаго срока послѣ прекращенія фактическаго пользования ею. Отличается она отъ захватной формы ограниченіемъ времени пользования землею и отсутствіемъ права свободно, безъ согласія общины, устраивать самостоятельныя заимки, подъ которыми надо подразумѣвать обособленную совокупность пахотныхъ, сѣнокосныхъ и иныхъ угодій, находящихся въ вассалѣнскомъ пользованіи отдѣльнаго лица. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ увеличенія населенія, количество земли, которое можетъ занять каждый отдѣльный членъ общины, становится все меньше и меньше и вмѣстѣ съ тѣмъ распредѣленіе ея начинаетъ носить все болѣе и болѣе случайный и крайне неравномѣрный характеръ: богатые и старожилы захватываютъ себѣ много самой лучшей земли, а бѣднымъ и новоселамъ остаются малоудобные или брошенные богатыми, истощенные и небольшие клочки. Подобная ненормальность въ виду односторонняго несенія податной тяготы всѣми членами общины, повлекла за собою постепенный переходъ отъ вольнаго пользованія землею къ душевому или, по болѣе точной терминологіи Кроля, уравнительному, когда земля періодически поравнивается между членами общества и дѣлится между ними или поровну, или пропорціонально подат-

ной тяготѣ, которую несутъ они. Последняя изъ названныхъ выше формъ землепользованія является уже частичнымъ отрицаніемъ общины, это—подворная, когда земля, хотя бы и не вся, подѣлена между членами общества и дѣлится между ними не на опредѣленный срокъ, а разъ навсегда, и никакихъ поравненій уже не бываетъ, причемъ право распоряженія землею постепенно переходитъ отъ общины къ отдѣльнымъ членамъ ея. Эта форма есть уже признакъ распадена общины и дѣлается имъ тогда, когда распространится на всѣ ея земли. Постепенное удлиненіе срока передѣла отдѣльныхъ угодій является переходной ступенью для этой формы землепользованія. *)

Нѣкоторые изслѣдователи видѣли основную причину измѣненій формъ землепользованія во вліяніи російскихъ переселенцевъ, будто-бы приносящихъ на новую родину свои привычныя общинныя отношенія. Противъ этого говорятъ многочисленныя факты, указывающіе на то, что новоселы въ этомъ отношеніи чрезвычайно быстро ассимилируются съ мѣстнымъ населеніемъ и принимаютъ принятыя въ данной мѣстности формы землепользованія, и что измѣненія происходятъ сплошь и рядомъ въ чисто старожительскихъ и даже инородческихъ селеніяхъ и сравнительно рѣдко—въ исключительно новосельскихъ**). Слѣдовательно, причину надо искать въ чисто экономическихъ условіяхъ—въ количествѣ земли, находящемся въ распоряженіи даннаго общества; по мѣрѣ увеличенія населенія и уменьшенія площади земли, переходящейся на каждаго работника или на каждое хозяйство, измѣняются и формы землепользованія: отъ тѣхъ, которыя основаны на земельномъ просторѣ, къ тѣмъ, которыя существуютъ лишь при земельномъ „утѣсненіи“. Поэтому на сколько разно-

*) Какъ мы увидимъ далѣе, первыя три формы пользованія общинной землею, рѣзко различаясь между собой въ окончателъномъ видѣ, имѣютъ очень много переходныхъ формъ, сглаживающихъ разницу между ними до того, что непривычному наблюдателю трудно разобратъся въ этихъ послѣднихъ и сказать, къ какой изъ трехъ основныхъ формъ надо отнести ту или иную переходную форму, наблюдаемую въ дѣйствительности; это надо имѣть въ виду при дальнѣйшемъ разложеніи.

***) Доказательства этой мысли между прочимъ находятся у г. И. Д. въ „Алтайскомъ Сборникѣ“, Выпускъ I, Томскъ 1894 г. Стр. 275-278, и у Кауфмана: „Вліяніе переселенческаго элемента на развитіе сельскаго хозяйства и общинной жизни въ Западной Сибири“. Сѣвер. Вѣсти. 1890, 4, II, 50 стран.

образны въ губерніи размѣры землевладѣнія по отдѣльнымъ селеніямъ (колебанія отъ 0, 9 дес. на наличную душу до 1456 дес.—д. Елбанская *), на столько-же разнообразны и разбросаны по всей губерніи отдѣльныя формы пользованія земельными угодьями. Если мы встрѣчаемъ въ настоящее время рядомъ съ крайне многоземельной деревней малоземельную, то отсюда можно заключить, что сплошь и рядомъ можно встрѣтить въ сосѣднихъ селеніяхъ совершенно различныя формы землепользованія.

Первыми подверглись измѣненію формы пользованія сѣнокосными угодьями, потому что здѣсь скорѣе всего сказалось „утѣненіе“, недостатокъ земли, и поэтому онѣ гораздо дальше ушли въ своемъ развитіи сравнительно съ формами пользованія другими угодьями, имѣющимися въ распоряженіи населенія въ большемъ количествѣ. По той-же причинѣ усадебныя земли и лѣса еще ранѣе сѣнокосныхъ угодій приняла вышія формы землепользованія, а пашни и пастбища дольше сохраняли архаическія формы. Въ такой-же нисходящей системѣ мы будемъ обзрѣвать факты, относящіеся до различныхъ формъ землепользованія въ Томской губерніи или зарегистрированныя прежними изслѣдователями крестьянскаго быта въ Сибири, или наблюдавшіяся нами лично во время поѣздокъ по губерніи, причемъ мы исключаемъ изъ своей программы все, относящееся до пользованія усадебными землями и лѣсами, какъ не имѣющее еще въ настоящее время спеціальнаго сельскохозяйственнаго и культурнаго значенія.

Захватная форма пользованія сѣнокосами сохранилась уже въ очень немногихъ мѣстностяхъ губерніи; она повсюду отступила передъ волной переселенія вглубь глухой Кулундинской степи, Барнаульскаго уѣзда Обь Чулымской тайги Томскаго и Мариинскаго уѣздовъ, въ „Урманы“ сѣверной части Каинскаго уѣзда и въ малодоступныя Алтайскія горы

Прежде всего эта форма пользованія сѣнокосами сохранилась вокругъ заимокъ,—слѣдовательно всюду, гдѣ право устраивать заимки еще остается до настоящаго времени въ полной силѣ. Кроме того, она имѣетъ мѣсто еще въ нѣкоторыхъ селеніяхъ мало населенной части губерніи, гдѣ право устраивать заимки уже уничтожено. По Кауфману, она сохранилась въ Нелюбин-

*) См. Голубева: „Алтай“ 28—32 стр.

ской волости, Томскаго уѣзда, гдѣ лѣсные сѣнокосы состоятъ преимущественно въ займочномъ владѣніи и принадлежатъ тому, кто ихъ первый занялъ или расчистилъ*).

Здѣсь имѣются только два селенія—Рыбалова и Карбышева, гдѣ совершенно не сохранилось захватное пользованіе сѣнокосами, да и то исчезло сравнительно недавно; кромѣ того, въ д. Березкиной, Нижне-Сѣченовой, Быковой, Коломиной, Иглаковой и Бѣлобородовой по отношенію къ самымъ дальнимъ сѣнокоснымъ урочищамъ имѣется право вольнаго пользованія, а ближніе и лучшіе покосы попрежнему состоятъ въ займочномъ пользованіи.

То-же самое указывается г.г. Швецовымъ и Юхневымъ**) по отношенію къ тѣмъ общинамъ. Каѣлиевской, Ояшинской, Тутальской и Уртамской волостей, гдѣ приходится сѣнокосы всѣ вообще или только нѣкоторыя расчищать отъ лѣса и затрачивать такимъ образомъ извѣстное количество труда. Въ данномъ случаѣ трудъ, затрачиваемый на расчистку лѣса, опредѣляетъ собою право на займочное, наследственное пользованіе сѣнокосомъ; пока земель, пригодныхъ послѣ извѣстной расчистки подъ сѣнокосеніе много, община не стѣсняетъ своихъ членовъ въ пользованіи ими.

По Кауфману, въ Спасской волости остатки займочнаго пользованія сѣнокосными угодьями сохранились только въ д. Батурипой, Вороновой и Пѣтуховой—тоже для однихъ еланыхъ и дубровныхъ покосовъ, поемные-же луга въ этихъ селеніяхъ уже подѣлены. Въ Семилужной волости займочное пользованіе сѣнокосными угодьями во время изслѣдованія Кауфмана было распространено въ большинствѣ селеній, кромѣ шести: Лезгиной,

*) Кауфманъ: „Общинные порядки восточныхъ волостей Томскаго округа в сѣверо-западной половины Мариинскаго округа.“ „Алтайскій Сборникъ“, вып. I. стран. 117. Томскъ 1894 г. Мы пользуемся этой прекрасной сводной работой, составленной на основаніи „Матеріаловъ для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири“. Вып. XVIII. См. также „Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губерніяхъ“ СПб. 1894 г. Кауфманъ: „Крестьянская община въ Сибири“ СПб. 1897 г. Его же: „Сибирская поземельная община“ въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Эфрона XXIV т. 220 стр.

**) Швецовъ и Юхневъ: „Матеріалы по изслѣдованію крестьянскаго и инородческаго хозяйства въ Томскомъ округѣ“, томъ II, вып. II. Стр. 179. Барнаулъ 1898 г.

Григорій Николаевичъ Потанинъ.
(Gregoire Potanin, célèbre Voyageur russe, originaire de la Sibérie).

Бражкиной, Киргизки, Нехорошевой, Корниловой и Родионовой *). Поемные луга въ заимочномъ пользованіи наблюдались въ с. Судженскомъ, Маріинскаго уѣзда **). Въ с. Почитанскомъ въ заимочномъ пользованіи находятся тѣ покосы, къ расчисткѣ которыхъ владѣльцемъ недавно былъ приложенъ трудъ ***). Въ цѣломъ рядѣ особенно богатыхъ дубровными и еланными покосами селеній Маріинскаго уѣзда господствуетъ заимочная форма пользованія сѣнокосными угодьями †); при этомъ большею частью покосы каждаго общинника помѣщаются вблизи его пашень, находящихся тоже въ заимочномъ пользованіи; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ селеній болѣе или менѣе значительная часть покосныхъ мѣстъ не находится въ захватномъ пользованіи, а косится всѣми желающими †*). Въ д. Булатовой, Шипицинской вол. Каинскаго уѣзда и въ другихъ приурманныхъ селеніяхъ той-же волости, а также Кыштовской, Верхне и Нижне-Каинскихъ волостей, можно видѣть остатки захватнаго пользованія лѣсными покосами. Въ д. Ново-Песчаной и Хорошенькой, Карасукской вол. Барнаульскаго уѣзда, господствуетъ до настоящаго времени заимочная форма пользованія угодьями: всякій коситъ около своихъ заимочныхъ пашень †**).

Въ новосельскихъ поселкахъ горнаго Алтая искусственно орошаемые при помощи арыковъ сѣнокосы находятся всюду въ заимочномъ пользованіи тѣхъ лицъ, которые устроили арыки †***).

*) Кауфманъ. Цитиров. сочин. 118 стр. Елавою называется довольно большая открытая площадь въ лѣсной мѣстности, никогда не заросшая лѣсомъ; дубровные покосы — лѣсные среди рѣдкаго березняка (по мѣстному выраженію — дубровы); поемные луга — рѣчные, заливаемые весенней водой.

***) Ibidem: 119 стр.

†*) Ibidem: 121 стр.

†) Сѣнокосныя угодья этихъ селеній чрезвычайно обширны: количество ихъ характеризуется крестьянами такъ: „покосамъ утѣшенія нѣтъ“, „луговъ дѣвать некуда“, „трава огнемъ горитъ“, „не знаемъ, гдѣ кто коситъ“ и т. п. Кауфманъ: „Матеріалы для изученія экономич. быта госуд. крестьянъ и инородцевъ Запада Сибири“ Вып. XIV СПб. 1892 г. 343 стр.

†*) Кауфманъ „Общинные порядки etc“ 120 стр.

†**) Сообщилъ учитель А. П. Тотъмевинновъ.

†***) С. П. Швецовъ: „Горный Алтай и его населеніе“. Томъ III, вып. I, Барнаулъ. 1900 г. 54 стр.

Таковъ порядокъ, напримѣръ, въ Туяктѣ, Ангудаѣ, Хабаровкѣ, Юстикѣ, Абаѣ, Тюдралѣ.

Захватное пользованіе сѣнокосами въ наиболѣе чистомъ видѣ наблюдается у кочевыхъ и осѣдлыхъ инородцевъ горнаго Алтая; оно чрезвычайно распространено по всему Алтаю и состоитъ въ томъ, что каждый алтаецъ имѣетъ право захватить въ свое пользованіе пзвѣстный участокъ, огородить его, очистить отъ лѣса, оросить и пользоваться имъ пожизненно, передавая изъ поколѣнія въ поколѣніе; однако, если онъ перестанетъ пользоваться этимъ участкомъ, что свидѣтельствуется фактъ разрушенія естожья, то въ большинствѣ случаевъ предоставляется право другимъ членамъ рода занять его въ свое пользованіе. Здѣсь тоже, какъ и въ общинахъ Оль-Чулымской тайги, право на пожизненное пользованіе сѣнокосомъ пріобрѣтается трудомъ, затраченнымъ на расчистку, городьбу или орошеніе угодья. Параллельно съ чисто захватными формами, у кочевниковъ горнаго Алтая можно наблюдать всѣ переходныя формы пользованія сѣнокосами: отъ вольнаго до душевого *). Такимъ образомъ, мы видимъ, что эта наиболѣе первобытная форма пользованія сѣнокосными угодьями распространена только въ рѣдко населенной сѣверной части губерніи, на границѣ киргизскихъ степей и въ горномъ Алтаѣ. При этомъ надо добавить, что, навѣрное, со времени изслѣдованія Кауфмана и Швецова и въ описанныхъ раіонахъ область распространенія заимочнаго пользованія сократилась еще болѣе, потому что во многихъ селеніяхъ уже въ моментъ изслѣдованія замѣчалось стремленіе къ переходу отъ этой формы къ другимъ, высшимъ.

Уже раньше мы замѣтили, что заимочная форма пользованія всѣми сѣнокосными угодьями сохранилась только въ немногихъ селеніяхъ, въ большинствѣ же описанныхъ выше селеній—только для нѣкоторыхъ сѣнокосныхъ угодій, другія же находятся въ вольномъ или душевомъ пользованіи. Такимъ образомъ, эта смѣшанная форма пользованія лугами является переходной стадіей, знаменующей окончательное исчезновеніе захватнаго пользованія для всѣхъ сѣнокосныхъ угодій.

*), Ibid. Приложение в 141 стр., 213—215 стр.

Укажемъ примѣры другихъ переходныхъ формъ пользованія лугами. Въ селеніяхъ Колмогоровой, Заимкѣ, Писаной, Миничевой, Морковкиной и Власковой, Тутальской вол. Томскаго уѣзда каждому предоставляется право закашивать, гдѣ угодно, но захваченный участокъ остается за захватившимъ его только въ томъ случаѣ, если онъ его самъ расчистилъ и поддерживаетъ отъ заростанія лѣсною порослью изъ году въ годъ; право захватить его участокъ остается за другими членами общины, но рѣдко прилагается, вѣдѣствіе обилія сѣнокосныхъ угодій *).

Въ д. Еловкѣ, Тутальской волости, каждому новому домохозяину община указываетъ мѣсто, гдѣ можетъ быть произведенъ захватъ сѣнокоса. Въ д. Батуриной, Уртамской вол. расчищенные сѣнокосы остаются 5—6 лѣтъ въ пользованіи того, кто затратилъ на нихъ свой трудъ, а затѣмъ передѣляются. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Тутальской волости срокъ захватнаго пользованія сократился до одного года и такимъ образомъ перешелъ въ вольное пользованіе **).

Въ д. Ачѣ сѣнокосы подѣлены „какъ старики раздѣлили“, а теперь производится только поравненіе ихъ на молодыя души; частные отрѣзы и передача пайковъ производится ежегодно. Въ д. Кійской, Кусьмени, Сурковой и Кусковой покосы подѣлены „спокономъ вѣку“, передвижка же происходитъ ежегодно. Поэтому получается то, что *пайки неравные*— у богатыхъ больше и лучше, чѣмъ у среднихъ и бѣдныхъ хозяевъ. Такой же порядокъ наблюдается въ Мальцевой, Лукиной, Пашковой, Косогоровой, Манойловской, Мѣлковой и въ большинствѣ другихъ селеній Тутальской, Кайлинской, Ояшинской и частью Чаусской волостей ***). Не смотря на кажущееся сходство съ душевымъ пользованіемъ, такая паевая форма все-же относится къ измѣненной захватной, потому что здѣсь нѣтъ основъ душевого пользованія—полной уравнительности. Эта форма пользованія ведетъ непосредственно отъ заимочной къ душевой: послѣ долгихъ отрѣзовъ пай уравниваются, а затѣмъ можетъ наступить и настоящій передѣлъ угодій, знаменующій душевое пользованіе.

*) Швецовъ и Юхневъ. Цитир. соч. 180—181 стр.

**) Ibid. 184 стр.

***) Ibid. 186—187 стр.

Совершенно такое-же пользованіе сѣнокосами въ Нарымскомъ краѣ—въ с. Парабельскомъ, Ново-Ильинскомъ, Кетскомъ, Тогурѣ и друг. *).

Въ с. Иныргѣ въ горномъ Алтайѣ производится отводъ участка новымъ поселенцамъ. Въ Паспаулѣ, если нѣтъ выморочнаго или брошеннаго участка сѣнокоса, для новыхъ членовъ общины образуютъ участокъ изъ отрѣзковъ у тѣхъ владѣльцевъ, которые имѣютъ много сѣнокосовъ или мало скота, но это дѣлается временно, до тѣхъ поръ, пока новый членъ общины не произведетъ самъ расчистку сѣнокоса, и тогда отдѣленный ему участокъ снова отбирается къ прежнему хозяину. Въ с. Кебезени молодымъ хозяйствамъ передаются участки „убылыхъ душъ“ **).

Эти переходныя формы пользованія сѣнокосами среди Алтайскихъ инородцевъ вполне схожи съ сейчасъ описанными формами, наблюдавшимися у русскихъ на сѣверѣ губерніи: это указываетъ на то, что эти формы складываются не подъ вліяніемъ бытовыхъ и этнографическихъ особенностей населенія, а исключительно подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ—земельнаго простора или тѣноты.

Наконецъ, у Алтайцевъ есть еще переходныя къ душевому и вольному формы пользованія сѣнокосомъ, тоже отмѣченныя нами выше для Томскаго и Мариинскаго уѣздовъ—паевая и смѣшанная. Паявое пользованіе это—тоже захватное,—паяемъ пользуется пожизненно тотъ, кто его захватилъ ранѣе, но сплошь и рядомъ здѣсь производятся уравнивающіе прирѣзки и отрѣзки паяевъ (с. Александровское, Аносъ, Аюль, Чемаль).

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (напр., Манжеронѣ, Александровкѣ, Чепашѣ, Бешнелтырѣ, В. Куналырѣ, Сіультѣ и друг.) ближайшіе наиболее цѣнные покосы находятся въ заимочномъ паявомъ пользованіи, а дальніе—въ вольномъ ***).

*) Курскій: „Изъ Нарымскаго края“ Нов. Слов. 1896 г. № 6.

***) Швецовъ: „Горный Алтай“ 216 стр.

***) Ibidem. 216—217 стр. С. П. Швецовъ въ „Горномъ Алтайѣ“ называетъ захватнымъ пользованіемъ то, которое мы называемъ по вышеуказанной терминологіи вольнымъ, а личнымъ, подворнымъ и вольнымъ—то, что мы называемъ захватнымъ; онъ ошибается въ порядкѣ смѣны ихъ. Разъясненіе находимъ въ указанныхъ Кауфманомъ примѣрахъ.

Слѣдовательно, мы видимъ слѣдующія переходныя формы пользованія сѣнокосными угодьями: 1) отводъ общинной заимочнаго мѣста, 2) паевое пользованіе разъ захваченнымъ „паемъ“ съ примѣненіемъ отрѣзокъ и мѣны (такъ называемый регулируемый захватъ), 3) захватный совмѣстно съ вольнымъ и душевымъ для извѣстной части угодій, 4) захватный, ограниченный определеннымъ срокомъ пользованія отъ 1 года до 10 и болѣе лѣтъ. — Такая переходныя формы, очевидно, носятъ временный характеръ: причины, вызвавшія ихъ появленіе, дѣйствуютъ все время и влекутъ за собою въ скоромъ времени ихъ дальнѣйшее измѣненіе въ высшія формы.

Вольное пользованіе сѣнокосными угодьями является второю, хотя и не неизбѣжною стадіей развитія пользованія сѣнокосами. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ замѣчается непосредственный переходъ отъ захватнаго пользованія къ душевому.

Вольное пользованіе сѣнокосомъ распространяется на всѣхъ членовъ общины, независимо отъ ихъ участія въ платежѣ повинностей опредѣляется болѣе или менѣе короткимъ срокомъ, почему уже является высшею ступенью въ системѣ землепользованія: здѣсь каждый годъ приходится заново захватывать угодья и нельзя закосить произвольно большой участокъ, потому что право на выкашиваемое мѣсто все время остается за всѣми членами общества. Такая форма пользованія сѣнокосными угодьями распространена во многихъ мѣстностяхъ губерніи, имѣющихъ луга въ достаточно обильномъ количествѣ, но всюду она быстро отступаетъ передъ новой, болѣе справедливой формой уравнительнаго душевого пользованія.

По Кауфману, вольное сѣнокосеніе имѣло мѣсто въ д. д. Рыбаловой и Карбышевой Нелюбинской волости Томскаго уѣзда для всѣхъ сѣнокосныхъ мѣстъ, въ д. Березкиной, Нижне Семеновой, Быкозой, Коломиной, Иглаковой и Бѣлобородовой Нелюбинской-же волости — по отношенію къ самымъ дальнимъ урочищамъ, въ с. Спасскомъ Спасской волости Томскаго уѣзда для еланыхъ и дубровныхъ покосовъ, въ д. д. Лязгиной и Бражкиной Семилужной волости того же уѣзда, во всѣхъ при-Яйскихъ и при-Чулымскихъ селеніяхъ Ишимской волости, въ д. д. Цыгановой, Тавлинской, Окунѣ, с. Зырянскомъ и Красноярскомъ и другихъ селеніяхъ Зырянской волости Мариинскаго уѣзда, въ д. д.

Благовѣщенской, Тенгулахъ, Антибесскомъ, Сусловѣ, Тяжинской и Примѣткиной Баймской волости того-же уѣзда, въ д. Бекетѣ, с.с. Средне и Нижне-Почитанскомъ, с. Ижморскомъ и друг. селеніяхъ Почитанской волости того-же уѣзда *).

Вольное пользованіе сѣнокосами указывается г. г. Швецовымъ и Юхневымъ въ цитированномъ нами сочиненіи для нѣкоторыхъ селеній Тутальской, Уртамской и Ояшинской волостей. Въ с. Сосновомъ Острогѣ, Килиной и Константиновой степные покосы находятся въ вольномъ пользованіи, а луга подѣлены по душамъ (196 стр.).

Вольное пользованіе сѣнокосами отмѣчается въ селеніяхъ: Усть-Алейскомъ Барнаульской волости и уѣзда **), Кутсбой, Саранзонъ, Ивановка, Верхъ-Пьянкова Сростинской волости Бійскаго уѣзда, Вятскій поселокъ, Загаднова Уксунайской волости Кузнецкаго уѣзда, Лютаевка, Матвѣевка, Медвѣдка и Верхъ-Солоновка Сычевской волости Бійскаго уѣзда ***) , въ Верхъ Бухтарминской и Убинской волостяхъ Змѣиногорскаго уѣзда †), во многихъ мѣстностяхъ горнаго Алтая, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ степныхъ волостей Барнаульскаго и Змѣиногорскаго уѣздовъ (напримѣръ, въ при-Алейскихъ селеніяхъ), кое-гдѣ въ Канинскомъ уѣздѣ, въ юго-восточной части Маріинскаго уѣзда, за исключеніемъ немногихъ селеній †*). Въ пос. Ивановскомъ Алчедатской волости Маріинскаго уѣзда косятъ, гдѣ кто хочетъ, не стѣсняясь чужими остожьями и прежними „занятіями“. Въ пос. Святославскомъ Почитанской волости того-же уѣзда косятъ вольно, безъ права захвата на нѣсколько лѣтъ: „каждый годъ ѣдутъ, куда кому охота“ †**).

В. Солдатовъ.

(Продолженіе будетъ).

*) Кауфманъ: „Общинные порядки“ etc. 117—121 стр. Въ настоящее время большинство волостей Маріинскаго уѣзда раздѣлено; мы придерживаемся здѣсь стараго раздѣленія на волости.

**) „Матеріалы по изслѣдованію крестьянскаго и ивородческаго хозяйства. Барнаульская волость Бійскаго уѣзда“. Барнаулъ 1898 г.

***) Шведовъ: „Матеріалы по изслѣдованію мѣстъ водворенія переселенцевъ въ Алтайскомъ округѣ“. Вып. II, Алт. Сбор. Т. IV вып. II, Барнаулъ 1899 г.

†) Голубевъ: „Алтай“ Томскъ 1890 г. 39 стр.

†*) Соколовъ: „Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ и ивородцевъ юго-восточной части Маріинскаго округа („Матеріалы“ etc вып. XIX) С.-Петербургъ 1893 г. 60—61 стр.

†**) Кауфманъ: „Хозяйственное положеніе переселенцевъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи. Томъ I, часть I, 187 и 224 стр.

Материалы для истории города Красноярска.

Красноярское городское общественное управление.

(Окончаніе, — см. кн. 7-я текущего года).

Расходы города по обеспеченію народнаго здравія выражались въ суммѣ 4169 р. 3 к., а именно: на содержаніе лечебницы 1010 р., повивальной бабки 24 р., оспопрививателя 120 р., ветеринарнаго врача и фельдшера 1020 рублей, санитарной станціи 39 р. 55 к., санитарныхъ объѣздчиковъ и отваленныхъ 1332 р. 15 к., санитарнаго врача 450 руб.; на расходы по предупрежденію и прекращенію эпидемическихъ болѣзней 173 р. 33 к.

Изъ этого перечня расходовъ видно, что санитарнаго надзора въ г. Красноярскѣ въ дѣйствительности въ 1898 году не существовало, такъ какъ на содержаніе санитарной станціи было употреблено всего 39 р. 55 коп., тогда какъ на дармовцовъ, объѣздчиковъ и отвалныхъ было издержано 1332 р. 15 коп. и вопросъ о преобразованіи санитарной части быть и остался на точкѣ замерзанія.

Городская лечебница для приходящихъ больныхъ была открыта в теченіи 1898 года для приѣма больныхъ 282 дня; по праздникамъ приѣма больныхъ не производилось; число принятыхъ больныхъ достигло 6982, сдѣлавшихъ 11444 повторныхъ посѣщеній.

Изъ общаго числа больныхъ, посѣтившихъ лечебницу, было городскихъ жителей 5673 и иногородныхъ 1309; изъ нихъ мужчинъ 2901, женщинъ 2922 и дѣтей 1159. Изъ аптеки лечебницы отпущено было лекарствъ по 16797 рецептамъ. На содержаніе лечебницы было израсходовано 3700 рублей 11 коп.; стоимость леченія больного обошлась въ 53 копѣйки, а каждое посѣщеніе больного съ выдачею ему лекарства 19 копѣекъ.

Оспопрививаніе дѣтямъ производилось бесплатно; было привито 591 человекъ.

Быль одно время благожелательный проектъ устроить для „меньшаго“ брата бесплатную купальню, но вмѣсто этого приступили къ устройству платной, на что израсходовано было, какъ мы уже выше упоминали, 678 р. 42 к., а получено за сезонъ съ купальщиковъ 668 рублей 89 копѣекъ.

Состояніе здоровья городского обывательскаго скота въ 1898 году было удовлетворительно, хотя и были появленія заболѣванія ящуромъ, но въ единичныхъ случаяхъ.

Цѣля общественнаго призрѣнія преслѣдуетъ богадѣльня Т. И. Щеголевой, открытая 5 октября 1875 года.

Капиталь богадѣльни на 1 января 1898 года состоялъ изъ неприкосновеннаго 118200 рублей, изъ которыхъ 75 тысячъ были внесены учредительницею Татьяной Ивановной при основаніи богадѣльни, и 20 тысячъ ея душеприказчиками въ исполненіе духовнаго завѣщанія; 4500 рублей внесены сыновьями учредительницы, 5 тысячъ рублей перечислены по постановленію Городской Думы 2 мая 1883 года изъ запаснаго капитала, 5 тысячъ рублей пожертвованы потомственною почетною гражданкой Л. С. Токаревой и 8700 рублей получены отъ конверсіи 5⁰/₀ въ 1891—1894 г. г; запаснаго 5822 р. 14 к.; расходнаго 744 р. 28 к. а всего 124766 р. 42 к.; богадѣльня содержится на ⁰/₀ съ пожертвованныхъ суммъ; въ 1898 году богадѣльня имѣла прихода: ⁰/₀⁰/₀ съ капитала 5015 р. 26 к.; платы за содержаніе своекоштныхъ пансіонеровъ 162 р. 51 к., пособіе отъ казны за содержаніе ссыльнаго Иванова 19 р. 11 коп., другихъ разныхъ доходовъ 9 р. 31 коп.

Призрѣвалось въ богадѣльнѣ въ 1898 году мужчинъ 19 человекъ, женщинъ 42, всего 61; содержаніе каждаго въ годъ обошлось 75 р. 83¹/₂ коп., а исключительно пищею 23 руб. 47¹/₄ коп.

Капиталь богадѣльни къ 1 января 1899 года составлялъ 124592 р. 33 копѣйки.

Сиропитательный домъ Т. И. Щеголевой, открытый 15 марта 1894 года, имѣлъ на 1 января 1898 года неприкосновеннаго капитала имени жертвовательницы ⁰/₀ бумагами 90500 рублей, стипендія Молотилана 3700 рублей, запаснаго капитала ⁰/₀ бумагами 6084 р. 3 коп., матеріаловъ для одежды и бѣлья 38 р. 87 к., имущества недвижимаго 12587 р., движимаго 2571 р. 94¹/₂ коп., припасовъ 51 р. 43 к., долгу за руководѣльнымъ капиталомъ 97 р. 14 к.; всего 115630 р. 41¹/₂ коп.

Приходъ выражался слѣдующими цифрами: ⁰/₀ на запасный капиталъ 237 р. 70 к. ⁰/₀ на неприкосновенный капиталъ 3764 руб. 25 к., причислено было въ неприкосновенный капиталъ прибыли отъ обмѣна билетовъ 100 р., случайныхъ доходовъ 6 р.

14 к., пожертвовано было Никулиной въ неприкосновенный капиталъ 200 рублей, $\frac{0}{100}$ на этотъ капиталъ 22 р. 53 коп.

На 1 января 1899 года денежный и имущественный капиталъ равнялся 115759 р. 98 $\frac{1}{2}$ коп., а за исключеніемъ долга 115 428 руб. 54 коп.

Воспитаницъ, призрѣвавшихся въ 1898 году въ сиропитательномъ домѣ, было 27, которыя по возрасту распредѣлялись такъ: 17 лѣтъ 1, 16—3, 15—7, 14—2, 13—1, 12—2, 11—4, 9—1, 8—1, 5—1, по сословіямъ; дворянъ 1, мѣщанъ 16, военнаго званія 4, ссыльныхъ 6; всѣ вѣроисповѣданія православнаго.

Съ 15 марта 1895 года при сиропитательномъ домѣ открыта одноклассная начальная школа; дѣти обучаются рукодѣлію и приучались къ веденію хозяйства во всѣхъ видахъ.

Содержаніе каждой воспитанницы въ годъ обошлось 139 рублей 80 к., а исключительно пищей 37 р. 67 $\frac{1}{2}$ коп. Въ концѣ 1898 года была открыта народная чайная.

Въ цѣляхъ облегченія кредита для нуждающейся части городского населенія функционировалъ общественный ломбардъ.

Основной капиталъ ломбарда на 1 января 1898 года равнялся 20242 р. 1 к.; чистой прибыли отъ операціи 1898 года поступило 2550 р. 73 копейки.

Въ 1898 году на средства города и общества попеченія о начальномъ образованіи содержалось 8 начальныхъ училищъ; изъ нихъ исключительно на средства города 1, 2, 3 училища, 4-е же, 7 5 и 8 совместно съ обществомъ попеченія о начальномъ образованіи а 6 исключительно на средства этого послѣдняго; кромѣ того, съ ноября 1898 года было открыто на средства города 9 народное училище.

Изъ средствъ города было употреблено на эти училища 6768 рублей. Всѣхъ учащихся во всѣхъ 8 училищахъ къ 1 января 1899 года состояло 467 человекъ.

По училищамъ они распредѣлялись такъ: въ 1—60, во 2—76, 3—82, 4—54, 5—46, 6—61, 7—46, 8—42; изъ нихъ по вѣроисповѣданіямъ было: православныхъ 448, римскихъ католиковъ 4, лютеранъ 1, евреевъ 13, магометанъ 1; по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ 13, духовнаго званія 5, купцовъ и мѣщанъ 365, военнаго званія 16, крестьянъ 58, поселенцевъ 9.

Во всѣхъ 9 училищахъ состояло преподавателей: законоучителей 1, преподавателей 4, преподавательницъ 2.

Окончило курсъ и получили свидѣтельства на льготу по воинской повинности 52.

Какъ видно изъ перечня постановленій, въ городской думѣ разговаривали на тему о необходимости организаціи врачебно-санитарнаго надзора въ низшихъ школахъ г. Красноярска (засѣданіе 19—20 мая 1898 г.).

Училища помѣщались: 1 и 2 въ собственныхъ зданіяхъ, 3, 4, 5, 6 и 9 въ наемныхъ, 7 въ помѣщеніи 1 училища и 8 въ помѣщеніи 6-го училища; занятія въ послѣднихъ двухъ бывали по окончаніи классовъ занимаемыхъ ими училищъ.

При училищахъ по избранію городской думы, состояли почетные блюстители; внесено было ими на нужды училищъ 870 р. и, кромѣ того, многимъ бѣднымъ учащимся оказана была ими помощь, въ видѣ покупки обуви, платья и учебныхъ книгъ.

Въ библіотекахъ училищъ состояло руководство и книгъ для преподавателей 476 названій въ 904 томахъ на сумму 778 р. 27 к.; книгъ для чтенія 1900 названій, въ 2215 томахъ на сумму 1140 руб. 57 к.; разныхъ пособій 526 названій на сумму 506 р. 45 коп.

Въ теченіе 1898 года было приобрѣтено всѣхъ учебныхъ пособій и книгъ на сумму 100 р. 49 к.; обученіе каждаго ученика обошлось въ 27 р. 88 к.

Кромѣ этихъ училищъ, городомъ выдавалось пособіе на содержаніе городского трехкласснаго училища 1390 р., женской гимназіи 1500 рублей.

Ремесленное училище Т. И. Щеголевой, открытое 18 іюня 1874 года, располагало денежными средствами: неприкосновеннаго капитала 91500 руб., изъ нихъ 80 тысячъ были внесены учредительницей при основаніи училища, 4 тысячи рублей сыновьями ея на содержаніе двухъ воспитанниковъ имени И. С. Щеголева, 540 рублей причисленно было къ фонду разныхъ пожертвованій и 6969 рублей получены были отъ конверсіи 5% билетовъ; запаснаго 5600 рублей, расходнаго 190 р. 38 коп. Училище содержалось на проценты съ пожертвованныхъ суммъ и на деньги, получавшіяся за работы и издѣлія по заказамъ.

Въ 1898 году училище имѣло приходу: $\frac{0}{100}$ съ капитала 3759 р. 59 коп., за содержаніе пансіонеровъ 515 р., съ приходящихъ учениковъ 180 р., за работу по заказамъ 2367 р. 39 коп. и другихъ разныхъ доходовъ: всего 7532 р. 79 коп.

Въ училищѣ было учениковъ: пансіонеровъ бесплатныхъ 12, платныхъ 5, полупансіонеровъ платныхъ 1, приходящихъ бесплатныхъ 8, платныхъ 8, всего 44.

Содержаніе каждаго обошлось въ годъ 107 р. 63 к., а пансіонера 188 руб. 60 к.

Капиталь училища кт. 1 января 1899 года достигалъ 97103 рублей 49 копѣекъ.

Общественная публичная библіотека содержалась на средства города, а бесплатная читальня, 2 воскресныхъ женскихъ и 2 мужскихъ школъ содержались на средства общества попеченія о начальномъ образованіи.

Музей былъ открытъ 12 февраля 1889 года.

Къ 1 января 1899 года музей имѣлъ предметовъ по отдѣламъ естественно-историческому 6818, археологическому 2882, нумизматическому 1084, сельско хозяйственному 562, этнографическому съ антропологическимъ 798, промышленному 444, всего 12618.

Музей открытъ былъ для обозрѣнія по воскреснымъ, праздничнымъ и табельнымъ днямъ съ 12 до 3 часовъ; а при случайныхъ посѣщеніяхъ и въ назначенныхъ дней.

Въ году музей былъ открытъ 115 дней, всѣхъ посѣтителей за это время перебивало 2478 человекъ, изъ нихъ 949 муж., 824 женщинъ, 421 мальч. и 284 дѣвочки.

На содержаніе пожарной части городомъ было израсходовано 11608 р. 37 к., стоимость машинъ и прочаго имущества пожарнаго обоза опредѣлилась въ 7796 руб. 55 к., при обозѣ состояло 30 лошадей и 30 служителей, которые были раздѣлены на 2 отдѣла и помѣщались при 1 и 2 полицейскихъ частяхъ. Въ Красноярскѣ водопроводовъ нѣтъ; общественныхъ колодцевъ 4.

Для усиленія доставки воды на пожары водовозы обязаны доставлять воду; причѣмъ имъ уплачивалось за каждую доставленную бочку по 20 коп. и сверхъ того за первую бочку 1 р. 50 к., вторую 1 рубль и за третью столько же, что и за вторую.

Всего такого расхода было произведено въ 1898 году 304 р. 20 к. Въ 1898 году было 20 пожаровъ; причины пожаровъ

были не выяснены; въ большинствѣ случаевъ они были приписаны неосторожности.

Видное мѣсто въ отчетѣ занимаетъ „конфликтъ“ по поводу прихода-расходной смѣты на 1898 годъ.

Городское Управленіе не приложило къ смѣтамъ, напримѣръ, общихъ свѣдѣній объ активѣ и состояніи городского хозяйства ко времени составленія росписи и подробныхъ свѣдѣній о предстоявшихъ по 1 января 1898 года смѣтныхъ расходахъ, о благонадежныхъ недоимкахъ и долгахъ, неоправданныхъ авансахъ, общей стоимости движимаго имущества, о недвижимомъ имуществѣ, о долгахъ за городомъ и о суммахъ, поступившихъ къ зачету по 1898 годъ. Не приложено было также расчетовъ о предположенныхъ оборотахъ кассоваго фонда въ 1898 году и о томъ, достаточно-ли расходъ обеспечивается кассовымъ фондомъ по мѣсяцамъ этого года и не требуется-ли временное, до поступленія доходовъ, позаимствованіе.

Въ смѣтѣ спеціальныхъ капиталовъ не имѣлось свѣдѣній о партикулярныхъ или переходящихъ суммахъ, о залогахъ, обеспеченіяхъ и проч.

Нигдѣ не упоминалось объ имущественныхъ заготовленіяхъ и запасахъ матеріаловъ на надобности 1899 года и о предстоявшихъ въ 1898 году зачетныхъ заготовленіяхъ; запасовъ и денежныхъ задаткахъ, выданномъ впередъ жалованья и проч.

Ни слова не было сказано объ источникахъ и средствахъ фонда на производство въ теченіе льготнаго срока 1898 года (до апрѣля) предстоявшихъ расходовъ изъ кредита смѣты 1897 года. Если исчисленные по смѣтѣ доходы 110,743 р. 38 к. представляли изъ себя все ожидаемое поступленіе недоимокъ, оклада, къ зачету и пени въ городскую кассу съ 1 января 1898 года по 1 января 1899 года, то слѣдовало объяснить, изъ какого кассоваго фонда будутъ произведены расходы въ теченіе льготнаго срока 1898 года въ счетъ кредитовъ смѣты 1897 года.

Замѣчено было разнообразіе въ цѣнахъ на одни и тѣ-же предметы пищевого довольствія и другіе, по смѣтамъ общей городской и спеціальныхъ учрежденій.

Если принять во вниманіе постановленія Думы, состоявшіяся по докладу Городской Управы объ имуществѣ и матеріалахъ, запасахъ, принятыхъ отъ прежняго состава исполнительнаго орга-

на, а также и данные ревизіи, какъ городской, такъ и правительственной, то оказывалось, что городское хозяйство могло быть охарактеризовано только одними отрицательными сторонами.

Было предложено исправить смѣты согласно сдѣланныхъ замѣчаній.

Ссылаясь на то, что требованіе дополнительныхъ данныхъ не установлено ни инструкціей, ни формами смѣтъ, кстати сказать и полученныхъ-то не особенно давно, что разнообразіе въ пѣнахъ есть результатъ мѣстныхъ условій—Городская Дума „нарировала“ въ своей жалобѣ тѣмъ самымъ главнымъ аргументомъ, что присутствіе должно было само исправить смѣту, а не предлагать сдѣлать это Думѣ.

За несоблюденіемъ такимъ образомъ статьи 14 правилъ о составленіи, разсмотрѣніи и исполненіи городскихъ смѣтъ постановленіе Городского Присутствія было отмѣнено Сенатомъ, взглянувшимъ на это дѣло, какъ и всегда, съ одной только формальной стороны, въ предѣлахъ возникшаго факта.

Со времени отчета о дѣятельности Городской Управы прошло слишкомъ пять лѣтъ, и вотъ каковы оказались дальнѣйшіе результаты Городского „хозяйства“.

Внося смѣту на 1904 годъ въ думу, Городская Управа доложила, что доходы города, „не смотря на широкое, можно сказать, преувеличенное назначеніе по нѣкоторымъ статьямъ“, опредѣлились въ суммѣ 164899 р., тогда какъ расходоу Управа насчитала 217548 р., т. е. болѣе, чѣмъ ожидается доходовъ, на 52649 рублей.

Прибавивъ къ суммѣ дохода 1650 рублей изъ прибылей городского ломбарда и 5999 рублей изъ капитала народныхъ училищъ, Городская Управа констатировала, что дефицитъ все-таки-же выразится въ суммѣ 45 тысячъ рублей.

Техническихъ смѣтъ на строительныя и другія необходимыя работы, въ большей ихъ части предназначенныя Думой,—было внесено въ смѣту на 48758 р. 42 коп., а за исключеніемъ исчисленныхъ на перестройку „зданія старой управы“ для городского 4-хъ класснаго училища и покрываемыхъ за счетъ спеціальнаго источника (капиталъ народныхъ училищъ), все-же оставалось расходоу по техническимъ смѣтамъ на 42759 рублей.

Такимъ образомъ, полагала управа, если расходную смѣту сократить на 45 тысячъ рублей, то не только не представится возможность оставить въ ней хотя какую нибудь часть изъ предположенныхъ расходовъ по техническимъ смѣтамъ, а еще необходимо исключить изъ смѣты текущихъ расходовъ 2241 руб.

При такихъ условіяхъ Городская Управа, „будучи поставлена въ безвыходное положеніе при рѣшеніи вопроса, какія работы оставить въ смѣтѣ и какія исключить“, внесла всѣ работы, а для пополненія вызываемаго этимъ дефицита зачислила въ смѣту доходовъ 45000 рублей, „предполагаемую сумму займа отъ частныхъ лицъ, съ чѣмъ дума, однако, не согласилась“.

На сколько нѣкоторыя изъ предположенныхъ по техническимъ смѣтамъ работъ являлись и являются въ высшей степени необходимыми и неотложными, это видно изъ составленнаго Городской Управой подробнаго „перечня работъ по техническимъ смѣтамъ“, по которому можно получить довольно полное представленіе о благоустройствѣ и хозяйствѣ города.

Тутъ мы узнаемъ, на примѣръ, что зимніе экипажи пожарной команды „хранятся подъ открытымъ небомъ“ и ужъ, конечно „подвергаются порчѣ“, неизбежной при такомъ способѣ храненія.

Далѣе оказывается, что „находящійся противъ дома Васильева, по набережной, тротуаръ пришелъ въ такую ветхость, что по нему невозможно движеніе“.

„Деревянные обрубы пристаней (одна — бывшая Шаранова и вторая — Черепанова) угрожаютъ паденіемъ и разрушеніемъ самихъ пристаней“.

„Существующее деревянное крѣпленіе откосовъ на Яриловскомъ дворѣ пришло къ полному разрушенію и грозитъ обваломъ съ бортовъ земли“.

Домовладѣльцы квартала Воскресенской улицы между гимназическимъ и Покровскимъ переулками „возводили, большія зданія и земельныя выемки изъ подъ этихъ зданій „безпорядочно сваливали прямо на полотно улицы; вслѣдствіе чего бывшій до того времени естественный уклонъ по улицѣ для стока дождевыхъ водъ оказался прегражденнымъ.“

Въ свое время дѣйствія домовладѣльцевъ, „возводившихъ большія зданія, оставались какъ-то безъ всякаго вниманія“....

А теперь квартал по своей грязи и выбоинам „находится въ безобразномъ состояніи“...

Бывающая послѣ дождей грязь въ торговыхъ рядахъ на Новобазарной площади служитъ для жителей постояннымъ поводомъ къ обвиненію Городского Управленія въ недостаточномъ вниманіи къ благоустройству площади.

— „Обвиненія эти справедливы.“ — скромно заявляетъ Управа.

Новобазарная площадь—главный торговый центръ города.

Послѣ бывшихъ лѣтомъ 1903 года непрерывныхъ дождей, эта площадь, въ районѣ ежедневнаго торга, „была покрыта сплошнымъ озеромъ жидкой грязи, съ множествомъ выбоинъ отъ движенія публики, крестьяне вынуждены были свои продукты раскладывать на грязи, подвергая ихъ порчѣ, а публика бродила по колѣна въ этой грязи, награждая Городское Управленіе, получающее съ базарной площади почти $\frac{1}{4}$ часть своихъ доходовъ, вполне заслуженными упреками“.

Въ одномъ мѣстѣ на вокзальной площади, благодаря существующей котловинѣ, въ которой „постоянно стоитъ громадная лужа воды, какъ послѣ дождей, такъ и весною при таяніи снѣга“,—обыватели позволяютъ себѣ въ ночное время сваливать всякіе отбросы со своихъ дворовъ.

Столь симпатичное занятіе Городская Управа объясняетъ „излишнимъ усердіемъ поднять это мѣсто“ и намѣрена, со своей стороны, улучшить дѣло устройствомъ поглощающаго колодца.

Такихъ колодцевъ проектированъ цѣлый рядъ въ разныхъ пунктахъ города.

Деревянный заборъ на Шипилинскомъ взвозѣ, противъ дома, бывшаго Матвѣева, поддерживающій откосъ горы, „пришелъ въ полное разрушеніе и поэтому песчаный грунтъ, сползая съ горы на полотно взвоза, настолько съузиль послѣдній, что разъѣздъ въ этомъ мѣстѣ для двухъ экипажей затруднителенъ и опасенъ, въ особенности во время пожаровъ въ нижней части города (для полученія воды изъ рѣки Енисей)“.

По обрыву горы при соединеніи Большекачинской улицы съ Благовѣщенской на протяженіи 55 погонныхъ сажень (со стороны первой изъ названныхъ улицъ) нѣтъ никакого огражденія.

Между тѣмъ обрывъ этотъ, во первыхъ, достигаетъ вышиной до шести сажень, а во вторыхъ, улица въ этомъ мѣстѣ на

столько узва, что два экипажа едва могут здѣсь разъѣхаться.

Конечно, тутъ очень легко „возможны несчастные случаи“. „Раньше здѣсь существовали перила“, но они отъ времени сгнили и уничтожены.

Та-же самая непріятная исторія случилась и съ частью перилъ на обрывѣ къ рѣкѣ Енисею отъ шипилинскаго взвоза. Построенный въ 1888 году плашкоутъ на рѣкѣ Енисеѣ пришелъ въ такую ветхость, что „дальнѣйшее плаваніе на немъ, хотя бы въ теченіе только одного лѣта, становится очень опаснымъ“; доски на корпусахъ до того сгнили, что ремонтъ оказывается совершенно невозможнымъ: „нѣтъ ни одного прочнаго мѣста, куда-бы можно было забить гвоздь“.

Санитарный надзоръ предъявляетъ къ мясоторговцамъ на базарныхъ площадяхъ требованіе о соблюденіи установленныхъ Городской Думой обязательныхъ постановленій по санитарной части.

Между тѣмъ на новомъ базарѣ не имѣется достаточнаго количества лавокъ и столовъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые мясоторговцы, въ особенности крестьяне, вынуждены производить торговлю мясомъ съ телѣгъ, безъ всякаго прикрытія отъ снѣга, дождя и пыли.

Все это, конечно, только незначительная часть вошіющихъ „дефектовъ“ городского хозяйства и благоустройства, отмѣченныхъ самой Управой, а о сколькихъ она умолчала!

Наряду съ этимъ въ „балансѣ“ появились уже и сдѣланные долги: на основаніи постановленій думы, отъ 26 іюня и 18 сентября 1901 года, занято было въ общемъ сорокъ четыре тысячи рублей.

А. М. Серебrenниковъ.

Михаилъ Васильевичъ Загоскинъ,
(умеръ 11 сентября 1904 г.).
(Michel Zagoskin, très connu dans la littérature Sibérienne).
(† le 11/24 septembre 1904).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Отрывки изъ записной книжки.

1.

Въ поискахъ правды, въ борьбѣ съ предрасудками,
 Мысли быстрѣе воинственной конницы
 Страстно сшибаются.. Пѣснями, шутками,
 Смѣхомъ задорнымъ, любой беззаконницы
 Ихъ не прогонишь... Онѣ не минутками—
 Скажутся въ сердцѣ часами безсонницы,
 Страшными, жуткими ..

2.

На старыя рѣоны

Ты плачешь, малютка?— Хорошія слезы:
 Гдѣ пасть суждено имъ— тамъ вырастутъ розы.
 Ты плачешь, голубка?— Напрасныя слезы:
 Имѣютъ шипы даже лучшія розы

3

Какъ-то стыдно мнѣ, если весна голубая
 Прoberется къ окну моему,
 Золотыми лучами мнѣ щедро кидая..:
 Почему?

Мы напуганы жизнью и счастья боимся,
 И на ощупь подходимъ къ нему,
 И не вѣримъ въ него и чего-то стыдимся..
 Почему?

4.

Есть въ душѣ у меня свой особенный храмъ
 И особые боги;
 Я предъ ними курю дорогой еиміамъ
 Въ этомъ дивномъ чертогѣ

Въ полусумракѣ нищѣ цѣлый рядъ колоннадъ
 Возвышается стройно...
 И напѣвы мои здѣсь тоскою звучатъ —
 Всѣ въ слезахъ, безокойно.
 Иногда на меня ниспускается страхъ
 Въ томъ молитвенномъ домѣ;
 Неожиданно онъ распадается въ прахъ
 Въ блескѣ молній и громѣ..
 И, рыдая, тогда упадаю я ницъ
 Предъ моими богами
 И являя плиты позабытыхъ гробницъ
 Орошаю слезами...
 Тщетно рвусь я найти въ бѣломъ мраморѣ плитъ
 Хоть подобье отвѣта:
 Все почившее здѣсь тайну смерти хранитъ
 И не слышитъ привѣта...

5.

Бываютъ страшныя минуты,
 Когда усилимъ однимъ, —
 Жестокъ, суровъ, непобѣдимъ, —
 Въ насъ дикій звѣрь срываетъ пути.
 О, этотъ мигъ! Онъ, какъ огнемъ,
 Спалитъ души самосознанье, —
 И пыткой долгаго страданья
 Онъ искупляется потомъ.
 Простятъ другіе- боль все та же:
 Ошибкой мучаешься ты...
 Слова такъ жалки такъ пусты,
 Когда они прощаютъ даже!

II.

Весной.

Подъ окномъ моимъ березы
 Шелестятъ,
 Подъ окномъ моимъ шумятъ
 Тополя..

Высыхаютъ въ сердцѣ слезы,
Я воскресъ. .

Все зоветъ и манитъ въ лѣсъ,
На поля.

Прочь туда изъ душевной кельи,
Гдѣ рѣка

Отражаетъ облака
На волнѣ,

Гдѣ ведетъ на новосельи
Птичій хоръ

Шумный бойкій разговоръ
О веснѣ!

Аромата ранней розы
Я хочу;

Быстрой мыслью я лечу
На поля...

Подъ окномъ моимъ березы
Шелестятъ,

Подъ окномъ моимъ шумятъ
Тополя...

Въ зеленѣющемъ просторѣ
Пѣсня дня

Убаюкаетъ меня,
Вдохновитъ;

Жизнь широкая, какъ море,
Какъ мечта, —

Въ дикомъ полѣ разлита
И кипитъ.

Надо смѣло глупой прозы
Скинуть цѣпь,

И бѣжать, и мчаться въ степь,
На поля...

Подъ окномъ моимъ березы
Шелестятъ,

Подъ окномъ моимъ шумятъ
Тополя...

III

Сонетъ.

Плачь, — отцвѣтають душистыя розы,
 Плачь, — догораетъ лучистый закатъ...
 Въ сердцѣ — обидныя, горькія слезы,
 Боль незабвенныхъ и грустныхъ утратъ.
 Плачь! Въ полуснѣ задремали березы,
 Смолкъ въ тишинѣ опечаленный садъ..
 Есть у души непонятныя грезы,
 Но притаились онѣ и молчатъ.

Вѣтеръ въ кустахъ засыпаетъ лѣнливо...
 Нѣтъ ни въ природѣ, ни въ сердцѣ порыва,
 Похолодѣла бурливая кровь...
 Гдѣ наша вѣра и наша отвага?..
 Плачь! потеряли мы лучшее благо...
 Плачь, — мы съ тобой потеряли любовь!

П. Блиновскій.

Соловьиная пѣсня.

(Продолженіе, — см. кн 7—8 тек. года)

Послѣ свадьбы жизнь потекла по новому руслу и стала сложнѣе. Она по прежнему участвовала въ спектакляхъ, концертахъ, воскресныхъ школахъ и въ разныхъ чтеніяхъ и пр. Дома „на новомъ“ пьянино занималась музыкой, читала и помогала мужу въ канцеляріи. Кромѣ того, въ голову Владимира Ивановича засѣла идея: fixe „подготовить“ жену на какіе-то курсы, поэтому они часто по вечерамъ еще „занимались“. Зинаида Павловна отдыхала только тогда, когда спала, — но утомленія не чувствовала, а была всегда весела, привѣтлива и жизнерадостна.

Только въ ея душу стали закрадываться сомнѣнья въ продуктивность ихъ ученыхъ занятій:

— Послушай, Володя, — заговорила она, однажды: — я не понимаю цѣли нашихъ занятій. Можетъ, другое что надо?..

— Полно, Зиночка! Не говори мнѣ глупостей: надо все знать... Знанія необходимы каждому образованному челоуѣку.

— Совершенно вѣрно!—согласилась она.—Только я не понимаю, къ чему, напр., римское право мнѣ? Да и, вообще, классицизмъ мнѣ еще въ гимназіи оскомину набилъ..

— Но вѣдь на этомъ-же все зиждется!..

— Я этого не думаю; классицизмъ въ свое время сослужилъ службу, а теперь жизнь выливается въ новыя формы, и онъ сталъ мертвымъ догматомъ для головастикиковъ. Наконецъ, и ученіе объ экономическомъ матеріалѣ и прочихъ мудростяхъ тоже наканунѣ крушенія: и опять потому, что жизнь предъявляетъ новые запросы, которые не укладываются въ старыя экономическія рамки ..

— Позволь, душа моя... По Бернштейну судить нельзя: чтобы судить о новой школѣ, надо знать старую. Наконецъ, насъ учили-же всему этому и дипломъ дали...

— „И многимъ мозги заколотила“,—подумала она, но не высказала своей мысли и продолжала:

— Но вѣдь я и не собираюсь вѣхать за дипломомъ!.. Для меня теперь только такая наука нужна, которая научитъ меня приносить пользу кому нибудь: непосредственно и въ настоящемъ только, а не въ отдаленномъ будущемъ. Я убью массу времени на то, что мы теперь изучаемъ, а жизнь, съ ея насущными запросами, за это время уйдетъ далеко. А потомъ ужъ и не догонишь ее... Давай-ка лучше заведемъ какіе нибудь опытные участки: попытаемся примѣнить къ дѣлу научныя данныя. Если сумѣемъ добиться положительныхъ результатовъ, покрайней мѣрѣ, будетъ что передать: наша деревня такъ забыта и ужасно отстала во всемъ!.. Вѣдь мы должны жить въ Сесеѣ: давай, милый, переѣдемъ туда!..

Приблизительно такъ все чаще и чаще стали кончаться ихъ ученныя занятія. Владимиру Ивановичу это не нравилось—хотя онъ во многомъ въ душѣ и согласенъ былъ съ женою. Но *idée fixe* для чего-то помѣстить жену на курсы въ Петербургѣ крѣпко сидѣла въ его головѣ. Однако, благодаря такимъ „конфликтамъ“, онъ охладѣлъ къ занятіямъ, и скоро онѣ совсѣмъ прекратились.

По службѣ у него много было работы, которая заключалась главнымъ образомъ въ мертвой и бессмысленной перепискѣ, со ссылкой на разные, и такіе же сухіе, циркуляры и предписанія, которые къ тому-же еще приходилось откапывать въ пыли архивовъ и изучать ихъ, чтобы выходило примѣнительно.. Къ довершенію всего, по службѣ стали возникать непріятности; стали получаться бумаги весьма непріятнаго характера, по которымъ „приходилось отписываться“; будто, какая-то невидимая рука была за его спиною и по своему направляла все его начинанія, и при томъ совсѣмъ въ обратную сторону..

Все эти мелкія непріятности и помѣхи неблагоприятно стали отражаться на немъ. Онъ сознавалъ, что все это глупо и мелко, но не все приходилось воспринимать и переживать: вся жизнь стала уходить на мелочи и по частямъ расходоваться на нихъ. По вѣщности Владимиръ Ивановичъ сталъ будто скучать и задумываться. Не зная настоящихъ причинъ, молодая жена приняла это на свой счетъ:

— Уже прелытился...— съ горечью говорила она себѣ. — Преждевременно растратилъ молодость и силы.. Все ушло раньше времени и ничего не осталось для семейныхъ радостей..

И это была правда, хотя не вполне: къ этому надо было еще прибавить служебную атмосферу и захолустную жизнь, безъ струи освѣжающихъ впечатлѣній. Правда, цвѣтокъ первой любви потерялъ прелесть новизны и не влечетъ къ себѣ съ прежней силой. Безъ бережи сорванный, онъ отчасти поблекнулъ, хотя и не утратилъ прежней красоты, но за то лишился прежняго одуряющаго аромата. Эгого аромата любви неудержимо влечетъ къ себѣ: она еще такъ недавно вдохнула его въ себя полной, здоровой грудью.. Она еще могла дышать имъ долго, до одуренія. Но Владимиръ Ивановичъ, давно вкусившій прелестей столичныхъ соблазновъ, уже охладѣлъ къ сорванному имъ цвѣтку любви, который въ его глазахъ уже утратилъ прелесть новизны. Хотя онъ по прежнему относился къ женѣ вполне доброжелательно, но былъ уже „не тотъ“..

Бывало, по цѣлымъ недѣлямъ они были, „какъ чужіе“, каждый на своей „половинѣ“. Если и завяжется между ними разговоръ, то дѣловой только, — а то и вовсе „не о чемъ говорить“. Если соберутся къ нимъ „радивалы“, то Владимиръ Ивановичъ,

поздоровавшись съ ними, уходитъ въ канцелярію, а то и вовсе не выйдетъ иногда къ нимъ.

Но вотъ вдругъ, будто, вихрь налетитъ на Владиміра Ивановича: онъ станетъ нѣжнымъ, ласковымъ и почти не отходитъ отъ жены. Доходитъ даже до того, что онъ начинаетъ упрекать ее, что она „не хочетъ“ съ нимъ „побыть“, что „не любитъ“ его и пр. Въ такіе моменты онъ весь перерожденъ и будто весь пылалъ огнемъ любви къ женѣ. Его настроеніе передовалось ей и, подхваченная этимъ любовнымъ вихремъ, она вмѣстѣ съ мужемъ неслась куда-то, не размышляя и не отдавая себѣ отчета ни въ чемъ. Наступало какое-то безумное время, проходящее только въ экстазѣ любви.

— Надо брать что дается... — смутно проносилось въ ея головѣ, такъ какъ все старанія втиснуть жизнь въ разумную колею были тщетны.

— И счастье-же послала мнѣ судьба въ лѣцѣ тебя, моя Зиночка! — говорилъ онъ въ такіе моменты женѣ, лаская ее и напѣвая:

„Расплеталъ, заплеталъ русу косыньку ей,

Цѣловалъ, миловалъ, въ очи ясны смотрѣлъ“...

Если она играла на піанино его любимый „Wagitt“, онъ упивался этими загадочными, то ласкающими, то льющими тихую, непонятную грусть звуками и, какъ зачарованный ими, готовъ былъ слушать игру жены сколько угодно. Эти не понятныя, но много говорящія звука были какъ бы родные его неопредѣленной натурѣ и не вылившейся въ опредѣленную форму душѣ. Казалось, въ такіе моменты, что счастьемъ не будетъ конца.

Но вихрь промчался, и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ наступала самая будничная проза. Тѣ-же сухіе и дѣловые разговоры: будто жизнь была такъ безцвѣтна, что ничего не могла дать для души. Владиміръ Ивановичъ становился молчаливъ и грустенъ: жаль было смотрѣть на него. Разъ какъ-то между ними завязался длинный разговоръ на тему о строеніи души и ея потребности; Зинаида Павловна, желая найти нить для объясненій его измѣнчивыхъ настроеній, заговорила:

— Послушай, Володя: я никакъ не пойму, что творится съ тобою?.. То весель ты и, будто, счастливѣе тебя нѣтъ, то вдругъ

загрустишь... Право, я никакъ не могу ни понять, ни объяснить твоихъ переходныхъ настроеній...

Онъ откровенно и кротко отвѣтилъ:

— Я и самъ не пойму... Мнѣ кажется, я со слабой волей человѣкъ... А можетъ—и съ больной волей,—по наслѣдству, можетъ...

— Надо-же подумать объ этомъ. Надо взять въ руки себя..

— Нѣтъ, не въ этомъ дѣло!—перебилъ онъ ее.—Видишь ли въ чемъ дѣло... Я дитя вѣка: надо отдать ему дань...

— Что за глупости, Володя! подумай, что ты говоришь...

— Нѣтъ, постой. Я не то хотѣлъ сказать... Жизнь мелка, пуста и безсодержательна... Эта мертвая, концелярская работа убиваетъ остатки здоровой воли. Работаетъ, какъ волъ, но въ то-же время сознаешь, что эта работа—одно толченіе воды. И не предвидится конца этому безразумному и безцѣльному водотолченію,—работа съ каждымъ годомъ растеть... Подумай только, что насъ тысячи, такихъ-то!.. А между тѣмъ—настоящаго дѣла горы, да не приступишься къ нему,—руки коротки...

На минуту воцарился гнетущій моментъ молчанія.

— погоди, вотъ поѣдемъ въ Петербургъ,—весело воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ.—Тамъ просторъ и ширь для духовныхъ силъ,—есть гдѣ развернуться... Тамъ идеи носятъ въ воздухѣ: знай лови ихъ и живи...

— Мнѣ кажется, напротивъ,—подумавъ, возразила Зинаида Павловна:—люди нужны тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. По моему, только въ глуши и можно какую нибудь пользу принести.. Въ Питерѣ много идейнаго народа околачивается: тамъ имъ пресыщены. А здѣсь нѣтъ людей..

— Постой, Зина, не то. Ты не понимаешь меня... Я не могу жить безъ людей. Только на людяхъ я и дышу... Здѣсь-же старые знакомые набили мнѣ оскмину, а новыхъ нѣтъ...

— Заведи новыхъ, если найдешь по себѣ...

— Найти по себѣ я не надѣюсь, но просто хотѣлось-бы новыхъ...

На минуту оба замолчали.

— Вотъ что развѣ,—началь Владиміръ Ивановичъ:—не записаться ли въ клубъ? Все же на людяхъ тамъ будемъ хоть изрѣдка...

— Что же, запишись, если хочется..

Хотя ей сильно не хотѣлось, чтобы ея мужъ былъ членомъ клуба и сходилъ съ обществомъ, но разъ онъ хочетъ — „пусть“... Если его жизнь прошла на людяхъ, то ему люди и нужны, хотя бы и не подходили къ его запросамъ, но лишь бы люди. Однообразіе тяготитъ его, пусть будетъ на людяхъ, — соображала она и рѣшила вести „свою линію“..

Владиміръ Ивановичъ сталъ „захаживать“ въ клубъ сперва рѣдко, а потомъ чаще и сталъ поигрывать въ карты. Казалось, что это общеніе съ людьми благотворно повліяло на него: онъ сталъ ровнѣе, пересталъ скучать и будто проще сталъ. Исчезли любовные вихри, но за то между ними будто встало что-то постороннее и отдалило другъ отъ друга..

Скоро у нихъ завязалось знакомство со всеѣмъ обществомъ. Зинаида Павловна ради мужа должна была „принимать и дѣлать визиты“, скрѣпя сердце. Они стали у „всеѣхъ“ бывать и у нихъ „всеѣ“ стали бывать. Дошло до того, что рѣдкій день проходилъ безъ гостей: или у нихъ гости, или они въ гостяхъ. Время „въ гостяхъ“ тянулось до одури однообразно и скучно. Мужчины до ужина играли въ карты, а дамы вели разговоръ о пустякахъ, или сплетничали, называя такой разговоръ „внутренней политикой.“ Всеѣ будто умышленно избѣгали „путныхъ разговоровъ“ и не стало слышно „живой рѣчи“. Жизнь будто обезцвѣтилась и приняла какую-то сѣрую, полинялую окраску.

Карты въ обществѣ были высшимъ культомъ, которому всеѣ поклонялись. Глядя со стороны на блѣдныя, истомленные лица играющихъ, Зинаидѣ Павловнѣ становилось страшно за мужа. Ей казалось, что надъ ними витаетъ страшный призракъ духовнаго разложенія и „вырожденія личности“. Вначалѣ она утѣшала себя, что все это „временное“ и скоро пройдетъ; но оно не проходило, а какъ желѣзнымъ кольцомъ сжимало ей сердце. Ей казалось немислимымъ, чтобы человѣкъ, вкусившій высшаго образованія и идейный, какъ ея мужъ, могъ жить такой мелкой и безпутной жизнью. Ей казалось, что въ такой жизненной атмосферѣ можно задохнуться.

Такъ продолжалось около двухъ лѣтъ и эта „безпутная“ жизнь замѣтно отразилось на ея мужѣ. Наблюдая за нимъ, она ясно видѣла, что онъ какъ-то мельчаетъ: почти пересталъ чи-

тать, кромѣ газеты, и то кой-какъ пробѣжить ее; сталъ больше интересоваться „общественными“ дѣлами, вродѣ пикниковъ, вечеровъ, разныхъ поѣздокъ въ деревни съ картами и т. под. Кромѣ того, онъ сталъ нервенъ и раздражителенъ: только при гостяхъ и оживлялся. Она же не выносила этого обряда гостѣбы. Особенно ей противно было слушать бомондные разговоры, которые велась глубокомысленно и съ такимъ серьезнымъ видомъ! Мужчины говорили о переводахъ, движеніяхъ и окладахъ, а дамы объ удобствахъ квартиръ, какъ ихъ надо обставить „въ стилѣ“, о маринатахъ и др. закускахъ, а больше всего сѣтовали на приелугу.

— Ходячіе трупы. — думала о нихъ Зинаида Павловна. — Гдѣ же душа-то въ нихъ? И все это люди съ образованіемъ!. — удивлялась она.

Конечно, отчасти и чувство обиды, которое она пережила отъ этихъ людей, говорило въ ней; это чувство заставило ее болѣе серьезно отнестись къ этимъ людямъ, анализировать ихъ жизнь и поступки. Общество же „терпѣло“ ее ради мужа. Не разъ ей удавалось ловить двусмысленные взгляды на себѣ „свѣтскихъ“ дамъ, а иногда случайно удавалось „поймать“ крылатое слово отъ нихъ по ея адресу. Въ силу этихъ и многихъ другихъ причинъ, она не могла быть благожелательной къ обществу.

Владиміръ Ивановичъ все это видѣлъ, конечно, но въ его глазахъ жена „не права“ была. Однажды онъ заговорилъ съ ней объ этомъ:

— Послушай, Зина. Ты не достаточно внимательна къ людямъ..—И его голосъ слегка дрожалъ при этомъ.—Разъ люди подъ нашей кровлей, они наши гости, кто бы они ни были..

— Ты забываешь, Володя, что вѣдь и я человекъ...—возразила она — Какъ я могу переломить себя, если нѣтъ силъ на это? Наконецъ, это вѣдь тѣ самые люди, которые не мало крови испортили мнѣ, а можетъ—и часть моей жизни, если не всю..

— Но это же старая исторія! Объ этомъ ужъ всѣ забыли..

— Да, это правда: кто пакости творитъ, тотъ первый забываетъ о нихъ. Но я то развѣ могу забыть объ этомъ? Къ тому же я не вижу съ ихъ стороны желанія загладить свою вину, или „ошибку“: такъ, молъ, и надо ей—„провинціалкѣ!..“

Я вижу только стремленіе вогнать мою жизнь въ тѣ же узкія рамки мелкаго эгоизма и честолюбія. Хотятъ убить живую душу въ человѣкѣ. Но что всего обиднѣе,— я не встрѣчаю въ тебѣ ни сочувствія, ни поддержки. Ты сталъ мнѣ чужимъ и все больше отдаляешься отъ меня .. — дрогнувшимъ голосомъ докончила она и умолкла.

Съ этого момента они поняли, что между ними встало что то, что раздѣлило ихъ внутреннюю жизнь на два русла. Семейные „конфликты“ между ними стали чаще и чаще возникать и все на той-же почвѣ „общественныхъ отношеній“ А предлоговъ для этого было достаточно, труденъ первый шагъ... Владиміръ Ивановичъ сталъ придирчивъ къ женѣ до мелочей. Напр., дома она всегда волосы заплетала или въ одну, или въ въ двѣ косы, что раньше ему всегда правилось, но теперь и это стало не ладно.

— Распустить такую косу: на что похоже?.. — съ плохо скрываемымъ негодованіемъ замѣтилъ онъ однажды.

— Не самъ ли ты говорилъ, что „грѣшно прятать даръ Божій?“

— Но это-жъ не модно! Теперь такъ никто не распускаетъ волосы.

— Да, ты правъ: у кого нѣтъ волосъ, тѣ „не распускаютъ“. Вонъ ваши дамы чуть не лысыя: имъ нечего распускать..

Владиміръ Ивановичъ серьезно вскипѣлъ:

— Вообще, я замѣчаю, ты опускаешься.. Провинціализмъ заѣдаетъ тебя: еще толстѣть, пожалуй, начнешь!..

— Да я могу и потолстѣть, —уже иронически заговорила жена.— Я даже и не подозрѣвала, что это преступленіе противъ общественной нравственности. Но ты успокойся на этотъ счетъ: корсетная наука далеко ушла; есть даже гягіенческіе корсеты.. По части „засупониванія“ тѣла можно обращаться къ компетенціи дамъ иль общества: навѣрно въ разумномъ совѣтѣ не откажутъ вашей женѣ.. А онѣ въ этомъ достигли завиднаго совершенства: такъ могутъ засупонить, что талія будетъ изящнѣе рюмки. Правда, въ такомъ положеніи ни вздохнешь свободно, ни наклонишь-я, чтобы поднять платокъ, за то модно,—а платки поднимать есть кавалеры.

Владимиръ Ивановичъ изъ подлобья металъ взоры на жену, но не находилъ словъ уязвить ее. Помолчавъ, она продолжала:

— Вотъ только насчетъ волосъ не знаю ужъ какъ.. Вѣдь „дасть-же Богъ такое сокровище,“ — пронизируя, говорила она его словами — что пикуда и не спрячешь его... Не выстричь ли половину? какъ ты думаешь?..

— Ты уже начинаешь дерзости говорить: ссоры ищешь?..

— Ну, ужъ изъ за волосъ-то ссориться?.. Я только хочу сказать, что у кого нѣтъ волосъ, такъ узелъ и гребенки отлично скрываютъ это... Миѣ-же вотъ Богъ далъ волосы; куда-же дѣтъ то ихъ?..

Съ этими словами она граціозно перекинула свою пышную косу на грудь и расплетая ее, съ дѣланной наивностью серьезно заговорила:

— Не виновата-же я, что у меня такія „космы“. Смотри какое, чисто провинціальное безобразіе.. — съ этими словами она такъ распустила волосы, что почти закрылась ими.

Потомъ она собрала волосы въ толстый жгутъ и снова заговорила:

— Въ узелъ ихъ завязать — некрасиво: черезъ-чуръ ужъ большой выходитъ.. Да и въ шляпу не помѣщается и безобразитъ затылокъ. Не остричь-ли?.. Вѣдь можно продать...

— Въ такомъ тонѣ я не желаю съ тобой разговаривать! — проговорилъ мужъ и ушелъ въ свою комнату, хлопнувъ дверью.

Жена, заплакавъ, тоже ушла къ себѣ.

За послѣднее время Владимиръ Ивановичъ сталъ раздражителемъ до неузнаваемости. Въ канцеляріи онъ кричалъ на мужиковъ, — и даже на улицѣ, а тѣ стояли передъ нимъ безъ шапокъ, съ виноватымъ видомъ выслушивали его, не узнавая прежняго „настоящаго барина“. Зинаида Павловна особенно возмущалась, когда мужъ кричалъ на мужиковъ на улицѣ, не стѣсняясь прохожихъ. Она краснѣла отъ стыда и негодованія за него, наблюдая эти сцены. Однажды онъ замѣтилъ, что жена наблюдаетъ за нимъ, быстро отвернулася отъ мужиковъ и, глядя на нее, какъ бы оправдываясь, проговорилъ:

— Животныя какія то. Не хотятъ понять своей пользы..

— Особенно, если этой пользы нѣтъ для нихъ, или не хотѣть объяснить имъ ее по человѣчески; о! Тогда мужики—тупицы!...—сказала ему на это жена и повернулась спиною.

Но Владиміра Ивановича ужъ ничѣмъ не „проберешь“: онъ пошелъ по наклонной плоскости... Захолустная жизнь подобна зыбучему болоту, съ темной мутью подъ этой зыбкой почвой. Благодаря отсутствію притока свѣжей воды, эта муть современемъ настолько сгущается, что превращается въ липкій зыбунъ, который втягиваетъ въ себя все, что до него коснется. Если человѣкъ со слабой волей, то эта обманчиво-зыбкая почва, на которой онъ повидимому твердо стоитъ, на самомъ-же дѣлѣ незамѣтно засасываетъ его все глубже въ муть. Если во время не осмотрятся вокругъ себя и не обоснуютъ фундаментъ для своей жизни, то эта подпочвенная муть становится для нихъ духовной могилою, въ необъятныя нѣдра которой похоронено много надеждъ и лучшихъ стремленій.

Многіе интеллигенты пріѣзжаютъ въ захолустье съ искреннимъ намѣреніемъ поработать и послужить народу—уплатить ему часть долга, но черезъ 3-5 лѣтъ становятся не узнаваемы... Вссокрушающая тина засасываетъ ихъ въ муть и все, что они пріобрѣтаютъ упорнымъ трудомъ въ лучшіе годы своей жизни, все это хоронится въ мути и исчезаетъ въ ней безъ слѣда. А между тѣмъ они должны-бы быть тѣми свѣжими струями, отъ которыхъ только и можетъ свѣтлѣть эта вѣковая муть. Происходитъ поразительная метаморфоза: будто для того только и учатъ людей, чтобы они погружались въ эту муть...

То-же произошло и съ Владиміромъ Ивановичемъ. Онъ повидимому искренно хотѣлъ поработать, но едва коснулся зыбкой почвы, какъ сталъ погружаться въ муть. Онъ началъ незамѣтно для себя воспринимать всѣ допотопные привіицы и предразсудки мѣстнаго общества; игра въ карты,—особенно съ нужнымъ человѣкомъ,—для него также стала культомъ; устроить ужинъ или пикникъ—считалось общественнымъ дѣломъ.

Само собой разумѣется, что „радикалы“ прекратили съ ними знакомство, какъ ни старалась Зинаида Павловна не прерывать его. Эти скромные, честные и трудолюбивые люди потому только „не приняты въ общество“, что не могли „тянуться“ за нимъ, да и не хотѣли этого. Ихъ культурная жизнь, состоящая изъ

умственныхъ интересовъ и запросовъ, была „суха“ и скучна для общества, на сторонѣ котораго теперь были симпатіи Вожицкаго.

Вечеромъ того же дня между мужемъ и женою произошла серьезная размолвка, положившая начало къ разрыву. Онъ занимался въ канцеляріи, а она играла на фортепьяно и пѣла. Вдругъ она услышала голосъ мужа за спиною:

— Ты невозможно фальшивишь!.. — говорилъ онъ.

Отъ этихъ словъ лицо жены вспыхнуло и въ глазахъ загорѣлся огонь. Не оборачиваясь къ мужу, она хладнокровно возразила:

— Съ какихъ это поръ ты сталъ такимъ тонкимъ цѣнителемъ? А главное: съ какихъ поръ моя игра превратилась въ фальшивую въ твоихъ глазахъ? Помнится, раньше ты былъ нѣсколько иного мнѣнія...

— Неужели ты не слышишь, что ужасно врешь?

Она встала со стула и показывая на него рукою, предложила:

— Пожалуйста, будь любезенъ, покажи какъ братъ эти ноты, которыя ты находишь фальшивыми. Много обяжешь...

— Я не профессоръ, чтобы учить...

— Да! . Мы умѣемъ только критиковать даже тогда, когда совершенно не понимаемъ духа игры. Это ужъ похоже на самохвальство...

Владиміръ Ивановичъ взбѣсился:

— Зинаида Павловна! — съ негодованіемъ воскликнулъ онъ. — Если вы не можете проникнуться уваженіемъ къ моему общественному положенію, то должны же вы понять, что я человѣкъ съ высшимъ образованіемъ. Хоть ради этого вы должны оставить свой провинціализмъ...

— Позвольте, Владиміръ Ивановичъ — съ тѣмъ же хладнокровіемъ заговорила жена. — Отъ послѣдняго отрѣшиться я не могу, разъ вы убѣдились, что я „провинціалка“... Что же касается остального, то я больше всего преклоняюсь передъ вашимъ служебнымъ и общественнымъ положеніемъ. Вы видите, какъ я смиренно и почтительно съ вами говорю. Право-же, не хуже тѣхъ мужиковъ, которыхъ вы сегодня утромъ распекали за какую то глупость, созданную вашимъ воображеніемъ.. Если я дерзаю возражать вамъ, а не покорно выслушивать, что вамъ

вздумается сказать, то вѣдь я, все-таки, ваша жена, хотя и „провинціалка“... А чтобы такія жены, какъ я, не выходили изъ „предѣловъ“, то, я думаю, слѣдовало-бы создать прожекторъ... Можетъ, повышение было-бы..

— Ры забываетесь! — крикнулъ мужъ тономъ начальника.

— Мнѣ кажется, вы должны больше знать, кто изъ насъ забывается: тотъ-ли, кто кричитъ, какъ извозчикъ, или тотъ, кто почтительно возражаетъ. Да, вамъ это лучше знать; вы человекъ съ высшимъ образованіемъ, а я „провинціалка— бывшая учительница“, только... Мой умственный уровень такой же, какъ у тѣхъ „скотовъ“, которые „не понимаютъ своей пользы“,—а вы такъ стараетесь для нихъ!. Теперь-же мнѣ крайне прискорбно,—хотя, Богъ видитъ, я въ томъ не виновата!—что вы плохо разсмотрѣли человека, съ которымъ связали свою жизнь. Слѣшота непростительная!.. Но вы не печальтесь! Я не позволю себѣ встать на вашей дорогѣ и быть лишней...

Съ этими словами она прошла въ свою комнату, не взглянувъ на мужа и заперлась на замокъ.

Нѣсколько дней она не выходила къ мужу и избѣгала встрѣчи съ нимъ. За это время голова ея усиленно работала и мозгъ горѣлъ отъ напряженія. Ночи почти не спала: все думала и не мало слезъ пролила. Въ ея мозгу созрѣло рѣшеніе, которое она рѣшила выполнить „при первомъ же случаѣ“,—а онъ скоро и представился.

„Радикалы“ устроили „закость“ Владиміру Ивановичу. Въ „Отравѣ“ появился фельетонъ—„Культурный баринъ“, въ которомъ удивительно точно была воспроизведена та сценка съ мужиками, что произошла назадъ тому мѣсяцъ, изъ за которой вышла между ними размолвка. Въ заключеніе авторъ фельетона высмѣивалъ, яко-бы восхваляя, „культурность вообще“, совѣтуя поучиться ей всѣмъ „остальнымъ“.. Получалось такое впечатлѣніе, что „культурные“ чиновники держатъ себя съ мужиками не въ примѣръ хуже „дореформенныхъ“ чиновниковъ и т. под.

Послѣднее время Владиміръ Ивановичъ на мѣстную прессу смотрѣлъ какъ на разсадникъ сплетенъ, не придавалъ ей значенія и, вообще, не признавалъ за ней ни заслугъ, ни значенія. Но „Отраву“ онъ выписывалъ „ради любопытства“, потому что въ этой газетѣ разносили не только „старые устои“, но почти

все... Владиміръ-же Ивановичъ считалъ себя неуязвимымъ для мѣстной прессы: черезъ чуръ ужъ мелка она ему казалась! Прочитавъ этотъ фельетонъ, онъ былъ и пораженъ и изумленъ. Теперь многіе изъ его сослуживцевъ будутъ довольны этимъ и втихомолку будутъ посмѣиваться надъ нимъ. Эта послѣдняя мысль особенно взорвала его: онъ схватилъ номеръ газеты и побѣжалъ къ женѣ.

— Вотъ что дѣлаютъ ваши пріятели: полюбуйтесь!—задыхался, проговорилъ онъ, кидая газету женѣ.

Та хладнокровно взяла ее и пробѣжала фельетонъ.

— Что же: былъ молодцу не въ укоръ—спокойно проговорила она, кладя газету на столъ.

— И вы съ ними за одно: рады!..

— Н-не-знаю... Не скажу, чтобы большая радость была имѣть такого миленькаго муженька...—неопредѣленно проговорила жена.

Владиміръ Ивановичъ былъ взбѣшенъ и тономъ, и вообще поведеніемъ жены. Онъ задыхался отъ злобы и не зналъ, что говорить.

— Да-а, вотъ вы какъ...—заговорилъ онъ, наконецъ. — Вотъ погодите же... Увидите, что я съ ними сдѣлаю... Я имъ покажу, какъ со мной шутить... Они мнѣ за все отвѣтъ дадутъ..

— О-о, дадутъ, несомнѣнно!—иронически проговорила Зинаида Павловна.—И вы, навѣрно, еще больше прославитесь послѣ этого...

Мужъ широко открылъ глаза и близко подошелъ къ женѣ:

— Это... подлость съ вашей стороны!—крикнулъ онъ, задыхаясь отъ злобы.—Такъ жить намъ вмѣстѣ невозможно...

— Да, невозможно, я съ вами согласна, —твердо и спокойно проговорила жена.—Я уже давно рѣшила этотъ вопросъ..

— И что-же!—воскликнулъ мужъ не то съ ироніей, не то съ любопытствомъ.

— Да ничего особеннаго,—также хладнокровно отвѣтила жена,—дѣйствительно, вы правы на этотъ разъ: жить вмѣстѣ намъ невозможно.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Только то, что черезъ часъ меня здѣсь не будетъ,—вещи мои уже сложены.

Видъ города Нагасаки (въ Японіи).
(Vue de la ville Nagasaki—dans le Japon).

Видъ города Йокагама (въ Японіи).
(Vue de la ville Yokohama—dans le Japon).

— Да-а! Вонъ что. Ну что-же, съ Богомъ.. Только знайте, что вы по своей волѣ, или, вѣрнѣе, по легкомыслию: слышите!

— Какъ не слышать. Только это все равно, по чьей бы волѣ я ни уходила. Хотя бы даже и „по легкомыслию“..

— Для меня это не все равно: обо мнѣ Богъ знаетъ что могутъ подумать..

— Кто-же это можетъ подумать? Общество! Не безпокойтесь: дурно о васъ не подумаютъ. За все я буду въ отвѣтъ...—при этихъ словахъ ея голосъ дрогнулъ.

— Чертъ знаетъ, что за чепуху вы несете! Во всякомъ случаѣ, такого вѣтрогонства я не ожидалъ отъ васъ. Только бабья логика и можетъ дойти до такого абсурда: изъ мелочей создать серьезное дѣло. Право, бабій умъ!..

— Благодарю васъ за корректное отношеніе къ бабьему уму! Это особенно лестно слышать отъ образованнаго человѣка.

— Но вы только подумайте, что дѣлаете!..

— Все уже давно обдуманно. Только вы проглядѣли это..

— Нѣтъ, позвольте! Дайте мнѣ сказать.. Неужели мы для того только и сходимся, чтобы такъ скоро разойтись? Для этого нужны весьма серьезные мотивы. Вы дѣлаете весьма серьезный и важный шагъ, который не можетъ не отозваться на насъ обоихъ. Подумайте, и вы согласитесь со мною.

На минуту Зинаида Павловна въ молчаніи остановилась, провела рукою по лбу и волосамъ, будто для того, чтобы привести въ движеніе какой то мыслящій аппаратъ въ головѣ. На ея лицѣ отражалась мука и напряженіе мысли, а глаза пытливо смотрѣли въ даль, ничего не видя. Очевидно, то, что она хотѣла бы теперь высказать мужу, давно и отчетливо сложилось въ ея головѣ, но въ какомъ-то уголкѣ мозговыхъ извилинъ затерялось именно теперь.

Владиміръ Ивановичъ былъ блѣденъ и безмолвно, съ мучительнымъ ожиданіемъ смотрѣлъ на жену, автоматически перебирая пальцами звенья цѣпочки отъ часовъ.

— Да, вотъ что я хотѣла сказать—заговорила, наконецъ, Зинаида Павловна, смотря мужу въ глаза и такъ же автоматически то расплетая, то заплетая конецъ пышной косы.—Если молодой, только что назрѣвающимъ и наливающимся плодъ начинаетъ гнить, то вѣдь жаль его. Жаль всего, что умираетъ во

цвѣтъ силъ.. До боли жаль, когда видишь, какъ заводится какой-то злокачественный микробъ внутри плода и точить и развѣдаетъ нутро плода, превращая начинающуюся жизнь въ разлагающійся трупъ. Такой плодъ—здоровый, цвѣтущій—когда-то радовалъ мое сердце. Дороже этого цвѣтушаго плода не было ничего для меня. Онъ былъ для меня свѣтомъ, радостью и счастьемъ. Но этотъ дорогой для меня плодъ началъ гнить и разлагаться: этотъ плодъ— вы! Остановить ужасный процессъ разложенія, оказалось, не въ моихъ силахъ, очевидно... И теперь.. теперь осталось одно... этотъ плодъ вырвать изъ моей жизни... И я.. я вы-ры-ва-ю его!...

Послѣднія слова она выговорила съ большимъ трудомъ. Ея грудь колыхалась отъ волненій и на глазахъ подобно росѣ выступили невольныя слезы. Но она силою воли подавила эти невольныя слезы.

— Больше сказать мнѣ нечего,— уже спокойно проговорила она и стала укладывать свои книги въ ящикъ.

Владиміръ Ивановичъ не сразу пришелъ въ себя отъ словъ жены. Онъ чувствовалъ, что по его спинѣ и головѣ будто бѣгали какіе то огоньки и жгли его мозгъ. Потомъ онъ ясно созналъ, что жена его права во всемъ; что причиною разрыва онъ самъ, и только онъ одинъ. Дѣйствительно, при такой жизни, какую онъ создалъ для нея за послѣднее время, она жить не могла: задыхалась... Онъ сознавалъ также, что эта умная, скромная и деликатная женщина его жена, сильна духомъ. Такія, какъ она, могутъ переродиться и бываютъ рѣшительны,—разъ „чаша переполнилась“. Разъ она что рѣшила, то зрѣло и обдуманно,— это онъ зналъ,— и теперь ее ничѣмъ не удержишь отъ задуманнаго ею шага. Но все-же онъ не ожидалъ отъ нея „такой прыти“. Другая на ея мѣстѣ не рѣшилась-бы разстаться съ такимъ мужемъ и общественнымъ положеніемъ, но она „не изъ такихъ“... Теперь жена будто выросла въ его глазахъ и будто онъ ее впервые видитъ „такой“. Онъ готовъ былъ во многомъ уступить женѣ, только бы удержать ее, но вѣдь все равно, теперь ужь ее „ничѣмъ не удержишь“...

Все это съ быстротою молніи пронеслось въ его головѣ и онъ рѣшилъ поставить „послѣдній козырь“,— какъ ему это казалось;

— И всетаки, Зинаида Павловна, чтобы вы ни говорили, вашъ поступокъ нельзя не назвать легкомысленнымъ...

Она выпрямилась, съ изумленіемъ посмотрѣла на мужа и хотѣла что то возразить.

— Позвольте, дайте и мнѣ слово сказать, — остановилъ онъ ее. — Я могу имѣть свое мнѣніе и съ вашими доводами не соглашаться..

— Ахъ, вонъ что! — воскликнувъ, перебила его жена и задумалась. Потомъ, рѣшившись, она обратилась къ мужу:

— Вы находите, что мои доводы не убѣдительны?

— Да, они очень мало убѣдительны для меня.

Она пожала плечами и взяла со стола двѣ тетрадки. Посмотрѣвъ обѣ, она одну изъ нихъ подала мужу:

— Вотъ вамъ еще „доводы..“ Надѣюсь, они будутъ убѣдительны даже для васъ.. Все, что здѣсь заключается, написано подъ живыми впечатлѣніями. Все это пережито мною и написано кровью сердца... Если и это не будетъ убѣдительно для васъ, тогда ужъ думайте обо мнѣ что угодно. Больше я ничего не скажу. Прощайте!

Она прошла около мужа, не взглянувъ на него. Онъ слышалъ, какъ она въ передней одѣвалась, но не вышелъ туда, а почему-то развернулъ данную ему тетрадку и сталъ ее читать.

Этимъ и кончилось „все“ между ними..

Прошло больше часу, какъ Владиміръ Ивановичъ углубился въ эту объемистую, мелкимъ и убористымъ почеркомъ исписанную тетрадку, въ четверть листа сложенную и сброшюрованную. Онъ читалъ съ страстнымъ увлеченіемъ и волновался, когда какое нибудь мѣсто не могъ скоро разобрать, благодаря тому, что оно черезъ чуръ ужъ мелко написано было то сверху, то снизу строки. На первой страницѣ тетрадки былъ заголовокъ „Дневникъ“, но почему-то зачеркнутъ; слѣдовательно, все написанное было сырымъ матеріаломъ, подлежащимъ обработкѣ. Владиміръ Ивановичъ замѣтилъ, что жена положила въ ящикъ точно такую-же тетрадку: была ли она черновикомъ или подлинникомъ, неизвестно. Въ этой-же тетради заключалось то, что намъ уже извѣстно въ общихъ и главныхъ чертахъ. Поэтому мы изъ этой тетради возьмемъ только болѣе существенное, и что, главнымъ образомъ,

произвело глубокое впечатлѣніе на Владиміра Ивановича. Вотъ что было написано Зинаидой Павловной:

„Хотя я немного жила еще, но сама жизнь заставила меня серьезно присматриваться ко всему въ окружающей меня средѣ. Жить хотѣлось не ради только утробнаго существованія: хотѣлось найти настоящую дорогу къ свѣту, такъ какъ та дорога, по которой все идутъ, не туда ведетъ... Нѣкоторые даже сознавали, что не по той дорогѣ идутъ: имъ хотѣлась свернуть съ нея, но они не знали, въ какую сторону,—и шли по теченію, какъ гонимые какимъ-то рокомъ. Подавляющее же большинство идетъ по проторенной дорогѣ смѣло и самоуверенно, не задумываясь столкнуть съ нея своего брата, чтобы имъ было просторнѣе. Дорога эта никуда, ни къ какой цѣли не ведетъ: она, въ своемъ родѣ, заколдованный кругъ, но идущіе по ней люди, словно не замѣчая этого, безцѣльно совершаютъ круговую. И идутъ они по этой дорогѣ всю жизнь, безъ цѣли и смысла, мрачные и озлобленные на все, словно кто другой, а не они сами виноваты, что не ладно идутъ. Путь этотъ кажется прямымъ, ровнымъ и гладкимъ, а между тѣмъ идущіе по немъ люди задыхаются отъ усталости, какъ отъ тяжелой работы, не обращая вниманія на то, что рядомъ съ ихъ дорогою идетъ много другихъ, тернистыхъ и трудныхъ дорогъ, по которымъ, однако, идутъ другіе люди, идутъ смѣло и бодро. Многие изъ этихъ послѣднихъ, хотя съ большимъ трудомъ, но почему-то сворачиваютъ со своихъ тропокъ, попадають на общую, большую дорогу и идутъ по ней вмѣстѣ съ другими, страдая тоже, какъ и они. И такъ совершаютъ люди круговую, безъ цѣли и смысла, не озаренные свѣтомъ идеала, идутъ до самой смерти. Умирая, они ничего не оставляютъ потомству и не могутъ дать себѣ отчета: зачѣмъ жили и куда шли всю жизнь. Вотъ общее впечатлѣніе водоворота жизни и мнѣ не хотѣлось такъ жить. Я искала иной жизни, но тщетно: я не знала, гдѣ искать ее.“

„Прямой и ясный выводъ былъ тотъ, что надо искать свѣта въ той средѣ, которая озарена имъ, т. е. въ средѣ культурной. Но здѣсь я натолкнулась на еще большія противорѣчія,—очевидно, сама жизнь показывала мнѣ отрицательныя стороны ея для того, чтобы я научилась цѣнить положительныя. Въ культурной средѣ меня поразило такое обстоятельство, которое я тщетно

пытаюсь объяснить, но до сихъ поръ не могу. Передо мною про- шла сотня такъ называемыхъ „культурныхъ“ людей, или интел- лигентовъ, съ которыми приходилось мнѣ входить въ соприкос- новеніе. Но эта среда своимъ духовнымъ укладомъ еще болѣе подчеркнула отрицательныя стороны жизни въ моихъ глазахъ. Тщетно я пыталась искать положительныхъ сторонъ жизни въ этой „культурной средѣ“; она также, какъ и всѣ, идетъ по той же круговой дорогѣ, безъ цѣли и смысла. И эта среда не могла освѣтить той тьмы, гдѣ я ошупью бродила и тщетно искала свѣточа. Правда, попадались отдѣльныя единицы, но онѣ, какъ блески на водѣ, быстро исчезали съ горизонта, попадая на общую дорогу и неизвѣстно куда уходили по ней. Но мнѣ всетаки хотѣлось вѣрить, что такіе люди не должны исчезнуть безслѣдно: я вѣрила, что снова встрѣчу ихъ гдѣ нибудь...

„Чѣмъ больше я присматривалась къ окружающей меня интеллигентной средѣ, напрягающей всѣ силы, чтобы выбиться на общую круговую дорогу и безцѣльно брести по ней, тѣмъ больше мой мозгъ терзалъ вопросъ: неужели-же они только для того и учатся, чтобы жить только животной жизнью — пить, ѣсть, наряжаться, ходить въ гости, играть въ карты и т. под., какъ большинство изъ нихъ живутъ;—право-же, для этого не стоитъ такъ много учиться. А главное — не стоитъ кичиться „высшимъ образованіемъ“: будто въ стѣнѣ университета, ко- торый даетъ только спеціальность, нельзя приобрѣсти познаній и быть образованнымъ человѣкомъ? Это грубое заблужденіе. Учебное заведеніе не можетъ сдѣлать человѣка образованнымъ: оно только подготовляетъ къ нему. Не имѣя идейной почвы подъ своимъ жизненнымъ укладомъ, эти господа игру въ карты возвели въ какой-то культъ: дѣти подражаютъ родителямъ и въ результатѣ цѣлыя поколѣнія людей, признающихъ одинъ высшій культъ жизни—карты. Вотъ главная и существенная черта, какою можно отмѣтить жизнь большинства нашей интел- лигенціи,—обидно и горько! А дѣла кругомъ непочатые углы, но никто въ нихъ не хочетъ даже заглянуть: вѣдь „палліати- вами“ не стоитъ заниматься, ибо они „вредны“, а большія дѣла, достойныя образованнаго человѣка, дѣлать „нельзя“, но кто мѣшаетъ — неизвѣстно... Когда они еще учатся, т. е. когда не въ силахъ принести какую бы то ни было пользу, тогда будто

живутъ идеями, но едва получаютъ дипломъ, а съ нимъ вмѣстѣ и право приносить пользу и когда дѣйствительно они многое могли бы сдѣлать, тогда всѣ идеи по боку. Почему это? Неужели только въ состояніи броженія они могутъ принести пользу воспитавшимъ, вспоившимъ и вскормившимъ ихъ? Народъ отдастъ, что можетъ, на воспитаніе этой интеллигенціи, чтобы имѣть заступниковъ и просвѣтителей: но гдѣ они? Что они даютъ народу взамѣнъ того, что онъ даетъ имъ? Нѣтъ у народа заступниковъ и печальниковъ о его горькой долѣ, кромѣ, впрочемъ, поэтовъ и писателей, но за то есть много дипломированныхъ карьеристовъ—интеллигентныхъ, несомнѣнно, „работающихъ“ только тогда, когда это могутъ замѣтить и отличить. А на словахъ, особенно за выпивкой, такъ много расточается хорошихъ словъ „на общую пользу“, что иной разъ прямо поражаешься богатству фантазіи и изобрѣтательности на громкія фразы и слова. По моему, такимъ людямъ образованіе во вредъ: оно даетъ имъ сильное оружіе показать себя вовсе не съ той стороны, съ какой надо-бы смотрѣть на нихъ въ дѣйствительности. По моему, самый страшный грѣхъ—злоупотреблять образованіемъ! А носятся же они со своимъ высшимъ образованіемъ, какъ съ писаной торбой!—при каждомъ удобномъ и даже неумѣстномъ случаѣ подчеркивая свое превосходство надъ всѣми остальными людьми:—„онъ, вѣдь, не получилъ никакого образованія!..“—презрительно восклицаютъ они о комъ либо, хотя бы изъ тѣхъ „радикаловъ“. Между тѣмъ, какъ эти люди всѣ свои досуги употребляютъ на самообразованіе: каждый изъ нихъ за годъ прочтаетъ такую массу всякой литературы, что многіе изъ „образованныхъ“ людей не прочтутъ за всю жизнь. Они знакомы со всѣми великими твореніями, внимательно слѣдятъ за всѣми міровыми событіями, вопросами, открытіямъ и и т. под. и всегда въ курсѣ дѣла во всѣхъ вопросахъ. А главное, на ихъ образованіе никто не затратилъ „расколотаго гроша“: всѣ книги, газеты и журналы они пріобрѣтаютъ на свои трудовыя деньги. И эти люди нашей „интеллигенціей“ почитаются чуть-ли не за высшую расу потому только, что они не дипломированные. Какое ужасное заблужденіе! Неужели такъ вездѣ?..“

„Чтобы прикрыть свое духовное убожество, напускаютъ на себя какую то необычайную важность, доходящую до дерзости

и варварства: въ столицахъ такъ высокомерно не держатъ себя, какъ нѣкоторые изъ нашихъ провинціальныхъ чиновниковъ. Оно и понятно: чѣмъ выше человекъ по уму и общественному положенію, тѣмъ онъ проще и доступнѣе для всѣхъ. Едва „интеллигентъ“ входитъ въ соприкосновеніе съ народомъ — оказывается явное непониманіе его...

Народъ для нихъ еще не открытая часть свѣта, ждущая своего Колумба, — дипломъ, очевидно, не даетъ критерія къ познанію своего долга передъ отечествомъ.

„Когда я познакомилась съ Владиміромъ Ивановичемъ, онъ казался мнѣ тѣмъ изъ немногихъ на Руси, которые знаютъ зачѣмъ живутъ, которые не стремятся попасть на общую круговую дорогу безъ конца и безъ цѣли, а идутъ къ намѣченной цѣли, къ идеалу. Мнѣ даже казалось, что этотъ сильный умомъ человекъ не принадлежитъ и къ тѣмъ людямъ, которые, подобно блескамъ на водѣ, быстро исчезаютъ съ поверхности ея. Какъ я ни присматривалась къ нему, я все больше убѣждалась, что онъ „цѣльная натура“, которую всегда заметишь въ толпѣ. Я же была молода, полна силъ и стремилась къ свѣту, но я не знала, какой дорогой идти, чтобы жить честно и не ради только себя. Я думала, что въ немъ найду тотъ родникъ съ живой водою, который утолитъ мою духовную жажду; а онъ такъ много зналъ и такъ много хорошаго говорилъ.. Я видѣла въ немъ свѣтъ и радость жизни; я тогда всюду пошла-бы за нимъ и не задумалась-бы жизнь свою отдать, чтобы только вмѣстѣ съ нимъ идти по одной дорогѣ, какъ бы она трудна ни была. Чтобы не попасть на общую круговую дорогу, я не стремилась къ большимъ дѣламъ, а взялась за маленькое, но въ моихъ глазахъ полезное, дѣло, которое полюбила и отдалась ему вся, безъ остатка. Дорога была вѣрная, но зачѣмъ и для чего я стала искать другой дороги — теперь я не могу дать себѣ въ этомъ отчетъ... Правда, онъ много толковалъ мнѣ о какихъ то высшихъ стремленіяхъ, свѣтлыхъ перспективахъ и т. под. идеяхъ „высшаго порядка“, а я всему вѣрила и пошла къ этимъ „свѣтлымъ перспективамъ“, но вмѣсто всего этого я нашла только свѣтлый миражъ.. На первой житейской стадіи я удержалась, — не пошла за всѣми, а на второй — свихнулась: очевидно, любовь за

темнила мнѣ разумокъ. Но виновата ли я, что полюбила его? Вѣдь я тоже человекъ, съ присущими ему слабостями, такъ щедро данной природою; почему я не должна была любить? И хотѣла все совмѣстить: жизнь на разумныхъ началахъ, любовь и дѣло. И Владиміръ Ивановичъ также смотрѣлъ на жизнь, какъ и я: всѣ его дѣла и поступки вполне соответствовали словамъ, — какъ-же было не вѣрить?..“

„И что-же оказалось на дѣлѣ? Оказалось, что все это: — взгляды на жизнь, стремленія и пр., все это былъ миражъ. Оказалось, что любимый мною человекъ, какъ и всѣ, обладаетъ шкурой хамелеона и когда миновала надобность, онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ и долженъ быть въ дѣйствительности, — какъ и всѣ тѣ „интеллигенты“, о которыхъ я только что говорила. Подъ влияніемъ среды, которой онъ выше на цѣлую голову, слѣд. на которую онъ долженъ бы воздѣйствовать умомъ и волею, онъ вмѣсто этого поплылъ вмѣстѣ съ нею по теченію въ общую бездонную пропасть. Онъ превратился въ семейнаго деспота: онъ сталъ требовать, чтобы я жила и думала, какъ онъ и какъ того хотѣли другіе, — онъ хотѣлъ втиснуть мою жизнь въ предначертанныя имъ и „общественнымъ мнѣніемъ“ рамки, словно я не разумное существо. И въ немъ сказалась та же отвратительная черта: и онъ сталъ кичиться своимъ „высшимъ образованіемъ“, и всѣ, не имѣющіе университетскаго диплома, въ его глазахъ какъ бы превратились въ „низшую расу“ — въ томъ числѣ и я, конечно. Эту черту я нахожу отвратительной потому, что монополизировать высшее образованіе не хорошо: вѣдь оно дается не ради утѣхи какой нибудь части, а на общее благо всѣхъ“.

Онъ и его ближайшіе пріятели считаютъ себя „прогрессивнымъ и передовымъ элементомъ“: с, злая иронія на прогрессъ!.. Въ чемъ-же, однако, проявляется ихъ „прогрессивная“ дѣятельность? Да только въ томъ, что они дипломированные, значить — никто не можетъ оспаривать ихъ претензіи на интеллигентность; да еще въ томъ, что они выписываютъ журналы и газеты и кой-что почитываютъ, не вводя, конечно, въ жизнь тѣхъ идеаловъ, какіе даетъ литература. Вотъ и весь ихъ „прогрессъ“, или, вѣрнѣе, патентованное самоуслажденіе. Бывало, о какомъ-бы вопросѣ въ литературѣ, или какомъ либо

серьезномъ произведеніи съ ними ни заговоришь, оказывается, что они „этого еще не читали“... А самый умный разговоръ у нихъ считается о „переводахъ, окладахъ“, разныхъ „движеніяхъ“ по службѣ и т. под., да еще о картахъ: тошно слушать! . А при случаѣ, когда нужно блеснуть, они могутъ говорить о „благѣ народа“, о „всеобщемъ благѣ“ и т. под. высокихъ матеріяхъ: да еще какъ говорятъ то!.. Не краснѣютъ, горячо, съ жаромъ... злоупотребляя своимъ образованіемъ. Вотъ почему—такимъ людямъ оно во вредъ“.

„Когда я стала заниматься въ воскресной школѣ, мужу это не понравилось; но почему-же? Кажется, дѣло простое и хорошее, по крупицамъ улачивать часть неоплатнаго долга воспитавшему насъ народу,— а вотъ не понравилось не только мужу, но и всѣмъ. А не понравилось потому, видите ли, что никто изъ дамъ нашего круга, изнывающихъ отъ пресыщенья, бездѣлья и скуки, не хотѣли заниматься этимъ „мелкимъ и неблагодарнымъ“ дѣломъ, твердо памятуя на этотъ разъ, что „палліативами не можешь“, да къ-тому же и „вредны“ они. А если устроить спектакль или какой нибудь „вечеръ съ танцами“ съ благотворительной цѣлю, для чего потребуется затратить на костюмы и пр. въ двадцать разъ больше того, что придется нуждающимся въ такихъ случаяхъ дамы „бомонда“ бываютъ весьма отзывчивы. Оно и понятно: съ одной стороны—реклама, а съ другой,—творить добро непосредственно,— „палліативъ“, нестоющій вниманія умныхъ людей, жаждущихъ большихъ дѣлъ...“

„Послѣднее время мужъ при всякомъ удобномъ, а подчасъ и вовсе не умѣстномъ случаѣ ставилъ мнѣ на видъ мой „провинціализмъ“ и „отсутствіе общественности“. Общества я не чуждаюсь, но не такого, въ которомъ можно духовно ослѣпнуть и задохнуться. Что-же касается „провинціализма“, то я не знаю, въ чемъ особенно онъ выражался у меня. Конечно, я въ столицахъ не жила, но теоретически мнѣ все же знакома столичная жизнь: современная литература такъ много даетъ намъ объ этой жизни, что, кажется, нѣтъ такого уголка во всѣхъ столицахъ, о которомъ не зналъ бы слѣдящій за этимъ читатель, и нѣтъ такого типа въ столицахъ, который не былъ бы „старымъ знакомымъ“. Провинцію мы меньше знаемъ, чѣмъ столицу, съ нравами, обычаями и общественной жизнью, вообще. Мнѣ же кажется,

что истинный провинциализм — та среда, та ужасная муть безъ освѣжающей струи и безъ просвѣта, которая насъ окружаетъ. Эта вѣчная игра въ карты и разговоры о нихъ, эти сплетни и жалобы на приедугу, эти разговоры о соленыхъ огурцахъ, грибахъ и капустѣ: — будто безъ шуму нельзя все это приготовить, — эта вѣчная боязнь, какъ „отнесется общество“ къ какому нибудь факту и пр. и пр., — вотъ, по моему, это и есть провинциализмъ“.

Благодаря такому, чисто животному существованію, мой мужъ сталъ опускаться и тупѣть: какъ всѣ его „культурные“ собратья, сталъ превращаться въ ходячій трупъ. Ему даже стало казаться, что, живя такой жизнью, онъ поступаетъ совершенно правильно: вѣдь „всѣ такъ живутъ!..“ Эта происшедшая въ немъ путаница понятій о жизни, правда, вполнѣ характерна для индивидуальности російскаго чиновничества, но я то, вѣдь, не съ чиновникомъ связывала свою судьбу! Въ моихъ глазахъ онъ былъ изъ тѣхъ рѣдкихъ, съ особой и самобытной индивидуальностью людей, которыхъ не подгонишь подъ общую мѣрку и которые являются рѣдкими посетителями культурныхъ началъ въ темную среду. Правда, онъ таковъ и былъ тогда, но теперь, какъ и всѣ, напускаетъ на себя какую-то никому и ни на что не нужную важность, — попросту, спѣсь, — чтобы прикрыть свое духовное паденіе.

„Каково-же было мнѣ видѣть и переживать это ужасное перерожденіе живого и горячо любимаго мною человѣка въ ходячій трупъ. Этотъ ужасный процессъ совершился на моихъ глазахъ, съ каждымъ днемъ отрывая частицу жизни изъ моего сердца. Думала-ли я, что такой сильный духомъ и волею человѣкъ можетъ разрушиться и въ такое короткое время? Съ каждымъ днемъ и убѣждалась, что любимый мною человѣкъ все дальше и дальше откатывается отъ меня по такой наклонной линіи въ ужасную пропасть, безъ просвѣта. Развѣ не больно это! Развѣ не жаль мнѣ было его?! Вѣдь онъ былъ для меня лучшей половиной меня самой! Всѣ мои попытки обсудить больной вопросъ нашей жизни ни къ чему не привели, а только ухудшала положеніе: вѣдь я безъ „высшаго образованія“ — стоило ли слушать меня!.. Что мнѣ было дѣлать? Оставался одинъ исходъ: спасти себя отъ общаго зараженія этой постылой, безъ

надежды и просвѣта жизнью. Да и наши отношенія съ мужемъ стали невыносимы; наша семейная жизнь превратилась-бы въ адъ. Можно-ли было жить при такихъ условіяхъ? Конечно, нѣтъ! Дальше такой жизни я вынести не могла: вѣдь чело-вѣкъ-же я*!

„Конечно, „мой поступокъ“ объяснить легкомысліемъ:—мож-но-ли уйти отъ такого мужа! Но было-бы смѣшно ожидать иныхъ умозаключеній отъ такихъ людей, въ томъ числѣ и отъ моего мужа теперь. Всякій-же свѣжій чело-вѣкъ, не погрязшій въ мертвой рутинѣ, пойметъ, что не легкомысліе руководить мною, а безысходность создавшагося положенія. Такой чело-вѣкъ пойметъ, путемъ какихъ мукъ и бессонныхъ ночей создалось та-кое рѣшеніе въ умѣ женщины, въ моемъ положеніи: вѣдь ужъ не такъ легко порвать нить съ прошлымъ, въ которомъ такъ много было хорошаго и свѣтлаго,—о дурномъ не говорю и не вспоминаю. Все хотѣлось вѣрить, что любимый чело-вѣкъ образу-мится; едва-ли кто умѣетъ такъ любить и вѣрить, какъ мы—женщины... Но вѣра въ любимаго чело-вѣка по маленькимъ час-тицамъ исчезала съ каждымъ днемъ, съ мучительной болью от-рывалась отъ сердца, какъ холодными плетями терзая его. Раз-вѣ не больно это!.. Главное, такая безпутная жизнь и меня мог-ла затянуть въ общую тину, а потомъ развѣ можно было бы ду-мать о возвратѣ на свѣтъ Божій: мракъ жизни сгущался бы съ каждымъ днемъ... Съ каждымъ годомъ силы убывали бы, израс-ходовались-бы на мелочи, а потомъ пришлось бы на все махнуть рукой —общій удѣлъ русской женщины. Пора было сдѣлать по-воротъ съ общей круговой, пока силы не утрачены, и я рѣшила“...

А. Бахаревъ.

(Продолженіе будетъ).

Материалы для истории г. Томска.

Естественный конецъ „хлѣбныхъ“ операцій перваго Томскаго городского Головы Д. И. Тецкова.

Если читатель не забылъ, бывшимъ томскимъ городскимъ головой купцомъ Д. И. Тецковымъ на деньги, отпущенныя томской городской думой, была закуплена въ 1868 году мука; но городскому общественному управленію едана не была, какъ не было представлено Тецковымъ и отчета въ израсходованныхъ на покупку ея деньгахъ.

По освидѣтельствованіи муки, она оказалась негодною къ употребленію, о чемъ былъ составленъ актъ 31 марта 1872 года.

Затѣмъ 3-го октября 1874 года, по опредѣленію думы, эта мука была перевѣшана и вся, въ количествѣ 2170½ пудовъ, оказалась слежавшейся, затхлой, горькой и красноватой на видѣ.

Съ цѣлю устраненія пререканій, возникшихъ по поводу этому между городскимъ общественнымъ управленіемъ и Тецковымъ, послѣдній 1 апрѣля 1875 года подалъ въ думу заявленіе, въ которомъ изъявилъ готовность доставить рожь вмѣсто испортившейся муки, а въ засѣданіи 3-го того же апрѣля добавилъ, что на перемоль этой ржи онъ внесетъ по 5 копѣекъ на пудъ, а рожь доставить черезъ два мѣсяца.

Но вмѣсто всего этого Тецковъ прислалъ 14 іюля 1877 года извѣщеніе, которымъ, въ виду измѣнившихся цѣнъ на рожь, окончательной порчи муки и неувѣдомленія его втеченіе двухъ лѣтъ о предполагавшейся сдачѣ этой муки *), отъ обмѣна таковой отказался.

Впослѣдствіи къ Тецкову былъ предъявленъ искъ въ суммѣ 9766 р. 80 к.; цѣна на рожь опредѣлилась по 40 коп. за пудъ и, кромѣ того, по 5 копѣекъ на пудъ на перемоль.

Отвѣтчикъ Тецковъ въ прошеніи, поданномъ въ мѣстный окружный судъ, объяснилъ, что заявленіе его, ни по формѣ, ни по содержанію, не соответствовало условіямъ, указаннымъ закономъ для обязательствъ; затѣмъ онъ сослался на то, что том-

*) Будучи до 1876 года городскимъ головой, г. Тецковъ, должно быть, выдалъ самъ отъ себя предложенія сдать рожь.

ская городская Дума, не находя ничьихъ упушений въ порчѣ закупленнаго хлѣба, опредѣленіемъ 3 апрѣля 1875 года навсегда покончила это дѣло, и опредѣленіе это утверждено указомъ Правительствующаго сената 5 апрѣля 1877 года.

Кромѣ того, хлѣбъ проданъ городскимъ общественнымъ управленіемъ по 15 копѣекъ за пудъ; слѣдовательно, на эту цифру должна быть уменьшена и исковаая сумма.

Повѣренный городского управленія, уменьшая свой искъ на сумму 3814 р. 35 коп., вырученнаыхъ отъ продажи муки, вновь просилъ окружный судъ присудить съ Тецкова, вмѣсто 9766 р. 80 к., 5952 руб. 45 копѣекъ.

Томскій окружный судъ рѣшеніемъ 27 іюля—3 сентября 1884 г. въ искѣ городу отказалъ, опредѣливъ взыскать съ истца штрафъ за неправый искъ въ суммѣ 297 р. 63 коп.

По апелляціи повѣреннаго города дѣло перешло въ губернской судъ, который нашелъ, что данное Тецковымъ и принятое думой заявленіе составляетъ въ отношеніи обѣихъ сторонъ обязательство, которое подлежало исполненію со стороны Тецкова и, какъ неисполненное имъ, давало городскому общественному управленію право искать понесенные убытки.

Рѣшеніе въ этомъ смыслѣ состоялось 29 сентября 1886 года.

Тецкова уже не было въ живыхъ, и искъ былъ обращенъ на наслѣдниковъ его.

Рѣшеніе это наслѣдники Тецкова обжаловали 27 января 1887 года въ Сенатъ.

Въ своей апелляціонной жалобѣ повѣренный наслѣдниковъ Тецкова объяснилъ по существу дѣла, что право искать убытки, минуя искъ о признаніи договора подлежащимъ исполненію, можетъ быть признано только тогда, когда принудительное исполненіе обязательства оказывается фактически невозможнымъ; въ виду чего городской думѣ, по мнѣнію апеллятора, слѣдовало сначала предъявить искъ о признаніи заявленія Тецкова, отъ 1 апрѣля 1875 года, обязательствомъ подлежащимъ исполненію, и затѣмъ уже, когда судъ признаетъ такой искъ уважительнымъ, а Тецковъ откажется подчиниться требованію суда въ этомъ смыслѣ, искать съ него убытки; что постановленіе городской думы, отъ 3 апрѣля 1875 года, какъ состоявшееся не при числѣ гласныхъ, требуемомъ 2014 ст. II т., ч. 1, изд. 1876 года, не

можетъ служить доказательствомъ иска, предъявленнаго городскимъ общественнымъ управленіемъ; что заявленіе Тецкова, отъ 1 апрѣля 1875 года, въ отношеніи формы своей, въ виду 275 и другихъ статей X т. 2 ч., не можетъ быть признано обязательствомъ; что же касалось содержанія, то оно могло быть признано обязательнымъ для Тецкова лишь при наступленіи двухъ условій! при освобожденіи Тецкова тогда-же отъ всякой возможности пререканій и преслѣдованій по поводу закупки муки.

Въ отвѣтъ на это повѣренный города указалъ на то, что, согласно 570, 684, и 694 ст. Xт. 1 ч., искъ объ убыткахъ по неисполненію обязательства можетъ быть предъявленъ и безъ предварительнаго иска о самомъ исполненіи; что приводимая апеляторомъ ст. II т. 1 ч. касается исключительно приобрѣтенія и отчужденія недвижимыхъ имуществъ; что на основаніи 284 ст. Xт. 2 ч. изд. 1876 г. всякаго рода письменныя доказательства должны быть разсмотрѣны судомъ, а по силѣ 1533—1535 ст. Xт. 1 ч. обязательство нельзя признавать недѣйствительнымъ лишь потому, что оно не подходитъ ни подъ одинъ изъ видовъ обязательствъ, опредѣляемыхъ этими статьями; что ссылка на условія, при наличности которыхъ Тецковъ только и былъ, будто бы, обязанъ исполнить принятое на себя обязательство, является вполнѣ голословной.

Такъ какъ искъ къ Тецкову былъ основанъ на его заявленіяхъ, упомянутыхъ выше, то Сенатъ (указъ 30 ноября 1887 г. за № 1939) усмотрѣлъ въ этомъ отношеніи, что заявленіемъ, отъ 1 апрѣля 1875 г., на имя томской Городской Думы бывшій мѣстный Городской Голова Тецковъ пояснилъ, между прочимъ, что хотя въ порчѣ принадлежащей городу муки онъ никого не признаетъ виновнымъ (странно было-бы, конечно, ожидать, чтобы такой опытный дѣлецъ призналъ кого либо, а тѣмъ паче себя—виновнымъ въ такомъ „казусѣ“, да еще официально), но, не желая оставлять по себѣ какихъ бы то ни было нареканій, онъ изъявлялъ готовность взять себѣ испортившуюся муку съ тѣмъ, что если бы она оказалась негодною къ употребленію въ пищу, то Тецковъ употребить ее для корма скота и на кожевенные заводы; а въ замѣнъ этой муки доставить въ городскіе запасные магазины рожь.

Затѣмъ въ засѣданіи Думы 3 апрѣля Тецковъ заявилъ, что сверхъ перемѣны хлѣба онъ вносить по 5 копѣекъ на пудъ на перемоль и перевозку ржи, которую онъ могъ доставить не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца послѣ этого числа.

Точное содержаніе приведенныхъ заявленій Тецкова показываетъ, по мнѣнію Сената, что какъ письменно на имя Думы, такъ и словесно въ засѣданіи Думы онъ не признавалъ себя обязаннымъ перемѣнить испортившуюся городскую муку, въ порчѣ которой Тецковъ не признавалъ никого виновнымъ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Сената, оказывалось, что Тецковъ изъявилъ лишь одну готовность перемѣнить испортившуюся муку, принадлежавшую томскому Городскому обществу, и притомъ въ видахъ устраненія на него нареканій, а вовсе не въ силу признанной имъ обязанности отвѣчать за понесенные городомъ убытки.

При такихъ разсужденіяхъ Сенатъ пришелъ къ заключенію, что Тецковъ выразилъ передъ Думой одно только обѣщаніе, не облеченное въ форму обязательства, которое могло бы повлечь за собой понудительное исполненіе.

Въ виду изложеннаго, обѣщаніе Тецкова, при отказѣ его добровольно исполнить таковое, не можетъ быть приведено въ исполненіе путемъ судебнаго его къ тому понужденія.

Наконецъ, обѣщаніе это дано было Тецковымъ для устраненія какихъ либо на него нареканій; между тѣмъ Городское Присутствіе усмотрѣло въ этомъ дѣлѣ какія-то упущенія; послѣ же такого заключенія Тецковъ не могъ исполнить своего обѣщанія, такъ какъ перемѣною муки на рожь, кромѣ неизбежнаго обременительнаго расхода, онъ могъ подать поводъ заподозрить небезупречность своихъ дѣйствій по этому дѣлу.

Въ виду такихъ соображеній Сенатъ пришелъ къ выводу, что искъ Городского общественнаго Управленія, основанный не на формальномъ обязательствѣ Тецкова или на какихъ либо доказанныхъ (не пойманъ—не воръ!) упущеніяхъ его по должности городского Головы, а исключительно на обѣщаніи, не имѣющемъ обязательнаго характера, удовлетворенію подлежать не могъ.

Какъ видно изъ постановленія городской Думы 12 ноября 1882 г., Д. И. Тецковъ оказался также причастнымъ дѣлу

приобрѣтенія въ 1866 и 1867 г. г. для Томска паровой огнегасительной машины. Дума поручила Городской Управѣ истребовать отъ опекуновъ надъ имѣніемъ умершаго Тецова свѣдѣнія и документы, необходимые для разъясненія обстоятельствъ, указанныхъ въ докладѣ комиссіи, назначенной для обревизованія этого „дѣла“.

Въ „обвѣннн“ Д. И. Тецова принималъ большое, повидимому, участіе заступавшій мѣсто городского Головы А. М. Ермолаевъ, который „въ декабрѣ 1882 года замѣтилъ у себя большую недостачу денегъ (4178 рублей); онъ былъ казначеемъ въ Городской Управѣ“.*)

А. М. Серебrenиковъ.

Въ дебряхъ захолустья.

(См. 7—8-ю ви. текушаго года).

III.

Немножко географія и исторія...

Рѣка Илимъ, едва замѣтная на картѣ Сибири, протекаетъ между р. р. Ангарою и Леною въ полосѣ 55—58 град. сѣверной широты и 72—74 восточной долготы. Она беретъ свое начало въ горахъ, прилегающихъ къ правому побережью Ангары и въ верховьяхъ близко подходитъ къ этой рѣкѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится первое по Илимѣ поселеніе—дер. Кочерга—разстояніе между Ангарою и Илимомъ составляетъ, какъ я уже говорилъ, 30-35 верстъ. Дальше обѣ рѣки значительно расходятся между собою, и возлѣ г. Илимска отъ Ангары до Илима считается уже 103 версты (а отъ Илима до Лены—143 вер.). Приближаясь къ устью, Илимъ образуетъ поворотъ на сѣверо-западъ и сливается съ Ангарою.

Заброшенная и забытая въ настоящемъ, рѣка Илимъ имѣетъ славное историческое прошлое. Она важна въ исторіи Сибири

*) А. М. Ермолаевъ привлечался къ отвѣтственности за растрату и, затѣмъ, умеръ. Примеч. Ред.

тѣмъ, что нѣкогда служила государственною дорогою изъ Европейской Россіи и Енисейска на Лену (въ Якутскъ) и въ Дурію, на благославенную рѣку Амуръ.

Напомнимъ вкратцѣ, какъ возникли здѣсь русскія поселенія. Въ первой половинѣ XVII вѣка русскіе піонеры сѣверо-восточной Сибири—енисейскіе казаки, пробираясь на востокъ, проникли изъ Енисея въ Ангару, а изъ Ангары—въ Илимъ. Первые поселенія на берегахъ Илима были основаны въ видѣ зимовьевъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ казакамъ приходилось проводить зиму, за невозможностью двигаться дальше. Затѣмъ строились небольшія укрѣпленія—*острожки* для защиты отъ бродившихъ здѣсь тунгусовъ и сбора ясака съ нихъ. Съ Илима казаки проникли на Лену, а позднѣе и на Амуръ. Такимъ образомъ здѣсь уже существовали поселенія въ то время, когда теперешней столицы края—г. Иркутска—еще не было! Илимъ долгое время оставался единственнымъ путемъ изъ Енисейска въ Якутскъ (и на Амуръ), по которому доставлялись войско, провіантъ, порохъ и т. п. Въ то время здѣсь находилось административное и военное управленіе всего края,—илимское воеводство, резиденціей котораго былъ городъ Илимскъ.

Но нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя послѣ открытія пути по Илимѣ, большая дорога на Лену и за озеро Байкаль установилась черезъ возникшій въ верховьяхъ Ангары Иркутскій острогъ. Тогда Илимскъ остался всторонѣ и потерялъ свое значеніе государственной дороги, но еще долгое время послѣ этого сохранялъ его, какъ мѣсто пребываніе воеводъ. Окончательное же исчезновеніе Илимска съ историческаго горизонта Сибири относится къ XVIII вѣку.

Русскіе проникли на Илимъ съ его устья. Поэтому заселеніе береговъ Илима началось *снизу* и постепенно подвигалось вверхъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчались равнины, годныя для хлѣбопашества, основывались земледѣльческія селенія, и сюда вызывались хозяева изъ населенныхъ мѣстъ. Такихъ равнинъ въ гористомъ илимскомъ краю немного. Онѣ находятся преимущественно въ среднемъ теченіи рѣки—въ предѣлахъ теперешней Нижнеилимской волости,—гдѣ хлѣбопашество и скотоводство, сравнительно съ другими илимскими мѣстностями, процвѣтаютъ. Поэтому здѣсь уже изстари возникли наиболѣе частыя по Или-

му деревни и села, съ наиболѣе плотнымъ населеніемъ. Что же касается мѣстностей по верхнему и нижнему теченію Илима (т. е. теперешнихъ Каченской и Карапчангской волостей), крайне гористыхъ и бѣдныхъ равнинами, то здѣсь поселенія и теперь очень рѣдки.

Выше я упомянулъ, что Илимъ когда-то служилъ транзитнымъ и военнымъ путемъ на Лену и Амуръ. Необходимо добавить, что это относится не ко всему теченію Илима, а лишь къ той его части, которая находится между устьемъ рѣки и г. Илимскомъ. Отъ Илимска начинался „волокъ“ въ сторону Лены. Такимъ образомъ, на всемъ остальномъ протяженіи — вверхъ отъ г. Илимска — здѣшній край оставался *всторонъ* отъ общаго движенія уже съ самаго начала заселенія его русскими.

Возникновеніе же здѣсь поселеній происходило такимъ образомъ. Когда всѣ, удобныя для заселенія, мѣста въ нижнемъ и среднемъ теченіи Илима были заняты, народонаселеніе-же, между тѣмъ, возрастало и для новыхъ пришельцевъ не хватало мѣста, — послѣдніе уходили „вверхъ“, вглубь тайги, въ поискахъ за „удобною землею“. Встрѣчая здѣсь каждый мало-мальски пригодный клочекъ земли, они строили свои жилища. Возникавшія такимъ образомъ новыя поселенія носили въ старину названія „займокъ“ (отъ слова *занять* землю). По старой памяти илимцы даже и теперь называютъ свои деревушки „займками“. Съ теченіемъ времени „займки“ разстраивались. Возлѣ одного — перваго — двора возникало нѣсколько новыхъ. Но большихъ размѣровъ, за недостаткомъ земли, „займки“ не достигали, и какъ только обитателямъ ихъ на занятой землѣ становилось тѣсно, — кто-нибудь уходилъ дальше и основывалъ новый выселокъ. Такимъ путемъ постепенно возникали все новыя и новыя поселенія вверхъ по Илиму. Въ силу неблагоприятныхъ для земледѣлія мѣстныхъ условій, съ самаго начала колонизація верховьевъ Илима русскими, главнымъ средствомъ къ существованію жителей служила охота за пушнымъ звѣремъ, водившимся здѣсь въ громадномъ изобиліи.

Эта часть илимскаго края *) до сихъ поръ продолжаетъ жить такою-же жизнью, какъ и при первыхъ своихъ колониза-

*) Отъ с. Мамырѣ на Амуръ черезъ г. Илимскъ въ с. Усть-Кутъ на Ленѣ.

торахъ. Находясь въ сторонѣ отъ мѣстнаго земскаго тракта, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, не имѣя никакихъ путей сообщенія, не говоря уже о почтѣ, телеграфѣ и другихъ благахъ современной цивилизаціи, мѣстности по верхнему теченію Илима (до г. Илимска), гдѣ и заключался районъ нашей поѣздки по забытой рѣкѣ, являются въ полномъ смыслѣ слова „дебрями захолустья“...

IV.

Между дер. *Кочертою* и сел. *Коченлою* (центральнымъ пунктомъ верховьевъ Илима) по обоимъ берегамъ рѣки расположено пять маленькихъ деревушекъ. Крайне жалкій, убогій видъ этихъ деревень производитъ грустное впечатлѣніе. Грязныя ветхія полуразрушенныя постройки, такъ же, какъ въ Кочергѣ и сосѣднихъ ангарскихъ селеніяхъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о крайней бѣднотѣ и раззоренности населенія. Впечатлѣніе дополняется довольно непригляднокъ внѣшностью жителей, чему не мало способствуетъ ихъ очень убогая, грязная „своедѣльная“ одежда.

Главнымъ средствомъ къ существованію здѣсь, какъ и въ Кочергѣ, служитъ охота за пушнымъ звѣремъ.

Первая послѣ Кочерги деревня—*Туна*. Въ ней насчитывается одиннадцать дворовъ. Пріѣхавъ сюда, какъ сказано, верхами, мы рѣшились до слѣдующей деревни „для разнообразія“ пройти пѣшкомъ, отправивъ багажъ по прежнему въ берестянкахъ. Переходъ предстояло сдѣлать небольшой—двѣнадцать верстъ,—но это путешествіе „во образѣ пѣшаго хожденія“ сказалося на нашихъ ногахъ гораздо чувствительнѣе, чѣмъ намъ думалось сначала. Дѣло въ томъ, что версты здѣсь и до сихъ поръ признаются старинныя—„екатерининскія“ (семисотныя). Нужно сказать къ тому же, что разстояніе между деревнями обозначается здѣсь далеко не точно. На мой вопросъ, кто и когда измѣрялъ здѣсь пространство между „станками“, проводникъ-крестьянинъ отвѣтилъ мѣстною поговоркою, довольно мѣтко определяющею сущность дѣла: „мѣрили Денясъ да Тарасъ, у нихъ веревка порвалась; Денясъ говоритъ: „свяжемъ,“ а Тарасъ: „и такъ скажемъ““.

Лѣсная горная тропа, ведущая изъ Туны въ дер. *Чурилову*, на большемъ разстояніи проходитъ черезъ мысъ, удаляясь отъ берега вглубь тайги. Вступая по узкой, едва замѣтной дорожкѣ

въ нетронутый еще рукою человека вѣковой лѣсъ, на каждомъ шагу невольно поражаешься величественными картинами дѣвственной сибирской природы, встающими во всей своей угрюмой красотѣ...

Чурилова—совсѣмъ маленькая деревушка; она состоитъ всего лишь изъ семи дворовъ. Отсюда мы поплыли далѣе въ берестянкахъ, т. к. лошадей въ деревнѣ не оказалось (все были на работѣ въ полѣ), а идти пѣшкомъ болѣе не отважились. Изъ Чуриловой отправились довольно поздно; дорогою настигла насъ ночь. Пришлось пристать къ берегу и заночевать въ лѣсу. Утромъ (1 сентября) поплыли дальше и пристали къ дер. *Абакшиной*. Эта деревушка—нѣсколько болѣе предыдущихъ; въ ней насчитываются свыше двадцати дворовъ. Одна изъ абакшинскихъ избъ по своей внѣшности показалась намъ нѣсколько лучше другихъ, и мы направились въ нее, чтобы выпить чаю и спросить чего-нибудь свѣстнаго. Расписанныя яркими фанстатической формы цвѣтами стѣны горницы и такъ-же „изукрашенный“ стоявшій здѣсь столъ, служили доказательствомъ того, что мы находимся въ избѣ сравнительно зажиточнаго крестьянина. Дѣйствительно, хозяиномъ дома оказался мѣстный кулакъ и „благодѣтель“ (впрочемъ, проявляющій свою дѣятельность въ очень небольшихъ размѣрахъ, такъ-какъ Абакшина служитъ буфферомъ столкновенія интересовъ болѣе крупныхъ „воротилъ“, въ лицѣ кочергинскаго „купца“ Облизанова и коченгскаго—Щегорина.) Напившись здѣсь чаю и не найдя ничего „болѣе существеннаго“ (хозяина не было дома), мы „отъ нечего дѣлать“ пошли по единственной абакшинской улицѣ. Деревня казалась вымершею; весь народъ былъ на работѣ въ полѣ. Только на одной заваленкѣ сидѣлъ, грѣясь на солнышкѣ, старый престарый дѣдъ. Мы подошли къ нему и вступили въ разговоръ. Онъ отвѣчалъ на наши вопросы какъ-то вяло и угрюмо. Изъ его краткихъ, отрывистыхъ репликъ для насъ съ первыхъ же словъ предстала печальная картина его жалкой, полуголодной жизни. Старикъ жаловался на то, что пошли совсѣмъ худыя времена: хлѣбъ не родится, охота—плоха; говорилъ, что въ „его время“ жилось лучше, а теперь и „поѣсть досыта не даютъ“... Жалобы старика, повторяющія уже прежде слышанное нами о мѣстной жизни, вызвали на грустные размышленія...

На рѣкѣ мы увидѣли причаленную къ берегу обыкновенную деревянную лодку (не берестянку) небольшихъ размѣровъ. Изъ разспросовъ нашихъ выяснилось, что лодка эта (едва ли не единственная между Кочергою и Коченгою) принадлежала коченгскому священнику, совершавшему въ ней лѣтомъ разъѣзды по своему обширному приходу. Въ данный моментъ лодка была въ Абакшиной потому, что ожидается проѣздъ „сверху“ матушки-попадья.* Для нея то и предназначалась лодка, оставленная „батюшкой“ (выше ее завести нельзя было, по причинѣ сильнаго мелководья Илима, позволяющаго проплывать только берестянкамъ, о чемъ я уже говорилъ прежде.)

По случайности, съ „матушкой“, которую ожидала эта лодка, мы встрѣчались незадолго до выѣзда своего изъ Иркутска (одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ знакомъ съ нею прежде) и знали, что она должна проѣхать здѣсь еще не скоро. Последнее обстоятельство натолкнуло насъ на мысль воспользоваться лодкою, проплывъ въ ней до Коченги, а оттуда возвратить ее на прежнее мѣсто съ нанятымъ для этой цѣли „ямщикомъ.“ По нашимъ расчетамъ, лодка могла быть представлена обратна въ Абакшину до пріѣзда сюда „матушки.“ Тотъ-же спутникъ, знакомый и съ владѣльцемъ лодки, увѣрилъ насъ, что батюшка ничего не будетъ имѣть противъ самовольнаго „захвата“ нами лодки, и что онъ принимаетъ всю отвѣтственность передъ нимъ на себя (онъ служилъ ранѣе „подъ начальствомъ“ этого священника учителемъ въ Коченгѣ); а между тѣмъ—мы проплывемъ въ лодкѣ значительно удобнѣе и спокойнѣе, чѣмъ въ берестянкахъ.

Неудачная попытка нанять лодочниковъ въ Абакшиной (привезшіе насъ сюда не брались плыть дальше) еще болѣе укрѣпила насъ въ намѣреніи воспользоваться лодкою священника.

Задумано—сдѣлано. Мы перенесли въ лодку свой багажъ съли сами и—пустились въ путь одни, безъ провожатаго лодмана. Все тотъ-же „бывалый“ спутникъ заявилъ, что онъ плавалъ здѣсь не разъ прежде,— и мы вполне довѣрились его опытности и знанію мѣста.

Но едва мы отплыли саженъ двадцать отъ деревни, какъ лодка наша основательно засѣла на мель и никакими усиліями съ помощью шестовъ и весель—невозможно было сдвинуть ее

съ мѣста. Пришлось разуваться, лѣзть по поясъ въ воду и стаскивать лодку руками съ мели. Плывъ дальше и садясь, то и дѣло, на мель, мы очень скоро разочаровались въ „удобствахъ“ деревянной лодки, убѣдившись горькимъ опытомъ, что въ верховьяхъ Илима невозможенъ никакой иной типъ лодокъ, кромѣ берестянокъ, не смотря на всѣ неудобства послѣднихъ...

Описывая наши „злоключенія,* сопряженныя съ плаваніемъ по Илимѣ, не могу обойти молчаніемъ чрезвычайнаго обилія мошки (или—какъ говорятъ здѣшніе крестьяне,—„гнуса“), которая прямо-таки отравляла намъ существованіе, пока мы, наученные горькимъ опытомъ, не обзавелись сѣтками (а это случилось уже позднѣе—въ Коченгѣ). Мошка залѣпляла намъ глаза, набивалась въ уши, носы, рты, немилосердно „жала“ лица и руки—и буквально не давала намъ грести и править лодкою... Приходилось плыть въ перчаткахъ, завѣшивать лица всѣмъ, что было подъ руками подходящаго для этой цѣли—доносныхъ платковъ включительно. У меня въ чемоданѣ, по счастью, отыскалась дамская вуалетка, которая и оказала мнѣ неоцѣнимую услугу. Нужно сказать, что мѣстные жители въ это время года нигде не выходятъ изъ дому безъ сѣтокъ. Мошка оставляетъ свои преслѣдованія только при быстрой ѣздѣ...

Въ десяти верстахъ отъ Абакшиной, на лѣвомъ берегу Илима, находится выселокъ *Константиновскій*, въ одинъ дворъ. Здѣсь одинъ изъ моихъ спутниковъ купилъ за три рубля берестянку и пересѣлъ въ нее. Плывъ дальше, миновали небольшую деревушку *Лоховскую*. Сумерки уже спускались на землю и становилось темно. Разглядѣть встрѣчавшіяся на каждомъ шагу „шиверы“ не было возможности, и мы почти поминутно садились на мель, стаскиваніе лодки съ которыхъ отнимало много времени. По расчетамъ „бывалаго“ спутника, мы еще „засвѣтло“ должны были приплыть въ дер. *Солодкову*, гдѣ и намѣревались провести ночь. Но вечеръ уже совсѣмъ наступилъ, а деревни все еще не было видно.

Нѣкоторые изъ насъ предлагали пристать къ берегу и заночевать въ лѣсу, указывая на то, что плыть теперь становилось и холодно и небезопасно. Въ двухъ шагахъ отъ лодки ничего не было видно, а Илимъ въ этомъ мѣстѣ былъ уже достаточно глубокъ (конечно, мѣстами) для того, чтобы можно было уто-

путь въ немъ. Другіе же (въ числѣ ихъ и „бывалый“ спутникъ) настаивали, чтобы плыть дальше, рисуя намъ заманчивую перспективу ужина и ночлега въ теплой избѣ. Послѣдній аргументъ одержалъ верхъ надъ всѣми, и мы гребли изо всѣхъ силъ чтобы поскорѣе добраться до деревни. Плывшій въ берестянкѣ, отставая, то и дѣло окликалъ насъ. Положеніе казалось поистинѣ трагическимъ, т. к., не видя ничего вокругъ себя, онъ каждую минуту рисковалъ или продрать дно берестянки о встрѣчную шиверу или неосторожнымъ движеніемъ зачерпнуть ее водою и пойти ко дну...

Наконецъ, вдали замелькали огоньки. Это и была обѣтованная для насъ деревня Солодкова.

Крестьяне, привлеченные нашими криками, встрѣтили насъ на берегу съ огнями въ рукахъ.

Они узнали бывавшаго здѣсь прежде моего товарища (который служилъ учителемъ въ Коченгѣ) и, захвативъ съ собою изъ лодокъ всѣ наши пожитки, повели насъ въ одну изъ своихъ избъ. Здѣсь, такъ-же, какъ и въ Кочергѣ, собралась вскорѣ почти вся деревня и мы были засыпаны градомъ перекрестныхъ вопросовъ о томъ „что слышно новаго на бѣломъ свѣтѣ,“ „будеть-ли опять война съ Китаемъ“ и т. д.

Усталые, перемокшіе и озябшіе, сидя за горячимъ самоваромъ, мы, какъ могли, отвѣчали на всѣ эти вопросы...

(Продолженіе будетъ).

К. В. Дубровскій.

Шутъ.

(Посвящается Л. И. Андрусону).

Шутя, надѣлъ я маску и колпакъ;
 Шутя, я разыгралъ шута.
 Но каждый жестъ мой, каждый знакъ
 Былъ близокъ къ цѣли, какъ мечта.
 Я много пилъ, мѣнялся и острилъ,
 Но дерзко думалъ объ одномъ,
 И въ сердцѣ, чуткомъ и больномъ,
 Глухую ненависть тайлъ.

Дождемъ костей осыпали меня,
 Когда я пѣлъ подь рокоть струнъ,
 Мой гимнъ властятелю огня,
 Творцу цвѣтовъ и блѣдныхъ лунъ.

И было мной коварство рѣшено:
 Скользнулъ, какъ молнія, мой взглядъ,
 И въ искрометное вино
 Я незамѣтно вылилъ ядъ.

И, вставши, крикнулъ: „Слушать и молчать!
 Я вамъ достойно заплачу.
 Пусть каждый пѣтъ, кто хочетъ знать,
 Какъ я по новому шучу.“

Сверкая золотомъ рѣзьбы,
 Всѣхъ обошелъ зловѣщій рогъ...
 И дрогнулъ праздничный чертогъ
 Отъ стоновъ гнѣва и мольбы.

Я хохоталъ и съ факеломъ въ рукѣ
 Бросалъ огонь во всѣ концы;
 А на измятомъ колпакѣ
 Гремѣли звонко бубенцы!

А. Рославлевъ.

Вѣнокъ.

(Новелла Г. де-Лисъ)

Маленькій Сюфренъ Костюлатъ предпочиталъ бѣганіе по полямъ и ловлю птичекъ сидѣнію въ школѣ. Онъ любилъ взбираться на скалистые утесы, покрытые пыльными пучками лаванды и другихъ растеній; крутыя тропинки оттуда спускались вплотную къ морю, лазурному Средиземному морю, омывавшему крутой берегъ своими волнами.

Наибольшей-же радостью для него было уѣзжать вмѣстѣ съ рыбаками ихъ деревушки, которые охотно брали съ собой маль-

чугана, потому что любили его за его веселость и за страсть къ морю. За эти экскурсіи дома ему не оказывали ласковаго приѣма; поэтому онъ и приходилъ съ опущенной головой, потихоньку проскальзывалъ въ пріотворенную дверь и совершенно съеживался подъ строгимъ взглядомъ отца, честнаго труженника, убивавшаго себя работой.

По его знаку, онъ скрывался въ свою каморку и притворялся спящимъ; когда же ночью его мать съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами приносила ему тайкомъ ужинъ, онъ бросался къ ней на шею и обѣщалъ быть послушнымъ. Но вскорѣ наступало утро, когда небо было такъ ясно, когда солнце свѣтило особенно пріятливо, птицы пѣли на свободѣ, — и добрыя намѣренія его улетали въ пространство...

Однажды вечеромъ, вернувшись домой безъ особеннаго страха, потому что онъ подогналъ свой приходъ ко времени возвращенія изъ школы, онъ остановился въ дверяхъ, пораженный представившимся ему зрѣлищемъ. Его отецъ лежалъ на кровати, у изголовья его рыдала мать.

Умирающій узналъ шаги сына, открылъ глаза и подзвалъ его прерывающимся голосомъ.

Ребенокъ приблизился болѣе удивленный, чѣмъ испуганный; его дѣтское воображеніе не давало собѣ отчета въ происшедшемъ.

— Дитя мое! — сказалъ Маріусъ, кладя свою закорузлую руку на спутанные волосы сына — дитя мое, я умираю. Я не хочу бранить тебя въ такую минуту, а ты и сегодня не былъ въ классѣ. Я знаю это потому, что я посылалъ за тобой. Тебя не было, когда священникъ меня причащалъ, я могъ умереть, не благословивъ тебя...

Голосъ умирающаго пресѣкъся. Маленькій Сюфренъ горько плакалъ. Онъ хорошенько не понималъ, что такое смерть; она заключалась для него въ томъ, что отца его унесутъ на кладбище и онъ его больше не увидитъ; что-то сдавило ему горло и охватывало его всего, какъ при приближеніи чего-то ужасно таинственнаго. Умирающій продолжалъ:

— Ты останешься съ матерью одинъ. Мы были бѣдны до сихъ поръ; теперь вы будете еще бѣднѣе. Послушай, Сюфренъ, если

ты хочешь, чтобы я умеръ спокойно, обѣщай мнѣ, что ты не будешь больше никогда огорчать твою мать.

— Клянусь тебѣ въ этомъ, отецъ!—рыдалъ ребенокъ.

Голова его, склоняясь подъ благословляющей его рукой, коснулась губъ умирающаго, запечатлѣвшихъ на лбу сына послѣдній поцѣлуй.

* * *

Когда настала часъ погребенья, въ домѣ не было ни гроша. Приходскій священникъ, любившій бѣдняковъ, отслужилъ заупокойную обѣдню; за гробомъ шла только несчастная вдова, держа на руку сына. Ребенокъ не плакалъ, и вся его фигурка приняла серьезный, важный видъ. Послѣ отпѣванія, гробъ опускается въ яму; святая вода, какъ слезы, капаетъ на грубую сосновую крышку; потомъ раздается глухой звукъ, затвердѣлая земля покрываетъ доски гроба.

Всѣ уходять, только вдова съ сыномъ слѣдятъ за тѣмъ, какъ могильщикъ зарываетъ яму. Каждый брошенный номъ тяжело отзывается въ сердцѣ бѣдной женщины.

Наконецъ, могильщикъ кончилъ; онъ втыкаетъ въ насыпь деревянный крестъ, окрашенный въ черную краску, вытираетъ потный лобъ рукавомъ и, собравъ свои инструменты, уходитъ. Шумъ его шаговъ мало по малу стихаетъ.

Они остались вдвоемъ—вдова и сирота.

Мать съ отчаяніемъ взглянула на сына, на грубо вытесанный крестъ и прошептала:

— Даже и вѣнка нѣтъ!

Сюфрень не отвѣчалъ ничего.

* * *

Учитель былъ пораженъ усидчивостью и прилежаніемъ Сюфрена со дня похоронъ; онъ не вѣрилъ въ полную метаморфозу самаго шаловливаго изъ своихъ учениковъ.

Ударъ, поразившій семейство Костюлатовъ, объяснялъ ему послушаніе первыхъ дней; въ виду наступленія весны онъ предполагалъ, что и настроеніе мальчика переменится. Но его предположеніе не оправдалось; время шло, а Сюфрень работалъ все

усерднѣе, нагоняя потерянное время; вскорѣ онъ былъ первымъ ученикомъ.

Учитель былъ очень радъ этому, потому что ему жаль было бѣдную вдову, имѣвшую такого шального сына.

Въ день раздачи наградъ Сюфрень попросилъ мать сопровождать его въ школу; сначала она отказалась, не желая показываться публично въ траурѣ, но сынъ такъ ее просилъ, что она, наконецъ, согласилась.

— Хотя къ чему я иду — думала она, — мой мальчикъ ничего не получитъ, онъ потерялъ половину года.

И она сѣла въ самый отдаленный уголокъ.

Но не ослышалась-ли она? Вѣдь вызвали ея сына. Дѣйствительно, вотъ онъ и на эстрадѣ!

Городской голова цѣлуетъ его и возлагаетъ ему на голову зеленый вѣнокъ; его вызываютъ еще и еще. Но вотъ онъ подлѣ нея, подаетъ ей свои вѣнки и подставляетъ лобъ для пошлуня.

Мать плачетъ; эти слезы унимаютъ другія; и, впервые послѣ многихъ лѣтъ, глаза ея загораются радостнымъ блескомъ.

Дворъ пустѣетъ; вдова уходитъ, опираясь на сына, которымъ гордится.

Но что это? Сюфрень удерживаетъ ее, когда она хочетъ идти домой. Куда онъ ее ведетъ?

— Идемъ, мама!

Она слѣдуетъ за нимъ.

Они вышли изъ деревни; вотъ кладбищенская рѣшетка; они входятъ туда и подходятъ къ могилѣ покинувшего ихъ.

Тогда маленькій Сюфрень подходитъ къ кресту и, обращаясь къ матери, говоритъ:

— Вотъ теперь у отца есть и вѣнокъ!..

Перев. Е. Ник—ева.

Уральскія горнозаводскія дѣла.

(Окончаніе, см. кн. 7-8 тек. года).

Это естественно. Переходъ мастеровыхъ въ ряды хлѣбопашцевъ можетъ быть только подъ давленіемъ обстоятельствъ, принуждающихъ къ этому выходу; на примѣръ — при отсутствіи заработка на заводѣ, т. е. при наличности такой причины, которая заставляетъ искать себѣ куса хлѣба въ другой работѣ. И это естественно, если убрать слово „только“ и имѣть въ виду *полный* переходъ мастеровыхъ къ хлѣбопашеству.

Исчисляя, что въ Лысьвенской волости на ревизскую душу приходится болѣе $5\frac{1}{2}$ десятинъ земли (съ арендными покосами), — заводоуправленіе съ гордостью указываетъ на достаточность этого количества земли „для необходимаго обезпеченія крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства средней по величинѣ семьи“. Однако же, — ядовито замѣчаетъ управленіе далѣе, — среди мастеровыхъ завода не встрѣчается случая, когда бы мастеровой оставилъ свою работу въ заводѣ и завялся только сельскимъ хозяйствомъ. Одно только полное отсутствіе работы можетъ заставить мастерового промѣнять заводскую работу на пашню“. Отъ наблюденія заводоуправленія не ускользаютъ и психологическія тонкости. Оно повѣствуетъ, что „съ точки зрѣній своего положенія, онъ (мастеровой) смотритъ свысока на земледѣліе, какъ работу болѣе черную (?!), грубую и менѣе благодарную, чѣмъ работа въ заводѣ“. „Что это мысль вполне вѣрная“, — управленіе, наивночая, думаетъ доказать слѣдующимъ, яко бы, „фактомъ“: „Отчего-бы мастеровому Лысьвенскаго завода, у котораго въ полной исправности сельское хозяйство, имѣется лошадь, — промежутки между работой не утилизировать какой-нибудь работой, исполняемой обыкновенно крестьянами, — перевозкой хотя-бы дровъ въ заводѣ. Не было примѣра, чтобы мастеровой взялъ на себя этотъ трудъ, такъ какъ эту работу исполняютъ вообще крестьяне, а для мастерового эта работа считается унижающей его званіе“. Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы это рабочему промежутки между одной работой не заполнять другой работой, чтобы никакихъ такихъ промежутковъ не было

совѣмъ?). Но, — даже если бы и обоить этотъ вопросъ, — развѣ возка дровъ на заводъ относится къ разряду „земледѣльческихъ“ работъ? Повидимому, нѣтъ. А управленіе основываетъ на этомъ свою „вѣрную мысль“ о томъ, что мастеровой „смотря свысока на земледѣліе“! Путаюсь такимъ образомъ, управленіе далѣе высказываетъ совершенно гадательную увѣренность „что, если бы на выборъ населенію предложенъ былъ достаточный земельный надѣлъ или средній заработокъ на заводѣ, то мастеровое населеніе взяло бы скорѣе послѣдній, чѣмъ остановило бы свое вниманіе на первомъ“. „Въ этомъ случаѣ, — по мнѣнію заводоуправленія, быть можетъ, сказала бы привычка къ извѣстному труду и образу жизни, но, съ другой стороны, есть основаніе полагать, что средній заработокъ на заводѣ даетъ населенію возможность существовать въ матеріальномъ отношеніи далеко не хуже крестьянина, обеспеченнаго полнымъ земельнымъ надѣломъ“. За первымъ изъ этихъ положеній нельзя не признать основательности; что же касается предпочтительнаго стремленія къ „переднему заработку“, то, — при широкой растяжимости понятія „средній“, вообще, — остается полный просторъ для всякаго рода отгадываній, — между прочимъ, и въ области вопроса: что дѣлать данному „индивиду“, когда ему выбора совѣмъ нѣтъ...

Послѣ большого и неосновательнаго разсужденія, заводоуправленіе неожиданно сознается, что, въ сущности, „одно нужно сказать относительно земельного надѣла для мастеровыхъ“: „что онъ при благоприятныхъ условіяхъ климата и почвы даетъ въ округѣ хорошее подспорье въ семейномъ хозяйствѣ къ заработку въ заводѣ и тѣмъ увеличиваетъ матеріальное благосостояніе горнозаводскаго населенія.“ *Quod erat demonstrandum?* Къ чему же было еще „огородъ городить“?

Выводы „Записки“ губернской земской управы относительно количества рабочихъ, имѣющихъ работу въ заводахъ и др. горнозаводскихъ предпріятіяхъ, — даютъ Лысьвенскому заводоуправленію новую благодарную тему для благочестивыхъ размышленій.

Заводоуправленіе оспариваетъ статистику, положенную губернской управой въ основу вѣя заключеній. „Въ общей суммѣ 147426 чел. населенія, входящаго въ районъ горныхъ заводовъ

Пермской губернии, заключается, между прочимъ, и населеніе, которое чуть-ли не въ началѣ XIX столѣтія стало крестьянскимъ, т. е. получило полный земельный надѣлъ послѣ закрытія заводовъ, и самыя селенія уже перестали называться заводами*. Между тѣмъ, въ „Матеріалахъ“, изданныхъ губ. земской управой и давшихъ цифры для ея „Записки“,—населеніе такихъ мѣстностей считается горнозаводскимъ и идетъ въ общій счетъ незанятыхъ рабочихъ рукъ, причемъ число незанятыхъ работой въ этихъ селеніяхъ показано въ 100%*. Такую статистику заводоуправленіе не признаетъ правильной. „При веденіи этой статистики, — говоритъ оно, — не приняты во вниманіе и многія другія обстоятельства, необходимыя для точности ея: переходъ мастеровыхъ изъ одного завода въ другой или изъ округа въ округъ, количество людей, находящихся въ военной службѣ, несущихъ общественную службу, пестрое населеніе Мотовилихи, уходъ многихъ мастеровыхъ на службу, скажемъ, на пароходы, заводы центральной Россіи (Сормово) и многія другія мѣста“. Къ этому заводоуправленіе дѣлаетъ еще сноску: „Не мѣшало бы имѣть на счету и группу мастеровыхъ, которые, вслѣдствіе постояннаго пьянства, воровства, буйства и др. пороковъ, не могутъ быть приняты на заводскую работу“.

Губернская земская управа даетъ на это хорошую отвѣдь, Какъ извѣстно изъ положеній о крестьянахъ (т. IX св. законовъ), послѣдніе дѣлятся на разряды, имѣющіе глубокое значеніе въ бытовомъ, экономическомъ и историческомъ отношеніяхъ, каковы: бывшіе государственные крестьяне, бывшіе помѣщичьи, удѣльные, башкиры, бывшіе горнозаводскіе (мастеровые и сельскіе работники). Вслѣдъ за уничтоженіемъ крѣпостного права, кромѣ общаго и мѣстныхъ положеній о крестьянахъ,—по отношенію къ каждой изъ перечисленныхъ категорій крестьянъ изданъ цѣлый рядъ узаконеній, регулирующихъ отношенія ихъ къ владѣльцамъ, опредѣляющихъ земельное ихъ устройство, способы обезпеченія ихъ въ продовольственномъ отношеніи и пр. Условія, въ которыя поставлены горнозаводскіе крестьяне, какъ въ отношенія земельного устройства и продовольственнаго обезпеченія ихъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ,—существенно отличаются отъ подобныхъ-же условій, относящихся къ крестьянамъ другихъ категорій. Между прочимъ, заключается

свой смысл и въ томъ обстоятельствѣ, что горнозаводскіе крестьяне имѣютъ свою исторію, неразрывно связанную съ исторіей уральскаго горнаго дѣла, въ интересахъ котораго они были нѣкогда оторваны отъ сохи и принудительно выселены на Уралъ, или обращены въ горнорабочихъ изъ вольныхъ поселенцевъ и мѣстныхъ государственныхъ крестьянъ. Естественно, что управа должна была распространить свое изслѣдованіе на всѣхъ горнозаводскихъ крестьянъ (бывшихъ мастеровыхъ и бывшихъ сельскихъ работниковъ), составляющихъ особый классъ населенія, — а не ограничиваться изслѣдованіемъ той лишь части ихъ, которая и по сіе время обращается въ горнозаводскихъ работахъ, и не уменьшать количество этого населенія произвольными исключеніями изъ него лицъ, занятыхъ другими, не горнозаводскими работами, или мастеровыхъ, „которые, вѣдѣтвіе постоянного пьянства, воровства, буйства и др. пороковъ, не могутъ быть приняты на заводскую работу“. Если же губернская управа произвела-бы подобный подборъ горнозаводскаго населенія по признакамъ, рекомендуемымъ заводоуправленіемъ, въ результатѣ получилась-бы извѣстная группа наличныхъ горнозаводскихъ крестьянъ, пригодныхъ, благодаря безупречной нравственности, для заводскихъ работъ. Но управа должна была изслѣдовать положеніе всего горнозаводскаго населенія, а не той лишь части его, которая отличается безупречной нравственностью, — тѣмъ болѣе, что вѣдь, законы-то, касающіеся этого населенія, распространяются одинаково на всѣхъ, какой-бы нравственности ни былъ тотъ или другой горнозаводскій мастерской. Нравственная оцѣнка крестьянъ — замѣчаетъ управа, — конечно, можетъ имѣть свое значеніе при наймѣ и управленіемъ рабочихъ, при выдачѣ пособій, ссудъ и пр., но она не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого значенія при выясненіи того, къ какому классу населенія принадлежитъ то или другое лицо. Думается, кромѣ того, что, вообще, говорить о нравственной оцѣнкѣ въ подобныхъ случаяхъ — дѣло очень и очень щекотливое, а статистика нравственности — и совсѣмъ что-то неслыханное.

Замѣчанія заводоуправленія о необходимости выдѣлить изъ числа горнозаводскаго населенія мастеровыхъ, уходящихъ на сторонніе заработки или несущихъ общественную службу, — отпадаютъ сами собой, такъ какъ въ „Запискѣ“ губ. управы гор-

нозаводское население и безъ того подраздѣляется на двѣ группы—занятыхъ и незанятыхъ горнозаводскими работами, что и имѣется въ виду при всѣхъ разчетахъ управы.

Но тутъ-же заводоуправленіе упрекаетъ управу, что въ ея статистикѣ „господствуетъ какая-то спутанность понятій,“—и само путаетъ цифры. На самомъ дѣлѣ оказывается, что всего горнозаводскаго населенія (бывшихъ мастеровыхъ и бывшихъ сельскихъ работниковъ) въ Пермской губерніи насчитывается 663379 чел. (562801—бывшихъ мастеровыхъ и 100578—сельскихъ работниковъ). Рабочихъ, обращающихся на всѣхъ горныхъ заводахъ Пермской губерніи, насчитывается 137311 (цифра 1897 г.). Цифра же 147426—опредѣляетъ число мастеровыхъ мужского пола въ рабочемъ возрастѣ, проживающихъ въ заводахъ. Изъ этого числа занято работами на заводахъ 68863 человека, или 53 $\frac{1}{2}$ %.

Однако, Лысьвенскому управленію, какъ и Кыштымскому, именно этотъ-то выводъ и не нравится.

„Предположимъ,—схизмичаетъ Лысьвенскій „отзывъ“,—что правленіе Лысьвенскаго горнаго округа на слово вѣритъ (?!), что работами можетъ быть занято вообще только $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ часть всего горнозаводскаго населенія губерніи“,—однако, въ этомъ округѣ „все обстоитъ благополучно“. И опять то же: „Въ Лысьвенскомъ заводѣ занято работами болѣе половины всего населенія. Другая меньшая половина могла-бы имѣть работу, еслибы пожелала, такъ какъ не мастеровые чувствуютъ недостатокъ въ работахъ, а, наоборотъ, заводоуправленіе не можетъ имѣть достаточнаго количества рабочихъ рукъ для исполненія всѣхъ заводскихъ работъ!“. „Гулевыхъ промежутковъ въ округѣ, какъ замѣна однихъ рабочихъ другими, нѣтъ и не можетъ быть при недостаткѣ рабочихъ рукъ. Но промежутки, какъ отдыхъ отъ заводской работы, существуютъ, и они необходимы для мѣстнаго населенія при наличности у большинства мастеровыхъ сельскаго хозяйства, чтобы справиться съ домашней работой. Эти промежутки не всегда одинаково періодически повторяются. Иногда послѣ 4 рабочихъ недѣль мастеровой не работаетъ 5-ую; иногда послѣ 6-й—седьмую“. Тутъ-же правленіе съ видимой охотой поясняетъ и необходимость частыхъ смѣнъ рабочихъ въ теченіе сутокъ: „Продуктивность работы и сохраненіе силъ рабочаго—

Издѣлія Императорской гранильной фабрики въ селѣ Колыванскомъ, Бійскаго у.
(Ouvrages de la fabrique imperiale pour tailler à facettes dans le village Kolivansky).

вотъ главныя причины, которыя побуждаютъ 10—12 часовую смѣну мѣнять на 6—8 часовую. Тотъ, кто наблюдалъ за рабочими, напримѣръ, у пудлингово-сварочныхъ печей, — знаетъ, что значить для рабочаго выносить даже 6-часовую смѣну, когда отъ сильнаго жара печей „потѣніе бываетъ такъ велико, что рубаха рабочаго при высыханіи дѣлается твердою отъ покрывающей ее коры“.* Вслѣдствіе этого, многіе рабочіе приносятъ съ собою на работу другую перемѣну бѣлья, такъ какъ покрывшееся корой бѣлье при нагрѣваніи у печей жжетъ до боли тѣло*.

Такое вниманіе къ рабочему, конечно, очень благородно. Но, между прочимъ, оказывается, что заводоуправленіе почему-то допускаетъ въ своихъ цифрахъ „спутанность понятій“. Приведенныя цифры о рабочихъ промежуткахъ относятся къ 22 февраля 1902 г., а отъ 27 іюля 1899 г. заводоуправленіе сообщало губернской управѣ, что въ Лысьвенскомъ заводѣ на пудлинговыхъ печахъ „рабочему приходится отдыхать въ мѣсяцъ зимой до 7 дней и лѣтомъ отъ 9 до 12 дней, на сварочныхъ печахъ отъ 9 до 12 дней, на листокатальныхъ машинахъ и листобойныхъ молотахъ зимой отъ 9 до 12 и лѣтомъ до 6 дней въ мѣсяцъ.“

И еще одна „спутанность понятій“. Выше заводоуправленіе пальцемъ указывало на то, что мастеровой „смотритъ свысока на земледѣліе“ и „промежутки между работой не утилизируетъ какой-нибудь другой работой“. А теперь оказывается, что подобныя промежутки прямо даже *необходимы* для мѣстнаго населенія *при наличности у большинства мастеровыхъ сельскаго хозяйства*“. Противорѣчіе характерное!

Въ общемъ, все это сводится къ желанію утверждать, „что въ Лысьвенскомъ округѣ не имѣется пока избытка рабочихъ рукъ мастерового населенія и, надо полагать, никогда не будетъ.“ Мнѣніе губ. управы, что грозой въ будущемъ явится улучшеніе техники, преустройство заводовъ и умноженіе рельсовыхъ путей, — кажется правленію „положительно неправильнымъ“, ибо правленіе думаетъ что „весь техническій прогрессъ направляется не къ сокращенію рабочихъ рукъ, а къ увеличенію производства. Кромѣ того, улучшенная техника производства дала

* „Записка“ губ. земской управы, стр. 54.

рабочимъ неслыханный раньше заработокъ“ .. Далѣе — „правленіе только можетъ выразить свое сожалѣніе по поводу убѣжденія управы, что „быстраго технического прогресса по многимъ причинамъ на Уралѣ ожидать невозможно“. Въ этомъ случаѣ мнѣніе правленія совершенно противоположно съ убѣжденіями управы“...

Разумѣется, сужденіе Лысьвенскаго правленія о техническомъ прогрессѣ даже какъ-то странно слышать. Сущность этого прогресса, несомнѣнно, заключается въ ускореніи, удешевленіи и упрощеніи производства; размѣры-же послѣдняго зависятъ не отъ совершенствованія техники, а отъ требованій рынка. Что касается собственно Урала, то техническій прогрессъ существующихъ здѣсь горнозаводскихъ предпріятій представляется давно уже Улитой, которая „ѣдетъ — когда-то будетъ“. Довольно одной покровительственно-поощрительной системы, принятой у насъ по отношенію къ этимъ предпріятіямъ, — чтобы Улита совсѣмъ не торопилась. Но и не въ этомъ еще вся суть. На Уралѣ, — какъ замѣчаетъ губ. управа*), — постановка горнозаводскаго дѣла настолько еще богата пережитками крѣпостной эпохи, что при коренномъ переустройствѣ заводовъ и улучшеніи техники даже и быстрый ростъ производства не въ состояніи предупредить прогрессивнаго уменьшенія числа рабочихъ. Въ своей «Запискѣ» управа ссылается на вычисленія г. Радцига („Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта“), изъ которыхъ видно, что всѣ заводы Урала, — будь они перестроены по типу бельгійской горнозаводской промышленности, -- потребовали-бы всего 11 тыс. рабочихъ (вмѣсто 140—150 тыс.). „Въ ближайшемъ будущемъ громадное сокращеніе потребности въ рабочихъ нужно ожидать отъ развитія рельсовыхъ * путей для передвиженія заводскихъ грузовъ, когда, по выраженію профессора Менделѣева, заводская „гужевая старина“ отойдетъ въ область прошлаго, и громадное большинство конныхъ рабочихъ останется не у дѣлъ“.

Далѣе Лысьвенское правленіе начинаетъ рисовать идиллическое благополучіе рабочихъ его округа.

*) Позднѣйшее добавленіе къ докладу „О мѣрахъ къ обезпеченію горнозаводскаго населенія Пермской губерніи въ продовольственномъ отношеніи“.

Приведя данныя о заработкахъ мастеровыхъ, правленіе съ энтузіазмомъ восклицаетъ: „Что можетъ сказать относительно приложенныхъ таблицъ управа?! Не угодно-ли ей будетъ сравнить заработокъ простыхъ мастеровыхъ съ заработкомъ интеллигентныхъ людей, работающихъ въ самомъ земствѣ,—напр. народныхъ учителей. Нѣтъ нужды говорить уже о видимомъ громадномъ преимуществѣ въ самомъ количествѣ заработка мастерового надъ учительскимъ, но и самыя гигиеническія условія и количество часовыхъ единицъ труда,—все на сторонѣ мастеровыхъ. Во всякомъ случаѣ, средній заработокъ мастерового Лысьвенскаго округа весьма не малъ и вполне достаточенъ для безбѣднаго существованія“ .. И только не иначе, какъ „кстати“, правленіе „должно замѣтить“, что „примѣръ разчета управы относительно того, что въ 1891-92 (голодный) годъ мастеровымъ приходилось работать почти изъ-за хлѣба,—какъ случай исключительный“, — „не можетъ ничего доказывать“ ..

„Если принять во вниманіе,—продолжаетъ правленіе,—то обстоятельство что мастеровому Лысьвенскаго завода (гдѣ почва благопріятна для веденія сельскаго хозяйства) его пріличный земельный надѣлъ даетъ солидное подспорье къ заработку, то экономическое существованіе его прямо надо признать завиднымъ“ ..

Ни болѣе, ни менѣе, какъ „завиднымъ“!.. Неужели-же, въ самомъ дѣлѣ, существуетъ такой земной рай для горнозаводскаго населенія на Уралѣ?

Существуетъ. .. И это видно изъ внѣшнихъ условій существованія мастерового“ Лысьвенскаго завода.

Правленіе не скупится на яркія краски и рисуетъ такую прекрасную картину существованія мѣстнаго рабочаго, что, опасаясь, какъ-бы не испортить ея въ извлеченіяхъ,—мы приводимъ ее цѣликомъ.

„Домъ его (мастерового) по большаѣ части достаточно просторный, часто оштукатуренный внутри, обшитъ снаружи тесомъ. Надворныя строенія соотвѣтствуютъ постройкѣ дома. Въ самомъ домѣ бывають видны нѣкоторые предметы роскоши (!). Одѣвается мастеровой людъ особенно молодежь, такъ, что чиновники средней руки не въ состояніи позволить себѣ такой роскоши въ одеждѣ (!!). Обычно нельзя бываетъ отличить въ праздникъ по одеждѣ служащаго въ конторѣ или заводѣ и получающаго 50

руб. жалованья отъ простого мастераго, работающаго въ заводѣ. Самый столъ мастераго отличается разнообразіемъ(?) и сытностью. Мастерское населеніе не имѣетъ обыкновенія ничего продавать, что относится къ пищѣ. Вновь пріѣзжимъ лицамъ, не успѣвшимъ еще обзавестись собственнымъ хозяйствомъ, очень трудно бываетъ найти для себя даже молока. Ни грибовъ, ни ягодъ лѣтомъ также не бываетъ въ продажѣ по той простой причинѣ, что населеніе не имѣетъ нужды отказывать себѣ въ хорошемъ столѣ. Правленіе не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи (?) представить управѣ маленькую фотографію (?) того, какъ ѣсть и пьеть мастеровой Лысьвенскаго округа.

1) Въ 1900 г. изъ двухъ винныхъ лавокъ Лысьвенскаго завода продано водки 7414 вед, на сумму 60190 руб. Пива выпито въ пивныхъ лавкахъ 600 вед. на 1440 руб. Въ заводѣ 1350 чел. рабочихъ. Слѣдовательно (?) на каждого рабочаго падаетъ въ годъ болѣе $5\frac{1}{3}$ вед. водки и пива...

2) Изъ лавки общества потребителей продано: а) чаю и сахару въ годъ на сумму 14148 руб. 38 к., б) крупчатки 21725 п. Каждый мастеровой (рабочій) только изъ общественной лавки купилъ на 10 руб. 48 коп. чаю и сахару и $16\frac{5}{14}$ пуда крупчатки, не считая другихъ пищевыхъ продуктовъ. Въ теченіе истекшаго заводскаго года ($19^{00}/_{01}$) выдано платъ по заводу до 370,000 руб. на 1350 рабочихъ. Среднимъ числомъ, значить, каждый рабочій получилъ 274 р. 07 к.—заработокъ, который, кажется, достаточенъ для безбѣднаго существованія.* Изъ данныхъ по другимъ заводамъ округа правленіе „видитъ“, что „пьеть и ѣсть мастеровое населеніе Лысьвенскаго округа основательно по той простой причинѣ, что заработокъ позволяетъ дѣлать это.“ „Надобно замѣтить,—прибавляется къ этому,—что, кромѣ лавокъ общества потребителей, въ заводахъ много торгующихъ людей которые ведутъ свои торговля дѣла весьма неплохо“.

Словомъ, получается нѣчто почти идеальное.

Si non e vero, e ben trovato!

Посмотримъ, однако, насколько соотвѣтствуютъ истинѣ эти краснорѣчивыя описанія и выкладки правленія.

По свѣдѣніямъ послѣдняго, доставленнымъ при „отзывѣ“,— всего въ округѣ въ 1900 г. рабочихъ платъ было выдано 721414 р. 10 к.; въ отдѣльныхъ случаяхъ заработки рабочихъ

колебались въ предѣлахъ между 36 и 920 рублями; въ Бисерскомъ же заводѣ средній головой заработокъ одного мастерового опредѣлился въ 423 р. 17 к.

Установить правильность производимаго правленіемъ учета потребленія рабочими спиртныхъ напитковъ и пр.—разумѣется невозможно, какъ и, вообще, невозможенъ подобный учетъ. О количествѣ продажи водки и пива не трудно узнать отъ продавцовъ винныхъ и пивныхъ лавокъ, по ихъ отчетамъ; но въ этихъ лавкахъ опроса и регистрація посѣтителей не ведется. Одно неоспоримо ясно, что потребителями спиртныхъ напитковъ не являются исключительно рабочіе. Тоже—и относительно другихъ предметовъ потребленія. Безъ всякаго сомнѣнія, торжественные выводы заводоуправленія зъ данномъ отношеніи—болѣе, чѣмъ опрометчивы.

Но предоставимъ слово губернской управѣ, сопоставляющей данныя самого-же правленія.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ управѣ правленіемъ (отъ 24 іюня 1898 г. за № 2184), въ 4 заводахъ округа въ 1897 г. обращалось въ работахъ 9642 чел рабочихъ и, кромѣ того, на Крестовоздвиженскихъ золото-платиновыхъ прискахъ—10042 ч. Если принять число собственно-заводскихъ рабочихъ и для 1900 г. въ 9642 чел. и раздѣлить на это число сумму выданныхъ въ 1900 г. рабочихъ платъ (721414 р. 10 к.),—то средній годовой заработокъ одного рабочаго опредѣлится болѣе, чѣмъ скромной, суммой—74 р. 82 к. Средній годовой заработокъ заводскихъ рабочихъ въ Бисерѣ, опредѣляемый правленіемъ въ 423 р. 17 к., является поэтому весьма сомнительнымъ. Если-же обратиться затѣмъ къ другимъ даннымъ правленія, то эта средняя рабочая плата скажется уже... явно ошибочной.

Въ томъ-же отзывѣ правленія заключается особая таблица, въ которой заработки мастеровыхъ Бисерскаго завода опредѣляются слѣдующими величинами:

	Въ смѣну.	За годъ.		Въ смѣну.	За годъ.
		р к		р к	
Подмастера . . .	82,19	300 —	Подсыпка . . .	59,17	216 —
Работника . . .	65,75	240 —	Угленоса и угле-		
Ученика . . .	49,31	180 —	вата . . .	52,62	192 —
Аппаратчика . . .	65,75	240 —	По сбжигу рудъ	63,00	229 95
Засыпки . . .	65,75	240 —	„разб. рудъ . . .	31,50	114 97
			„дробл. флюса	64,65	235 98

Отсюда видно, что, по свѣдѣніямъ самого-же правленія, вышшая рабочая плата въ Бисерскомъ заводѣ достигаетъ лишь 300 руб. въ годъ. Значитъ, средній заработокъ никоимъ образомъ не можетъ быть равенъ 423 р. 17 к., какъ значится въ другой, тутъ-же приложенной таблицѣ правленія. „Спутанность понятій“—очевидная!

Но даже и послѣднія цифры правленія требуютъ, вѣроятно,—какъ замѣчаетъ губ. управа,—нѣкоторой весьма существенной поправки, такъ какъ, вычисляя размѣры годовыхъ заработковъ, правленіе считало въ году 365 рабочихъ дней. Въ дѣйствительности же, мастеровые въ Бисерскомъ заводѣ работаютъ, конечно, не круглый годъ безъ перерыва. По исправленіи этой любопытной „неточности“ въ расчетахъ правленія, несомнѣнно оказалось-бы, что высшій годовой заработокъ рабочаго въ Бисерскомъ заводѣ значительно меньше 300 руб., а низшій—меньше 114 р. 97 к. (О заработкахъ куренныхъ рабочихъ правленіе почему-то не даетъ никакихъ свѣдѣній).

Итакъ, если допустить, что средній годовой заработокъ рабочаго въ Бисерѣ равенъ 150 руб., то, по свѣдѣніямъ правленія, нужно было-бы заключить, что около $\frac{1}{3}$ своего заработка рабочіе здѣсь тратятъ на водку и пиво, $\frac{1}{3}$ - на чай, сахаръ и крупчатку и лишь немного болѣе $\frac{1}{3}$ —на предметы первой необходимости. Разумѣется, такой бюджетъ рабочей сѣмьи слишкомъ неправдоподобенъ, чтобы данныя правленія можно было признать достоверными,—тѣмъ болѣе, что источниковъ, откуда можно было-бы извлечь эти свѣдѣнія—не существуетъ“.

Что-же касается совершенно фантастическихъ измышленій о роскошныхъ (!) жилищахъ, роскошной (!!) одеждѣ и не менѣе роскошномъ (!!!) столѣ, какими, будто бы, пользуются мастеровые въ Лысьвенскомъ заводѣ,—то оцѣнка этихъ фантазій,—кажется намъ,—понятна сама собой.

Впрочемъ, этимъ еще не оканчивается описаніе идеальнаго состоянія Лысьвенскаго горнаго округа.

Оказывается, что и гигиеническія условія работъ, какъ въ заводахъ, такъ и на пріискахъ округа,—не въ примѣръ прочимъ,—„вообще надо сказать... вполне удовлетворительны“. Теперь съ трудомъ вѣрится—горделиво заявляетъ правленіе—въ справедливость выраженія г. Бертенсона: „Рѣдко, гдѣ на заво-

дахъ заботятся о непосредственной защитѣ рабочихъ отъ поврежденій и несчастныхъ случаевъ*; его слова вышутъ анахронизмомъ. Труды гг. Бертенсона и Рума, по мнѣнію правленія, „давно уже не имѣютъ приложенія къ дѣйствительной жизни“, такъ какъ вышли они въ свѣтъ „чуть-ли не $\frac{1}{4}$ вѣка назадъ.“ За этотъ періодъ времени, съ учрежденіемъ института окружныхъ инженеровъ, вся обстановка горнозаводскихъ работъ совершенно-де измѣнилась,—особенно же (разумѣется!) въ Лысьвенскомъ горномъ округѣ.

Губернская управа „охотно допускаетъ, что въ Лысьвенскомъ округѣ санитарныя условія работъ лучше, чѣмъ во многихъ другихъ заводскихъ округахъ“, но справедливо считаетъ совершенно невѣроятнымъ, чтобы въ теченіе какого-нибудь одного 10-лѣтія *) во всемъ горнозаводскомъ дѣлѣ Урала могъ произойти крутой переворотъ, превратившій бы „ужасающія“ санитарныя условія работъ въ „вполнѣ удовлетворительныя“. Исслѣдованія и самого позднѣйшаго времени, дѣйствительно, ничуть не подтверждаютъ такого быстраго улучшенія,—„даже совсѣмъ напротивъ.“

Въ „Запискѣ“ губ управы подробно выясняется необходимость отмѣны нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ въ настоящее время правилъ, крайне стѣсняющихъ развитіе кустарныхъ промысловъ. Сюда относится, между прочимъ, ст. 11-я положенія о населеніи казенныхъ заводовъ, воспреещающая устройство въ районѣ горныхъ заводовъ разнаго рода огнедѣйствующихъ заведеній.

Лысьвенское правленіе утверждаетъ, что, „за исключеніемъ нѣкоторыхъ единицъ, занимающихся столярнымъ, слесарнымъ, кузнечнымъ и др. мастерствами“,—въ населеніи не замѣчается „стремленія къ кустарной промышленности“ и что оно не рѣшится „мѣнять свой хорошій заработокъ“, получаемый отъ заводоуправленія, „на такой египетскій трудъ, оплачиваемый жалкими грошами“, какимъ являются кустарные промыслы.

*) Исслѣдованіе г. Рума напечатано въ 1882 году. Брошюра-же Бертенсона: „Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Урала“ выпущена въ свѣтъ въ 1892 г., т. е. всего лишь 10, а не 25 лѣтъ тому назадъ.

По мнѣнію-же управы, „развитіе кустарныхъ и, вообще, мелкихъ производствъ на Уралѣ, особенно по переработкѣ на мѣсть *продуктовъ горнозаводской промышленности*, чрезвычайно важно, желательно и необходимо, какъ въ интересахъ государственныхъ, такъ и для поднятія благосостоянія мѣстнаго населенія, „необезпеченнаго горнозаводскими работами или зѣмледѣліемъ“. Для большинства такого населенія развитіе кустарнаго производства является „единственной надеждой на улучшеніе своего положенія“. Такимъ образомъ, вопросъ о развитіи кустарной промышленности среди горнозаводскаго населенія далеко не сводится къ замѣнѣ „хорошаго“ заводскаго заработка „мастеровыхъ“ „жалкими грошами“ отъ „сельскаго труда“, называемаго кустарными промыслами. И даже на сѣздѣ уральскихъ горнопромышленниковъ (въ январѣ тек. года) по этому поводу говорилось очень много—въ тонѣ сочувствія „египетскому труду“. Видимо, постоянство въ нѣкоторыхъ случаяхъ—далеко не является добродѣтелью уральскихъ горнопромышленниковъ.

Въ концѣ концовъ если-бы развитіе кустарной промышленности въ горнозаводскихъ районахъ, дѣйствительно, было столь безнадежнымъ дѣломъ, какимъ оно представляется Лысьвенскому правленію,—то, по остроумному замѣчанію губ. управы, „въ этомъ случаѣ существованіе ст. 11 положенія о населеніи казенныхъ заводовъ и всѣхъ, вообще стѣнительныхъ мѣръ по отношенію къ мелкимъ производствамъ—было-бы уже совершенно безцѣльнымъ съ какой угодно точки зрѣнія“.

Правленіе продолжаетъ высказываться, переходя на принципиальную почву и мѣняя тонъ.

Имъ, правленіемъ, „дано уже все, что можно было дать мастерамъ. Новыя-же нарѣзки земли могутъ обезсилить лѣсное хозяйство владѣльца, такъ необходимое для веденія горнозаводскаго дѣла. Вообще же,—вдругъ раздражается правленіе,—надо замѣтить что управа, озабоченная устройствомъ экономическаго положенія мастерового люда, въ своей „запискѣ“ совершенно игнорируетъ положеніе владѣльцевъ заводовъ (!), смотря на ихъ земельныя владѣнія, какъ на неисощимый источникъ для надѣла мастеровыхъ. Въ этомъ случаѣ желанія управы часто такъ нескромны (?!), что, если бы они были удовлетворены, то горнозаводское производство владѣльца, за отсутствіемъ необходимаго

количества горючаго дешеваго матеріала, должно-бы быть прекращено" (!).

„Нескромное“ желаніе упразды, вызывающее такой отчаянный вопль со стороны Лысьвенскаго управленія, — заключается просто въ признаніи необходимости завершения земельного устройства мастеровыхъ частновладѣльческихъ заводовъ, населеніе которыхъ, какъ извѣстно, или совсѣмъ не получило надѣла, или имѣетъ его въ размѣрахъ, недостаточныхъ для обезпеченія мастеровыхъ. Управа предволагала лишь ходатайствовать объ увеличеніи этого надѣла до размѣровъ земельного надѣла мастеровыхъ посессионныхъ и казенныхъ заводовъ, не высказываясь за какія-либо новыя основанія для обезпеченія земель горнозаводскаго населенія, а настаивая только на примѣненіи къ данному случаю тѣхъ-же принциповъ, какіе уже установлены законами 12 марта 1877 и 19 мая 1893 г.г.“

Оспаривая высказанную губ. управою въ „Запискѣ“ мысль объ установленіи minimum'a рабочихъ платъ, — „правленіе не думаетъ, чтобы можно было заранѣе установить извѣстную норму платъ“. „Платы, по словамъ правленія, — зависятъ отъ многихъ обстоятельствъ и причинъ, и главная изъ нихъ — цѣны рынка на предметы промышленности. Если низки цѣны на рынокѣ на желѣзо и чугуны, то кто можетъ заставить заводоуправленія давать рабочимъ такія платы, которыя будутъ давать только убытокъ предпріятію. Чтобы унормировать платы рабочихъ, надо прежде унормировать цѣны рынка. Если послѣдняго сдѣлать нельзя, то мысль о первомъ надо оставить, какъ фантастическую затѣю“.

Въ этихъ характерныхъ разсужденіяхъ — весь горнозаводскій владѣльческій Уралъ, съ его посползновеніемъ, между прочимъ, и на „нормировку цѣнъ“

Нечего и говорить. насколько представляется справедливымъ мнѣніе губернской управы, полагающей, что съ какой бы точки зрѣнія (только не съ владѣльческой!) ни разсматривать вопросъ, нельзя усмотрѣть несправедливости въ подобной охранѣ интересовъ горнорабочаго населенія; цѣлью является только предупрежденіе „случаевъ, ведущихъ къ вырожденію“, тѣмъ болѣе, что интересы горнозаводской промышленности охраняются государствомъ уже въ теченіе 2-хъ столѣтій. Изъ всѣхъ мѣръ, какія предпринимаются для этой цѣли государствомъ, едва ли не са-

мой тяжелой для него является охрана русского горнозаводскаго дѣла отъ конкуренціи заграничнаго производства путемъ установленія на желѣзные фабрикаты высокихъ таможенныхъ пошлинъ, благодаря которымъ русскій потребитель платитъ за желѣзо двойныя цѣны. Оказывая такое щедрое покровительство предпринимателямъ, государство имѣетъ, конечно, нравственное право позаботиться и объ интересахъ того населенія, трудомъ котораго держится и развивается русская горнозаводская промышленность*.

Лысьвенское правленіе находитъ также „слишкомъ несомненнымъ“ предположеніе губ. управы объ установленіи въ законодательномъ порядкѣ обязанности для заводоуправленій выдавать горнорабочимъ *за выслугу 35 лѣтъ* пенсіи въ размѣрѣ средняго заработка рабочаго за время его службы.

Бывали примѣры выдачи заводоуправленіями пенсій въ микроскопическихъ размѣрахъ (по нѣскольку копѣекъ въ годъ). Это похоже со стороны на какую-то варварскую иронию. Но Лысьвенское правленіе признавая выдаваемые и въ настоящее время пенсіи не столь ужъ ничтожными въ общемъ смыслѣ*), кое-что поясняетъ слѣдующими добродушными фразами: „Состарился, положимъ, или потерялъ трудоспособность мастерской заводской работѣ, но онъ не такъ уже безпомощенъ и одинокъ. Онъ живетъ въ семьѣ гдѣ есть чаще всего нѣсколько работниковъ, имѣется домъ, пашня, корова, иногда не одна, очень часто лошадь, другой домашній скотъ, куры и т. д. Такой инвалидъ труда не представляетъ при вышесказанныхъ (?) условіяхъ изъ себя тяжелаго для семьи лишняго рта. Зная о его семейно-матеріальномъ положеніи, администрація завода и даетъ ему пособіе въ такомъ размѣрѣ, который достаточенъ для удовлетворенія небольшихъ его потребностей и нуждъ при существованіи хозяйства“...

Всѣ эти, нѣсколько курьезные, доводы правленія о ненужности большихъ пенсій для инвалидовъ, которые имѣютъ куръ, корову, иногда не одну и пр. и пр. — нимало, конечно, не убѣди-

*) Хотя и проговаривается въ одномъ само-же: „Размѣръ пенсій и пособій выдаваемыхъ многими частными заводами, поражаетъ съ перваго раза (!) своею мпвнимальностью“...

тельны. Идиллія благополучнаго существованія семьи глава которой „потерялъ трудоспособность“, за очень и очень рѣдкими исключеніями „никакого схода съ суровою дѣйствительностью не имѣетъ“, по выраженію губ. управы. Въ Кусье-Александровскомъ заводѣ, напримѣръ, высшая пенсія (по даннымъ правленія) не превышаетъ 4 руб. въ годъ, или 33 коп. въ мѣсяць! Можно-ли отсюда заключить — задается естественнымъ вопросомъ управа, — что всѣ инвалиды въ этомъ заводѣ находятся въ условіяхъ, вполне обеспечивающихъ ихъ существованіе, и что поэтому правленіе находитъ возможнымъ ограничиваться выдачей имъ карманныхъ денегъ на удовлетвореніе ихъ личныхъ „небольшихъ потребностей“? Увы! — существованіе подобнаго всеобщаго благополучія и мирнаго житія — гдѣ бы то ни было на Уралѣ „болѣе чѣмъ сомнительно“. Впрочемъ, центръ тяжести даннаго вопроса заключается вовсе не въ оцѣнкѣ нужды инвалидовъ, а въ правѣ ихъ на опредѣленное обезпеченіе въ старости за многолѣтнюю выслугу на тяжелой заводской работѣ. Это право, — какъ резонно полагаетъ управа, — „должно быть санкціонировано, и размѣры пенсій точно установлены закономъ, подобно тому, какъ это установлено для лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, гдѣ размѣръ пенсій основывается не на изысканіяхъ степени нужды инвалида и опредѣляется не усмотрѣніемъ, а правомъ каждаго чиновника на извѣстный размѣръ пенсіи, при извѣстномъ окладѣ содержанія, за извѣстную выслугу лѣтъ“.

По поводу предполагавшагося управою ходатайства „о предоставленіи горнозаводскимъ крестьянамъ права на нѣдра ихъ надѣловъ, не ожидая выда и владѣнныхъ записей“, — Лысьвенское правленіе пишетъ: „Едва-ли это ходатайство управы можетъ быть уважено правительствомъ. Законъ не имѣетъ обратной силы. 8 лѣтъ уже прошло, какъ законъ 1893 года вошелъ въ силу, заводоуправленія производили развѣдку и разработку полезныхъ ископаемыхъ на земляхъ, отведенныхъ посессионнымъ крестьянамъ; несомнѣнно, пройдутъ и другіе 7 лѣтъ при дѣйствіи вошедшаго въ силу закона — и 19 мая 1908 года крестьяне получатъ желаемое право“.

Коротко и ясно

Но правленіе этимъ не ограничивается, а продолжаетъ торжествующе-язвительнымъ тономъ:

„Наконецъ, если предположить, что ходатайство управы будетъ уважено, то что будетъ дѣлать съ нѣдрами своего надѣла мастеровой? Вѣдь, не можетъ-же быть, чтобы нашлось много надѣловъ съ видимыми, очевидными, запасами разныхъ рудъ. Производить-же развѣдки полезныхъ ископаемыхъ для владѣльцевъ, у которыхъ поставлено солидно горнозаводское производство, — дѣло довольно нелегкое, требующее большихъ затратъ и работы специалистовъ-инженеровъ. Что-же можетъ сдѣлать въ этомъ направленіи горнозаводскій крестьянинъ при отсутствіи и достаточныхъ для этого средствъ, и рабочихъ специальныхъ силъ? Кромѣ того, не можетъ же быть, чтобы у каждаго горнозаводскаго крестьянина въ его земельномъ надѣлѣ оказалась какая-нибудь руда (правленіе выражается такъ потому, что заботы управы объ улучшеніи экономическаго положенія горнозаводскаго населенія имѣютъ общій характеръ, а не имѣютъ въ виду только благосостояніе отдѣльныхъ лицъ) *). Остается сдѣлать одно фантастическое предположеніе, что въ нѣдрахъ отведеннаго земельного надѣла каждый мастеровой найдетъ золотой самородокъ величиной съ куриное яйцо и будетъ богатъ и счастливъ“.

Такъ побѣдоносно и не безъ нѣкоторыхъ потугъ на остроуміе заканчиваетъ Лысьвенское правленіе свой, въ высшей степени характерный, „отзывъ“.

Этой послѣдней части „отзыва“ губернская земская управа противопоставляетъ слѣдующее обстоятельное „заключеніе“ — возраженіе, къ которому нельзя не присоединиться всецѣло

Горнозаводскіе крестьяне казенныхъ и частныхъ заводовъ по закону не могутъ производить поисковъ и добычи ископаемыхъ на своихъ надѣльныхъ земляхъ, впродъ до выдачи имъ владѣнныхъ записей, а посессионные — до 19 мая 1908 года. Такое ограниченіе правъ горнозаводскихъ крестьянъ на нѣдра ихъ надѣленныхъ угодій является исключительной мѣрой, не имѣвшей мѣста при земельномъ устройствѣ крестьянъ другихъ категорій (не-горнозаводскихъ). Вызвана эта мѣра, очевидно, опасе-

*) Загадочный смыслъ этой фразы заключается, повидимому, только въ неудачной попыткѣ произвести новую „снуганность понятій“ Само собой, ясно, однако, что *общее* воднокозово можетъ сказаться *въ частности*.

ніемъ, что, послѣ отвода надѣловъ горнозаводскому населенію, скрытыя въ нихъ минеральныя богатства могли бы неопредѣленно долгое время оставаться лежащими втунѣ. Повидимому вслѣдствіе этого именно соображенія право развѣдокъ и разработки ископаемыхъ на угодьяхъ, отходящихъ въ надѣлы горнозаводскимъ крестьянамъ, временно предоставлено заводууправленіямъ. Но опасеніе это основано только на недоразумѣніи.

Прежде всего, надежда на заводууправленія далеко не оправдалась. Они и до сихъ поръ не постарались и не съумѣли поставить развѣдочное дѣло въ своихъ дачахъ на должную высоту.*) За 200 слишкомъ лѣтъ существованія уральской горной промышленности, громадное большинство минеральныхъ открытій на Уралѣ было сдѣлано *крестьянами*. Самое возникновеніе, какъ частныхъ, такъ и казенныхъ заводовъ,—во многихъ случаяхъ слѣдовало за открытіями новыхъ залежей рудъ крестьянами. Случалось, говорить управа,—что заводы прекращали свое дѣйствіе за истощеніемъ рудъ, но стоило только горному начальству обѣщать жителямъ награды за отысканіе новыхъ рудныхъ мѣсторожденій, какъ такія мѣсторожденія открывались крестьянами,—и заводы вновь начинали дѣйствовать.

Первый казенный заводъ на Уралѣ (Ницинскій) былъ построенъ, благодаря открытію здѣсь залежей руды однимъ изъ мѣстныхъ жителей. Богатѣйшее на Уралѣ рудное мѣсторожденіе (гора Благодать) открыто вогуломъ Чумпянымъ.

Въ своей „Горной исторіи“ деГеннинъ перечисляетъ рядъ подобныхъ же открытій.

„Въ 1702 г. по Полевой рѣчкѣ на Гумешкахъ вверхъ Чусовой рѣки, въ старыхъ чудскихъ капищахъ найдена мѣдная руда крестьяниномъ Арамилской слободы Козмою Сулеевымъ“.

Въ 1710 г. крестьянинъ Федоръ Бабанъ „у Полевой рѣчки въ горѣ“ нашелъ мѣдную-же руду.

Въ 1720 г. „объявлялъ на Уктусѣ комиссару Бурцеву верхотурецъ Кононъ Заваринъ съ двухъ мѣстъ—по Лобвѣ да по Лялѣ рѣчкамъ—рудные знаки“.

Въ 1733 г. Федоръ Молодой нашелъ мѣдную руду („отъ Уктуса въ 43 верстахъ“).

*) Мнѣ неоднократно приходилось высказываться по этому поводу на страницахъ уральской и столичной печати (см. мою статью „Къ сѣзду геологовъ“, № 38 „С.-Петербург. Вѣд.“) Состоявшійся въ февралѣ тек. года въ Петербургѣ сѣздъ геологовъ былъ первою попыткой къ уясненію положенія нашего развѣдочнаго дѣла, вполне подтвердившій мои доводы.

Въ 1722 г. де'Геннину „отъ мѣстныхъ людей“ „вѣдомо учинилось“, что на р Камѣ при дер. Григоровѣ „въ прежнихъ давнихъ мѣстахъ нѣкто изъ старинныхъ людей нашель мѣдную руду. Мѣсторожденіе было указано де'Геннину, который и построилъ здѣсь мѣдеплавильный заводъ.

По указанію мѣстныхъ-же людей де'Геннинъ нашель на р. Вишерѣ желѣзную руду, „подобную карандашу или свѣтлой антимоніи“.

Въ 1722 г. объявлены „отъ татаръ Боляка Русаева да Азима Ермакова разныя руды, сысканныя въ Кунгурскомъ уѣздѣ“.

Въ 1723 г., благодаря открытію руды по рѣчкѣ Мулланкѣ тѣми-же искателями былъ начатъ постройкой Ягошихинскій заводъ (на мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь г. Пермь).

„Въ Кунгурскомъ же уѣздѣ Степановскаго острожца крестьянинъ Федоръ Попковъ да Верхъ-Ирениской четверти татаринъ Болякъ Русаевъ“ нашли мѣдныя руды по рр Туркѣ, Бырмѣ и Ялыму.

Въ 1722 г. мѣстными людьми „въ Верхотурскихъ горахъ“ найдены руды, которыя „явились во многихъ мѣстахъ прибыльны и велѣно то рудное мѣсто производить сильною рукой“. Но вслѣдъ за тѣмъ, по словамъ де'Геннина, не малая была печаль: руды пресѣклись, и заводы остановились. Снова потребовались услуги крестьянъ, и горное начальство объявило во всеобщее свѣдѣніе: „еже и кто вновь руды обыщетъ, то не токмо тотъ отъ заводскихъ работъ, но и дѣти его отъ службы рекрутской освобождены будутъ“. „И по тому объявленію въ ономъ же году Лялинскій рудоискатель Власъ Коптяковъ объявилъ мѣсто рудное въ Павдинскомъ кряжу“. И „на ономъ Павдинскомъ рудникѣ работа зачалась въ томъ-же году“.

Исторія Уральскаго горнаго дѣла „пестритъ“ такими примѣрами, показывающими, какую крупную роль играли въ немъ всегда крестьяне. Но услуги послѣднихъ далеко не всегда привносили имъ выгоды.

Въ крѣпостную эпоху у крестьянскаго населенія Урала рука была, вообще, связаны, и предприимчивость его поощрялась очень слабо, а чаще — и совсѣмъ не поощрялась. Историческіе факты, однако, какъ видимъ, достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что въ горномъ дѣлѣ далеко не одни боги горшки обжигаютъ. — и отдѣлять въ этой области овецъ отъ барановъ не представляется сколько-нибудь важнымъ. Какъ и 200 лѣтъ тому назадъ, — уральскіе заводы оказываются иногда въ дѣтски-безпомощномъ положеніи изъ-за недостатка матеріаловъ для обработки. Очевидно, за эти 200 лѣтъ они недалеко ушли въ дѣлѣ изученія и исследования земныхъ нѣдръ въ горнозаводскихъ районахъ. Значитъ, передача въ ихъ вѣдѣніе земныхъ нѣдръ горному дѣлу сколько-нибудь значительно не помогла.

Соображенія о преимуществахъ заводууправленій передъ крестьянами въ области развѣдокъ и разработки полезныхъ ископаемыхъ потеряли подъ собою почву (если считать, что они таковую имѣли, вообще).

„Многовѣковымъ опытомъ западно-европейскихъ государствъ установлено что самымъ неблагопріятнымъ условіемъ для развитія горной промышленности является сосредоточеніе земель въ

рукахъ немногихъ предпринимателей, при исключительномъ правѣ послѣднихъ на поверхность и нѣдра земли, а наиболѣе благоприятнымъ — существованіе горной свободы, издавна усвоенной почти всѣми законодательствами Европы“ .. Чѣмъ большій кругъ искателей привлекается къ развѣдкамъ полезныхъ ископаемыхъ, тѣмъ важнѣе это въ интересахъ развитія горной промышленности. Съ этой точки зрѣнія только и слѣдуетъ понимать предоставленіе горнозаводскому населенію права распоряженія нѣдрами надѣльной земли.

„Что будетъ дѣлать съ нѣдрами своего надѣла мастеровой“?

Во первыхъ, — отвѣчаетъ губ. управа, — разработку найденныхъ рудъ мастеровой можетъ передавать на тѣхъ или другихъ условіяхъ заводоуправленіямъ-же, или новымъ предпринимателямъ, а во-вторыхъ, не одни-же руды находятся въ нѣдрахъ земель: кромѣ нихъ, могутъ быть найдены и другія минеральныя богатства, въ которыхъ заводоуправленія совершенно не заинтересованы, — напр., подѣлочные камни (яшма мраморъ, селенитъ и пр.), „самоцвѣты“ и драгоценныя камни, азбестъ, графитъ и т. д.; могутъ быть открыты также новыя россыли и мѣстороженія золота и платины, наконецъ, ртуть, серебро и пр и пр.

„Не можетъ-же быть, — иронизируетъ Лысьвенское правленіе, — чтобы у каждаго горнозаводскаго крестьянина въ его земельномъ надѣлѣ оказалась какая-нибудь руда“.

„Конечно этого не можетъ быть, — соглашается управа — но, благодаря новымъ открытіямъ минеральныхъ богатствъ, среди населенія могутъ возникнуть и новыя крупныя или мелкія производства, которыя обезпечатъ заработокъ населенію, незанятому въ настоящее время горнозаводскими работами“.

Въ главныхъ чертахъ это — все, какъ со стороны заводовладельческихъ „убѣжденій“, такъ и со стороны земской управы, высказывающей положительно и разумно въ интересахъ горнозаводскаго населенія Пермской губерніи.

Односторонность и натянутость владѣльческихъ воззрѣній, характерныя для всего, вообще, горнозаводскаго Урала, — отчетливо выясняются изъ подробно разобраннаго выше и получившаго хорошій отпоръ отъ губернской земской управы „отзыва“ Лысьвенскаго правленія.

Сквозь этотъ „отзывъ“, шитый грубыми бѣлыми нитками смѣлой тенденціозности, — проглядываютъ костлявые контуры предпринимательскихъ стремленій.

Но, — какъ видимъ, — искусственныя краски смываются безъ особеннаго труда, — и некрашенная дѣйствительность рѣзко выступаетъ въ своихъ жалкихъ и вопіющихъ о несправедливости лохмотьяхъ...

П. Б — скій.

Борьба съ нищезствомъ.

(Окончаніе — см. кн. 7—8 текущаго года).

Сказать что либо о томъ, насколько плодотворна дѣятельность московскихъ попечительствъ и насколько подобная организація борьбы съ нищенствомъ пригодна для всей вообще Россіи, въ настоящее время трудно, во первыхъ, потому, что жизнь этихъ попечительствъ еще такъ недавно началась, а во вторыхъ, они существуютъ только въ Москвѣ, гдѣ народъ сравнительно состоятельный и, слѣдовательно, могущій жертвовать довольно значительныя суммы на это благое дѣло. Мы думаемъ, что распространеніе такихъ попечительствъ на всю Россію, конечно, способствовало бы значительному сокращенію числа нищихъ на Руси, но не искоренила-бы нищенства. При распространеніи этихъ попечительствъ на города и села Россіи, оказалось бы, что многіе города и особенно села не располагаютъ настолько солидными матеріальными средствами и не могутъ рассчитывать на столь крупныя пожертвованія мѣстныхъ благотворителей, чтобы подобныя попечительства стояли на должной высотѣ и могли во время помогать всѣмъ нуждающимся. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ могло бы встрѣтиться затрудненіе въ подысканіи дѣятельныхъ, умѣлыхъ и проникнутыхъ любовью къ дѣлу исполнителей, которые согласились бы бесплатно взять на себя нелегкій и нравственно отвѣтственный трудъ руководителей и чиновъ попечительствъ.

Разсмотримъ теперь дѣятельность церковно-приходскихъ попечительствъ, по скольку она касается дѣла борьбы съ нищенствомъ, и дѣятельность благотворительныхъ обществъ, которые имѣютъ своего цѣлью помощь бѣднякамъ и избавленіе отъ нищенства.

Церковно-приходскія попечительства одной изъ своихъ цѣлей ставятъ благотворительность. Такъ, въ четвертомъ и пятомъ пунктахъ пятаго параграфа „Положенія о церковно-приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ“ сказано: „приходскія попечительства обязаны заботиться „объ изысканіи средствъ для учрежденія въ приходѣ школы, больницы, богадѣльни, пріюта и другихъ благотворительныхъ заведеній, устройство и завѣдываніе коими лежатъ также на обязанности попечительствъ; вообще объ оказаніи бѣднымъ людямъ прихода въ необходимыхъ случаяхъ возможныхъ пособій. Состоятъ церковно-приходскія попечительства изъ лицъ „отличающихся благочестіемъ и преданностію вѣрѣ православною“. 1)

Матеріальныя средства, необходимыя для осуществленія цѣлей попечительствъ, „составляются изъ добровольныхъ пожертвованій прихожанъ;“ 2) ближайшимъ-же распорядителемъ этими средствами является священникъ, который состоитъ непрременнымъ членомъ попечительства“. 3) До окончанія года попечительство отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и завѣдываемыхъ имъ суммахъ и имуществѣ общему собранію прихожанъ, отъ котораго зависитъ опредѣленіе порядка отчетности и повѣрка оной.“ 4)

Присматриваясь къ жизни церковно-приходскихъ попечительствъ, мы видимъ, что попечительства эти находятся далеко не въ блестящемъ положеніи: почти вездѣ, гдѣ они были открыты, они влачатъ жалкое существованіе, не пользуясь симпатіями общества. Причина этого заключается въ томъ, что на практикѣ церковно-приходскія попечительства ограничиваютъ свою дѣятельность лишь заботами о благолѣпіи храма и матеріальномъ

1) Положеніе о церк.-приход. попеч. ст. 1.

2) Тамъ же ст. 6.

3) Тамъ же ст. 2.

4) Тамъ же ст. 8.

положеніи духовенства. Благодаря такому служенію дѣятельности попечительствъ, мѣстные прихожане, изъ пожертвованій которыхъ главнымъ образомъ и состояются матеріальныя средства попечительствъ, не понимаютъ цѣли вызвавшей ихъ учрежденіе. „Какъ-же это такъ?—говорятъ они—развѣ мы не кормимъ деньгами и натурой духовенство? Видно еще большаго наши попы захотѣли.“ Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что на церковно приходскія попечительства прихожане смотрятъ, какъ на затыю духовенства, изъ которой оно хочетъ извлечь себѣ выгоду, мало жертвуютъ на нужды этихъ попечительствъ и мало интересуются ихъ жизнью. Съ другой стороны и само духовенство не особенно стремится открывать церковно приходскія попечительства въ своихъ приходахъ, а если и открываетъ, то относится къ нимъ не симпатично. Дѣло въ томъ, что церковно-приходскія попечительства внесли нѣкоторый контроль церковнымъ суммамъ, которыми раньше духовенство распоряжалось совершенно безконтрольно. Такое вторженіе попечительствъ въ сферу власти духовенства естественно, возстановило противъ попечительствъ само духовенство. Какъ на причину, обуславливающую малую продуктивность церковно-приходскихъ попечительствъ, можно указать еще и на то, что цѣль попечительствъ слишкомъ широка. На попечительства, какъ мы видѣли, возложена забота объ устройствѣ церквей, школъ, больницъ, объ улучшеніи быта духовенства и т. п.; осуществленіе всего этого на дѣлѣ требуетъ большого капитала, какимъ попечительства не располагаютъ. Такимъ образомъ, изъ сказаннаго видно, что въ настоящемъ своемъ видѣ церковно-приходскія попечительства осуждены на жалкое существованіе.

Благотворительныя общества, существующія во многихъ городахъ Россіи, тоже мало приносятъ пользы въ дѣлѣ борьбы съ нищенствомъ. Дѣятельность этихъ обществъ, какъ основанныхъ на частной инициативѣ, зависитъ всецѣло отъ лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ. Если эти лица обладаютъ энергіей, умѣютъ достать необходимыя матеріальныя средства, то дѣятельность благотворительныхъ обществъ довольно значительна и замѣтна. При другомъ-же составѣ членовъ, тѣ-же самыя общества влечутъ жалкое существованіе, ограничивая всю свою дѣятельность грошевыми подавніями обращающимся къ нимъ за помощью. За

примѣромъ недалеко ходить. Наше Томское благотворительное общество, не смотря на то, что существуетъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ ¹⁾, ограничиваетъ свою дѣятельность лишь мелкими подачками обращающимся къ нему бѣднякамъ и нищимъ. Никакихъ-же другихъ болѣе рациональныхъ мѣръ борьбы съ нищенствомъ, какъ, на примѣръ, подысканіе работы, устройство домовъ трудолюбія и пр., — общество не принимаетъ.

Далѣе, частныя благотворительныя общества дѣйствуютъ въ разбродъ, безъ общей системы, не зная иногда даже другъ друга. А дѣйствуя въ разбродъ, они не могутъ, конечно, имѣть того успѣха въ борьбѣ съ нищенствомъ, какой они несомнѣнно имѣли бы, если бы дѣйствовали соединенными силами противъ одного общаго врага — нищенства. Тогда на общія средства они могли бы предпринять какія нибудь болѣе существенныя мѣры въ борьбѣ съ нищенствомъ, тогда каждое изъ нихъ могло бы пользоваться опытомъ другихъ. Теперь-же капиталовъ на бѣдныхъ затрачивается нашими частными благотворительными обществами много, пользы отъ этого мало. Этотъ недостатокъ, присущій нашимъ благотворительнымъ обществамъ, нисколько не устраняется существованіемъ устава объ общественномъ призрѣніи. Уставъ этотъ уже отжилъ свой вѣкъ. Жизнь требуетъ замѣны его болѣе соответствующимъ потребностямъ современной жизни законодательнымъ актомъ. Это сознало и само наше правительство. Въ 1892 году оно организовало комиссію подъ предсѣдательствомъ Я. Грота для пересмотра дѣйствующихъ законовъ о призрѣніи бѣдныхъ. Труды этой комиссіи не увѣнчались успѣхомъ. Выработанный ею проектъ организаціи призрѣнія бѣдныхъ не былъ утвержденъ. ¹⁾ Да и самая комиссія, со смер-

1) Дамское благотворительное общество открыто 25 марта 1886 года

1) Сущность проекта заключается въ слѣдующемъ: призрѣніе бѣдныхъ составляетъ „обязательное дѣло государственнаго управленія“. Государство обязано помогать тѣмъ немощнымъ, которые не могутъ получать необходимой помощи отъ родственниковъ или иныхъ лицъ, по общимъ законамъ обязанныхъ имъ помогать. Въ частности, имѣющими право на такое вспоможеніе со стороны государства признаются: а, неспособные къ работѣ; дѣти до 15 лѣтъ, дряхлые старики, больные и илѣты и способные къ работѣ, но временно впавшіе въ крайнюю нужду. Для правльнаго повсемѣстнаго осуществленія государственнаго призрѣнія комиссія признала необходимымъ учрежденіе участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ

тью председателя ея—Я Грота, прекратила фактически свою деятельность. Въ заключеніе этой главы намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о ручной подачѣ милостыни. Ручная подача милостыни въ настоящее время, не смотря на цѣлую сѣть существующихъ въ Россіи благотворительныхъ учреждений и обществъ, является самой распространенной формой благотворительности. Русскій человекъ, по свойственному его натурѣ мягкосердечію, рѣдко пройдетъ мимо просящаго милостыню, чтобы не дать ему копѣйки или куска хлѣба.—При этомъ нашъ русскій благотворитель почти никогда не задаетъ себѣ вопроса о томъ, дѣйствительно-ли нуждающійся стоитъ предъ нимъ, а подаетъ милостыню подѣ вліаніемъ перваго впечатлѣнія, безъ разбору, всякому встрѣчному. Такое отношеніе русскаго человека къ нищимъ, выражающееся въ подачѣ ручной милостыни безъ разбора, дѣлаетъ то, что нищенствующій имѣетъ возможность собрать не только на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей, но и на выпивку, а бережливый можетъ иногда собрать нѣсколько сотъ рублей и на черный день. Такая прибыльность

Сфера дѣятельности каждаго участковаго попечительства ограничивается территоріею волости; кромѣ того, по мнѣнію комисіи, должны быть открыты еще попечительства уѣздныя и губернскія, которыя должны руководить устройствомъ и веденіемъ дѣла призрѣнія въ районахъ уѣздовъ и губерній. При этомъ города въ особыя единицы отъ уѣздныхъ и губернскихъ попечительствъ не выдѣляются.—Оказывать свою помощь эти попечительства должны лицамъ всѣхъ сословій, а потому и въ завѣдываніи дѣлами попечительствъ, по проекту, должны принимать участіе представители земствъ, городовъ, мѣстныхъ административныхъ чиновниковъ, землевладѣльцовъ, духовенства, крестьянъ и пр. На обязанности попечительствъ лежитъ оказываніе нуждающимся помощи самыми разнообразными способами. Для выясненія-же количества лицъ нуждающихся повелѣвается вести списки бѣдняковъ каждаго участка. Средства для покрытія расходовъ по призрѣнію бѣдныхъ попечительства получаютъ отъ уѣздныхъ земствъ, куда они предъ началомъ каждаго года должны представлять приблизительныя смѣты предстоящихъ имъ расходовъ. Смѣты эти, по разсмотрѣніи ихъ уѣздными и губернскими попечительствами, утверждаются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ общія яемскія смѣты. Кромѣ того, попечительствамъ представляется право принимать пожертвованія. Для покрытія-же расходовъ по призрѣнію бѣдныхъ, превышающихъ платежныя силы мѣстныхъ хозяйственныхъ единицъ, долженъ быть образованъ особый фондъ государственнаго призрѣнія путемъ установленія равномернаго сбора со всего населенія Имперіи. (Смотр. „Докладъ подкомисіи по общимъ вопросамъ организаціи призрѣнія бѣдныхъ“ стр. 3, 5, 8, 10, 12, 13, 18, 19, 21).

нищенства вызываетъ то, что человекъ, разъ почему либо начавшій выпрашивать милостыню и познакомившійся съ прибыльностью нищенства, не желаетъ уже потомъ, даже имѣя возможность, вернуться къ своему прежнему честному труду, который, при затратѣ съ его стороны даже значительныхъ усилій, давалъ ему менѣе, чѣмъ даетъ нищенство. И вотъ онъ дѣлается профессиональнымъ нишимъ, про котораго можно сказать словами Л. Поліана — это „человекъ, который поклялся никогда не работать“ *). Съ другой стороны, привольная, праздная и часто разгульная жизнь служитъ соблазномъ для изнуренныхъ работой бѣдняковъ. Видя, съ одной стороны, какъ легко безъ всякихъ, такъ сказать, усилій, достается кусокъ хлѣба нищему и какъ, съ другой стороны, не смотря на всѣ его усилія, ему и его семьѣ часто приходится голодать и отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ, онъ, этотъ честный труженикъ, бросаетъ свой честный трудъ и становится въ ряды нищихъ. Таковы послѣдствія ручной подачи милостыни всѣмъ безъ разбору. А такъ какъ эта форма благотворительности является на Руси господствующей, то и зло, порождаемое ею, безусловно велико и потому съ этой формой благотворительности нужно бороться. Къ сожалѣнію, совсѣмъ искоренить обычай ручной милостыни въ настоящее время невозможно. На это намъ могутъ возразить, что стоитъ лишь издать законъ, воспреещающій подачу милостыни, и обычай этотъ исчезнетъ. Но это возраженіе не основательно. „Безусловное запрещеніе подавать милостыню не можетъ имѣть мѣста — говоритъ профессоръ И. Т. Тарасовъ, — по двумъ причинамъ: 1) такое запрещеніе противно вѣрѣ христіанской и 2) нѣтъ никакихъ средствъ наблюсти за тѣмъ, чтобы запрещеніе это не нарушалось, такъ какъ подача милостыни производится не только на улицахъ, но и на дому“ *). Да такая мѣра борьбы съ ручной подачей милостыни уже была испробована Петромъ Великимъ, но, какъ мы видѣли *), успѣха не имѣла. Этимъ мы и заканчиваемъ разсмотрѣніе тѣхъ мѣръ борьбы съ нищенствомъ,

*) Л. Поліанъ. „Нищенствующій Парижъ“ СПб изд. 1899 г. стр. 173

*. Проф. И. Т. Тарасовъ „Очерки науки полицейскаго права“. Москва, изд 1897 г. стр. 180.

*) См. настоящее сочиненіе стран

какія существуютъ въ настоящее время у насъ на Руси. Въ слѣдующей, послѣдней главѣ мы разсмотримъ тѣ мѣры борьбы съ нищенствомъ, примѣненіе которыхъ приведетъ, по нашему мнѣнію, къ уменьшенію нищенства.

ГЛАВА IV.

Волостныя участковыя попечительства и земледѣльческія колоніи, какъ мѣры борьбы съ нищенствомъ.

Нищенство—это есть болѣзнь, язва нашего общества. Какъ врачъ для успѣшной борьбы съ болѣзью долженъ направлять свою борьбу не только противъ самой болѣзни, но и противъ вызвавшихъ ее причинъ, такъ и мы при борьбѣ съ нищенствомъ должны имѣть въ виду и направлять свою дѣятельность не только противъ существующаго теперь нищенства,—этой болѣзни современнаго намъ общества,—но и противъ тѣхъ причинъ, которыя порождаютъ это нищенство, иначе борьба наша будетъ безцѣльна, такъ какъ, пока будутъ существовать причины нищенства, до тѣхъ поръ будетъ существовать и само нищенство.

Нельзя бороться съ нищенствомъ, справедливо говоритъ Д. А. Ливевъ, „организаціей того или другого вида помощи неимущимъ, не уничтоживъ въ то-же время всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя будутъ одновременно это-же самое нищенство плодить и множить^{*)}).

Посмотримъ-же теперь, какими причинами вызывается нищенство. Причины, вызывающія нищенство, раздѣляются на три большихъ категоріи: экономическія, бытовыя (соціальныя) и этнографическія. Къ числу первыхъ относятся: во первыхъ, *малоземелье* нашихъ крестьянъ, благодаря которому крестьянинъ, занимаясь только земледѣліемъ, часто не можетъ прокормить своей семьи и принужденъ бѣдствовать. Постороннихъ-же заработковъ, могущихъ служить подспорьемъ для малоземельнаго крестьянина, у насъ, благодаря почти совершенному отсутствію кустарныхъ промысловъ, слишкомъ мало. Во вторыхъ, неупорядоченность существующаго у насъ *переселенія* крестьянъ на новыя

*) Д. А. Ливевъ. „Причины русскаго нищенства и необходимыя противъ нихъ мѣры“ СПб, изд. 1891 стр. 3.

мѣста, напр. въ Сибирѣ, когда переселенецъ, истративъ на дорогу свои послѣдніе гроши, съ приходомъ на новое мѣсто не можетъ сносно устроиться, не находитъ себѣ заработка и принужденъ бѣдетвовать. Въ третьихъ, различныя несчастныя случайности, приводящія хозяйство крестьянина въ разстройство, каковы: *продолжительная болѣзнь* единственнаго въ семьѣ работника *надежь* лошади или коровенки, *неурожай*, *пожаръ* и т. п. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ человѣкъ переживаетъ такой критическій моментъ, что, разъ ему не будетъ во время оказана разумная помощь, онъ окончательно раззорится и превратится въ нищаго.

Къ числу *бытовыхъ* или социальныхъ причинъ, вызывающихъ нищенство, относится, во первыхъ, *плохая организація и недостаточное количество* богадѣленъ и вообще *мысль* *призрѣнія* *лицъ нетрудоспособныхъ*. Благодаря чему, эти лица вынуждены или жить на счетъ своей, далеко необезпеченной семьи и этимъ еще болѣе ухудшать ея матеріальное положеніе или же идти побираться съ сумой. Второй бытовой причиной, приводящей къ нищенству, является *пьянство*, которое Д. А. Ливевъ считаетъ самой важной причиной нищенства, о которую разбиваются всякія мѣры помощи бѣдняку: „дѣлайте, что хотите, говоритъ онъ, для поднятія народнаго благосостоянія надѣляйте крестьянина сколько угодно землей, орудіями, кредитомъ—все это разобьется о несокрушимую силу вина.“¹⁾ И дѣйствительно, роковая страсть къ вину не только отнимаетъ у семьи работника, но и лишаетъ ее послѣднихъ средствъ къ существованію, такъ какъ пьянина часто пропиваетъ все, даже самое необходимое.

Наконецъ, въ *этнографическихъ* причинамъ необходимо отнести укоренившуюся отъ тѣхъ или иныхъ условій жизни привычку, какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у *нѣкоторыхъ* народностей, къ *кацскому, бродячему образу жизни* и къ нищенству. Изъ этихъ народностей первое мѣсто занимаютъ цыгане, затѣмъ можно упомянуть еще о башкирахъ и татарахъ.

Вотъ тѣ причины, которыя вызываютъ нищенство. Разсматривая эти причины, нельзя не замѣтить, что первенствующее

¹⁾ Д. А. Ливевъ. „Причины русскаго нищенства и необходимыя противъ нихъ мѣры. Спб. изд. 1891 г. стр. 4.

мѣсто среди нихъ занимаютъ причины экономическія. Какими же мѣрами и способами бороться противъ этихъ причинъ, вызывающихъ нищенство? Мѣры эти должны быть предупредительными, т. е., какъ только человѣкъ, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ, дойдетъ до состоянія крайней бѣдности, граничащей съ нищенствомъ, когда ему нѣтъ другого исхода, кромѣ сумы, тогда необходимо оказать ему помощь, помощь, которая позволила бы ему стать на ноги и зажить такъ, чтобы онъ могъ своимъ трудомъ прокормить семью. Нельзя бѣдняка допускать до сумы. Сума — его погибель. Стоитъ лишь человѣку попробовать, какъ легко достаются средства жизни нищему, и ему уже трудно вернуться къ честной трудовой жизни. Для предупредительной борьбы съ нищенствомъ необходимы средства и при томъ очень значительныя и постоянныя. Ни группа отдѣльныхъ лицъ, ни даже нѣсколько благотворительныхъ обществъ — не могутъ обладать такими средствами, а потому участіе въ этой борьбѣ непременно должно принять и государство. Оно должно ежегодно отчислять изъ своихъ доходовъ опредѣленную сумму на покрытіе издержекъ по оказанію бѣднымъ помощи, и тогда дѣло помощи бѣднымъ не будетъ находиться въ зависимости, какъ теперь, отъ случайныхъ пожертвованій. Ассигновавъ необходимыя средства и установивъ необходимый контроль надъ расходо-ваніемъ этихъ средствъ, правительство этимъ и должно ограничить свое участіе въ дѣлѣ предупредительной борьбы съ нищенствомъ. Самое же дѣло предупредительной борьбы съ нищенствомъ онѣ должны передать въ руки земствъ и городовъ, какъ вѣдающихъ уже и теперь „нужды и пользы населенія“. Но районы дѣятельности уѣздныхъ, а тѣмъ болѣе губернскихъ земствъ слишкомъ велики и не могутъ быть своевременно и точно оувѣдомлены о бѣдственномъ положеніи того или другого лица ихъ района. А между тѣмъ въ дѣлѣ предупредительной борьбы съ нищенствомъ это необходимо и именно для того, чтобы, съ одной стороны, всякій нуждающійся могъ своевременно получить необходимую ему помощь, а съ другой, — чтобы и само земство было гарантировано отъ подачи помощи тунеядцамъ. Въ виду этого для болѣе успѣшной борьбы съ нищенствомъ мы считаемъ необходимымъ раздѣлить нынѣшній районъ дѣятельности уѣзднаго земства — уѣздъ — на болѣе мелкія единицы, приуроч-

чивъ ихъ напр., къ волостямъ. Завѣдываніе дѣлами этой мелкой единицы, которую мы назовемъ волостнымъ участковымъ попечительствомъ, необходимо отдать въ руки лицу близко стоящихъ къ населенію данной мѣстности и знакомыхъ съ экономическими условіями жизни ея населенія. А такими лицами могутъ быть только выборные отъ всехъ классовъ населенія данной мѣстности. Каждое такое попечительство подъ надзоромъ и руководствомъ уѣзднаго земства ведетъ предупредительную борьбу съ нищенствомъ своей мѣстности. Узнавъ, что въ его районѣ есть семейство, настолько обѣднѣвшее, что если ему не будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени оказана помощь, оно окончательно разорится и принуждено будетъ заняться нищенствомъ, попечительство должно немедленно на мѣстѣ изслѣдовать причины обѣдненія и обсудить, какой видъ помощи въ данномъ случаѣ является наиболѣе рациональнымъ, и сообразно съ этимъ оказать помощь: кому — покупкой земледѣльческихъ орудій, кому — покупкой рабочаго скота, кому — деньгами и проч.

Въ руки этихъ-же попечительствъ должна быть отдана и борьба съ нищенствующими уже лицами. При чемъ и въ этихъ случаяхъ волостныя участковыя попечительства должны обращать вниманіе на тѣ причины, которыя заставили человѣка бросить честную трудовую жизнь, и сообразно съ этимъ предпринимать тѣ или другія мѣры борьбы съ ними, ибо, какъ мы говорили въ началѣ нашего сочиненія *), иныя мѣры должны быть тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ нетрудоспособнымъ нищимъ, иныя — когда дѣло касается нищаго профессионала, не желающаго работать и жить честнымъ трудомъ, и, наконецъ, иныя мѣры — когда имѣемъ дѣло съ случайнымъ нищимъ. Такъ, для нищихъ нетрудоспособныхъ нужно прежде всего устройство достаточнаго количества богадѣленъ.

Въ настоящее время во всѣхъ губерніяхъ есть множество стариковъ, калѣкъ и слѣпыхъ, которые имѣютъ несомнѣнное право на мѣсто въ богадѣльнѣ, но вынуждены ходить по міру въ виду отсутствія надлежащаго количества богадѣленъ. Самымъ этимъ нищимъ должно быть дано право требовать отъ попечительствъ помѣщенія ихъ въ богадѣльни или оказанія имъ

*) Смотр. выше стр. 9—11.

соответствующей помощи на дому. Въ послѣднемъ случаѣ попечительства обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы лица, получающія помощь на дому, не занимались нищенствомъ. Если-же лицо нетрудоспособное не будетъ обращаться въ попечительство за помощью, а, между тѣмъ, будетъ уличено въ прошеніи милостыни, то попечительству должно быть дано право помѣщать такое лицо по мимо его желанія въ богадѣльню, гдѣ за нимъ учреждается тщательный надзоръ. Для нищихъ-же профессионаловъ и нищихъ случайныхъ, какъ трудно различимыхъ съ перваго раза, необходимо организовать при каждомъ волостномъ участковомъ попечительствѣ учрежденіе труда. Такимъ учрежденіемъ могутъ служить земледѣльческія колоніи. Организція этихъ колоній, по нашему мнѣнію, должна быть слѣдующая: Каждое волостное участковое попечительство должно имѣть участокъ земли, на которомъ будутъ организованы рационально поставленныя полевая работы. Эти полевая работы будутъ исполняться приведенными туда нищими. Право приводить нищаго въ колонію должно быть дано не только полиціи, но и каждому члену общества. Приведенный такимъ образомъ въ земледѣльческую колонію нищій получаетъ здѣсь опредѣленный участокъ земли, сѣмена и орудія земледѣльческія. Все то, что нищій выработаетъ здѣсь, поступаетъ въ его пользу, за вычетомъ лишь издержекъ производства, которыя возвращаются колоніи. Съ приходшихъ въ колонію нищихъ не берется обязательства жить здѣсь опредѣленное время. Каждый изъ колонистовъ можетъ уйти изъ колоніи во всякое время, но не иначе, какъ представивъ администраціи колоніи данныя о томъ, что онъ имѣетъ средства къ тому, чтобы, по выходѣ изъ колоніи, жить честной трудовой жизнью.

Въ томъ-же случаѣ, когда лицо, вышедшее изъ колоніи, снова займется нищенствомъ и снова будетъ приведено въ колонію, оно обязуется прожить въ колоніи не менѣе одного года, по истеченіи котораго можетъ снова уйти на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ первый разъ. Если-же и послѣ вторичнаго ухода изъ колоніи оно займется нищенствомъ, то обязательное пребываніе его въ колоніи должно продолжаться отъ 5 до 10 лѣтъ, въ зависимости отъ его поведенія и пр. Такія колоніи, на нашъ взглядъ, будутъ очень полезнымъ учрежденіемъ въ дѣлѣ

борьбы съ нищенствомъ: при существованіи ихъ количество пищихъ обязательно должно уменьшиться. Съ одной стороны каждый, къ кому обратится трудоспособный нищій за милостыней, будетъ имѣть нравственное право не только отказать ему въ милостынѣ, но и указать на колонію, какъ на учрежденіе, гдѣ онъ можетъ безъ нравственныхъ униженій, честнымъ трудомъ добыть себѣ кусокъ хлѣба, а при случаѣ и помимо его желанія отправить его въ колонію. Съ другой стороны и сами нищіе, хорошо зная, что, куда бы они ни пошли за сборомъ подаяній, они непримѣнно попадутъ въ колонію, скорѣе займутся честнымъ трудомъ. Такія колоніи мы предлагаемъ организовать для нищихъ, знакомыхъ съ сельскою жизнью и земледѣльческимъ трудомъ. Для нищихъ-же, не привыкшихъ къ полевымъ работамъ и не имѣющихъ понятія о земледѣліи, можно рекомендовать устройство на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и земледѣльческія колоніи, работныхъ домовъ, съ организаціей разнообразныхъ отраслей труда. Въ эти-же работные дома могутъ быть переводимы на зиму и тѣ изъ помѣщенныхъ въ земледѣльческія колоніи лицъ, которые, за прекращеніемъ съ наступленіемъ зимы сельско-хозяйственныхъ работъ, окажутся не у дѣль.

Вотъ тѣ мѣры борьбы съ нищенствомъ, примѣненіе которыхъ, по нашему мнѣнію, должно привести если не къ совершенному уничтоженію нищенства, то во всякомъ случаѣ къ значительному уменьшенію числа нищенствующихъ.

В. Кибальчичъ.

Солдатскія семейства.

Между вопросами, вызванными военнымъ временемъ, совершенно не разсмотрѣнъ нашею печатью одинъ изъ самыхъ животрепещущихъ—вопросъ о матеріальномъ положеніи женъ и дѣтей, остающихся на родинѣ послѣ отправленныхъ въ военныя дѣйствія нижнихъ чиновъ, внезапно взятыхъ изъ запаса въ дѣйствительную службу. Огорванные чрезвычайными обстоятельствами отъ мирнаго труда и отъ своихъ семействъ, при сборахъ на скорую руку, эти люди не могли хотя сколько-нибудь позабо-

тяться о беспомощныхъ близкихъ, потерявшихъ свою главную поддержку. Правительство конечно не знаетъ, какія именно изъ этихъ семействъ испытываютъ нужду и какія обеспечены, между бывшими запасными есть и лица состоятельныя, на примѣръ, тѣ, кто до призыва занимался торговлей. Наоборотъ мѣстное общество, сельское или городское, отлично знаетъ имущественное положеніе каждаго изъ своихъ согражданъ, но далеко не всегда позаботится безъ особыхъ хлопотъ со стороны обездоленнаго и, кромѣ того, оно располагаетъ только своими общественными средствами. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ Россіи и изъ за границы, по преимуществу, изъ славянскихъ земель и изъ Франціи, поступаетъ множество пожертвованій на поддержку русскихъ въ войнѣ съ японцами; въ томъ числѣ идутъ и пожертвованія въ пользу осиротѣвшихъ солдатскихъ семействъ, временно, а можетъ быть и навсегда, лишившихся кормильца—работника; изъ этихъ суммъ составляются особыя капиталы и становится возможнымъ хлопотать о назначеніи пособій уже не изъ однихъ мѣстныхъ средствъ. Въ этихъ хлопотахъ сельскій учитель поставленъ въ тяжелыя условія сравнительно съ городскимъ. Чтобы напомнить о бѣдственномъ положеніи оставленнаго семейства, каждый, конечно, долженъ подать прошеніе кому слѣдуетъ. Занявшись между прочимъ составленіемъ этихъ прошеній въ г. Читѣ, пунктѣ большаго скопленія проходящихъ войскъ и написавъ за 2 мѣсяца не менѣе 400 такихъ просьбъ, я замѣтилъ, что въ числѣ моихъ кліентовъ не было *ни одного* солдата изъ *мѣщанъ*, а всѣ—изъ *крестьянъ*. Это явленіе, довольно странное съ перваго взгляда объясняется очень просто. Мѣщане успѣли подать свои просьбы, еще будучи на родинѣ, такъ какъ ни въ одномъ городѣ не можетъ быть недостатка въ численности лицъ, умѣющихъ написать коротенькую бумагу. Во многихъ случаяхъ можно даже обойтись и безъ всякихъ письменныхъ просьбъ, такъ какъ выборныя мѣщанскія власти—зачастую лица интеллигентныя: они могли и сами догадаться (что, конечно, и дѣлалось) склонить свое общество къ поддержкѣ осиротѣлымъ женщинамъ и дѣтямъ. Совсѣмъ не то въ деревнѣ: тамъ грамотныхъ очень мало, а умѣющихъ составлять бумаги почти и вовсе нѣтъ; выборныя власти въ большинствѣ случаевъ очень неразвиты, не имѣютъ сами яснаго понятія о своихъ пра-

вахъ и обязанностяхъ, стараются какъ можно скорѣе и точнѣе, вѣрнѣе буквально, исполнить исключительно то, что имъ приказано „свыше“, не проявляя при этомъ ни малѣйшей личной инициативы. Сельскій староста прямо приглашаетъ призваннаго на военную службу, не давая ему времени опомниться, боясь, чтобы не влетѣла непріятность ему самому, маленькому представителю власти. Потомъ его отправляютъ въ городъ безъ всякаго замедленія, вродѣ груза большой скорости, и тамъ онъ тотчасъ же поступаетъ въ распоряженіе присутствія по военной повинности, затѣмъ—военнаго начальства, слишкомъ поглащенныхъ своей спеціальной прямой задачей для того, чтобы интересоваться частными дѣлами солдата: всѣ ихъ старанія сводятся исключительно къ тому, чтобы отправить его какъ можно скорѣе къ мѣсту назначенія. А путнику-солдату приходится только повиноваться, „слѣдовать“, куда везутъ, да, пожалуй, еще и мечтать, фантазировать притомъ на очень невеселыя темы. И мерещится въ его воображеніи холодная, нетопленная изба, его голодная жена съ голодными ребятишками, лишенная возможности пойти на поденную работу къ зажиточной сосѣдкѣ, потому что нельзя же оставить однихъ малютокъ, безъ присмотра и заботы! Дѣтишекъ этихъ, малъ мала меньше, отъ одной до восьми душъ въ семьѣ. Но вотъ солдатъ уже зачисленъ въ часть войска и прибылъ въ городъ, напримѣръ, въ Читу, уже сравнительно недалекую отъ мѣста военныхъ дѣйствій. Здѣсь дается такъ сказать передышка, есть свободное время, солдатъ начинаетъ свои хлопоты и — не безъ толку.

Однако, все это—еще въ лучшемъ случаѣ. Бываетъ и хуже. По приблизительному разсчету на сотню беззаботныхъ сельскихъ обществъ, оставляющихъ солдатскія семейства безъ поддержки, придется по десятку такихъ, гдѣ воротилами являются люди бездушные и недобросовѣстные: они требуютъ съ осиротѣлыхъ семействъ, принужденныхъ замѣнить трудъ мужа и отца трудомъ

батрака (вольнонаемного работника), еще и полной уплаты налоговъ, слѣдуемыхъ съ семьи, отсутствующей глава которой былъ въ средѣ ея единственнымъ лицомъ, способнымъ къ труду; они грозятъ, въ случаѣ неуплаты, отобрать земельный надѣлъ, оставить осиротѣлыхъ женщину съ ребятишками буквально безъ куска насущнаго хлѣба. Можно и это поправить, хотя и труднѣе.

А какъ вамъ, читатель, понравится слѣдующій случай, поразившій меня драматизмомъ своего положенія. Хлопочетъ объ увольненіи изъ военной службы крестьянинъ изъ новоселевъ (переселенцевъ) Томской губерніи, по происхожденію уроженецъ одной изъ малороссійскихъ губерній (хохоль). Жена у него умерла, оставивъ ему трехъ малолѣтнихъ дѣтей: старшую дочь 8 лѣтъ, вторую 6 лѣтъ и сына 3-хъ лѣтъ отъ роду. На новое мѣсто онъ пришелъ вмѣстѣ съ женой и, овдовѣвъ, снова не женился. Теперь, въ мобилизацію, его въ числѣ другихъ забрали на службу и дѣти остались на попеченіи деревенскаго общества. И это при извѣстномъ нерасположеніи между чалдонами (коренными сибиряками) и переселенцами (хохлами). Значитъ, бѣдныя малютки остались прямо на произволъ судьбы, на волю Божию!

Тутъ есть, кажется, надъ чѣмъ подумать. И лучше побольше поговорить объ этомъ. Если пожертвованія на военныя надобности вообще и на усиленіе флота въ частности—дѣло хорошее, то поддержка тѣмъ, которыя не сегодня-завтра могутъ сдѣлаться вдовами и сиротами или, лишившись здороваго работника, получить себѣ обратно изувѣченнаго калѣку,—эта поддержка должна быть прежде всего!

В Лапинъ.

Какъ волкъ, затравленный, больной,

Я шелъ тернистыми путями.

Зловѣщій мракъ былъ надо мной

И кочки, ямы подъ ногами

Во тьмѣ я ощупью блуждалъ;

На зовъ не слышалось отвѣта;

Труда и правды я искалъ;

Усталый умъ мой жаждалъ свѣта,

Кругомъ кипѣли зло съ враждой,

Да темь зловѣщая витала.

И только гдѣ то — надъ землей—

Высоко звѣздочка блистала.

Ф Шнуловъ

Жадъ пропастью.

(Разсказъ).

— Такъ вы говорите что я стою на краю бездны? — сказала она, обращаясь къ Ивану Петровичу Нечкину

— Не говорю, а предсказываю. И вѣрьте, Агнія Николаевна, что это время не за горами.

— Посмотримъ! — вызывающе отвѣтила она.

Иванъ Петровичъ задумчиво зашагалъ по небольшой комнаткѣ и отъ волненія началъ крутить свои жиденькіе усы.

— Не понимаю. Просто не понимаю! — возмутился онъ.

— Чего не понимаете? Какой смѣшной!.. Впрочемъ, виновата. Я и забыла, что вы записались въ моралисты. Читайте вашу мораль! — иронически добавила она.

— Да не мораль же Какъ это вы не понимаете?

— Не спорьте!. Я знаю, что сейчасъ вы прочтете мнѣ цѣлое правоученіе: во-первыхъ, о томъ что неприлично явиться въ квартиру холостяка замужней дамѣ, да еще поздно вечеромъ. Правда?

— Ну да. т. е... — замаялся Иванъ Петровичъ

— Угодала? А во вторыхъ — на лицѣ вашемъ написано мучительное опасеніе, что скажутъ хозяева по поводу необыкновеннаго въ вашей жизни визита дамы ночной порою. Не возражайте!..

— Вы правы... И объ этомъ я думалъ.

Агнія Николаевна громко засмѣялась.

— Не разбужу никого?

— Пожалуй, что и разбудите За стѣной спальни хозяевъ.

— А вы боитесь?

— Нѣтъ, не боюсь, но неловко. Я живу въ благочестивомъ семействѣ.

— Есть дочка? — лукаво подхватила Агнія Николаевна. — Ухаживаете?

— Перестаньте! — строго проговорилъ Нечкинъ.

— Ага, трусили!

Стрѣлка часовъ дешевенькаго будильника показывала 11.

Агнія Николаевна состроила удивленное лицо.

— Боже! уже 11 часовъ?!

— Фальшивая! вся фальшивая!—подумалъ Иванъ Петровичъ и глубоко надъ чѣмъ-то задумался.

Мысль его перенеслась въ картины далекаго прошлаго, въ даль минувшихъ дней и пережитаго.

Случайно, на одномъ изъ семейныхъ вечеровъ, онъ встрѣтился съ Агніей Николаевной. Тутъ-же былъ и мужъ ея,—красивый молодой человекъ, одѣтый въ изящный смокингъ. Потомъ Иванъ Петровичъ сталъ часто бывать у Агнии Николаевны. Мужъ ея въ это время какъ-то таинственно исчезъ изъ города, и Иванъ Петровичъ по долгу засиживался въ гостиной Агнии Николаевны. Агнія Николаевна рассказывала ему про свою жизнь, жаловалась на мужа, что онъ прожилъ ея состояніе, что бракъ ея съ Анатодемъ оказался неудачнымъ. Мало-по-малу откровенность Агнии Николаевны перешла въ легкое кокетство, во что-то болѣе серьезное и сильное. Завязывался узелъ начинающагося романа съ рукопожатіями, томными вздохами и поцѣлуями.

Иванъ Петровичъ таялъ, какъ таялъ ледъ подъ лучами весенняго солнца. И вдругъ въ самый этотъ моментъ пріѣхалъ мужъ Агнии Николаевны, и супруги незамѣтно скрылись куда-то изъ города совсѣмъ.

— Проводите меня!—зѣвая, сказала Агнія Николаевна. Пора домой. Что вы все молчите?

Нить воспоминаній была прервана.

Иванъ Петровичъ заторопился.

— Да... да .. сейчасъ...

— Ахъ!—вставая съ кресла, томно протянула Агнія Николаевна. Лицо ея сдѣлалось серьезнымъ, страдальческимъ. Не было и тѣни прежней веселости, кокетства и того легкаго отношенія, съ какимъ она до этого обращалась къ Нечкину.

— Что съ вами?—спросилъ онъ Агнію Николаевну.

— Ничего! Знаете что? Хотите, я останусь сегодня у васъ?

— Агнія Николаевна!—съ ужасомъ воскликнулъ Иванъ Петровичъ.

— Ха, ха... Испугались! Я такъ и знала... Нѣтъ, нѣтъ! Я пошутила...

— Идемте же!—торопилъ ее Иванъ Петровичъ. Правда, неудобно... Хозяева.. Могутъ подумать... Зачѣмъ ставить себя въ ложное положеніе?

— Вы думаете?

Агнія Николаевна подошла близко-близко къ Ивану Петровичу и, склонившись къ его лицу, обдала его горячимъ дыханіемъ.

— Цѣлуйте же!.. Не пропускайте момента, ловите его!..—шептала она. Ну же, ну...

А онъ стоялъ растерянный, съ удивленнымъ вытянутымъ лицомъ.

— Ха, ха... Вы думаете, я люблю васъ?

— Я знаю, что нѣтъ,—просто отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.—Любятъ красивыхъ, сильныхъ, а я ни то, ни другое...

— А умныхъ?—спросила Агнія Николаевна.

— Нѣтъ... или, лучше, не знаю...

— Вы славный, вы ужасно милый..

Въ послѣднихъ словахъ ея слышались искреннія теплыя нотки.

— Нѣтъ, правда.. Вы не такой, какъ другіе мужчины.. съ вами я говорю откровенно, шалю... А тѣ... тѣ видятъ во мнѣ кусокъ вкуснаго мяса, которымъ имъ ужасно хочется полакомиться...

— Припомните-ка,—сказалъ Нечкинъ,—когда и я хотѣлъ вами полакомиться, обладать..

— Нѣтъ, это не то...

— Почему?

— Потому что я сама вызывала васъ на это...

Она задумалась.

— Ахъ, какъ не хочется мнѣ итти въ свой горкій номеръ... Неужели нельзя у васъ остаться такъ?

— Невозможно... Вы шутите...

— Тогда идемте куда-нибудь, ну въ ресторанъ, что-ли... Честное слово, если вы мнѣ еще вѣрите, мнѣ ужасно опротивѣли стѣны моего сквернаго номера, гдѣ я остановилась... Тоска...

— Пожалуй! —нехотя отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.—Идемте въ ресторанъ.

Агнія Николаевна долго одѣвалась.

Иванъ Петровичъ въ это время сходилъ въ кухню и, разбудивъ служанку, попросилъ ее запереть за нимъ двери.

— Готовы?

— Нѣтъ еще. Да куда вы торопитесь?

— Идемте-же! идемте...

Когда они вышли на улицу, Иванъ Петровичъ вздохнулъ свободной грудью.

Его главнымъ образомъ смущали хозяева.

— Богъ знаетъ, что могутъ подумать!..—вертѣлась въ его головѣ безпокойная мысль.—Еще съ квартиры откажутъ...

Лунная декабрьская ночь была морозна, и Иванъ Петровичъ любилъ прислушиваться къ скрипу шаговъ по снѣгу. Маленькій легкій вѣтерокъ обдавалъ его свѣжестью морознаго дыханія ночи.

— Фу, какъ славно!—проговорилъ онъ вслухъ.

— Отчего вы не возьмете меня подъ руку? Я люблю такъ ходить съ вами — сказала Агнія Николаевна.

— Извольте...

Агнія Николаевна близко прижалась къ нему, и онъ чувствовалъ, какъ къ его сердцу приликала струя чего-то теплаго, сердечнаго, ласковаго...

— Милая!—вдругъ какъ-то невольно шепнулъ онъ спутницѣ и началъ страстно цѣловать ея руку.

Она не сопротивлялась и, заглядывая ему въ лицо возбужденными глазами, беззвучно смѣялась...

Въ ресторанѣ они заняли отдѣльный кабинетъ. Изъ зала неслась веселая музыка.

— Какая я скверная!—снимая съ себя сакъ, сказала Агнія Николаевна.—Признайтесь, вы меня осуждаете въ душѣ?

— Да вовсе же нѣтъ!—запротестовалъ Иванъ Петровичъ.— Съ чего вы взяли? Кафешантанная жизнь такъ въ настоящее время обычна, что никто не удивится, если васъ встрѣтитъ здѣсь.

— А съ вами не опасно?

— Ну, это глупости...

Вошелъ лакей и сонными глазами окинулъ гостей.

— Что прикажете?

Агнія Николаевна заказала разварную стерлядь.

— Пожалуйста, вина и пива!—прибавила она.

— Слушаю-съ..

Когда лакей вышелъ, Иванъ Петровичъ перевелъ удивленный взоръ на Агнію Николаевну.

— Вы пьете?

Агнія Николаевна искусственно улыбнулась.

— Странный вопросъ! Когда требую, значить, пью..

Иванъ Петровичъ укоризненно покачалъ головой.

— Опять мораль? Скучно! Давайте, будемъ лучше говорить...

Она придвинулась къ нему и начала гладить своей рукой его волосы.

— Какіе они у васъ мягкіе! — ласково сказала она.

— Признакъ вырожденія!..

— Ну, опять за старую канитель о дегенератизмъ! Перестаньте!..

— Можно.

Иванъ Петровичъ какъ-то весь съежился. Непривычная ресторанная обстановка вліяла на его нервы. Въ этой изящной комнатѣ онъ чувствовалъ себя чужимъ, одинокимъ и не такимъ красивымъ, какимъ требовала вся эта обстановка.

— Только вношу диссонансъ! — горько усмѣхнулся онъ про себя.

Подали вино. Агнія Николаевна разлила въ стаканчики скверный портвейнъ.

— Пьемъ! — сказала она и, чокнувшись съ Печкинымъ, не отрывая губъ, выпила вино.

— Ого! Вы пьете, какъ заправскій пьяница! — пошутилъ Иванъ Петровичъ.

— За послѣднее время я ужасно много пью! — созналась она — И простую пью. Пожалуйста, позвоните.

— Звонили? — сказалъ вошедшій лакей.

— Дайте двѣ рюмки водки!.. — распорядилась Агнія Николаевна. — Только не гримасничайте! — обратилась она къ Печкину. — Терпѣть не могу, когда на меня смотрятъ съ сожалѣніемъ, какъ на великую грѣшницу. А хотите знать, отчего я пью?

— Скажите, такъ буду знать.

— Голубчикъ! Вы не сердитесь.. Я знаю, что вы всегда желали мнѣ добра, но..

— Что, но?

— Не могу! Выпьемъ!..

— Эхъ, Агнія Николаевна! Гибнете вы, гибнете.. Зачѣмъ? — сказала Нечкинъ.

— Молчите! Всѣ вы, господа мужчины, порядочные мерзавцы и подлецы. Гибнуть, такъ гибнуть!.. Теперь я сбросила съ себя ярмо!.. Теперь я хочу простора и шири!.. Не все вамъ.. Вы знаете мою семейную жизнь. Я вамъ рассказывала.

— Да, немножко знаю.

— Вотъ вамъ отвѣтъ, зачѣмъ я пью. Я терпѣла, я много перенесла отъ него оскорбленій, униженій.. Сердце переболѣло!..

— Да вѣдь вы гибнете-то! вы!..

— Ну, и пускай.. Знаете, мнѣ ужасно хочется видѣть жизнь этихъ.. ну какъ вы ихъ тамъ называете? — падшихъ.. Скажите, хорошія онѣ?

— Несчастливыя онѣ!.. Хорошія, но несчастныя!..

— Поѣдьте сейчасъ къ нимъ.. Я хочу видѣть..

— Что за дикая блажь? — удивился Иванъ Петровичъ.

— Нѣтъ, серьезно! — настаивала Агнія Николаевна. — Поѣдьте, голубчикъ..

— Бросьте молоть вздоръ. Иначе я уйду..

— Чтожъ, уходите.. Вы думаете, ваше мѣсто будетъ пустымъ? — цинично засмѣялась Агнія Николаевна.

Иванъ Петровичъ страшно возмутился и началъ торопливо одѣваться.

Агнія Николаевна, немножко охмѣлѣвшая подъ вліяніемъ выпитаго вина, возбужденная, схватила его за руки, и на глазахъ ея показались слезы.

— Не пущу!.. Я пошутила.. Не оставляйте меня..

Ивану Петровичу сдѣлалось ее жаль.

— Ну, полноге!.. перестаньте!.. — утѣшалъ онъ ее.

А она припала къ его плечу и начала судорожно всхлипывать.

— Я боюсь идти туда..

— Куда?

— Къ себѣ въ номеръ.. Понимаете, я чувствую, что я падаю внизъ, падаю. Ко мнѣ ходятъ знакомые мужчины.. Я не могу.. Понимаете? Не оставляйте меня, не уходите!..

Иванъ Петровичъ усадилъ ее на диванъ.

— Они приглашаютъ меня ужинать съ пимомъ..

— А вы не ходите.

— Нѣтъ, не то... Не то!..

И долго еще не могла успокоиться Агнія Николаевна, и слезы блестѣли на ея длинныхъ красивыхъ рѣсницахъ.

— Да, это бездна! бездна! — повторяла она...

Было уже около 4 часовъ утра, когда Нечкинъ и Агнія Николаевна вышли изъ ресторана.

Дежурный извозчикъ предложилъ имъ свои услуги, но Агнія Николаевна отказалась ѣхать.

— Пойдемте пѣшкомъ. Мнѣ не хочется идти въ свой номеръ. Идемъ гулять. Въ гостиницѣ еще не разѣхались. Узнаютъ, что я пришла, и...

-- Агнія Николаевна!. Да неужели же? неужели?

— Ахъ, нѣтъ, не спрашивайте.. Не надо!

— Да вѣдь пропасть это, головокружительная пропасть. Берегитесь!.. Можно завертѣться, закружиться и пасть въ эту бездонную пропасть.. Вы говорите это протестъ противъ неудачно сложившейся семейной жизни. Гдѣ онъ? Въ чемъ? Въ пьянствѣ? простите, — вы просто встали на край пропасти и заглядываете въ ея таинственную глубину. Духъ захватываетъ, сердце колотится, а вы, вы.. Эхъ..

— Погодите, на той бедѣлѣ уѣду отсюда. Необходимо уѣхать, чтобы не растравлять наболѣвшія раны сердца. Гибну, падаю.. ваша правда... Какой вы милый! славный!..

Они прошли длинную улицу до конца.

Занималась заря. Проходили толпами рабочіе на работу.

Иванъ Петровичъ сжалъ ея руку и, указывая на одного изъ этихъ рабочихъ, сказалъ.

— Вы протестуете? да? Такъ протестуйте же, по крайней мѣрѣ, разумно. Возьмите примѣръ хоть съ этого рабочаго. И у него сердце изболѣлось, и ему не сладко живется, а онъ работаетъ, трудится. Въ честномъ упорномъ трудѣ, вотъ въ чемъ заключается протестъ противъ несправедливостей жизни.

— Да, да.. Я поступлю на службу. Мнѣ тамъ обѣщали, въ другомъ городѣ.

— Такъ уѣзжайте же скорѣе! Уѣзжайте!..

— Мужъ бросилъ...

— И не бѣда...

— А они все-таки добиваются...

— Кто?

— Эти гадкіе, скверные мужчины... И вы.

— И я?

— Тоже хотите.. Зачѣмъ вы пошли со мной въ ресторанъ? Иванъ Петровичъ смѣшался.

— Да, правда, зачѣмъ я пошелъ?

И онъ поймалъ себя, что онъ пошелъ въ ресторанъ съ какой-то затаенной мыслью, съ предвзятой цѣлью. Ему сдѣлалось неловко, но онъ не показалъ вида.

— Но я не могу съ вами...

— Агнія Николаевна!

— Нѣтъ. Вы славный, вы мнѣ нравитесь и я не хочу пасть въ вашемъ мнѣніи. А вы.. вы давно согласны...

Холоднымъ обвинительнымъ актомъ отдавались въ ушахъ Ивана Петровича эти слова, на которыя онъ не смѣлъ возразить ничего въ защиту своей совѣсти.

— Я знаю... Не оправдывайтесь. Вотъ что,—вдругъ остановилась она,—хотите, я наканунѣ своего отъѣзда буду ваша! Только наканунѣ? Ну?

— Агнія Николаевна!

— Только не скромничайте!.. Ну, а теперь до свиданья. Я сама приду, напишу.. Извозчикъ! подавай!..

Бѣжавшій въ это время по улицѣ извозчикъ остановился, и Агнія Николаевна сѣла въ сани.

— Въ гостиницу „Россія“... Такъ помните уговоръ!—крикнула она вельдѣ Нечкину.

Иванъ Петровичъ тупо шелъ домой, ничего не соображая, ни о чемъ не думая. Только въ душѣ скреблось что-то гадкое, подлое...

Въ ушахъ стояли обрывки сказанныхъ Агніей Николаевной фразъ.

Ему было стыдно.

— Подлецъ я! подлецъ!—шепталъ онъ, задумчиво шагая по сонной улицѣ.

Прошло около двухъ недѣль.

Иванъ Петровичъ зналъ, что Агнія Николаевна давно уже уѣхала въ городъ №, куда и просила его написать ей письмо

Онъ зналъ также, что Агнія Николаевна послѣдніе дни передъ отъѣздомъ провела въ безумныхъ ночахъ и оргіяхъ. Въ одной изъ этихъ оргій онъ былъ самъ главнымъ участникомъ.

И вотъ ему страстно захотѣлось написать ей письмо.

Онъ сѣлъ за письменный столъ и началъ составлять письмо.

„Многоуважаемая, Агнія Николаевна!

Я не хочу обвинять васъ, что вы поставили себя не такъ, какъ требуетъ жизнь. Миѣ только жаль васъ. Жаль, что вы съ вашимъ золотымъ сердечкомъ стали на край пропасти и готовы въ нее упасть каждый моментъ, каждую секунду. Берегитесь! Я не осуждаю и не имѣю права осуждать, но предостеречь васъ я всегда страстно хотѣлъ и хочу.

Пусть близорукіе люди обвиняютъ васъ, что вы попрали законы приличія, что вы вели себя болѣе свободно и откровенно, чѣмъ тысячи дамъ—Пенелопъ, обдѣлывающихъ свои сердечныя дѣла подъ сурдинку, я васъ не смѣю обвинять. Я только сожалею, что вы ступили на скользкій путь...“

— Впрочемъ, зачѣмъ я пишу?—остановился Иванъ Петровичъ. Какое я имѣю право беречь ея раны? Нѣтъ, не нужно!

И онъ разорвалъ въ клочки начатое письмо.

Потомъ онъ подошелъ къ столу съ бумагами. На одной изъ книгъ лежала измятая пожелтѣвшая записка отъ Агнии Николаевны.

„Сегодня я ваша. Приходите ко мнѣ. Завтра утромъ уѣзжаю.
Агнія.“

— Подлецы! подлецы!

И долго еще лихорадочными глазами измѣривалъ Иванъ Петровичъ свою небольшую комнату.

— Моралисты!—презрительно кинулъ онъ въ пространство — Негодяи! Трусливые негодяи! . Сами же изомнуть, постоичуть все чистое, прекрасное, изуродуютъ красоту.—а потомъ—жертвы общественнаго темперамента!... Кричатъ, возмущаются. . О, подлые, подлые негодяи!..

М С Кларинъ.

Письма изъ городовъ.

Изъ Канска.

Долго ожидаемый, но, за неимѣніемъ у города средствъ, до сихъ поръ не осуществленный вопросъ о постройкѣ зданія для женской прогимназіи близокъ къ осуществленію. Въ день освященія лучшаго зданія въ городѣ, праздновавшагося, кстати сказать, съ большой помпой, подъ магазинъ фирмы Гадаловыхъ, представитель этой фирмы заявилъ присутствующимъ, что часъ постройки въ г. Канскѣ зданія для женской прогимназіи насталъ: фирма ихъ беретъ эту постройку на себя, и сумма, необходимая для этого, уже опредѣлена; мѣсто же для прогимназіи давно пожертвовано покойнымъ мѣстнымъ купцомъ Некрасовымъ; мѣсто находится въ самомъ центрѣ города, рядомъ съ почтово телеграфной конторой.

Если вопросъ о постройкѣ у насъ женской прогимназіи оттягивался съ года на годъ, то вопросъ о постройкѣ зданія подъ общественное собраніе осуществился замѣчательно быстро, и тутъ явился благодѣтелемъ тотъ же Гадаловъ: онъ предложилъ совѣту общественнаго собранія выстроить специальное для собранія зданіе въ центрѣ города рядомъ съ его магазинами, на условіи уплаты ему кортомной платы по 1000 руб. въ годъ срокомъ на три года; условія, безъ сомнѣнія, крайне скромныя, и вотъ въ теченіи лѣта мы видимъ, что, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, въ г. Канскѣ вырастаетъ очень недурненькое деревянное зданіе съ рѣзной вывѣской „Канское Общественное Собранье“; на дняхъ предполагается уже освятить и открыть его.

Пожелаемъ, чтобъ также быстро выросло и зданіе будущей нашей женской прогимназіи.

Постой войскъ у насъ не могъ не отразиться на нашей общественной жизни: съ одной стороны наши домовладѣльцы и коммерсанты не преминули воспользоваться случаемъ, чтобы не накинуть нѣскольکو процентовъ на квартиры и жизненные продукты, съ другой — сказалось оживленіе улицъ, гдѣ нерѣдко мы встрѣчаемъ кавалькады офицеровъ въ сопровожденіи мѣстныхъ амазонокъ; вечеромъ городъ оглашается пѣніемъ солдатиковъ.

Если городъ стонетъ отъ все возрастающей дороговизны на квартиры, дрова и пр., за то добрѣйшій Александръ Ивановичъ (буфетчикъ ст. Канскъ) потираетъ отъ удовольствія руки: его кабачекъ, сирѣчь станціонный буфетъ, торгуя отъ зари до зари, переполненъ алчущей и, въ особенности, жаждущей публикой, приносящей ежедневно Ваалу и Бахусу весьма солидную дань, да и не мудрено, такъ какъ въ нашемъ богоспасаемомъ городкѣ скучающимъ не только пріѣзжимъ, но и мѣстнымъ аборигенамъ, за отсутствіемъ какихъ либо разумныхъ развлеченій, положительно дѣваться некуда.

Настала „страдная“ пора для родителей и жаждущихъ „свѣта“: недостатокъ у насъ, какъ мужскихъ, такъ и особенно женскихъ учебныхъ заведеній, съ каждымъ годомъ сказывается все рѣзче и рѣзче, съ каждымъ годомъ все больше и больше дѣтвора, за отсутствіемъ вакансій, остается за флагомъ.

Въ прошломъ своемъ письмѣ я упомянулъ о постройкѣ у насъ ночлежнаго дома. Домъ этотъ давно уже отстроень, но въ эту зиму едва ли ему придется выполнять прямое свое назначеніе, такъ какъ онъ занятъ подъ пестой преходящихъ

нижнихъ военныхъ чиновъ. Вопросъ о постройкѣ у насъ католическаго костела вырѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ и мѣсто для этой цѣли отведено городомъ на старомъ кладбищѣ между послѣдними городскими зданіями и станціей Канскъ.

Съ 1 іюля и у насъ открыта казенная продажа вина. На весь городъ съ 7—9 тысячнымъ населеніемъ назначено всего двѣ винныхъ лавки, что является болѣе чѣмъ недостаточнымъ. Обѣ лавки, особенно въ базарные дни, когда съѣзжается масса деревенскаго люда, положительно осаждаются алчущими монополюшки.

Закончу настоящее письмо крайне благопріятными свѣдѣніями объ урожаѣ травъ и хлѣбовъ въ настоящемъ году: травы по всему уѣзду превосходныя и скоть сѣномъ будетъ вполне на зиму обеспеченъ, не смотря на то, что сѣна не мало идетъ на кормъ стоящимъ у насъ 500-600 военнымъ лошадямъ; такого обильнаго урожая овса, какъ старики говорятъ, давно уже не бывало; рожь также повсемѣстно хороша и лишь пшеница кое-гдѣ подгуляла. Дожди прошли своевременно; градомъ побито хлѣбовъ весьма не много; одно плохо—убирать сѣно и хлѣбъ по деревнямъ осталось мало рукъ и въ этомъ случаѣ неоцѣнимую услугу оказали жатвенныя машины. Почему и не мѣшало бы г. г. ярестьянскимъ начальникамъ самымъ энергичнымъ образомъ пропагандировать среди сельскихъ обществъ о необходимости покупки *общественныхъ* жатвенныхъ машинъ.

Крапива.

Театръ и музыка.

По поводу одной музыкальной рецензіи.

Въ № 188 „Сибирскаго Вѣстника“ появилась рецензія о концертѣ 23 августа, данномъ г. г. Зубковскимъ и Матчинскимъ.

Авторъ рецензіи пишетъ: „Г. Зубковскій демонстрировалъ передъ нами давно забытую пятиструнную скрипку временъ Моцарта и Листа, которая называлась тогда *viola de gambo*. Она мало отличается отъ обыкновенной скрипки“ и т. д.

Изъ этой фразы видно, что авторъ пишетъ о предметѣ, не имѣя надлежащихъ свѣдѣній по исторіи музыки.

Я оставлю въ сторонѣ „*de gambo*“ вмѣсто „*da gamba*“, т. к. тутъ можетъ быть виноватъ корректоръ. Но фраза заключаетъ въ себѣ цѣлое гнѣздо ошибокъ.

Для того, чтобы читателю сдѣлались ясными эти ошибки приведу маленькую историческую справку.

Въ періодъ предшествующій окончательному образованію современныхъ струнныхъ (смычковыхъ) инструментовъ, насчитывалось до 14 видовъ этихъ инструментовъ. Всѣ они имѣли общее названіе *viola*. Вся эта масса дѣлилась на два рода: 1) *Viola da Braccio* и 2) *Viola da Gamba*. Признакомъ дѣленія былъ способъ употребленія инструментовъ во время игры: *viola da braccio*, ручная скрипка, (*bras—рука*), прислонялась къ плечу лѣвой руки, а *viola da gamba*, ножная скрипка, (*gamba—нога*) ставилась между ногами.

Viola da gamba имѣла *шесть* видовъ; всѣ эти виды имѣли по *шести* а нѣкоторые впоследствии по семи струнъ; кромѣ того на гриффѣ у нихъ были раздѣлительныя связки (то, что въ гитарѣ называется ладами). Теноровая *viola da gamba*, изъ которой образовалась наша *виолончель*, существовала до второй половины 18 столѣтія. Нашъ современный альтъ произошелъ отъ теноровой *виолы da braccio*; а скрипка—отъ дискантовой *виолы da braccio*. На *виолахъ da braccio* ладовъ не было.

Для полноты справки напомнимъ, что Моцартъ родился въ 1756 г., умеръ въ 1791 г., а Листъ жилъ съ 1811 по 1886 г.

Теперь читатель согласится со мною, что рецензію писало лицо, несвѣдущее въ исторіи музыки. Г. Зубковскій демонстрировалъ скрипку съ 5 струнами, видомъ напоминающую современный альтъ и употребляемую во время игры, какъ употребляется альтъ. 1) Называть эту скрипку *viola da gamba* во всякомъ случаѣ нельзя было, т. к. этотъ видъ *viola* дѣлился на 6 подвидовъ и, слѣдовательно, авторъ долженъ былъ точно опредѣлить, къ какому-же именно относится скрипка г. Зубковскаго. 2) Скрипку г. Зубковскаго назвать *viola da gamba* нельзя потому, что еслибы она появилась въ началѣ 18 столѣтія, то по способу употребленія, по отсутствію ладовъ на грифѣ, по количеству струнъ ее бы отнесли къ разряду *viola da braccio*. 3) Сказать, что *viola da gamba* употреблялась Моцартомъ нельзя, т. к. Моцартъ родился уже послѣ того, какъ стали окончательно выходить изъ употребленія разновидности *viola*, превратившись въ современные намъ смычковые инструменты. 4) Сказать „временъ Моцарта и Листа“, это все равно, какъ если бы сказать: „временъ Рафаэля и... Верещагина“, и ужъ во всякомъ случаѣ, если *viola da gamba* вымирала ко времени Моцарта, то тѣмъ болѣе это относится—ко времени музыканта, работавшаго столѣтіемъ позже.

Обнаруживъ въ первой-же фразѣ столько ошибокъ, читатель совершенно иначе отнесется ко всему остальному въ разбираемой замѣткѣ.

Слѣдующая фраза еще больше укрѣпляетъ это недовѣріе.

Она звучитъ такъ: „Въ игрѣ на балалайкѣ у г. Зубковскаго не видно художественной *арранжировки*“. Для того, чтобы читатель не спеціалистъ могъ по достоинству оцѣнить эту фразу, необходимо имѣть въ виду, что „*арранжировка*“ значитъ приспособленіе данной піэсы къ исполненію въ иномъ видѣ, чѣмъ она написана въ оригиналѣ; напр., романсъ для пѣнія можно *арранжировать* для одного фортепіано, фортепіанную піэсу *арранжировать* для оркестра, легкую, простенькую фортепіанную вещь *арранжировать* въ видѣ концертной фантазіи, изобилующей техническими трудностями, и т. п.

Изъ этого ясно, что можетъ быть хорошая игра и вмѣстѣ съ тѣмъ плохая *арранжировка*, можетъ быть плохая *арранжировка* при артистическомъ исполненіи, но сказать, что въ игрѣ

не было художественной арранжировки, это значитъ—сказать музыкальный абсурдъ.

Далѣе рецензентъ говоритъ, что ему не пришлось слышать у г. Зубковскаго „чистыхъ, вѣрныхъ нотъ.“ (не знаю, кстати, возможны ли *чистыя невѣрныя* ноты?)

Между тѣмъ, незадолго до концерта мнѣ пришлось слышать г. Зубковскаго въ одномъ частномъ домѣ, гдѣ онъ исполнилъ всю программу концерта 23 Августа, и я могу удостовѣрить, что не слышалъ ни одной „нечистой невѣрной“ ноты. Чистота интонаціи, противъ которой такъ часто грѣшатъ скрипачи (въ особенности мало надъ собою работающіе), представляетъ несомнѣнно положительную сторону въ игрѣ г. Зубковскаго. Я не пишу здѣсь критической статьи объ этомъ артистѣ; поэтому не буду останавливаться на культивированіи имъ такого сомнительнаго жанра, какъ балалайка, не буду отмѣчать достоинствъ и недостатковъ въ его игрѣ и сочиненіяхъ. Мнѣ хотѣлось только еще лишній разъ напомнить читателямъ, что дѣло музыкальной критики вовсе не такъ просто, какъ кажется, и требуетъ многихъ спеціальныхъ знаній.

Настоящую статью мы получили при письмѣ ея автора, г. I. В. Михайловскаго, сущность котораго и приводимъ:

Многоуважаемый г. Редакторъ!

Въ № 188 „Сибирскаго Вѣстника“ я прочелъ рецензію о концертѣ г. г. Зубковскаго и Матчинскаго, состоявшемся 23 Августа

На изученіе музыки я потратилъ очень много лѣтъ упорнаго труда, посвящая научной работѣ надъ вопросами музыки и теперь много времени; это для меня слишкомъ близкая и дорогая область для того, чтобы я могъ безучастно отнестись къ рѣзкимъ проявленіямъ неправильнаго отношенія къ ней. Такое неправильное отношеніе я усмотрѣлъ со стороны автора рецензіи. Прилагаемую замѣтку я послалъ въ редакцію „Сибирской Жизни.“

Между тѣмъ редакторъ „Сиб. Ж.“ возвратилъ мнѣ замѣтку при любезномъ письмѣ, въ которомъ просилъ измѣнить *тонъ* отзыва.*)

*.) Съ сочиненія авторъ теперь сдѣланы въ зам. незначит. сокращенія. *Примѣч. Редакт.*

Прошу эту замѣтку напечатать въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ, для того, чтобы интеллигентная часть публики могла рѣшить, кто въ данномъ случаѣ правъ. Что же касается *моей* замѣтки, пусть она говоритъ сама за себя.

И. В. Михайловскій, *приватъ-доцентъ университета.*

2 Сентября 1904 г.

Воспоминанія Жикса.

XXII.

(Продолженіе -- См. 7-8 кв. текущего года.)

На другой день Ив. Ивановичъ проснулся ранѣе обыкновеннаго и почему-то чувствовалъ себя не въ себѣ. Ему какъ-бы припоминалось что-то неладное, сдѣланное имъ наканунѣ, но припомнить сразу это сдѣланное онъ никакъ не могъ.

— Ба!..—воскликнулъ онъ себѣ самому за утреннимъ чаемъ. Я оставилъ Жикса!.. Напрасно. Ничего изъ этого не выйдетъ, кромѣ лишней для меня обузы.

Онъ искренно желалъ бы, чтобъ Жиксъ не послушался и уѣхалъ, но я сознавалъ, что тогда престижъ его власти какъ-бы умалялся.

Онъ послалъ за полиціймейстеромъ.

— Уѣхалъ Жиксъ?—спросилъ онъ по прибытіи полиціймейстера.

— Никакъ нѣтъ-съ!—отвѣчалъ вопрошаемый.

— Гм!..—буркнулъ Иванъ Ивановичъ, но ничего не сказалъ.

— Надо присмотрѣть какое нибудь зданіе, годное для устройства театральной залы,—продолжалъ онъ.

— Не имѣется-ли у васъ въ примѣтъ такового? Можно будетъ посмотрѣть домъ Королева, верхній этажъ надъ магазиномъ, по Большой улицѣ.. Можетъ быть, еще гдѣ нибудь попадется?

— Зданій, собственно годныхъ для театральныхъ представленій нѣтъ, отвѣчалъ полиціймейстеръ,—но, конечно, передѣлать

ихъ для сцены можно. Но потребуются не мало денегъ, которыхъ не дадутъ владѣтели зданій.

— Такъ какъ-же быть?

— Я-бы посоветовалъ вашему превосходительству предложить актерамъ играть въ циркъ. Зданіе удобное, приспособленное и никакихъ затрудненій не вызоветъ. Тѣмъ болѣе, что дѣла цирка не важны и содержатель его былъ-бы болѣе чѣмъ радъ.

— Ба!.. Великолѣпная мысль! — вскричалъ Иванъ Ивановичъ — какъ это мнѣ не пришло раньше въ голову? Сегодня-же буду въ циркъ и прикажу Никсу заняться этимъ дѣломъ.

Разговоръ кончился и полиціймейстеръ откланялся.

Вечеромъ того-же дня Никсъ былъ приглашенъ въ губернаторскую ложу и на глазахъ блестящей публики былъ обласканъ губернаторомъ.

— Милый мой, — началъ губернаторъ, усаживая Никса рядомъ съ собою на свободное кресло, — устройте это дѣло и вы развяжете мнѣ руки. Во 1-хъ, сами устройтесь, а во 2 хъ, устройте другихъ. Что-же касается предразсудка, что актерамъ неудобно играть въ циркъ, то это вздоръ и пустяки. Люди, желающіе пользы обществу, не постѣсняются явить себя и въ не совѣмъ подходящей обстановкѣ. Да и зданіе это можно прямо приспособить къ театру. Помните Императорскій циркъ, а нынѣ — блестящій Мариинскій театръ.

— Конечно, ваше превосходительство, не мѣсто крас..

— Ну, то-то же, перебилъ Никса губернаторъ и отпустилъ его съ миромъ.

На другой день Никсъ заявился къ главной примадоннѣ и встрѣтилъ, какъ разъ, у нея и самаго губернатора, и одного изъ значительныхъ чиновниковъ-театраловъ.

— Вотъ и отлично! — началъ Никсъ — При содѣйствіи вашего превосходительства мнѣ уже не трудно будетъ убѣдить почтеннѣйшую Елизавету Федоровну помочь нашему дѣлу.

— Ну, и помогайте, а я васъ оставляю въ прекрасномъ *tête-à-tête*, и дай вамъ Богъ согласія.

Съ этими словами губернаторъ любезно раскланялся съ примадонной и ласково потрепалъ Никса по плечу.

XXIII

Интересуюсь устройствомъ театрального дѣла, губернаторъ преслѣдовалъ двѣ цѣли

Во 1-хъ, онъ устраивалъ актеровъ, а во 2-хъ, всетаки, достигалъ того, что городъ не останется безъ театра, безъ котораго онъ не понималъ смысла разумнаго существованія.

Иванъ Ивановичъ былъ такой театралъ, котораго уже не встрѣтишь въ наше время.

Другъ Шумскаго и поклонникъ Федотовой — онъ иногда до такой степени засиживался въ ея уборной, когда она играла на сценѣ, что часто дремалъ въ ея креслахъ въ ожиданіи конца ея сцены.

Любовь къ императорскимъ артистамъ онъ перенесъ и на томскихъ актеровъ.

Когда праздновался юбилей 50 ти лѣтней дѣятельности И. В. Самарина — онъ заказалъ съ чудной имѣвшейся у него фотографіи (классическое тріо: Фамусова — Щепкина, Чапкаго — Самарина и Скалозуба — Ольгина) столько экземпляровъ, сколько было дѣйствующихъ лицъ въ исполненіи юбилейнаго спектакля.

Все они получили эти снимки на память.

Когда Никсъ переговорилъ съ примадонной о необходимости устройства театра въ циркѣ, — онъ не успѣлъ ни въ чемъ, и примадонна на отрѣзъ ему отказала, ссылаясь на безобразіе даже думать о томъ, что она выступитъ на цирковыхъ подмосткахъ.

Конечно, не буди она тогда такъ обезпечена матеріально (она пользовалась покровительствомъ одного изъ выдающихся золотопромышленниковъ и готовилась стать его законной женой) — она бы не проявила столь „prudence,“ нэ.. сытые — не разумѣютъ голодныхъ. и Никсъ ушелъ отъ нея опечаленный, ничего не добившись. Явившись на другой день къ Ивану Ивановичу, онъ засталъ у него блестящихъ чиновниковъ во главѣ

съ вице губернаторомъ (большимъ театраломъ), полиціймейстеромъ (такимъ же) и прочихъ другихъ.

Нѣсколько сконфуженный, Никсъ объяснилъ, что артисты не соглашаются играть въ циркъ.

— Какіе артисты?—вспылилъ губернаторъ.—Вы—артистъ? С—ва (туть онъ назвалъ фамилію примадонны) артистка? Х-ій (опять фамилія) артистъ? Такъ я послѣ этого уываю руки и не принимаю никакого участія въ вашемъ дѣлѣ

Крайне возбужденный Никсъ вернулся домой

Первымъ его побужденіемъ дома—было написать губернатору письмо. Такое письмо долго не удавалось, и Никсъ не мало перепортилъ черновиковъ.

Наконецъ, письмо удалось.

.

Запечатавъ и отправивъ это письмо по городской почтѣ Никсъ значительно успокоился.

Вечеромъ ему нанесли визитъ такіе вліятельные люди, какихъ онъ и не ожидалъ встрѣтить въ своей убогой квартирѣ.

— Что вы надѣлали?—начали они.—Вѣдь, онъ теперь рветъ и мечетъ!! Въ какое вы насъ поставили положеніе? Онъ такъ вѣрилъ намъ!. Мы такъ хвалили васъ ему, а вы...

— Что-жъ, господа, моимъ поведеніемъ вы не должны смущаться—началъ Никсъ.—Во первыхъ, всетаки я проявилъ личное достоинство человѣка, во вторыхъ, не посрамилъ этимъ и васъ, а въ третьихъ, главное, я имѣю удевольствіе васъ видѣть у себя, чего бы, вѣроятно, не удостоился, не написавъ этого письма!.

— Ахъ, оставьте! Всему есть мѣра и границы. Охота вамъ было.

Въ этомъ тонѣ долго происходилъ обмѣнъ мнѣній, но, наконецъ, Никсъ спросилъ, что-же ему дѣлать? Вѣдь написаннаго не исправишь!..

— Извинитесь, извинитесь передъ нимъ! — убѣждали Никса визитеры, и онъ съ грустью долженъ былъ согласиться на это, такъ какъ, по увѣренію визитеровъ, не одинъ онъ является страдательнымъ лицомъ..

Никсъ не желалъ кому нибудь своей особой причинять неудобства.

Написавши письмо и вручивши его визитерамъ, онъ расстался съ ними.

— Ну, что? — спрашивалъ Никсъ на другой день у этихъ знакомыхъ.

— Да ничего — отвѣчали знакомые.

— Однако, что же онъ сказалъ, — удовлетворился?!

— Нѣтъ. Только, видимо, перемѣнился къ намъ.

Разсказчики при этомъ улыбались.

Такъ грустно кончилась близость Никса къ губернатору

На другой день Никсъ выѣхалъ въ Омскъ, но не доѣхалъ до него, такъ какъ компаніонъ его по этой поѣздкѣ проигралъ въ карты дорожныя деньги и изъ Каинска они возвратились обратно въ Томскъ..

Послѣ инцидента съ покойнымъ Иваномъ Ивановичемъ, пожалуй, начинается лучшая пора моей сценической дѣятельности въ смыслѣ осуществленія тѣхъ моихъ намѣреній, которыя всегда мнѣ казались завѣтною цѣлью.

Но о Иванѣ Ивановичѣ, тѣмъ не менѣе, могу только сказать, что память о немъ должна быть священной для всякаго сценическаго дѣятеля. Онъ много сдѣлалъ для театральнаго дѣла въ смыслѣ чистыхъ просвѣтительныхъ началъ. Ему, пожалуй, и только ему Томскъ обязанъ хорошимъ каменнымъ театромъ, котораго, безъ его личнаго участія, не зрилось-бы долго томичамъ видѣть въ числѣ городскихъ зданій.

Практически это дѣло осуществилось очень не сложно и даже съ маленькой бравадой.

Мѣстный крезъ *) и городской дѣятель какъ то посѣтилъ Ивана Ивановича и въ разговорѣ съ нимъ выслушалъ переданную Иваномъ Ивановичемъ шутя вѣсгь что, будто бы, нѣсколько тѣмскихъ тузовъ складываются на постройку зимняго большого каменнаго театра. Не желаетъ ли и присутствующій тузъ примкнуть къ этому товариществу? предложилъ Иванъ Ивановичъ присутствующему гостю.

Гость былъ человекъ крайне самолюбивый и чувствовалъ себя всегда въ конкуренціи.

— Зачѣмъ же съ съ другими?—какъ-то хихикнулъ онъ. Можно и одному-съ это дѣло подвинуть. Много товарищей,—много лишнихъ разговоровъ, а по нашему завтра же велѣтъ подвозить камень-съ.

Въ свою очередь, и Иванъ Ивановичъ былъ смущенъ этой быстрой неожиданной развязкой своего предложенія; никакіе купцы и не грезили строить этотъ театръ и вся его постройка являлась плодомъ фантазіи, и опѣшившій отъ восхищенія Ив. Ив. могъ только предложить гостю немедленное представленіе въ коммерціи совѣтника, а въ день открытія театра—и къ одному изъ орденовъ.

Восхищенный, въ свою очередь, купецъ вышелъ отъ Ивана Ивановича вполне счастливый и, дѣйствительно, сейчасъ-же сдѣлалъ все нужныя распоряженія къ скорѣйшему построенію величественнаго зданія.

Этотъ купецъ исполнилъ свое обѣщаніе, и чрезъ года два-три томичи увидѣли каменный театръ и образцовую въ немъ труппу, которую также принялъ подъ свое покровительство владѣлецъ театра.

*) Нынѣ покойный Евграфъ Ивановичъ Королевъ. Примѣч. Редак.

Да... но это все счастливыя случайности, а въ большинствѣ случаевъ вы натываетесь на такихъ кривовъ, которые смотрятъ на театръ (или—вѣрнѣе—на закулисную его сторону) глазами ненасытнаго сатира.

Такихъ примѣровъ въ моей практикѣ встрѣчалось не одинъ, и я съ грустью долженъ былъ выслушивать предложенія нѣкоторыхъ купцовъ и даже лицъ изъ интеллигентнаго круга о необходимости имѣть въ труппѣ побольше хорошенькихъ актрисъ, не преслѣдуя уже черезъ чуръ художественныя цѣли.

— Ученіе, конечно, хорошо—говорили они—но подчасъ не грѣхъ и повеселиться немного.

Разговоры эти не имѣли, разумѣется, желаемого результата, и меня покидала, какъ будто бы съ нѣкоторымъ разочарованіемъ и сожалѣніемъ о моей психопатіи.

Такъ вотъ, въ силу только что высказаннаго, мнѣ и хотѣлось придумать такую форму театральнаго управленія, которая-бы лишала возможности единоличнаго произвола, въ зависимости отъ котораго дѣло это не всегда могло бы стоять на подобающей высотѣ.

Конечно, я опять ухватился за эксплуатацію товарищеской формы и лишь выглядывалъ людей, могущихъ духовно посочувствовать мнѣ и стать моими сотрудниками. На словахъ все это получилось скорѣе, чѣмъ я думалъ, и вотъ—въ одинъ прекрасный день—я заручился согласіемъ двухъ видныхъ премьеровъ и рѣшилъ предпринять товарищеское странствованіе въ далекій Ташкентъ.

Все мнѣ казалось подходящимъ. И только что пріобрѣтенная Россіей счастливая мѣстность. И неиспорченность ея обывателей. И быстрый ростъ населенія новаго общества. И дивный, по климатическимъ и экономическимъ условіямъ, край!.. Однимъ словомъ,—я поѣхалъ и... спустя года два—пріѣхалъ.

Но... далеко не такъ, какъ это мнѣ мечталось.

Мои премьеры меня нѣсколько обманули. Они уже теперь покойники, и мнѣ не хочется помянуть ихъ лихомъ, тѣмъ болѣе, что я ихъ искренно любилъ и выдвигалъ ихъ изъ среды обыкновенныхъ сценическихъ дѣятелей. Но они больше говорили, чѣмъ дѣлали, и не были гражданскими дѣятелями на столько, чтобъ не соблазниться земными, меркантильными благами.

Одинъ изъ нихъ поступилъ къ Коршу, соблазнившись 600-тъ рублевымъ окладомъ, а другой—счелъ за лучшее поступить къ вѣрному антрепренеру, не искушая себя подвигами культурнаго миссіонера.

Короче — я прѣхалъ съ шестью человѣками, которые оказались связанными со мною частію семейно, а частію—матеріально.

Объ этомъ эпизодѣ я когда-то напечаталъ подробности въ одномъ изъ театральныхъ журналовъ, но редація этого журнала придала ему свою личную окраску, измѣняя тѣмъ самымъ то, что я собственно хотѣлъ сказать.

А хотѣлъ я сказать, что только мы и мы сами, сценическіе дѣятели, портимъ и порти́мъ безсмысленно весь престижъ нашего дѣла.

Вкратцѣ я повторяю что я уже писалъ.

Мы шестеромъ выѣхали изъ Омска съ тремя рублями въ карманѣ и на первой остановкѣ (г. Павлодаръ) дали два спектакля. Насъ попросили дать еще третій.

Выручки съ этихъ спектаклей мы уже получили около ста рублей, окупивъ дорогу до слѣдующаго пункта.

Въ слѣдующемъ пунктѣ къ намъ пристали еще два сценическихъ дѣятеля. Мы дали восемь спектаклей и чистой выручки взяли около 600 рублей, окупивъ дорогу до Вѣрнаго.

Въ Вѣрный мы поѣхали на протяжныхъ.

По дорогѣ мы подвергались нѣкоторымъ курьезамъ, сошедшимъ довольно благополучно.

Такъ, напр., въ одномъ мѣстѣ ямщики, сокращая путь, вздумали поѣхать проселкомъ и намъ пришлось переѣзжать какой-то ручей.

Глубина ручья оказалась въ полъ-человѣческаго роста, и наши дамы, чтобъ не замочить платья, придумали раздѣться подъ условіемъ, что мужчины отвернутся въ сторону.

Получалась невообразимая картина. Четыре женщины — выѣхали впереди. На опасномъ мѣстѣ ямщикъ — татаринъ — кричалъ: „держи задъ арба, опрокинется!..“

Мы невольно обратились на этотъ крикъ, и что тутъ произошло—предоставляю воображенію читателя.

Дамы орала, чтобъ мы отвернулись; мы, ничего не понимая, смотрѣли, что происходитъ съ ними

Едва-ли и мы были не Адамами.

Вообще, произошло смѣшеніе половъ въ борьбѣ за самосохраненіе отъ опасности. Но... переѣхали ручей и стали сушиться на солнцѣ

Пожалуй, премьеры были правы, избавляя себя отъ этой миссіонерской дѣятельности.

За то, подчасъ, ѣли на полѣ сочнаго молодого барашка: вкушали дивный пилавъ и заѣдали зрѣлымъ виноградомъ, уплачивая чуть ни по колѣйкѣ за два фунта.

Въ общемъ поѣздка принимала видъ пикника, съ купаніями, шахматной игрой и прочими экскурсивными развлеченіями.

Въ Вѣрномъ заработали на столько, что смѣло могли ѣхать дальше, не прибѣгая къ заработкамъ на пунктахъ, вплоть до Ташкента.

Въ мѣстной прессѣ уже показались летучія статьи о нашемъ путешествіи, и Ташкентъ насъ охотно готовился встрѣтить.

Здѣсь не могу не запечатлѣть, что убѣжденными миссіонерами, кажется, являлись мы только двое, т. е. собственно я и мой главный товарищъ (также, къ сожалѣнію, нынѣ умершій) В. Н. Ловскій, артистъ на роли любовниковъ-фатовъ, но играющій, или вѣрнѣе — игравшій очень хорошо много и другихъ ролей не своего исключительнаго репертуара.

Этотъ Ловскій былъ весьма образованнымъ, воспитаннымъ человекомъ, съ идеальными (отнюдь не коммерческими) взглядами, хотя супруга его (также достойная и талантливая актриса, являющаяся нынѣ однимъ изъ украшеній образцовой сцены) и сдерживала его подчасъ отъ слишкомъ некоммерческихъ порывовъ. Тѣмъ не менѣе — она дала намъ слово не препятствовать нашей фантазіи въ теченіи одного года, и годъ этотъ мы считали за счастливый, въ надеждѣ убѣдить самыхъ ярыхъ противниковъ нашей идеи.

Все принимало видъ безусловнаго успѣха, какъ вдругъ ничтожный случай опрокинулъ неожиданно нами воздвигаемое зданіе. Одинъ изъ нашихъ товарищей (не увлекающійся нашими взглядами) выигралъ въ карты до 3-хъ тысячъ рублей и почувствовалъ себя совершенно независимымъ.

Въ Вѣрномъ онъ намъ предпослалъ такія условія продолженія своего вояжа, что мы съ большей печалью, но, всетаки,

ради престижа, должны были отъ него отказаться. Обстоятельство это значительно подорвало техническій успѣхъ нашего дѣла, такъ какъ вмѣсто восьми премьеровъ насъ оставалось опять шестеро, съ которыми ставить большія пьесы представлялось уже неудобнымъ.

Но правда на нашей сторонѣ восторжествовала и на этотъ разъ гораздо продуктивнѣе, чѣмъ мы могли на это рассчитывать!

Когда до Вѣрненскаго губернатора дошелъ слухъ о предательствѣ одного изъ нашихъ сочленовъ—онъ разрѣшилъ намъ пользованіе своимъ гарнизономъ, и у насъ образовалась такая труппа, какая наврядъ-ли существовала и на самыхъ обширныхъ и міровыхъ сценахъ.

Тысячи человекъ исполнителей, конечно, представляли возможнымъ выбрать изъ нихъ наилучшее, съ которымъ мы и закатили подъ рядъ нѣсколько спектаклей, давшихъ намъ и художественное и матеріальное полное удовлетвореніе.

Предатель нашъ лишь завистливо смотрѣлъ на наши успѣхи, хотя и не думалъ сдаваться.

Такъ мы пріѣхали въ Ташкентъ и такъ (какъ сначала) повели наше скромное театральное дѣло, члены котораго пополнялись то пріѣзжими, случайными артистами, то являющимися изъ любителей и въ самомъ Ташкентѣ.

Короче—въ самомъ непродолжительномъ времени мы завоевали расположеніе и общества, и прессы. Кстати сказать—ташкентская пресса отнюдь не напоминала какой либо иной. Тамъ во главѣ редакцій стояло благородное офицерство и составомъ журналистовъ былъ-бы удовлетворенъ каждый. Пресса эта значительно поддержала насъ изъ принципа, и мы, мѣсяца черезъ два нашего пребыванія въ Ташкентѣ, удостоились попасть на очередь въ число городскихъ общественныхъ вопросовъ.

Въ одномъ изъ думскихъ засѣданій былъ возбужденъ вопросъ о необходимости дать намъ даровое помѣщеніе и назначить хоть небольшую субсидію нашему дѣлу.

Все—превышало наши ожиданія.

Однако, врагъ не дремалъ и сдѣлалъ на насъ доносъ, что нѣкоторые изъ членовъ труппы не имѣютъ права жить въ Ташкентѣ.

Въ военной, благородной мѣстности слишкомъ брезгливо относятся къ разнымъ доносамъ.

Временно исполняющій должность командующаго всею мѣстностью далъ обвиняемому широкія права и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ обширную телеграмму въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ о разрѣшеніи обвиняемому узаконить недостающіе ему до полной правоспособности полтора мѣсяца.

Но, что казалось красивымъ, доблестнымъ и благороднымъ со стороны военныхъ чиновъ,— со стороны гражданского управленія показалось иначе.

Министерство отвѣтило, что не считаетъ себя въ правѣ возбуждать подобныхъ ходатайствъ.

Тогда обиженный генералъ весь свой гнѣвъ перевелъ на защищаемаго имъ и искренно былъ убѣжденъ, что тотъ его подвелъ.

Въ сущности генерала ничто не обязывало хлопотать о своемъ протезе въ министерствѣ и онъ единоличной своей властью могъ разрѣшать или не разрѣшать обвиняемому проживать въ Ташкентѣ.

Но разъ это случилось и разъ вопросъ обострился— обвиняемому посоветовали не раздувать пожара и временно удалиться въ другую мѣстность.

Съ удаленіемъ обвиняемаго вскорѣ распалось все дѣло, такъ какъ и дума, и прозіе, интересовавшіеся мѣстнымъ театромъ, были убѣждены, что руководитель уѣхалъ на долго, если не навсегда.

Такъ кончилась хорошая затѣя.

XXIV.

Признаюсь, такая неудача значительно повліяла на мою эвергію, и результатомъ ея появилось полное охлажденіе.

Вонерныхъ, я потерялъ не мало матеріальныхъ средствъ (такъ, напр., вся обстановка, стоявшая мнѣ въ Ташкентѣ болѣе 300 рубл., пропала за 75 руб.), а вонторныхъ—и самое главное—я потерялъ окончательно вѣру въ порядочность сценическихъ дѣятелей. Какъ бы тамъ ни говорили но въ другой корпораціи подобныя дѣянія не мыслимы и подобный отрицательный членъ ея давно бы лишился возможности продолжать свое сценическое

поприще. Къ сожалѣнію, примѣры эти далеко не составляютъ единично-уродливаго исключенія, а являются главнымъ зараженіемъ всего сценическаго строя.

Я возьму въ доказательство самыхъ патентованныхъ представителей нашего дѣла.

Во первыхъ, полная погоня за рублемъ и совершенное игнорированіе своего дѣла, въ смыслѣ культа.

Премьеры-мущины буквально торгуютъ собою на счетъ богатыхъ женщинъ. Примадонны-женщины смотрятъ на сцену какъ-бы по выгоднѣе себя пристроить.

И тѣ и другія гонятся за ролями не ради послѣднихъ, дающихъ имъ возможность изчерпать свое вдохновеніе къ любимому дѣлу, а только затѣмъ, что, играя ихъ, они являются болѣе продолжительное время на глазахъ у наивной публики и заставляютъ послѣднюю проникаться ложнымъ убѣжденіемъ, что истинные-то корифеи какъ будто и они.

Я знаю примадоннъ, которыя кромѣ задиранія ногъ (да простить мнѣ читатель грубость выраженія), да отчаянно разухабистыхъ манеръ—ничего общаго со сценой не имѣютъ, а между тѣмъ на актерской биржѣ онѣ стоятъ очень высоко и получаютъ жалованія до 1000 руб. въ мѣсяцъ.

Лучшіе предприниматели гордятся тѣмъ, что имъ удалось заполучить эту каскадную знаменитость, которую во всякомъ порядочномъ обществѣ изгнали-бы, какъ безчинствующую особу.. А у насъ ей—права полнаго гражданства.

Мужчины играютъ роль и посматриваютъ украдкой на публику: какое собственно впечатлѣніе производитъ ихъ костюмъ, балаганные приемы и т. под.

Гдѣ-же тутъ служеніе искусству? И когда ему служить, когда сейчасъ же, послѣ спектакля, всѣ завѣтные помыслы: какъ-бы подороже и порекламнѣе поужинать, разумѣется, на даровой счетъ.

Кто всматривался во все это ближе—конечно—выносить самое отчаянно-безотрадное впечатлѣніе.

Нѣтъ искусства для искусства или себя, или того Бога, который въ себѣ и который собственно одинъ и долженъ руководить всѣми помыслами служителя своего дѣла.

Такъ и смотрѣли на него наша незабвенные корифеи — Щепкинъ, Соеницкій, Шумскій, Мартыновъ, Самаринъ, Максимовъ и лучшая плеяда добраго, стараго времени...

Отчего, отчего это нынѣ не такъ? —мысленно, упорно восклицалъ я себѣ и продолжалъ ѣхать въ дурную метелицу, въ каковую выѣхалъ съ женой изъ Ташкента. Много горя приняли мы за это путешествіе, но много и усладъ получили мы въ немъ.

Къ первому относится случай буквального замерзанія. Ко вторымъ — тѣ изъ людей милаго общества, съ которыми мы были ужъ знакомы и съ которыми познакомились вновь.

На одной изъ высочайшихъ горъ отъ Ташкента до Вѣрнаго — мы сбились съ пути.

Амщакъ, отпрягнувъ одну пристяжную, поѣхалъ отыскивать дорогу.

Вьюга поднялась такая невыносимая, что когда моя жена захотѣла сама ориентироваться и вылезла изъ повозки, ее моментально свалило съ ногъ и засыпало на столько, что мнѣ съ трудомъ стоило втащить ее опять въ кибитку.

Бѣдныя лошади замерзшія дрожали и какъ то нервно жалостливо поводили ушами, прислушаваясь къ малѣйшему звуку. Все было тихо, кромѣ свирѣпствующей непогоды. Ни колокольчика отъ проѣзжающей тройки, ни человѣческаго звука отъ проѣзжающихъ киргизъ, ничего, ничего... молчаніе.

Такъ мы простояли, почти полузамерзшіе, до 20-ти часовъ. На разсвѣтѣ показалась верхами кучка киргизъ, которые и подѣхали къ намъ, но мы, ничего не понимая по киргизски, посмотрѣли на нихъ, знаками показали, что сбились съ пути, но или и они ничего непоняли, или не желали принять участія въ нашемъ бѣдствіи. Они куда то отѣхали, и жена моя подумала, что они поѣхали за своими, чтобы насъ ограбить. Дѣло двигалось опять къ ночи, и мы приходили въ ужасъ, заживо ожидая быть погребенными подъ снѣгомъ.

Но... въ тотъ моментъ, когда уже мы отчаявались, вдругъ показался туманной точкой какой-то верховой, и мы принялись взывать къ нему и махать руками.

Оказался — проѣзжій татаринъ, къ счастью говорившій по русски.

Мы объяснили ему наше положеніе, и онъ сжалился надъ нами, привязавъ свою лошадь въ поводъ, а самъ сѣлъ на облучекъ, замѣняя ямщика.

Отъ большой дороги, оказалось, мы находились въ 2-хъ саженьяхъ и не было большого труда на нее выѣхать.

Но оглобли были повернуты за вѣтеръ и вмѣсто того, чтобъ слѣдовать дальше—мы вернулись обратно на станцію, съ которой и выѣхали.

На другое утро поѣхали на свѣжей тройкѣ. Годъ спустя, узнали, что первая наша тройка погибла замерзшисъ, а ямщикъ киргизъ отыскался замерзшимъ.

Много на пути мы встрѣчали занесенныхъ снѣгомъ лошадей съ ихъ сѣдоками.

Въ тотъ годъ зима была бурная и выдавалась значительными заносами. Заносило цѣлыми деревнями.

Въ Змѣиногорскѣ, въ 10-ти саженьяхъ отъ нашей квартиры, мы сбились съ пути, отыскивая телеграфную станцію.

Кое какъ доплелись до Семипалатинска, въ которомъ и получили грустное извѣстіе, что театръ нашъ—не за нами.

Этимъ исчерпывалась грустная сторона нашего путешествія.

Но были часы и дни, искупавшіе наше злосчастье.

Въ Ауліятахъ, на почтовой станціи, въ ожиданіи лошадей, мы послали привѣтственную карточку съ праздниками нѣкому Владиміру Дмитріевичу Маслову (старшему ремонтеру по поставкѣ лошадей для Туркестанскаго края—рѣдкому—артиллеристу), который явился къ намъ въ то время, когда ямщикъ хотѣлъ трогать лошадей для дальнѣйшаго путешествія.

Масловъ, сѣвъ съ нами въ повозку, велѣлъ ѣхать ямщику на его квартиру, гдѣ и оставилъ насъ встрѣчать новый годъ. Прожили мы у него недѣли полторы и, обласканные, утѣшенные и вполне успокоенные,—дали нѣсколько любительскихъ спектаклей, получивъ и значительный гонораръ и чудное воспоминаніе о дивныхъ людяхъ. Есть, значитъ, и такіе на нашей Руси.

Въ Семипалатинскѣ, когда кучеръ, выѣхавъ на перекрестокъ, обозначающій направленіе трактовъ, спросилъ насъ: „а куда, барянь, везти!?!“—мы отвѣчали ему стихомъ Грибоѣдова:.. „вези

куда нибудь*!.,—и онъ повезъ насъ по Омскому тракту, хотя мы намѣревались ѣхать въ Томскъ.

Въ Омскѣ насъ приняла также любезно, хотя не могъ не случиться инцидентъ крайне смутившій и наше матеріальное благоденствіе и пріятное расположеніе нашего духа.

Въ моей памятной книжкѣ по этому поводу — запечатлѣна замѣтка...

Изъ Омска я вскорѣ добрался до предѣловъ Россіи, возвращаясь туда послѣ 15 ти лѣтняго изгнанія.

Не особенно радушно встрѣтила меня Россія со стороны моихъ же сослуживцевъ.

Нѣкій актеръ Б. перехвативъ меня въ Тюмени, убѣдилъ ѣхать опять въ Ташкентъ, въ который онъ везъ маленькую труппу

И—соблазнилъ И совершенно другимъ путемъ, другимъ маршрутомъ—мы тронулись опять въ Азію!

Въ первомъ по дорогѣ городѣ давъ удачный спектакль, антрепренеръ мой скрылся и поставилъ меня опять въ ужасное положеніе.

Онъ бросилъ своихъ сотрудниковъ и устроился на зимній сезонъ къ одному изъ выдающихся антрепренеровъ.

Что мнѣ было дѣлать?! Заѣхалъ я въ мѣстность мнѣ незнакомую и какъ выбраться изъ нея—не представлялось возможности. О спектаклѣхъ нечего было и думать. Городъ мизерный и играть не съ кѣмъ. Маленькѣе актерики пошли до 1-й станціи желѣзной дороги, а я, заложивъ опять всѣ вещи, ждалъ у моря погоды, написавъ тому же антрепренеру, къ которому отправился мой товарищъ, слезное письмо, рассказавъ въ немъ все подробно и прося меня принять хоть изъ милости на службу. Отвѣта не послѣдовало и я, прождавъ недѣлю, доплелся кое какъ опять до Тюмени.

Продавъ свою бібліотеку по гривенику за томъ и костюмъ Парѣена изъ „Каширской старины“ за 3 руб.—я доѣдалъ послѣдніе ресурсы.

Вдругъ.. является товарищъ. Тотъ товарищъ, съ которымъ я когда то впервые сговорился ѣхать въ Ташкентъ. Актеръ

1-го класса—онъ служилъ на службѣ у тюменскаго антрепренера и, случайно узнавъ на телеграфѣ о моемъ присутствіи, — пожелалъ со мною видѣться.

Мы съ женой такъ обрадовались этому визиту, какъ будто выиграла 200 тысячъ.

Между прочими разговорами онъ увѣдомилъ меня, что на мое имя есть телеграмма.

И отправился съ нимъ на телеграфъ, и, о чудо!—на телеграфѣ была депеша, извѣщающая меня, что тотъ антрепренеръ, къ которому я писалъ, предлагать мнѣ 150 руб., но съ условіемъ играть все.

— Какъ-же онъ мнѣ не отвѣтилъ?—спросилъ я С., которому и далъ прочесть телеграмму.

— Все, братъ, случай!—отвѣчалъ послѣдній, его надулъ режонеръ, взявшій авансъ и не пріѣхавшій. Вотъ онъ и ухватился за тебя.

— Но у меня нѣтъ денегъ! Какъ-же я поѣду?

— Посылай сейчасъ же телеграмму!—посоветовалъ другъ и любезно составилъ редакцію.

Пошли мои новенькіе 3 рубля на телеграмму, а черезъ два дня я получилъ двадцать пять рублей, съ напоминаніемъ выѣхать скорѣе.

На третій день я выѣжалъ въ Россію, а черезъ сутки представлялся и новому антрепренеру.

XXV.

(„Первый блинъ комомъ“).

Въ Сибири—дѣятельность моя установилась прочно.

Этому способствовало то обстоятельство, что я поступилъ на сцену изъ общества, которое знало меня съ хорошей стороны до поступленія на сцену. Оно знало, что я дѣйствовалъ по убѣжденію и многіе даже оправдывали этотъ способъ общественной дѣятельности.

Нѣкоторые прямо свидѣтельствовали, что лучшаго выбора я не могъ избрать, хотя многіе знакомые и не соглашались съ этимъ. Но такъ или иначе—я былъ любимчикъ и вскорѣ завоевалъ весьма интересное положеніе, главнымъ образомъ

основанное на знакомствѣ со мною какъ съ личностью, а потомъ уже—актеромъ.

Общество охотно протягивало мнѣ покровительственныя руки, смотря на меня какъ на своего, а не такого, который являлся какъ-бы продуктомъ этой изолированной и въ большинствѣ лучаевъ — отрицательной актерской касты.

Однимъ словомъ—оно меня не только поддерживало, но и хвалило подъ часъ и не по заслугамъ.

Мнѣ были убѣждены, что я талантъ; многіе утверждали что я, во всякомъ случаѣ, полезный гражданскій дѣятель.

Всѣ эти искренніе отзывы не могли повліять на меня иначе, какъ давъ сознаніе, что я представляю изъ себя интересное „нѣчто“ и являюсь интереснымъ представителемъ сценическаго міра.

Самые недовѣрчивые утверждали, что ради уже двухъ ролей нашего классическаго репертуара (Фамусова и городничаго) — я долженъ быть признанъ за большого актера.

Съ этимъ самоиѣніемъ я и предсталъ къ будущему моему антрепренеру, который посмотрѣлъ на меня совершенно иными глазами.

Во первыхъ, и Фамусовъ, и городничій у него уже были и въ скобкахъ сказать въ лицѣ славнаго представителя своего дѣла, Алекс. Алекс. Фаддѣева, бывшаго императорскаго актера, а впоследствии управляющаго Императорскимъ бюро русскаго театр общества), а во вторыхъ—онъ кажется и не усматривалъ во мнѣ достойнаго представителя собственно этихъ ролей и желалъ во мнѣ получить только того ремесленнаго работника, который долженъ былъ замѣнить ему мѣсто отсутствующаго.

Этимъ своимъ взглядомъ на меня онъ принесъ не мало неприятностей и мнѣ, и себѣ, и публикѣ. Мнѣ—ставя меня въ фальшивое положеніе и заставляя дѣлать работу мнѣ несвойственную (вмѣсто токаря, обязывая быть столяромъ); себѣ—не встрѣтивъ во мнѣ хорошаго работника по той работѣ, на которую онъ рассчитывалъ; публикѣ—не доставивъ ей никакого удовольствія видѣть актера въ несвойственныхъ ему роляхъ и тѣмъ самымъ заставляя быть не только равнодушной къ нему, но—подъ часъ—и недоброжелательной.

Короче—со всѣхъ сторонъ получалось полное неудовлетвореніе, и только благодаря тому, что антрепренеръ неумѣло вос-

пользовался тѣмъ матеріаломъ который совершенно случайно попалъ въ его распоряженіе.

Выпусти онъ меня въ Калистратъ („Горькая судьбина“, въ которой старшій резонеръ игралъ Ананія), въ Малютъ Скура-товъ („Василиса Мелентьева“) въ которой старшій резонеръ игралъ роль Грознаго), въ оцъ Хлопонинъ („Злоба дня“, въ которой старшій резонеръ игралъ Градицева отца) и прочихъ, и прочихъ подобныхъ роляхъ (въ чемъ онъ и выпускалъ въ послѣдствіи — онъ бы не только не уронилъ актера, а заставилъ бы обратить на него особое вниманіе.

Выпустилъ-же онъ его въ какомъ-то водевилѣ „Курица“ — и тѣмъ самымъ погубилъ актера безъ всякой пользы и безъ всякаго смысла.

Актеръ почувствовалъ себя въ дикомъ положеніи и черезъ нѣкоторое время былъ приглашенъ антрепренеромъ къ себѣ для объясненій.

— Вы не можете служить — гнусавымъ голосомъ началъ антрепренеръ, официально отчеканивая каждую фразу. — Вы не оправдываете того жалованія, какое получаете, Вы мнѣ зарѣзали „Курицу“ (какъ ни торжествененъ былъ голосъ повелителя, но каламбуръ сказался)! Вы провалили Де-Сильву (роль дана была мнѣ наканунѣ спектакля, и я ее не игралъ раньше, играя — и очень хорошо (— Де-Сантоса). Вообще — вы не работникъ, на котораго я рассчитывалъ, и больше ста рублей жалованія я вамъ дать не могу!..

Кровь бросилась въ голову актеру при этомъ монологѣ. — «Вотъ тебѣ хваленый Фамусовъ, вотъ тебѣ городничій!» — думалъ онъ, и слезы оскорбленія, негодованія, безсилія брызнули изъ его глазъ

— Вы можете, Петръ Петровичъ, — тихо началъ онъ, — предложить мнѣ даже 25 руб. и то я долженъ согласиться. — Жена, дѣти (мелькнуло у него въ головѣ, такъ какъ, дѣйствительно, при немъ находилась и жена — хорошая актриса, въ которой, однако-жъ, не ощущалось надобности — и дочь подростокъ, еще лучшая актриса, но тоже не приглашенная) — ..но этого онъ не сказалъ и кончилъ вздыхая: — я въ безвыходномъ положеніи.

Впослѣдствіи, сойдясь и подружившись даже съ актеромъ, — антрепренеръ рассказывалъ ему, что этой минуты онъ

никогда не забудетъ. Такъ страдалъ онъ и болѣлъ за мня и за все случившееся.

Заклятому врагу онъ не пожелалъ бы быть въ моемъ положеніи!..

Но.. жалованіе, всетаки, убавилъ, я актеръ прослужилъ втроемъ за 100 руб., играя подъ конецъ и всѣ первыя роли.

Сезонъ кончился.

Настала весна, и антрепренеръ составилъ товарищество, поѣхавъ въ близъ лежащія мѣстности, а лѣтомъ, по увлекательнымъ разговорамъ новаго пріятеля—проникъ и вглубь Сибири, начиная съ Тюмени, Тобольска, Омска, Семипалатинска и далѣе.

Въ Семипалатинскѣ друзья должны были разстаться, превратившись въ враговъ.

Вотъ какъ это случилось.

Составляя товарищество, антрепренеръ положилъ себѣ и своей супругѣ такое жалованіе, на марки, которое значительно превышало жалованіе остальныхъ всѣхъ.

Было около четырнадцати человекъ.

Багажъ везли на счетъ всего товарищества, но у примадонны (жены антрепренера) было 28 пуд.; у остальныхъ по 2 пуда.

Такое неравномѣрное распредѣленіе жалованія и перевоза багажа—не могло не отразиться на благоденствіи всѣхъ членовъ товарищества, и при слабыхъ дѣлахъ скоро наступилъ крахъ.

Надо замѣтить, что всѣ члены товарищества служили у представителя ихъ въ слѣдующій зимній сезонъ, какъ у антрепренера, а это еще болѣе обязывало ихъ къ нѣкотораго рода уступкамъ и покорно сносить всю тяжесть своего положенія. Значительная часть товарищества даже находилась въ переборѣ у представителя ихъ и они (товарищи) являлись неоплатными должниками представителя.

Тѣмъ не менѣе положеніе дѣла становилось напряженнѣе, и надо было искать какъ-нибудь выхода или компромиса.

Тотъ самый Б., который пригласилъ меня изъ Тюмени въ Ташкентъ и бросилъ меня въ самомъ началѣ, также служившій въ товариществѣ, какъ и вмѣстѣ со мною и у антрепренера.—пришелъ ко мнѣ съ двумя-тремя антерами посоветоваться.

— Что жъ, господа? — началъ я. — Дѣло простое: собственно улучшить наше положеніе; но вопросъ въ томъ: какъ это сдѣлать, не задѣвая самолюбія антрепренера и не ссорясь съ нимъ въ такомъ случаѣ?! Если вы все безповоротно рѣшили дѣйствовать солидарно и не отступать отъ своего плана — можно будетъ переговорить съ антрепренеромъ и просить его сбавить съ себя и его супруги часть марокъ и... если онъ согласится — дѣло здѣсь (въ Семипалатинскѣ, послѣ перваго спектакля публикѣ понравившагося) можетъ идти успешно, и вы все получите свое слѣдующее. Дѣлъ здѣсь давно не было никакихъ, городъ большой, захолустный, а главное — губернаторъ страшный театраль. Онъ всехъ насъ несомнѣнно поддержитъ!..

— Вы бы написали отъ имени всехъ заявленіе антрепренеру!

— Написать легко, но подумайте, что изъ этого произойдетъ, въ случаѣ неудачи? — Или вы все должны будете отойти отъ антрепренера, или (если вы согласитесь служить на старыхъ условіяхъ) — я одинъ пострадаю, такъ какъ выходки моей антрепренеръ мнѣ не проститъ и сочтетъ меня за коновода редакціи...

— Помилуйте, мы все за васъ и васъ не подведемъ! Вы такъ умѣете говорить, антрепренеръ вамъ вѣритъ. А если что...

— Господа! Вы не подумайте, что я боюсь своего злополучія... Нѣтъ. Я даже обязанъ идти на встрѣчу всякой борьбѣ за правду, но я опасаясь, чтобъ многіе изъ васъ не потерпѣли, если узнается, что мысль эта принадлежитъ вамъ, а не мнѣ!..

— Нѣтъ, мы будемъ стойки и что вы намъ посоветуете — исполнимъ!..

— Честное слово?!

— Благородное!!! — завопили актеры, и я сълѣ писать заявленіе.

Въ самой корректнѣйшей формѣ я изложилъ суть дѣла и просилъ антрепренера вникнуть въ безвыходность положенія товарищества. Указавъ весь планъ преобразованія — я отнюдь не обижалъ антрепренера и все таки оставлялъ за нимъ болѣе чѣмъ львиную долю.

Какъ я предполагалъ, такъ и вышло.

Антрепренеръ, прочтя мое заявленіе, собралъ всѣхъ товарищей, и, даже не познакомивъ ихъ съ текстомъ—изложилъ только его резюме и въ заключеніе сказалъ: „однимъ словомъ—кто желаетъ оставаться въ товариществѣ, можетъ оставаться, но съ Никсомъ онъ болѣе не служитъ и предоставляетъ право выбора товарищамъ“...

Конечно, всѣ товарищи остались на прежнихъ условіяхъ, а я получилъ очень деликатную записку попомнить о моемъ должкѣ.

Я былъ долженъ антрепренеру 6 руб. въ заборѣ марками и 25 руб., проигранныхъ въ преферансъ.

Отвѣтивъ весьма учтиво, что въ настоящую минуту я рѣшительно ничего не имѣю, просилъ его взять за долгъ мою скрипку, стоящую не менѣе 40 рублей и находящуюся въ его театральной кладовой вмѣстѣ съ другими моими вещами, которыя были оставлены въ театрѣ для моей службы на слѣдующій сезонъ.

Такъ мы разстались съ этимъ умнымъ, дѣльнымъ, подѣ часъ сердечнымъ человѣкомъ, который многое бы могъ сдѣлать для усовершенствованія своего дѣла, еслибъ не былъ коммерсантомъ и отчасти кулакомъ.

А-же..

Ну, да мнѣ не привыкать было ко всякимъ положеніямъ, хотя послѣднее было и изъ наитягчайшихъ.

(Продолженіе будетъ).

Никсъ..

Музыкальный обзоръ.

1.

Настоящей статьёй, въ наступающемъ сезонѣ, начинаются ежемѣсячные обзоры музыкальной жизни города Томска, въ коихъ мы намѣрены отмѣчать положительныя и отрицательныя стороны исполняемаго и исполнителей, оцѣнивать условія музыкальной дѣятельности въ Томскѣ, на нашъ взглядъ, весьма ненормальныя, препятствующія цѣлесообразному использованію мѣстныхъ музыкальныхъ силъ, а равно и правильному развитію.

музыкального вкуса обывателей нашей отдаленной окраины и являющіяся, стало быть, пока неустранимымъ тормазомъ къ осуществленію систематическаго облагораживающаго вліянія музыки на массу населенія.

Музыкальный сезонъ едва начинается: томскій обыватель находится лишь въ ожиданіи пріѣзда оперной труппы, концертовъ, проектированныхъ Томск. Огд. И Р М О—ва, и съ художественнымъ ужасомъ помышляетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, одлинномъ, почти безконечномъ рядѣ благотворительныхъ концертовъ, представляющихъ собою пока трудно устранимое зло не только въ провинціи, но даже въ столицахъ.

Для окраины, вроде Томска, съ несложившимися, сбивчивыми представленіями относительно культурнаго значенія музыки, благотворительные концерты положительно вредны тѣмъ, прежде всего, что устроители таковыхъ вводятъ публику въ заблужденіе относительно значенія и достоинства исполняемыхъ произведеній и самихъ исполнителей, и такимъ образомъ способствуютъ лишь извращенію музыкальныхъ вкусовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, программы благотворительныхъ концертовъ въ Томскѣ, въ количественномъ отношеніи, отличаются въ большинствѣ своемъ, подчасъ вѣистину грандіозными размѣрами, способствуя лишь чрезмѣрному утомленію слушателя; въ качественномъ-же страдаютъ тѣмъ, что ихъ содержаніе столь-же пестро, сколь случаенъ контингентъ исполнителей: Шуманъ, Глянка, Шопенъ, Чайковскій, Масканьи, Рубинштейнъ, Слоновъ, Балакиревъ, Вагнеръ, Врангель и многіе другіе модные композиторы; отрывки изъ „Гейши“ и „Боккачіо“; симфоническія поэмы Листа, композиціи для балалайки, до цыганскихъ пѣсенъ и цыганскихъ-же романсовъ включительно — вотъ длинный списокъ частью именъ авторовъ, отчасти жанра исполняемаго, взятыхъ нами изъ имѣвшихся подъ руками программъ, гдѣ одновременно и рядомъ приводятся: романсъ Шумана и тривіальная пьеса для балалайки, симфоническая поэма Листа, дающая слушателю рядъ несомнѣнно чистыхъ, благороднѣйшихъ настроеній, и пошлый затасканный цыганскій романсъ.

Намъ могутъ сказать, однако, что даже цыганская пѣсня, художественно исполненная, вызываетъ въ слушателѣ эстетическую иллюзію. Да; но при условіи наличности исполнителя, об-

ладающаго положительными музыкальными достоинствами. За это, между прочимъ, говорятъ нижеприводимыя строки, принадлежащія перу извѣстнаго музыкальнаго критика, въ коихъ послѣдній слѣдующимъ образомъ оцѣниваетъ исполненіе извѣстной пѣвицы Герстеръ: „Не спрашивайте, однако, о томъ, что она поетъ. Въ числѣ всѣхъ ея пьесъ, не было ни одной, которая представляла-бы музыкальный интересъ. Не смущайтесь этимъ. Въ исполненіи Герстеръ это не избитая арія, а нѣчто новое, прежде неслыханное. Въ вариаци на „Венеціанскій Карнаваль“ она сумѣетъ внести цѣлый міръ поэзіи. Споетъ ли она ничтожную нѣмецкую пѣсенку, она заразитъ васъ своимъ музыкальнымъ смѣхомъ. Запоетъ-ли она венгерскую мелодію, она перенесетъ васъ въ міръ необузданнаго цыганскаго табора. Она такъ много вноситъ *своею* задушевнаго, что вамъ рѣшительно все равно, что бы она ни пѣла“.

Томскому-же обывателю въ благотворительныхъ концертахъ предлагается выслушивать длиннѣйшія и пестрѣйшія программы, однако, въ исполненіи часто не артистовъ, даже не лицъ, получившихъ какое ни на есть музыкальное образованіе, хотя бы незаконченное, но, главнымъ образомъ, „любителей“ всѣхъ возрастовъ и половъ.

Участіе въ такихъ концертахъ весьма и весьма немногихъ спеціалистовъ или-же музыкально-образованныхъ любителей приходится отмѣчать съ особой признательностію.

Организаторы-же такихъ концертовъ, отложивъ попеченіе о художественной части послѣднихъ, хлопчуть единственно о томъ, чтобы выручить возможно большее количество денегъ и полностью распродать билеты, съ каковою цѣлью послѣдніе рассылаются и развозятся по домамъ. И такимъ образомъ, обыватель, въ преобладающемъ большинствѣ—профанъ, къ искусству вполне индифферентный, воспитывается въ направленіи совершенно нежелательномъ, привыкая скептически относиться и къ искусству, и къ его представителямъ, и къ программамъ концертовъ, даже завѣдомо доброкачественнымъ, привыкая легкимъ способомъ, не выходя изъ квартиры, добывать билеты. Кромѣ того, такимъ путемъ у обывателя укореняется ложный взглядъ на цѣли искусства и назначеніе сбора съ концерта.

Ненормальные условия организации художественной части благотворительных концертов почти исключают самую возможность осмысленного, тем более — художественного исполнения хотя бы и малозначащих произведений; о художественном же воспитании публики при таких условиях говорить даже не приходится.

Томский обыватель систематически приучен к тому, что сборъ съ любого концерта непременно долженъ поступать только не въ пользу исполнителя, и даже концертирующимъ мѣстнымъ артистамъ весьма часто приходится выслушивать укоризненный, полный недоумѣнія, вопросъ: „въ чью-же пользу поступаетъ сборъ“?

А между тѣмъ всякій артистъ имѣетъ такое же право на вознагражденіе за свой профессиональный трудъ, какъ и врачъ, юристъ, учитель, инженеръ и представители прочихъ свободныхъ профессій.

Лишь относительно скрипача Думчева, лишеннаго музыкальнаго пониманія, пользующагося, однако, крупными техническими средствами, для изображенія и выраженія ничтожныхъ по содержанию настроеній, въ Томскѣ не удивлялись и не сомнѣвались въ томъ, что онъ играетъ въ свою пользу, а лишь усердно помогали ему дѣлать громадныя сборы.

Здѣсь уместно будетъ мимоходомъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, за какія, на первый взглядъ какъ будто невещественныя, заслуги уплачивается артисту матеріальный эквивалентъ.

Не говоримъ уже о томъ, что эти заслуги не менѣе вещественны, чѣмъ, на примѣръ, механическая работа, такъ какъ послѣдняя входитъ необходимымъ слагаемымъ въ результатъ труда артиста. Но это слагаемое получаетъ значеніе лишь при наличности, еще болѣе важнаго, требующаго огромной траты нервныхъ клетокъ, фактора — психическаго, т. е. настроенія, точнѣе, ряда настроеній, сообщаемыхъ слушателю въ результатѣ воздѣйствія на него комбинаціи звуковъ, продуцируемой исполнителемъ, но при условіи, если такая комбинація не лишена смысла. Эготъ послѣдній она получаетъ при наличности слѣдующихъ обстоятельствъ.

Всякое событіе, конкретный фактъ, воспринимается субъектомъ помощію чувствъ, производя въ области послѣднихъ соот-

вѣтственное впечатлѣніе, а въ области разума—вызывая возникновеніе мыслей, идей; послѣднія, въ свою очередь, затрагиваютъ область чувствъ, вызывая соотвѣтственное настроеніе, или же рядъ настроеній, а послѣднія находятъ внѣшнее выраженіе и форму въ словѣ или же комбинаціи звуковъ; такъ какъ слово, достаточное для выраженія мыслей, идей, далеко не всегда достигаетъ цѣли, когда требуется выразить чувства и настроенія, въ особенности разнообразныя оттѣнки таковыхъ, т. е. „волю“ въ смыслѣ Шопенгауэра, лишь помощію звуковыхъ комбинацій, находящихъ себѣ полное выраженіе, звуковыхъ комбинацій, стало бытъ, получающихъ болѣе или менѣе глубокой смыслъ.

Возвращаясь къ оцѣнкѣ условій музыкальной дѣятельности въ Томскѣ, способствующихъ возникновенію и столь рѣзкому проявленію вышеуказанныхъ ненормальностей въ организаціи и осуществленіи благотворительныхъ концертовъ, мы невольно вспоминаемъ о томъ, что въ Томскѣ имѣются печатные органы, существуетъ отдѣленіе И. Р. Муз. О—ва процвѣтаетъ, по крайней мѣрѣ, матеріально, частная музыкальная школа—учрежденія, нравственно обязанныя регулировать общественное мнѣніе по вопросамъ искусства, воспитывать художественныя вкусы публики, распространять правильныя взгляды на музыку и ея представителей, на музыкальнае образованіе, творчество и дѣятельность. Реагируютъ-ли и какимъ образомъ названныя учрежденія на упоминаемыя выше ненормальности въ той сферѣ, въ коей находятъ выраженіе лучшія духовныя проявленія человеческой природы?

Что касается мѣстной прессы, то временами появляются въ ней рецензіи къ различнымъ концертамъ, оперѣ и т. п.; причемъ, подчасъ появляются по двѣ, діаметрально противоположныхъ, взаимно исключаютъ одна другую, критики. Въ видѣ рѣдкихъ исключеній, печатались даже обширныя фельетоны по музыкѣ, содержащія провѣренныя факты и обоснованныя мнѣнія; но, рядомъ съ послѣдними, находили себѣ мѣсто разнорѣчивыя, немотивированныя мнѣнія, невѣрныя свѣдѣнія по музыкѣ.

Единственнымъ отраднымъ исключеніемъ представляется пока музыкальный отдѣлъ газеты „Сибирская Жизнь“, и то за сравнительно короткій промежутокъ времени—послѣдніе мѣсяцевъ десять,—когда въ немъ появились по существу правильныя

опѣнки мѣстныхъ музыкальныхъ дѣятелей, въ коихъ, однако, „горькія пилюли“, къ сожалѣнію, бывали иногда покрыты позолотой.

Такъ, напримѣръ, въ дѣятельности Томскаго Отдѣленія И. Р. М. О.—ва тоже въ общемъ не все обстоитъ благополучно, хотя уже въ виду того, что единственнымъ праведникомъ въ настоящее время въ этомъ учрежденіи, по справедливости, можно считать лишь г. Матчинскаго, да и его положеніе, замѣтимъ мимоходомъ, тамъ непрочно (см. № № 163 и 168 „Сибирск. Жизни“ отъ 29 іюля и 4 августа 1904 года).

Въ № 168 отъ 4 августа 1904 г. редакція „Сибирской Жизни“ даже рѣзко подчеркнула свою солидарность съ вполне объективной корреспонденціей г. „Не аборигена“, помѣщенной въ № № 27—28 „Русской музыкальн. Газеты“, и, наконецъ, безъ всякой позолоты редакція совершенно правильно признала, что музык. классы Томск. Отдѣленія, какъ и дирекція послѣдняго, нуждаются въ коренныхъ реформахъ.

Вполнѣ присоединяясь къ выводамъ г. „Не аборигена“, приведеннымъ въ его корреспонденціи, упоминаемой выше, мы не можемъ пройти молчаніемъ еще и то обстоятельство, что г. „Не аборигенъ“ изображаетъ дѣйствительность красками слишкомъ еще блѣдными.

Отмѣчая затѣмъ единодушные и по существу правильные отзывы мѣстной прессы (см. № 163 „Сибирской Жизни“ отъ 29 іюля 1904 г. и № 161 „Сибирск. Вѣстн. отъ 27 іюля 1904 г. относительно концерта г. Матчинскаго и г-жи Александровой-Левенсонъ, даннаго послѣдними 25 іюля въ большомъ залѣ Томскаго общественнаго Собранія и явившагося первымъ изъ вошедшихъ въ рядъ таковыхъ (концертовъ) дальнѣйшаго артистическаго турнѣ обоихъ артистовъ, раздѣляя также сожалѣніе рецензента г. „М.“ по поводу того, „что піанистка, обладающая такими цѣнными качествами, не находится въ числѣ преподавателей музыкальныхъ классовъ“, мы добавимъ къ этому еще и то, что если такая несомнѣнно солидная музыкальная сила, какова г-жа Александрова-Левенсонъ, уже въ теченіе четырехъ лѣтъ не могла найти надлежащаго приложенія ни въ казенныхъ, ни въ общественныхъ (музык. классы Т. О. И. Р. М. О.), ни наконецъ, въ частныхъ (школа г-жи Томашинской) учрежденіяхъ,

когда приглашаются въ столиць все новыя и новыя лица (г-жа Шилова—фортепiano въ школу г-жи Томашинской г-жа Соболевская—и т. д. — въ музык. классы), не взирая на то, что въ городѣ уже имѣется спеціалистъ, такимъ способомъ совершенно устраненный отъ дѣла, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь: то это обстоятельство между прочими ярко подчеркиваетъ лишній разъ коренную ненормальность въ самой постановкѣ музыкальнаго дѣла въ Томскѣ, гдѣ, помимо музыкальныхъ учрежденій, частная музыкальная дѣятельность, при наличныхъ условіяхъ, совершенно не мыслима.

Мы не можемъ не сказать еще нѣсколько словъ по поводу концерта г. Зубковскаго, недавно прибывшаго въ Томскъ и 23 августа впервые появившагося на эстрадѣ бесплатной библіотеки въ качествѣ скрипача, композитора и виртуоза на баладаикѣ.

Г. Зубковскій—человѣкъ не безъ способностей, но если предъявлять къ нему строгія требованія, то—можно добавить—къ сожалѣнію, направившійся по ложному пути.

Мы имѣли случай слышать г. Зубковскаго не одинъ разъ и убѣдились въ безукоризненной чистотѣ интонаціи, представляющей несомнѣнное достоинство его игры на скрипкѣ, однако отсутствующее даже въ исполненіи г. Медлина.

Въ концертѣ 23 августа эта чистота интонаціи съ несомнѣнной ясностію проявится и въ весьма удовлетворительномъ исполненіи имъ пьесъ Галкина, Сарасате, Годара, равно какъ и собственной фантазіи для 5—струнной скрипки. Эта фантазія на русскія темы и новая вариация къ „Соловью“ Вьетана представляютъ собой тоже несомнѣнные доказательства удовлетворительнаго знакомства г. Зубковскаго хотя-бы съ главнѣйшими основами композиторской техники и свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ дарованіи.

Какъ извѣстно, г. Зубковскій, кромѣ того, дирижировалъ военнымъ оркестромъ въ Читѣ.

Какъ музыкантъ, вступившій на ложный путь, г. Зубковскій, конечно, не желателенъ въ качествѣ отвѣтственнаго руководителя музыкальнаго дѣла. Но онъ могъ бы быть совершенно на своемъ мѣстѣ въ качествѣ организатора музыкальныхъ увеселеній для народа. А благодаря наличности у него выше перечисленныхъ

данныхъ, онъ могъ-бы явиться соперникомъ и для г. Медлина, только за полнымъ отсутствіемъ въ Томскѣ болѣе или менѣе достойныхъ конкурентовъ, монополизировавшаго въ своихъ рукахъ публичное исполненіе камерной музыки, что опять таки совершенно ненормально и крайне неудобно для специалистовъ.

А между тѣмъ у каждаго инструменталиста имѣется своя особенная индивидуальность, коей можно дать проявиться наиболѣе цѣлесообразно въ исполненіи соответственнаго жанра музыки. Вслѣдствіе этого среди исполнителей—не можетъ быть ни первыхъ, ни послѣднихъ, ни излюбленныхъ, ни подвергаемыхъ травлѣ, ни ревниво оберегаемыхъ, ни гонимыхъ, такъ какъ индивидуальность каждаго изъ нихъ, при желаніи, можетъ быть использована наиболѣе благоприятно.

Въ заключеніе нашего обзора упомянемъ еще о томъ, что изъ ряда концертовъ, проектированныхъ Томскимъ отдѣленіемъ И. Р. М. О. на 1904—1905 годъ, добрая половина, на этотъ разъ, конечно, лучшая, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, мы въ этомъ почти увѣрены, не осуществится, не смотря на предварительное обсужденіе этого вопроса и даже занесеніе въ протоколъ.

Proslambanomenos.

P. S. Въ одной изъ театральныхъ газетъ, издающихся въ Петербургѣ, относительно способа „заочнаго обученія музыкѣ“ въ „школѣ теоріи музыки“, вновь открытой въ Петербургѣ бывш. директоромъ Томскихъ Музыкальныхъ класовъ свободнымъ художникомъ С. Т. Аббакумовымъ, — высказано нѣкоторе недоумѣніе, и совершенно неправильно, несправедливо иронизировать по адресу Аббакумова, замѣчая, „что до сихъ поръ (якобы) только каллиграфы занимались исправленіемъ почерковъ „по почтѣ“.

Мы, въ свою очередь, не можемъ не замѣтить почтенной газетѣ по этому поводу, что заочное обученіе „по почтѣ“ не только чисто теоретическимъ, но даже такимъ научнымъ дисциплинамъ, каковы, напримѣръ, астрономія, химія, физика, несомнѣнно, требующимъ наличнаго присутствія руководителей, уже много лѣтъ въ широкихъ размѣрахъ и съ несомнѣннымъ успѣхомъ ведется, Московской и Петербургской комиссіями домашняго чтенія*, въ составъ каковыхъ комиссій входятъ лучшія научныя силы и специалисты обѣихъ столицъ.

Заочное обученіе не „музыкѣ“, а именно „теоріи музыки“ вполне возможно и по многимъ причинамъ желательно, такъ какъ это—предметъ теоретическій, руководство въ занятіяхъ коимъ можетъ состоять въ указаніи программы, учебниковъ, справочныхъ изданій, истолкованіи неясностей изложенія послѣднихъ, наконецъ, въ исправленіи необходимыхъ письменныхъ работъ обучающихся инструментальнымъ т. е. ихъ инструментальныхъ или вокальныхъ сочиненій.

Какъ намъ извѣстно, въ области музыки, это—первый опытъ заочнаго обученія теоріи, т. е. приближенія „консерваторіи“ къ массѣ населенія, опытъ, осуществить который взялось лицо вполне компетентное. Въ конечномъ результатѣ этотъ опытъ дѣйствительно можетъ способствовать появленію мѣстныхъ композиторовъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда лица, обладающія дарованіями и стремящіяся къ музыкальному творчеству, лишены возможности покинуть, подчасъ глухую провинцію и жить въ культурномъ столичномъ центрѣ, гдѣ главнымъ образомъ и сосредоточены надлежащіе спеціалисты.

Газетѣ слѣдовало-бы осторожнѣе относиться къ тому, что она пишетъ по поводу музыки, и не иронизировать надъ предпріятіемъ, заслуживающимъ уваженія и нравственной поддержки.

Наши соображенія по этому поводу подтверждаются и данными, приведенными въ №№ 25—36 „Русской Музыкальной Газеты“, единственнаго въ Россіи *спеціального* изданія по музыкѣ, съ которымъ приходится серьезно считаться даже профессиональнымъ дѣятелямъ.

Замѣтки Наблюдателя.

Отрадное явленіе. Тяжелая доля. Приарфніе душевно-больныхъ. Возмутительный случай. Жуиры въ Николаевѣ. Интеллигенты въ Феодосіи. Веселые думцы. Банное торжество. Дума подъ судомъ. Жертва клеветы. Баронская фантазія. Курьезный случай развода. Оскорбительны-ли слова „лысый“ и „японецъ“?.

Несомнѣнно, въ дѣлѣ развитія народной школы свѣтлымъ и отраднымъ явленіемъ нужно признать недавній съѣздъ земскихъ учителей одесскаго раіона.

Съездъ этотъ состоялся въ гор. Одессѣ, и на него собралось всего около сотни учащихъ при официальномъ руководствѣ директора и инспекторовъ народныхъ училищъ.

Не смотря на нѣкоторыя неблагопріятствующія свободному выраженію мнѣнія обстоятельства, съезду удалось провести взгляды, дѣлающіе честь его составу. Такъ, общія задачи школы формулированы были слѣдующимъ образомъ: „Народная школа должна быть звеномъ въ цѣпи другихъ общеобразовательныхъ учрежденій и преслѣдовать цѣли, свойственныя имъ всемъ: научить мыслить и сообщать элементы свѣдѣній, которыя могли бы служить основой для развитія этой способности; научить пользоваться книгой и развить интересъ къ чтенію. Наравнѣ съ этимъ, школа должна положить основы для нравственнаго воспитанія. Такимъ образомъ, школа должна дать средства для дальнѣйшаго самообразованія и самовоспитанія“. Этой формулировкой наши учащіе, какъ и большинство современныхъ народныхъ педагоговъ Запада и Россіи, безусловно отвергаютъ невыдерживающей критики взглядъ на низшія сословія, какъ на среду, нуждающуюся въ какомъ-то особенномъ специфическомъ образованіи, составляющемъ смѣсь изъ утилитарныхъ знаній и усвоенія правилъ прописной морали. Къ такому-же выводу неизбежно привели и наблюденія за внѣкласснымъ чтеніемъ какъ учащихся, такъ и взрослыхъ абонентовъ земскихъ народныхъ библіотекъ. По докладу одного учителя (г. Рудницкаго) наиболѣе зрѣлая часть читателей, не удовлетворяясь узкоограниченнымъ комплектомъ книгъ въ такихъ библіотекахъ, не разъ заявляла просьбу, чтобы имъ выдавали книги „такія, какъ въ городѣ“, т. е., очевидно, книги разрѣшенныя общею цензурой.

Не имѣя, однако, возможности формулировать пожеланіе допущенія въ сельскія библіотеки всехъ такихъ книгъ, члены съезда примирились на пожеланіи „возможнаго расширенія каталога“ допускаемаго въ библіотеки матеріала. Затѣмъ съездомъ высказаны были весьма рациональные взгляды на постановку преподаванія въ школахъ отдѣльныхъ предметовъ. Исторія должна преподаваться вполне объективно, чтобы правдивымъ освѣщеніемъ событій достигалась выработка ихъ правильной оцѣнки и, какъ естественное слѣдствіе, любовь ко всему хорошему и отвращеніе къ дурному; такимъ путемъ на первомъ мѣстѣ ставится

въ идеалѣ любовь сознательная и дѣятельная. Географія (политическая) должна знакомствомъ съ жизнью другихъ народовъ также освѣщать нашъ собственный укладъ жизни и тѣмъ пробуждать дѣятельное мышленіе. Въ естествознаніи, по условіямъ курса, самымъ элементарномъ, полезно ввести объединяющую идею; на примѣръ, развитія приспособляемости органическихъ существъ къ природѣ. Засвидѣтельствована была учителями между прочимъ стѣпенительность программы школьныхъ занятій, побуждающая нерѣдко учащаго выполнять курсъ поверхностно, лишь бы не упустить какого нибудь ея требованія. Были ссылки на примѣръ Америки, Англійи и Швеціи, гдѣ программы вырабатываются на мѣстахъ особыми совѣтами примѣнительно къ бытовымъ условіямъ. Немало вниманія съѣздъ удѣлилъ также школьной гигиенѣ, физическому воспитанію дѣтей, особенностямъ иногородческихъ школъ и, наконецъ, обезпеченію самихъ учащихся путемъ кассъ взаимопомощи и т. д.

Нельзя не пожелать, чтобы пожеланія, высказанныя учащими одесскаго съѣзда, не остались одинокими и чтобы на съѣздахъ учителей въ другихъ районахъ нашего отечества къ голосу народнаго учителя прислушивались также внимательно, какъ это было въ Одессѣ..

Съѣздъ учителей, заботясь о лучшей постановкѣ дѣла народнаго образованія, лишь въ самомъ концѣ заведеній выдвинулъ вопросъ о необезпеченности преподавательскаго персонала и просматривалъ предложенія объ устройствѣ кассъ взаимопомощи и т. д.; это дѣлаетъ честь скромнымъ труженикамъ народнаго образованія, которые такимъ образомъ не на словахъ, но на дѣлѣ доказали, что избранный ими трудъ они ставятъ выше собственнаго своего „я“ и заботятся объ этомъ послѣднемъ „въ концѣ концовъ“, такъ сказать „между прочимъ“ и т. п. Но положеніе учителя, его необезпеченность, до нѣкоторой степени пренебрегаемая имъ самимъ, не должны быть неизвѣстными тому обществу, которое создано трудами народнаго учителя, пользуется благосостояніемъ и благодаря ему получило „свѣтъ разума“...

Это общество должно знать, какъ тяжелъ трудъ учителя и должно идти къ нему на помощь..

Въ этой помощи, въ чемъ бы она ни выражалась, учащій очерпаетъ источникъ новыхъ силъ для борьбы, для работы на благо общее...

А чтобъ идти на помощь къ бѣдствующему учителю, нужно почаще знакомиться съ его нуждами, нужно почаще останавливать свое вниманіе на фактахъ, подобныхъ, напр., слѣдующему:

Въ пригородной слободкѣ города Курска недавно имѣлъ мѣсто такой случай.

Въ начальной женской школѣ со дня ея основанія и до настоящаго времени, т. е. въ теченіе сорока лѣтъ, безсмѣнно и очень успѣшно учительствовала дѣвица X. Сорокъ лѣтъ нелегкаго нервнаго труда—это цѣлая жизнь! За это время г-жа X. разстроила свое здоровье, наконецъ, стала уже тяготиться учительскимъ трудомъ, нуждаться въ отдыхѣ, въ покоѣ. Но, чтобы отдыхать, нужно имѣть нѣкоторое обезпеченіе, у бѣдной-же учительницы, получавшей 25 рублей мѣсячнаго жалованья, естественно, никакихъ сбереженій не оказалось. Что дѣлать? Какъ быть? Г-жа X. рѣшила обратиться къ ямскому обществу съ просьбой о назначеніи ей хотя маленькой пенсіи. Казалось бы, просьба естественная и законная. Не такъ посмотрѣло на дѣло ямское общество. На волостномъ сходѣ надъ просьбой учительницы, пожертвовавшей населенію сорокъ лѣтъ честной трудовой жизни, стали шутить, издѣваться. Слышались такія изреченія:

— Рази даромъ она намъ служила, что-ли-ча? Чай денежки кажинное первое число получала, а теперь опять давай. За что?

— Такъ-то всякій бы на боку сталь лежать, получая пенсію. Сдѣлай милость.

— Нѣтъ, ты, милая, служи, коли хочешь, и получай. А не хочешь, стара стала, мать, уходи съ Богомъ, мы тебя не держимъ.

Подъ градомъ обидныхъ и горькихъ насмѣшекъ злополучная просьба учительницы была отклонена.

И теперь г-жѣ X. предстоитъ одно изъ двухъ: или продолжать тянуть непосильный уже учительскій трудъ, съ разбитыми силами и здоровьемъ (если еще дозволить это учебное начальство, естественно заинтересованное въ томъ, чтобы работники и работницы его были здоровы и молоды), или поступать въ богадѣльню, чтобы имѣть хотя какой-нибудь уголъ.

Тяжелая, горькая доля!..

И въ какомъ нибудь мѣстѣ „призрѣнія“ загаснетъ эта трудовая жизнь, загаснетъ безъ ропота и протеста, а, быть можетъ,

испытавъ еще новыя муки, которыми такъ изобилуютъ сказанныя мѣста разныхъ призраній ..

Заглянемъ, по-пути, хотя бы въ одно изъ этихъ влачныхъ мѣстъ.

Вотъ что, напр., пишутъ „С.-Ц. Вѣд.“ изъ Екатеринбургa. „Самымъ слабымъ мѣстомъ медицинской организаціи на Уралѣ является призраніе душевно-больныхъ. Для всего огромнаго края имѣется лишь одна лѣчебница для психически больныхъ въ г. Перми. Туда больные эвакуируются иногда изъ очень отдаленныхъ мѣстностей. Въ этихъ мѣстностяхъ положеніе душевно-больныхъ можно безъ преувеличенія сравнить съ положеніемъ ихъ во всей Россіи 178 лѣтъ тому назадъ, когда Петръ Великій повелѣлъ указомъ устраивать „отсылку бѣснующихся въ Св. Синодъ для распредѣленія ихъ по монастырямъ“. Хуже всего, что за это время и характеръ „отсылки“ почти не измѣнился. Душевно-больной въ настоящее время, доставленный изъ мѣста жительства въ уѣздный городъ, за отсутствіемъ при мѣстной городской больницѣ какого либо подходящаго для этого рода больныхъ помѣщенія, обыкновенно довольно быстро транспортируется въ г. Пермь приземъ не принимается во вниманіе ни состояніе погоды, ни психическое состояніе больного (возбужденное состояніе только ускорить отправку). При такомъ положеніи дѣлъ,—по словамъ завѣдующаго пермскимъ пріютомъ доктора Жесткова,—врачамъ пріюста нерѣдко случается принимать больныхъ, отправленныхъ за сотни верстъ въ дурную погоду, въ сопровожденіи невѣжественныхъ въ уходѣ за больными стражниковъ, крѣпко связанныхъ веревкой или въ горячечную рубаху, съ отеками и глубокими ссадинами на рукахъ, какъ слѣдствіемъ связыванія, или больныхъ, хотя и безпокойныхъ, но крайне слабыхъ физически, почти безъ пульса, а чрезъ нѣсколько дней констатировать и смерть. Съ другой стороны, приходится наталкиваться и на факты противоположнаго характера: были случаи, когда привозились лица душевно здоровыя... Приведенныхъ случаевъ можно было легко избѣжать, если-бы уѣздныя больницы имѣли у себя отдѣленія, приспособленныя для помѣщенія душевно-больныхъ. Здѣсь больные могли-бы находиться подъ наблюденіемъ врача отъ нѣсколькихъ недѣль до 2—3 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, слабые больные были-бы из-

бавлены въ послѣдніе дни жизни отъ излишнихъ тревоженій или же, подъ вліяніемъ ухода и лѣченія, успѣли бы окрѣпнуть на столько, что ихъ безъ риска для здоровья и жизни можно было бы отправить въ Пермь. У буйныхъ же больныхъ врачъ всегда бы могъ выждать для эвакуаціи болѣе спокойнаго состоянія. Скоропроходящіе психозы съ удобствомъ для больныхъ излѣчивались бы на мѣстѣ. Устройство отдѣленій при уѣздныхъ больницахъ для временнаго помѣшенія душевно больныхъ облегчается въ практическомъ отношеніи тѣмъ, что, по мнѣнію д-ра Жесткова, для такихъ отдѣленій особаго врача не потребуется, и больными можетъ завѣдывать имѣющійся на лицо врачъ больницы, такъ какъ большая часть врачей состоящихъ теперь на службѣ земства и городовъ, теоретически знакомы съ ученіемъ о душевныхъ болѣзняхъ, такъ какъ курсъ психіатріи читается во всѣхъ университетахъ, а при нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются даже благоустроенныя клиники душевныхъ болѣзней, гдѣ слушатели знакомятся и практически съ этой отраслью медицины. Въ Екатеринбургѣ душевно больные, до времени отправленія ихъ въ Пермь, принуждены содержаться при полиціи въ помѣщеніи, безусловно не имѣющемъ ничего общаго съ помѣщеніемъ, предназначеннымъ для призрѣнія страждущихъ. Въ виду такого печальнаго положенія дѣла возникъ проектъ устройства при городской больницѣ, на соединенныя средства города и земства, спеціальнаго помѣшенія для временнаго призрѣнія душевно больныхъ. По проекту пріютъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій, въ каждомъ по шести палатъ. Вопросъ окончательно долженъ разрѣшиться въ ожидаемую осеннюю земскую сессию.

По поводу этой картинки невольно является вопросъ: неужели только въ одномъ Екатеринбургѣ душевно-больные до времени отправленія ихъ въ больницу содержатся при каталажныхъ камерахъ?

Къ сожалѣнію, на это нужно отвѣтить отрицательно.

Не въ одномъ Екатеринбургѣ, а въ огромномъ большинствѣ городовъ Россіи и Сибири замѣчается то-же самое безобразное явленіе и устранить его пока еще нѣтъ никакихъ средствъ...

* * *

Отъ грустныхъ фактовъ дѣйствительности, видимо, убѣжать обозрѣвателю трудно а потому да не посѣтуетъ на насъ читатель, если мы познакомимъ его хотя съ однимъ изъ наиболѣе „грустныхъ“.

Въ Варшавѣ разыгралась потрясающая драма Нѣкій Л. Копчинскій торговецъ „живымъ товаромъ,“ сманилъ изъ родительскаго дома 16 лѣтнюю дѣвушку Леокадію Пюнтикъ. Онъ обѣщаль ей веселую жизнь и богатство, но дѣвушка почувствовала себя точно въ клѣткѣ. Копчинскій одѣлъ ее въ коротенькую розовую юбочку и заставлялъ ее по цѣлымъ ночамъ пьянствовать съ подозрительными компаніями. Днемъ Копчинскій тоже держалъ ее взаперти и зорко слѣдилъ, чтобъ она не продала себя на сторону. вмѣстѣ съ Леокадіей въ той же квартирѣ содержалась нѣмка, которая думала только о „заработкѣ“ и объ аккуратной расплатѣ съ хозяиномъ. Дѣвушка попросила ее помочь ей уйти изъ вертепа и дать вмѣсто розовой юбочки какое-нибудь старое платье, но нѣмка сообщила о планѣ Пюнтекъ Копчинскому. Копчинскій заперъ дверь на замокъ, положилъ ключъ въ карманъ и, поваливъ дѣвушку на полъ, сталъ ее сбѣчь нагайкой. Вся избитая, дѣвушка, наконецъ, вырвалась изъ рукъ своего палача и, выбѣжавъ на балконъ, бросилась внизъ на асфальтовую мостовую. Сбѣжался народъ, прибыла полиція. Несчастная, не приходя въ сознаніе, скончалась. Весь дворъ былъ забрызганъ кровью и мозгомъ. Копчинскій арестованъ.

Копчинскій арестованъ. Онъ понесетъ заслуженную имъ кару, но не арестованы ни зло, ни насиліе, которыя царятъ въ вертепахъ разврата человѣческой разнузданности. И факты, подобные описанному, явленіе едва ли не заурядное. Они варьируются только мѣстомъ дѣйствія, обстановкой, способами насилія, наконецъ, варьируются въ своей финальной части..

Посмотрите, напримѣръ, что дѣлается въ г. Николаевѣ:

Какіе то жуиры, прожигающіе, повидимому, жизнь въ праздности, занялись отъ скуки милымъ дѣломъ—анонимной корреспонденціей. Еслибы эта корреспонденція носила сколько нибудь приличный характеръ, то это бы еще не бѣда. Разсылаемые по городу анонимы по своей грубой формѣ, по своему голому, не прикрытому цинизму, отвратительны и оскорбляютъ всякаго сколько нибудь приличнаго человѣка. И такія письма адресуются безъ разбора пола и возраста. Этого еще мало. Эти милыя произведенія, противъ всякаго обыкновенія, подписываются не какой-либо случайной фамиліей или-же просто какимъ-нибудь неразборчивымъ и ничего не значущимъ росчеркомъ, а нарочно подписываются именами извѣстныхъ въ городѣ лицъ. Адресаты избираются тоже извѣстныя лица, знакомыя поддѣльнымъ авторамъ грязныхъ анонимовъ. Не трудно поэтому,—говорить „Юж-Росс.“—представить себѣ, сколько яду и отравы вносятъ эти грязные анонимы въ жизнь затронутыхъ лицъ. Въ редакцію названной газеты доставленъ образчикъ анонимной корреспонденціи. Это верхъ цинизма, и ничего отвратительнѣе не можетъ быть. Что можетъ быть отвратительнѣе, когда люди врываются въ чужую частную жизнь и становятся не только ихъ судьями, но и палачами, будучи сами жалкими, недостойными вниманія, отбросами общества? Заинтересованными лицами и ихъ добрыми знакомыми приняты энергичныя мѣры къ обнаруженію авторовъ отвратительныхъ анонимовъ и возданію имъ по заслугамъ. Говорятъ, что имъ уже удалось напасть на кое какіе слѣды.

Въ Феодосіи,—по словамъ „Крымекаго „Вѣсти.“,—на проходившихъ ночью мимо мѣстнаго сада двухъ студентовъ совершенно нападеніе шести человѣкъ изъ мѣстной „интеллигенціи“. Совершенно случайно все сбилось довольно благополучно. По адресу студентовъ отпущено было нѣсколько „длинныхъ“ ругательствъ. Изъ числа нападавшихъ замѣченъ служащій на 2-й Екатериинской желѣзной дорогѣ г. К въ. Фамиліи остальныхъ пока неизвѣстны. Милая провинція! Здѣсь и интеллигенція-то какая-то особая. Вся интеллигентность этихъ господъ заключается, очевидно, только въ развитіи мускуловъ. Не жара-ли такъ удручающе на всѣхъ дѣйствуетъ? Просто „ужасти“ какія

Судятся студенты, бранятся дамы, дерутся „интеллигенты“. Камера судьи переполнена дѣлами.

Вѣроятно, всѣ эти „ужасти“ творятся „интеллигенціей“ отъ недостатка дѣла, но печально то, что и за „дѣломъ“ наша интеллигенція мало чѣмъ отъ феодосійской отличается..

Орловская дума старается не отставать отъ остальныхъ российскихъ думъ, въ живописности своихъ засѣданій.

Въ мѣстной газетѣ дается такой отчетъ о послѣднемъ засѣданіи орловской думы:

Гл. Н. Н. Бѣшенцевъ. Членъ управы, оказывается, не знаетъ, что отдѣльные мнѣнія не остаются въ архивѣ на закуску мышамъ, а представляются губернатору. Что касается выраженій, то вѣдь нельзя, напримѣръ, что говорятъ на Ильинкѣ заносить въ журналъ.

Гл. Н. М. Фурсовъ. Нужно до вѣкоторой степени ограничить свободу выраженій.

Гл. А. А. Литкенсъ. Только экспансивность и достигаетъ цѣли и вызываетъ должныя дебаты. Гдѣ границы между „болѣе или мѣнѣе?“

Членъ управы С. К. Живописцевъ. Если дадутъ особую форму выраженій, тогда пожалуй... А то вѣдь однимъ является желаніе расшаркиваться, а другіе протестуютъ.

Я выслушалъ ваше мнѣніе, но мое право принять и не принять его.

Не вижу съ своей стороны надобности сдерживать себя. Не поставите въ узкія рамки

Гл. Н. Н. Бѣшенцевъ. Говорятъ, что вмѣщеніе „опереточная приписка“ оскорбительно, а употребленіе выраженіе „закуска или мышей“ не оскорбительно.

Гл. А. А. Литкенсъ. Не вижу особой разницы въ томъ и другомъ выраженіи.

Гл. С. Д. Богословскій. Въ томъ-то и дѣло: что для одного оскорбительно, а для другого вѣтъ. И будемъ цѣлый вѣкъ разбираться въ своихъ выраженіяхъ. Эт мнѣніе члена управы, что отдѣльныя мнѣнія ѣдятъ крысы.

Гл. Н. Н. Зайцевъ. Отдѣльныя мнѣнія членовъ управы, будучи представлены въ думу, найдутъ въ ней разрѣшеніе.

Гл. С. Д. Богословскій. Если не захочетъ городской голова, то мы не добьемся услышать отдѣльное мнѣніе. А что такое значить „юмористическое“ выраженіе? Да мы всѣ сейчасъ здѣсь представляемъ юмористическое зрѣлище.. (Въ публикѣ смѣхъ).

Предс. собранія ставитъ на баллотировку вопросъ объ оставленіи заявленія гл. Драгоманова открытымъ до обсужденія всѣхъ дѣйствій члена управы С. К. Живописцева, но большинство (10 чел.) встаетъ за разрѣшеніе этого вопроса въ настоящемъ засѣданіи.

Въ это время кто-то изъ гласныхъ неожиданно подаетъ реплику.

— Какъ же такъ? Многіе гласные ушли...

Предс. собр. Н. В. Качетковъ. Значитъ, незаконный составъ... значить, постановленіе не состоялось...

Поднимается и снимаетъ съ себя цѣпь. Гласные тоже встаютъ и расходятся..

Въ публикѣ сдержанный смѣхъ.

Но развѣ это только смѣшно? (Ор В).

Но орловскимъ думцамъ еще очень далеко до нижегородскихъ...

Полюбujemyся и на нихъ...

Почти одновременно съ открытіемъ съѣзда мукомоловъ, открывали въ Нижнемъ-Новгородѣ „центральныя бани. Многія общественныя силы и представители учрежденій почтили своимъ присутствіемъ то же шество. Члены нижегородской управы, по словамъ „Волг.“, присутствовали и пили:

— За процвѣтаніе бань

Пили въ то время, когда у нихъ школы чуть-ли не валятся,— въ школѣ Гапписскаго грозятъ разрушеніемъ потолоки, въ другой школѣ вода заливаетъ нижнее помещеніе, въ третьей развалились печи, такъ что учительница цѣлое лѣто лишена домашняго обѣда!

На другой день послѣ торжества „представители“ говорили знакомымъ:

— Жаль, что вы не были на открытіи бань. Это — украшеніе города.

Кому что дано. Кому дано понятіе по банной части, кому по школьной. Но все-же „гг. члены“ съ такими понятіями лучше бы украшали бани, чѣмъ засѣдать въ управѣ, отъ которой, къ сожалѣнію, зависятъ хозяйственная часть школьнаго дѣла. Да и не, одна даже хозяйственная, что еще прискорбнѣе. („Р.“).

Въ Ташкенскомъ муниципалитетѣ не занимаются такими пустяками, какъ открытіе торговыхъ бань. Тамъ дѣлаютъ дѣло и дѣло „сурьезное“ ..

Утромъ 1 іюня по Ташкенту разнеслась вѣсть объ исчезновеніи кассира городской управы Михайлова. Для всякаго имѣвшаго представленіе объ управскихъ порядкахъ, представлялось несомнѣннымъ, что исчезновеніе это означаетъ растрату имъ городскихъ суммъ, ибо не составляло особеннаго секрета, что въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ Михайловъ велъ крупную азартную игру въ игрецкомъ кружкѣ мѣстныхъ нотаблей и проигрывалъ зачастую въ одну ночь тысячи. Кстати сказать, одинъ изъ этихъ нотаблей, принадлежащій къ судебному вѣдомству, гдѣ въ подобныхъ случаяхъ, какъ извѣстно, поблажки не дается, уже черезъ нѣсколько дней по обнаруженіи преступнаго карточного общества понесъ по телеграммѣ изъ Петербурга должное наказаніе удаленіемъ отъ службы; остальные члены кружка хотя и остались безнаказанными, но при-смирѣли и пока прекратили свою плодотворную дѣятельность на поприщѣ азартныхъ игръ. Что касается Михайлова, то правосудію съ нимъ не придется имѣть дѣла: въ тотъ-же день,

1 июня, когда обнаружилось это исчезновение, онъ былъ найденъ застрѣлившимся.

Произведенная въ тотъ-же день, по распоряженію слѣдственной власти, ревизія городскихъ суммъ на первыхъ порахъ не могла установить точныхъ размѣровъ растраты, такъ какъ бухгалтерскія книги велись неправильно и, напримѣръ, значительныя суммы, поступавшія въ кассу отъ распродажи въ мартѣ м-цѣ участковъ такъ называемой Никифоровской земли, принадлежащей городу, вовсе не были проведены. Въ моментъ ревизіи оставалось неизвѣстнымъ, какъ велики эти суммы, у кого и гдѣ онѣ хранились. Только съ прибытіемъ въ управу члена ея Пѣхутова выяснилось, что деньги отъ покупателейъ земли собралъ онъ, Пѣхутовъ, а сдавалъ кассиру подъ сохранныя расписки, которыя имъ тутъ же были предъявлены на сумму 21,170 руб. На запросъ въ мѣстное отдѣленіе государственнаго банка получилось извѣщеніе, что деньги эти не поступали на текущій счетъ управы и, стало быть, съ марта по июнь находились на рукахъ у кассира. Кромѣ этихъ 21.170 руб., растраченными оказались 8 тысячъ залоговыхъ и переходящихъ суммъ и тысячъ 6 текущихъ городскихъ поступленій, а всего около 36000 руб.

Къ отвѣственности привлекается ташкентская городская управа. А артель отказывается платить за артельщика, за которымъ не было должнаго присмотра.

Роковая страсть къ картамъ довела Михайлова до преступленія и до самоубійства, а это послѣднее спасло его отъ мукъ позора...

Совсѣмъ иная причина заставила молодую дѣвушку покончить съ собою. Причина эта — клевета...

У отст. штабсъ-капитана Петра Апостоли, проживающаго въ Одессѣ, въ домѣ № 15, по Коблевской ул., была съ малолѣтства на воспитаніи племянница его жены, дочь поселянина колоніи Страсбургъ. Одесскаго уѣзда, Варвара Рерихъ, 20 лѣтъ. Молодая дѣвушка изрѣдка навѣщала своихъ родныхъ въ Страсбургъ, но сторонилась своихъ сверстницъ и подругъ. Последнія вознегодовали на Рерихъ и, чтобы насолить ей, распустили слухъ, что онѣ сами избѣгаютъ знакомства съ нею, такъ какъ она ведетъ въ Одессѣ распутный образъ жизни.

Клевета пустила корни, и братья дѣвушки были крайне возмущены этой клеветой. Узнала про нее и Рерихъ. Это на нее такъ подѣйствовало, что она дважды пыталась покончить съ собою. 5-го августа дѣвушка отправилась къ знакомымъ, но долго не возвращалась домой. Апостоли тщетно разыскивали ее, но нигдѣ не находили. Полагая, что она отправилась къ роднымъ въ Страсбургъ, онъ послалъ туда нарочнаго, который возвратился ни съ чѣмъ. Тогда г. Апостоли заявили объ исчезновеніи своей воспитанницы полиціи Херсонскаго участка. Надзиратель Федотовъ, заподозривъ, что Рерихъ та самая молодая дѣвушка, которую врачъ станціи „Скорой помощи.“ найдя въ прошлый четвергъ ночью на Собор ой площади въ безсознательномъ состояніи, доставилъ въ городскую больницу, гдѣ она тотчасъ же скоччалась, потребовалъ у Апостоля фотографической карточки Рерихъ. Въ доставленной карточкѣ Федотовъ тотчасъ же опозналъ умершую неизвѣстнаго званія дѣвушку, о личности которой производилось дознаніе. Гг. Апостоли и Федотовъ отправились тогда въ городскую больницу, гдѣ послѣднія сомнѣнія разсѣялись: въ оставшихся послѣ покойной вещахъ г. Апостоля призналъ собственность своей воспитанницы.

Однако довольно драмъ Поищемъ въ русской провинціи болѣе или менѣе веселыхъ сюжетовъ..

Интересную страничку изъ отношеній начальствующихъ и подчиненныхъ передаетъ „Жел.“:

Носильщики и сторожа ст. Елецъ-пассажирскій Юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ сообща выписали отъ одного издателя „телеграммы“ о событіяхъ на Дальнемъ Востоку, предвкушая возможность имѣть каждое утро свѣдѣнія о войнѣ. Однако, скоро патронтамъ пришлось разочароваться.. О выпискѣ телеграммъ узналъ одинъ изъ сильныхъ міра сего по движенію и пожелалъ войти въ „компанію“ съ своими подчиненными, сдѣлавъ при этомъ распоряженіе, чтобы каждое утро полученныя телеграммы ему перлюму доставлялись на квартиру, а по прочтеніи таковыхъ онъ будетъ уже присылать на станцію.. Противъ такого распоряженія подчиненные, конечно, не посмѣли возражать и покорились. Телеграммы стали доставляться начальнику прямо съ почты, а на станцію возвращались на второй или на третій день, а то и совсѣмъ не возвращались..

Сами носильщики на квартиру къ начальнику за телеграммами ходить не рѣшились. . Впервыхъ, слишкомъ далеко, во-вторыхъ, — опасно .. Вѣдь начальникъ можетъ осердиться. Подумали, погоревали и рѣшили выписать второй экземпляръ телеграммъ.. (Желѣзн.)

И это, было лучшимъ исходомъ изъ ихъ положенія: гусей дразнить нельзя!..

Разъ у г. начальника движенія появилась „фантазія,“ — перечить ей и противиться было-бы странно...

Вѣдь у всякаго барона *своя* фантазія, а разъ она *своя*, то слѣдовательно и принадлежать никому-другому не можетъ...

Еслибъ у „бароновъ“ не было фантазіи, то, вѣроятно, не было-бы и такихъ любопытныхъ разводовъ:

Курьезный случай развода произошелъ въ варшавскомъ раввинатѣ. Къ варшавскому раввину явился прилично одѣтый господинъ въ сопровожденіи дамы и, представивъ себя варшавскимъ купцомъ Л — ъ, а даму своей женой, просилъ составить актъ о разводѣ, причемъ доставилъ и всѣ необходимые документы. Не находя никакихъ препятствій къ удовлетворенію просьбы, раввинъ совершилъ обрядъ развода. Каково-же было удивленіе варшавскаго раввина, когда къ нему черезъ нѣсколько времени явился другой господинъ Л — ъ, и спросилъ: правда-ли, что онъ нѣсколько времени назадъ совершилъ актъ развода его жены съ неизвѣстнымъ ему господиномъ? Раввину пришлось подтвердить фактъ развода. Тогда Л — ъ обратился къ содѣйствию полиціи для розыска скрывшейся отъ него жены, а также заявилъ о совершенномъ ею подлогѣ. Тѣмъ временемъ Л — ъ узналъ, что жена его скрывается въ Одессѣ, у родственниковъ, и поспѣшилъ туда. Свѣдѣнія эти оказались вѣрными. Л — ъ обратился за содѣвіемъ къ одесскому раввину, прося считать актъ развода его жены съ нимъ недѣйствительнымъ и на основаніи закона еврейской вѣры заставить жену его возвратиться на жительство къ нему. По словамъ „Одес. Листка,“ вопросъ, этотъ будетъ обсуждаться у раввина въ присутствіи обоихъ супруговъ.

Но для чего Л — ъ хочетъ удержать жену, очевидно не желающую продолженія брака?

Въ заключеніе приведемъ два курьеза—первый о томъ, оскорбительно-ли слово лысый, второй о томъ, оскорбительно-ли слово „японецъ“...

Въ засѣданіе варшавскаго сапожнаго цеха явился сапожный мастеръ Гжевецкій. Къ нему подошелъ цеховой старшина Людовикъ Томашевскій и спросилъ его, какъ его фамилія? Тотъ сказалъ. На это Томашевскій замѣтилъ, что онъ думалъ, что фамилія Гжевецкаго иначе (тутъ Томашевскій назвалъ какую-то фамилію). Это замѣчаніе Гжевецкій счелъ почему-то оскорбительнымъ для себя и разразился по адресу Томашевскаго упреками, причемъ называлъ его „старымъ“ и „лысымъ.“ Томашевскій, бывшій при исполненіи своихъ обязанностей, счелъ себя, въ свою очередь, оскорбленнымъ и обозвалъ Гжевецкаго нѣсколькими ругательными словами. Гжевецкій привлекъ Томашевскаго къ уголовной отвѣтственности за оскорбленіе. Мировой судья, признавъ взаимность оскорбленій, Томашевскаго оправдалъ. Но обвинитель перенесъ дѣло въ сѣздъ. Въ своемъ апелляціонномъ отзывѣ онъ доказывалъ, что Томашевскій въ дѣйствительности и старъ, и лысъ, и слѣдовательно, называя его „старымъ“ и „лысымъ,“ онъ, апелляторъ говорилъ только правду, между тѣмъ какъ Томашевскій обратился къ нему съ ругательными словами. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ не должно имѣть мѣста примѣненіе закона о взаимности обидъ. Но судъ не согласился съ толкованіемъ апеллятора и, признавъ приговоръ мирового судьи правильнымъ, утвердилъ его.

Курьезъ № 2.

Этотъ вопросъ на дняхъ предстоитъ, — по словамъ „Таг. В.“ — рѣшить судья:

Долго и терпѣливо сносилъ оскорбленія Николай Чухлѣбовъ.

Его изводила квартирная хозяйка Стефанида Уколова, не стѣснявшаяся публично называть Чухлѣбова „воромъ“ и „бродягой“.

Но вотъ, на дняхъ, Стефанида Уколова пополнила лексиконъ своихъ ругательствъ словомъ, которое переполнило чашу терпѣнія Чухлѣбова.

Затѣявъ съ своимъ квартирантомъ ссору, Уколова, въ моментъ затишья обоюдной перебранки, кинула ему:

— Ахъ, ты, японецъ!

Не въ силахъ вынести это оскорбленіе, Чухлѣбовъ обратил-ся съ жалобой къ судѣ 7 участка, прося наказать Уколову за нанесеніе ему оскорбленія.

Дѣло это будетъ скоро разбираться.

Сибирякъ.

Иностранное Обозрѣніе.

(Событія въ иностранныхъ государствахъ).

... Нѣсколько выдающимся событіемъ въ политическомъ мірѣ за послѣднее время было коронованіе сербскаго короля Петра I го, но собственно это событіе привлекло, преимущественно, вниманіе славянъ Балканскаго полуострова. Изъ царствующихъ фамилій на коронаціи, однако, никто не присутствовалъ, кромѣ наслѣдника черногорскаго престола княжича Данилы. Всѣ остальные европейскіе государи и даже ближайшій сосѣдь Сербіи— болгарскій князь Фердинандъ,—прислали на торжество не членовъ своихъ семействъ, а или чрезвычайныхъ посланниковъ, или уполномочили присутствовать на торжествѣ состоявшихъ при сербскомъ правительствѣ своихъ дипломатическихъ представителей.

Коронованіе состоялось 8 сентября въ Бѣлградѣ и, по окончаніи церковной церемоніи, король Петръ I въ коронѣ, со скипетромъ въ рукахъ и въ малиновой мантии, отороченной горностеевымъ мѣхомъ и вышитой золотомъ, вышелъ изъ собора гдѣ происходилъ обрядъ коронованія, на паперть и, затѣмъ, сѣвъ на лошадь въ полномъ облаченіи, отправился обратно во дворецъ, сопровождаемый многочисленной свитой военныхъ и гражданскихъ чиновъ...

По словамъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ, король Петръ I со дня провозглашенія его королемъ сдѣлался совершенно сѣдымъ. Блѣдность его утомленнаго лица еще сильнѣе оттѣняетъ поблѣвшую, какъ снѣгъ, голову. Во время коронаціи верхомъ на конѣ Петръ I имѣлъ видъ отличнаго кавалериста. На груди его были надѣты только сербская звѣзда и фран-

цузскій орденъ „Почетнаго легіона“, полученный имъ ранѣе, когда онъ еще не былъ королемъ и находился простымъ офицеромъ въ рядахъ французскихъ войскъ въ Алжирѣ.

Въ Турціи прсдолжаются волненія въ Македоніи и среди албанцевъ.

„По свѣдѣніямъ изъ Македоніи, -- говорятъ въ передовой статьѣ стамбуловскій оффиціозъ „Новъ Вѣкъ“, -- положеніе тамъ не такъ спокойно, какъ можно было ожидать послѣ многошумныхъ мѣропріятій. Надо признать, что вся отвѣтственность за это падаетъ на турецкое правительство, которое своеобразнымъ спроведеніемъ умиротворяющихъ мѣръ вызвало общее недовольство. Всѣмъ извѣстно, до какой степени оно ослабило значеніе мюнхенской программы реформъ, сдѣлавъ изъ европейскихъ офицеровъ не агентовъ мира и порядка, а простыхъ зрителей продолжающагося насилія надъ христіанами. Однако, отвѣтственность за такое небрежное отношеніе къ реформамъ падаетъ и на авторовъ этихъ реформъ, которые смотрятъ сквозь пальцы на ихъ проведеніе и тѣмъ самымъ способствуютъ поддержанію положенія, вызвавшаго въ прошломъ году смуты въ Македоніи.

Дѣйствительно, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ изъ Македоніи, положеніе болгарскаго населенія тамъ ничуть не измѣнилось“.

Затѣмъ, „Новъ Вѣкъ“ отмѣчаетъ, что главная вина во всемъ лежитъ на турецкомъ правительствѣ, которое недобросовѣстно выполняетъ обязательства, возложенныя на него турецко-болгарскимъ соглашеніемъ по вопросу объ амнистіи: турецкое правительство даровало амнистію далеко не всѣмъ политическимъ преступникамъ, и, кромѣ того, съ получившими амнистію поступаетъ крайне жестоко, арестуя и преслѣдуя ихъ.

А разнузданость албанцевъ дошла до того, что они недавно въ большомъ количествѣ напали на жителей черногорскаго селенія Зеты и завязавшееся вслѣдствіе этого нападенія сраженіе продолжалось нѣсколько часовъ, при чемъ 1 черногорецъ былъ убитъ и 6 ранены. По поводу этого событія органъ черногорскаго правительства „Гласа Черногорца“ говоритъ:

„Созданное этимъ дикимъ нападеніемъ положеніе весьма серьезно. Но наше княжеское правительство, руководствуясь миролю-

бивымъ желаніемъ поддерживать добрососѣдскія отношенія, обратилось къ Высокой Портѣ съ требованіемъ принять самыя серьезныя мѣры и примѣрно наказать виновныхъ, дабы впредь подобныя нападенія не повторялись. Будучи дружески расположено къ Высокой Портѣ, княжеское правительство твердо увѣрено, что турецкое правительство пойдетъ на встрѣчу справедливымъ черногорскимъ требованіямъ. Если же турецкое правительство не удовлетворитъ справедливыхъ требованій княжескаго правительства, то послѣднее будетъ вынуждено само принять мѣры для огражденія княжества въ будущемъ отъ подобныхъ нападеній со стороны албанцевъ“.

Недовольство правительствомъ въ Турціи существуетъ и въ войскѣ. Такъ, въ „Русскомъ Сл.“ сообщаютъ, что прибывшіе изъ Турціи въ Одессу моряки, передаютъ подробности безпорядковъ въ Салонникахъ, произведенныхъ солдатами тамошняго гарнизона. Причиною безпорядковъ было недовольство солдатъ, подлежащихъ болѣе полугода тому назадъ увольненію въ запасъ. Имъ не платили жалованья, дурно кормили. Никто не принялъ никакихъ мѣръ къ предотвращенію безпорядковъ. Рано утромъ солдаты бросились на лавки базарнаго квартала, разграбили товары, били вмѣшивавшихся, съ дикими криками ломались въ закрытыя двери, ломали окна, разрушая все. Пострадали торговцы, турки и евреи, которыхъ здѣсь много. Базаръ представлялъ зрѣлище полнаго разрушенія. Только на другое утро безпорядки прекратились. Испуганные жители бросались, куда глаза глядятъ. Взбунтовавшіеся солдаты будутъ отпущены на родину, гдѣ ихъ предадутъ суду“.

Вообще, европейская Турція, какъ государство, видимо, разлагается и если нельзя сказать, что этотъ „больной человѣкъ“ доживаетъ послѣдніе дни, — то, во всякомъ случаѣ, годы его сочтены..

Но всѣ эти событія блѣднѣютъ передъ кровавой тяжелой драмой, разыгрывающей на Дальнемъ Востокѣ. Политическому отдѣлу (событіямъ въ жизни другихъ государствъ) теперь удѣляется въ повременной печати сравнительно ничтожное мѣсто, и большая часть газетъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ

наполняется свѣдѣніями о военныхъ дѣйствіяхъ между нами и Японіей.

Но симпатіи въ этой войнѣ за послѣднее время, видимо, начинаютъ склоняться на нашу сторону. Даже въ Англіи,—союзницѣ Японіи, начинаютъ раздаваться трезвые голоса, видящіе опасность для всей Европы (а слѣдовательно—и самой, Англіи) въ успѣхахъ Японіи..

Англійская печать первоначально съ замѣчательнымъ единодушіемъ отстаивала интересы Японіи. Корреспондентъ „Нов. Вр.“ изъ Лондона передаетъ, что послѣ ляоянской битвы

„произошелъ открытый разрывъ между англійской печатью и Японіей. Спеціальный корреспондентъ „Times“ оставилъ японскую армію, признавъ свое пребываніе при ней бесполезнымъ для газеты и черезчуръ стѣснительнымъ для самого себя. То же сдѣлалъ и корреспондентъ „New York Herald“, по національности англичанинъ. Корреспонденты „Рейтера“ и „Daily Telegraph“ при русской арміи попались въ плѣнъ японцамъ и отправлены ими подъ строгимъ надзоромъ въ Нью-Чжуанъ. Наконецъ, корреспонденты „Standard“, „Daily Mail“ и „Daily Telegraph“ прислали изъ японской арміи, но особымъ путемъ, такіа сообщенія, которыя, вѣроятно, повлекутъ за собою ихъ удаленіе оттуда.

Эти новыя отношенія между друзьями тотчасъ отразились на тонѣ лондонскихъ газетъ; описанія ляоянской битвы нисколько не похожи на описанія другихъ сраженій нынѣшней войны, да и имѣются уже разоблаченія японскихъ дѣйствій и намѣреній, которыя еще недавно были и мыслимы въ англійской печати. Корреспондентъ „Times“ признается, что, начитавшись въ „газетахъ“ (всего болѣе конечно въ своей же), о стратегіи японцевъ, онъ ожидалъ увидѣть необыкновенныя ея доказательства и былъ очень разочарованъ, не найдя ничего подобнаго! Стратегію корреспондентъ видѣлъ только въ контръ-атакѣ Куропаткина на Куроки да въ мастерскомъ отступленіи перваго, не оставившаго ничего неприятелю (Корреспондентъ „Рейтера“ упоминаетъ о взятіи японцами двухъ локомотивовъ, но корреспондентъ „Times“ отрицаетъ и это). Онъ говоритъ, что Оку и Нодзу пожертвовали 15,000 воинами, чтобы захватить 7 плѣнныхъ! Всѣ потери японцевъ, по донесенію Оямы, 17,000 челов.

высчитываются представителем печати Сити въ 25,000 чел. Отдавая справедливость храбрости японскихъ солдатъ, онъ рассказываетъ, однако, что они не разъ отказывались идти въ атаку и офицеры должны были заставлятъ ихъ сабельными ударами (это подтверждаетъ и „Рейтеръ“). Наконецъ, корреспонденты „Times“, „Рейтера“ и другіе разрушаютъ легенду о примѣрной дисциплинѣ и гуманномъ поведеніи японцевъ. По вступленіи въ Ляоянъ, говорятъ они, японцы предались грабежу, причемъ не пощадили Краснаго Креста и избили мисіонера-англичанина.

Глубже всѣхъ собратовъ заглянулъ въ душу японца извѣстный доселѣ какъ ярый японофилъ Bennett Furlough, корреспондентъ „Daily Telegraph“ при японской арміи. Онъ объясняетъ стѣсненія корреспондентовъ не однимъ только желаніемъ скрыть военныя тайны, а и н-вольнымъ и непреодолимымъ отвращеніемъ ко всѣмъ европейцамъ или бѣлымъ, не включая отсюда и англичанъ. Чѣмъ долѣе тянется война и чѣмъ напряженнѣе дѣлаются усилія японцевъ, тѣмъ болѣе ожесточаются они противъ всѣхъ не азіатовъ. Этими чувствами пылаютъ даже японскіе генералы и ихъ штабы, дающіе примѣръ пренебрежительнаго и скорбительнаго обращенія съ европейцами. Не только корреспонденты, говоритъ г. Б. Бэрле, но и военные агенты иностранныхъ державъ подвергаются оскорбленіямъ и не находятъ защиты. Бэрле намекаетъ, что и отъѣздъ „по болѣзни“ англійскаго генераль-лейтенанта сэра В. Никольсона въ связи съ той же причиной. Корреспондентъ „Daily Telegraph“ выражаетъ убѣжденія, что въ скоромъ времени всѣ европейскіе корреспонденты, какъ и военныя аташе, уѣдутъ изъ японской арміи. Самъ онъ повидимому не счелъ нужнымъ дожидаться впечатлѣнія его разоблаченій на японцевъ, такъ какъ сейчасъ отъ него получена телеграмма, что онъ уѣхалъ, „не считая дальнѣйшее пребываніе у японцевъ согласнымъ со своимъ достоинствомъ“.

„Daily Telegraph“, печатая обвиненія своего представителя, дѣлаетъ довольно, впрочемъ, слабыя оговорки, приглашая читателей не составлять окончательнаго сужденія на основаніи послѣднихъ инцидентовъ войны. „Times“ и другіе японофильскіе органы помѣщаютъ длинныя обличенія японцевъ безъ оговорокъ. „Standard“, „Daily News“ и „Westminster Gazette“ говорятъ японцамъ правду, не обинуясь. Всѣ газеты воспроизвели статью

„Джордано Чого“ о „Будущемъ Азии“. Японскій авторъ откровенно высказывается противъ дружбы Японіи съ европейцами вообще. Онъ объясняетъ недовѣріе всѣхъ бѣлыхъ народовъ къ Японіи страхомъ; „европейцы, говоритъ онъ, знаютъ, что въ жилахъ нынѣшнихъ азіатовъ течетъ кровь бывшихъ завоевателей Европы“; „нынѣшнія побѣды японцевъ означаютъ, что въ будущемъ Асія будетъ управляться азіатами. Еще будутъ войны съ другими (европейцами), но азіаты выйдутъ изъ нихъ побѣдителями, и Азия, колыбель цивилизаціи, займетъ подобающее ей мѣсто въ мірѣ“.

А тѣ же англійскія газеты такъ старались до этихъ послѣднихъ дней увѣрить своихъ читателей, что японцы вовсе не азіаты и совершенно и навсегда объевропеились.

Но—окончаніе войны еще далеко, и мы глубоко убѣждены, что успѣхи японцевъ—только временные, что въ концѣ концовъ побѣда останется за нами, хотя и достанется намъ рядомъ тяжелыхъ колоссальныхъ потерь.

Портъ-Артуръ продолжаетъ стойко держаться, и его защитники, во главѣ съ генераломъ Стесселемъ, изумляютъ міръ своимъ героизмомъ.

По послѣднимъ вычисленіямъ „Русскаго Инвалида“, число защитниковъ въ Портъ-Артурѣ не можетъ превышать 8000 человекъ, и эта *горсть*—въ сравненіи съ многочисленнымъ войскомъ осаждающихъ крѣпость—мужественно отражаетъ всѣ нападенія непріятеля...

Честь и хвала вамъ, столь безстрашно полагающимъ свою жизнь на защиту интересовъ родины и высоко держащимъ русское знамя!

Мы уже сообщили въ прошлой книжкѣ „Сиб. Наб.“ о торжествѣ англичанъ въ Тибетѣ и о бѣгствѣ изъ Лхассы Далай-Ламы. По послѣднимъ извѣстіямъ Далай-Лама бѣжалъ въ Монголію; почему китайскій императоръ объявилъ его низложеннымъ и назначилъ на его мѣсто другого.

Англичане покидаютъ Тибетъ. Очень возможно, что послѣ ихъ ухода Далай-Лама возвратится въ Тибетъ и снова займетъ принадлежащее ему мѣсто духовнаго и свѣтскаго главы государства. Декретъ китайскаго богдыхана о его низложеніи врядъ ли помѣшаетъ водворенію Далай-Ламы въ Лхассѣ. Зависимость

Тибета отъ Китая была чисто поминальная, и Китай до сихъ поръ не имѣлъ почти никакого вліянія на внутреннюю жизнь Тибета. Врядъ-ли тибетцы признаютъ лицо, назначенное богдыханомъ, на замѣну Далай-Ламы, когда еще послѣдній здравствуетъ, своимъ властелиномъ. А если прежній Далай-Лама вернется въ Тибетъ, то, несомнѣнно, онъ не признаетъ договора, заключеннаго съ англичанами въ его отсутствіе и безъ его санкціи.

Китай продолжаетъ сохранять нейтралитетъ. Тѣмъ не менѣе, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ раіонахъ военныхъ дѣйствій начали появляться значительныя шайки хунхузовъ, предводительствуемая японскими офицерами и нападающія на наши войска. Положимъ, — хунхузы считаются *разбойниками* и Китай *официально* не можетъ нести за нихъ отвѣтственныхъ; но уже самое появленіе ихъ въ большомъ числѣ заставляетъ предполагать косвенное одобреніе ихъ дѣятельности со стороны китайскаго правительства...

В. Д.

Къ войнѣ.

I. Иностранная печать о войнѣ.

Спеціальный корреспондентъ „Temps“ Шарль Пти, какъ передаютъ „СП.Б.-В.“, въ послѣднемъ письмѣ обращаетъ вниманіе Франціи на необходимость защиты Индо Китая отъ японскихъ притязаній (въ телеграммахъ было приведено краткое содержаніе этого письма).

„Аппетиты Японіи, — пишетъ корреспондентъ, — очень велики; для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно прочитатъ „Таіуѳ“ (Солнце) — одинъ изъ главныхъ журналовъ Токіо, или какую-либо брошюру, о вопросахъ внѣшней политики. Во всѣхъ этихъ статьяхъ и брошюрахъ французовъ откровенно предупреждаютъ, что Японія современемъ заберетъ французскія владѣнія въ Индо-Китаѣ.

„Это — просто счастливая случайность, что буря разразилась не надъ нами. И, если бы буря разразилась надъ Франціей, —

что бы мы дѣлали? Не нужно обманываться и скрывать истину: планы вторженія въ Индо-Китай уже готовы въ японскомъ главномъ штабѣ. Индо-Китай кишитъ шпионами, Сіамъ — переодѣтыми офицерами, южныя китайскія провинціи — революціонными агентами. „Что же мы должны дѣлать лицомъ къ лицу съ такимъ положеніемъ?“ — восклицаетъ корреспондентъ.

„Я нисколько не впадаю въ сантиментальность; я не говорю о той крови, которую мы пролили въ Индо-Китаѣ, ни о тѣхъ милліонахъ, которые вложены туда. Я говорю лишь, что въ Индо-Китаѣ у насъ имѣются драгоцѣннѣйшія владѣнія, и что ихъ нужно сохранить, во что бы то ни стало. Сохранить ихъ можно единственно съ помощью флота. Если же въ войнѣ съ Японіей мы потеряемъ только въ теченіи нѣсколькихъ недѣль господство на морѣ — Индо-Китай будетъ покоренъ; потребуется не менѣе 300 000 человекъ для того, чтобы успешно сопротивляться войскамъ, которыя японцы высадятъ въ Индо-Китаѣ.

„Всѣхъ войскъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время въ нашей колоніи, едва хватило бы для охраны порядка внутри страны и защиты границы. Есть только одинъ способъ сохранить Индо-Китай — это не допустить японскія войска высадиться, т. е. быть всегда хозяевами на морѣ. Вотъ почему мы должны слѣдить съ большимъ вниманіемъ за морскими событіями на Дальнемъ Востока — и стараться самымъ тщательнымъ образомъ ознакомиться съ приемами и силами японскаго флота. Мы должны горячо желать побѣды Россіи и, главнымъ образомъ, на морѣ.

„Для Франціи необычайно важно, чтобы балтійскій флотъ могъ достигъ Дальняго Востока. Если Японія къ концу войны будетъ обладать все еще сильнымъ флотомъ, хотя и нѣсколько уменьшившимся, намъ очень важно отдать себѣ вполне ясный и точный отчетъ въ томъ, какія силы остались у Японіи. Вслѣдствіе этого программа, которой должна слѣдовать Франція, ясно опредѣлена: съ одной стороны, всѣми возможными способами и, главнымъ образомъ, финансовыми мѣрами мѣшать Японіи увеличивать свой флотъ; а съ другой — постоянно имѣть въ Средиземномъ морѣ эскадру, готовую выйти по первому сигналу въ Индо-Китай. Очевидно, мы не можемъ постоянно содержать на Дальнемъ Востока эскадру, достаточную для борьбы съ япон-

скимъ флотомъ, но мы можемъ и должны быть наготовѣ въ Средиземномъ морѣ.

„Этотъ вопросъ имѣетъ громадное, жизненное значеніе для Франціи, и онъ заслуживаетъ самаго полнаго и тщательнаго изученія. Теперь же нужно намѣтить морскія базы для будущихъ операцій противъ Японіи; нужно подписать договоры съ торговыми мореходными обществами; нужно тщательно заняться портомъ Джибути, и, можетъ быть, и Шейхъ Саидомъ; нужны запасы угля, нужны люди, а также нужна свѣтлая и ясная голова.

„Если же событія на Дальнемъ Востокѣ примутъ такой оборотъ, что приготовленія противъ Японіи станутъ излишними—то все же они не пропадутъ даромъ: они пригодятся для другихъ областей.

„Нужно, конечно, съ увѣренностью смотрѣть въ будущее, вѣрить въ себя не бояться Японіи и не унижаться предъ ней но точно отдать себѣ отчетъ въ ея силахъ и приготовиться къ борьбѣ съ ней.

„Нужно понять и хорошо помнить, что Японія—держава азіатская.—уважающая только силу и считающаяся только съ силой, и что лучшій способъ расположить ее къ себѣ и пріобрѣсти ея любовь—это заставить ее бояться себя“.

— «Berl. Tagebl.» въ замѣткѣ изъ военнаго источника, «очень хорошо освѣдомленнаго», говоритъ, что воодушевленіе японцевъ и наступательная энергія ихъ арміи постепенно уменьшаются и что японцы уже начинаютъ терять необходимыя силы для энергичнаго нападенія на державу, въ три раза сильнѣйшую, чѣмъ сама Японія.

Авторъ статьи сравниваетъ настоящее положеніе Японіи съ положеніемъ Пруссіи въ семилѣтнюю войну. Страна эта не могла въ 1757 г. выдвинуть тѣхъ силъ для борьбы, какія должна была дать по плану войны выработанному Фридрихомъ II, цѣль и главная мысль котораго была продиктовать миръ въ стѣнахъ Вѣны. Событія принудили его отказаться отъ этихъ плановъ.

— Корреспондентъ „Berl. Tagebe“, Гадке, замѣчаетъ, что война на Дальнемъ Востокѣ,—насколько позволяетъ предвидѣть человѣческій разумъ,—продолжится еще очень долго (конечно, если не произойдутъ какія-либо совершенно неожиданныя со-

бытія). Возможно, что война не кончится ранѣе двухъ лѣтъ, какъ и бурская. Войны дѣлются все болѣе продолжительными, такъ какъ, главнымъ образомъ, зависятъ теперь отъ финансовыхъ и моральныхъ силъ страны, а не отъ битвъ: отъ тщательнаго разчета, а не отъ стратегіи.

Время героическихъ сраженій Наполеона, Суворова, Блюхера и Мольтке прошло безвозвратно...

II. Печать во время войны.

С Протопоповъ въ „Сиб. Вѣд.“ дѣлаетъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній по поводу тѣхъ свѣдѣній, которыя, обыкновенно, сообщаются въ періодической печати во время военныхъ дѣйствій.

На-дняхъ—говоритъ онъ - я случайно сталъ перелистывать романъ Бертъе Зунтеръ—„Долой оружіе.“ Въ концѣ книги приведено нѣсколько цитатъ изъ французскихъ и нѣмецкихъ газетъ 1870 г. Вотъ, напримѣръ, что писала газета „Le Volontaire“.

„До 16-го августа нѣмцы потеряли 144,000 человекъ. Остальные близки къ голодной смерти! Изъ Германіи идутъ сюда послѣдніе резервы—шестидесятилѣтніе старики съ кремневыми ружьями, съ громадной табакеркой на правомъ боку, а на лѣвомъ съ большой бутылкой водки.. Несчастные кричатъ подъ тяжестью ранца.. Кашляютъ бѣдняки и плетутся съ праваго берега на лѣвый, проклиная людей, вырвавшихъ ихъ изъ объятій внуковъ, что-бы идти на встрѣчу вѣрной смерти. Что же касается извѣстій въ нѣмецкихъ газетахъ о побѣдахъ, то все это не вѣрно: пруссаки - извѣстные лгуны“.

Газета „Le Volontaire“, конечно, находила, что всю эту неправду нужно печатать, чтобы „поднять духъ“ своихъ читателей. Пусть ободрятся, думая что враги потеряли полтора-статая тысячь человекъ и что остальные умираютъ отъ голода! Пусть думаютъ что нѣмецкія подкрѣпленія состоятъ изъ стариковъ 60 ти лѣтъ проклинающихъ Мольтке и Бисмарка.. Но и этого мало: вооруженіе у резервистовъ плохое и сами-то они достойны смѣха и жалости; они кричатъ, кашляютъ и тянутъ водку. А реляціи нѣмецкихъ газетъ—выдумки: нѣмцы—извѣстные лгуны.

Тѣ же самые приемы теперь повторяютъ въ сожалѣнію, нѣкоторыя японскія и нѣкоторыя наши газеты. Разъ

десять появлялось извѣстіе о паденіи Портъ-Артура; неоднократно топились броненосцы и крейсера, благополучно плавающие и до сегодня; одна петербургская газета въ началѣ войны сразу отравила на дно океана одиннадцать судовъ изъ эскадры Того; японскіе резервисты давно уже были наяваны старцами и дѣтьми, а о лживости писали такъ много, что надоѣло даже читать.

Конечно, во время войны нельзя открывать своихъ картъ. О многомъ нужно молчать, многое необходимо держать въ тайнѣ. Нельзя отпечатать въ газетахъ плана своей крѣпости; нельзя огласить секретовъ своего вооруженія, численности своего войска и т. д. Англійскіе корреспонденты напрасно обижаются на японскій главный штабъ за то, что ихъ не пускаютъ посюду съ ихъ записными книжками и карандашами. Все это вѣрно и даже безспорно, но, съ другой стороны, есть очень многое, что можетъ быть оглашено безъ всякаго вреда для успѣховъ военныхъ дѣйствій. Вотъ именно объ этой чертѣ, объ этой границѣ, раздѣляющей разумныя тайны отъ подлежащаго оглашенію, и стоитъ проговорить.

Не трудно замѣтить, что годъ отъ года область всякихъ государственныхъ тайнъ все болѣе и болѣе сокращается. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ Россіи почти на все общественно важное и серьезное смотрѣли, какъ на нѣчто, не подлежащее публичному обсужденію. Съ 60-хъ годовъ, т. е. съ эпохи великихъ реформъ, возникаетъ общественная борьба противъ „канцелярской тайны“ и мало помалу граница между секретнымъ и несекретнымъ все передвигается въ пользу послѣдняго. Сдѣлала порядочный шагъ впередъ и наша гласность по отношенію къ военнымъ дѣйствіямъ; нельзя даже сравнивать, что писалось о войнѣ во время Крымской кампаніи, съ тѣмъ, что пишется теперь о дѣлахъ на Дальнемъ Востокѣ. Однако, — по словамъ Немировича-Данченко, напечатаннымъ недавно въ „Русскомъ Словѣ“, — наша гласность съ 1897 г. впередъ не подвинулась: В. И. Немировичъ Данченко корреспондировалъ съ Балканскаго полуострова, а теперь пишетъ съ Ляодунскаго. Онъ компетентенъ судить, и ему приходится вѣрить: да оно и правдоподобно.

III. Настроение въ Корей противъ японцевъ

Въ лондонскомъ „Times“ находимъ сообщеніе, что редакція этой газеты получила достовѣрное извѣстіе изъ Кореи о томъ на сколько плохо настроены корейцы противъ японцевъ и, наоборотъ, какъ расположены народныя массы къ русскимъ. Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ въ провинція Че-ла-до замѣтно скрытое возбужденіе противъ японцевъ; за послѣднее время движеніе пріобрѣло острый характеръ, и единичные случаи убійства японцевъ стали обыкновеннымъ явленіемъ. Корейцы смотрятъ на японцевъ, какъ на узурпаторовъ, и прячутъ отъ нихъ въ недоступныя мѣста имѣющіеся запасы, такъ какъ все, что японцы ни находятъ, подлежитъ реквизиціи, и, кромѣ того, грабя корейцевъ, японцы заставляютъ ихъ своими средствами бесплатно доставлять провіантъ. Народъ ждетъ прихода русскихъ съ нетерпѣніемъ, и даже корейскіе чиновники ведутъ двойную игру: угождая японцамъ, они въ то же время тайно оказываютъ услуги русскимъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые чиновники въ провинціяхъ замѣнены японцами.

IV Что дѣлается въ Ляоянѣ

„Харб. Вѣст.“ сообщаетъ, что одинъ китаецъ подрядчикъ, только-что пріѣхавшій изъ Ляояна рассказывалъ, что въ Ляоянѣ сейчасъ нѣтъ ни русскихъ, ни японцевъ; одни только китайцы.

Японцы, послѣ своего вступленія въ Ляоянъ, обратились къ мѣстнымъ китайцамъ-подрядчикамъ съ слѣдующимъ заманчивымъ предложеніемъ.

Въ Японіи, за уходомъ на войну молодыхъ людей, чувствуется сильный недостатокъ въ рабочихъ. И вотъ японское начальство рѣшило замѣнить ушедшихъ на войну японцевъ китайцами. Они предложили подрядчикамъ поставлять для Японіи кулей-китайцевъ.

Каждому китайцу-работнику правительство микадо обѣщаетъ 60 рублей и проѣздъ. Кромѣ этого, китаецъ еще получаетъ отъ того же щедрого правительства одну гейшу.

По словамъ рассказчика, уже двѣ тысячи китайцевъ нанялись на этотъ своего рода „отхожій промыселъ“.

Могло бы больше китайцевъ пойти въ Японію, только они боятся японцевъ и ихъ обмана.

V. О дѣятельности Краснаго Креста на Дальнемъ Востокѣ.

О дѣятельности Краснаго Креста находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ „Харб. В.“ Дѣятельность персонала Краснаго Креста на Дальнемъ Востокѣ являлась въ минувшемъ іюлѣ, по полученнымъ сообщеніямъ отъ главноуполномоченныхъ, особенно напряженной. Такъ, въ сраженіи на перевалѣ за Хайченомъ, происходившемъ въ ночь съ 3 го на 4-е іюля, первый и шестой летучіе отряды Краснаго Креста работали подъ непрерывнымъ огнемъ 11 часовъ. Въ дѣль 4 го іюля за Ляндинсяномъ, гдѣ наша 9-я пѣхотная дивизія была атакована превосходными силами японцевъ, два летучихъ отряда также принимали раненыхъ подъ непріятельскимъ огнемъ и направляли ихъ въ Ляоянъ чрезъ этапные пункты въ Аньпинъ и Сяолинцы, устроенные санитарными отрядами саратовскаго земства. Отряды Орловскій, Омскій, Евангелическій, пятый Краснаго Креста и четыре летучихъ отряда не менѣе дѣятельно оказывали помощь раненымъ, которыхъ въ ляоянскіе госпитали поступило 591 человекъ. Затѣмъ, при отгѣсненіи нашихъ войскъ, въ виду превосходныхъ силъ непріятели отъ селенія Дачапу и во время кровопролитнаго боя на позиціяхъ у деревень Наньдалинь и Инэрсичжай 11-го іюля продолжавшагося болѣе 15-ти часовъ и окончившагося, какъ извѣстно, очищеніемъ Дашичао нашими войсками, летучіе отряды Краснаго Креста перевязали около 400 раненыхъ, которые 12 го іюля были отправлены въ Ляоянъ въ санитарномъ поѣздѣ, образованномъ изъ товарныхъ вагоновъ отрядомъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Съ отходомъ нашихъ войскъ отъ Дашичао пришлось снять лазареты Юго-Западный, Тульскій, два подвижныхъ Краснаго Креста и Тульскій Земскій. При этомъ, къ сожалѣнію, пришлось оставить непріятелю часть палатокъ и небольшое количество бѣлья и консервовъ. Въ виду возможности ежеминутнаго столкновенія съ непріятеlemъ, въ Хайченѣ были сформированы два сводныхъ перевязочныхъ пункта и временно оставлены отряды: Русско Голландскій, Тихомировскій, Уральскій, Курскій, Земскій и 5, 7 и 8 подвижные лазареты Краснаго Креста. вмѣстѣ съ тѣмъ Владимирекій госпиталь былъ направленъ далѣе на станцію Айшаньчжуанъ, гдѣ онъ развернулся въ шатрахъ. Кромѣ того на развѣздѣ между Хайченомъ и Айшаньчжуаномъ устро-

ень был перевязочно-питательный пунктъ. Съ вечера 18-го іюля въ Хайченъ стали поступать раненые съ передовыхъ позицій и до поздней ночи 19 го іюля на обоихъ перевязочныхъ пунктахъ зарегистрировано 847 раненыхъ. Далѣе, при очищеніи Хайчена и при переходѣ нашихъ войскъ къ станціи Айшаньчжуанъ, былъ снова сформированъ Краснымъ Крестомъ санитарный поѣздъ изъ товарныхъ вагоновъ, на которомъ увезены все бывшіе въ Хайченѣ больные и раненые въ количествѣ 753 чел. Послѣдъ за этимъ поѣздомъ въ ночь на 20-е іюля увезено въ Айшаньчжуанъ и Ляонгъ все имущество госпиталей и ихъ личный составъ за исключеніемъ 5 и 7 подвижныхъ лазаретовъ, которые остались на перевязочномъ пунктѣ и работали до самаго момента очищенія Хайчена нашими войсками. Здѣсь же въ разрывѣ оставлено два летучихъ отряда Краснаго Креста. Въ то же время въ районѣ восточнаго нашего отряда послѣ боя съ арміей генерала Куроки отрядовъ графа Келлера и Гершельмана, когда былъ раненъ въ ногу съ раздробленіемъ кости врачъ Краснаго Креста И. И. Ивенсонъ, черезъ Харьковскіе этапы въ Аньпинѣ, съ вечера 18-го и 19-го іюля принято 21 офицеръ и 600 нижнихъ чиновъ. Второй этапъ, вмѣстѣ съ этапомъ въ Сюолинцзы, принялъ въ ночь на 19-го іюля 200 раненыхъ, въ томъ числѣ многихъ тяжело. 800 раненыхъ были отправлены на посылкахъ. Несмотря на близость непріятеля и на частыя передвиженія санитарныхъ отрядовъ, въ ихъ госпиталяхъ не ощущалось недостатка ни въ медикаментахъ, ни въ бѣльѣ, ни въ пищевыхъ продуктахъ, и лишь въ отношеніи летучихъ отрядовъ главноуполномоченный Александровскій телеграммою отъ 21-го іюля сообщилъ, что ихъ снаряженіе требуетъ нѣкотораго ремонта. Равнымъ образомъ не получено никакихъ тревожныхъ извѣстій о состояніи персонала Краснаго Креста. За послѣднее время, кромѣ увѣдомленія объ упомянутомъ выше пораненіи доктора Ивенсона здоровье котораго внѣ опасности, имѣется лишь одно телеграфное сообщеніе о смерти санитаря 2-го лазарета общины св. Георгія Семена Митенкова, скончавшагося 20-го іюля въ Харбинѣ. Наконецъ, эвакуація раненыхъ и больныхъ войновъ на сѣверъ въ Харбинъ и далѣе производилась въ санитарныхъ отрядахъ, а отъ Харбина также на баржахъ, которыя въ общемъ могутъ вмѣстить 1 350 человекъ. На этихъ баржахъ по 23 е

юля вывезено въ Сибирь 1 368 человекъ и 23 го юля на находившихся изъ нихъ въ Харбинѣ имѣлось 559 больныхъ и раненыхъ, отправленіе которыхъ было задержано наступившимъ мелководьемъ. Между прочимъ, на баржѣ ея императорскаго высочества великой княгини Ксеніи Александровны 26-го юля принято 43 больныхъ и раненыхъ офицера. Благодаря постепенному перемѣщенію больныхъ и раненыхъ на сѣверъ Маньчжурія и въ Сибирь, въ госпиталяхъ Краснаго Креста имѣются, такимъ образомъ въ настоящее время свободныя кровати.

VI. Съ театра военныхъ дѣйствій.

Позволяемъ себѣ перепечатать изъ „Харб. В.“ любопытную корреспонденцію г. А. В. Б. изъ Ляояна (до оставленія его нами).

Изъ Ляояна въ Саньлучжуань

I.

Съ отъѣздомъ командующаго изъ Ляояна жизнь въ послѣднемъ какъ-то затихла и замерла. Передвиженіе войскъ впередъ и обратно, перевозка интендантскихъ грузовъ, транспорты и санитарные поѣзда — все это вошло въ свою колею и проходило какъ-то незамѣтно, какъ все, къ чему привыкнешь.

На улицѣ появилось больше китайскихъ панорамъ съ заманчивыми и на нашъ взглядъ совершенно неприличными картинками, выставленными въ видѣ вывѣсокъ для привлеченія любопытныхъ солдатъ и съ бѣднымъ содержаніемъ внутри. Лубочные виды какого-то фантастическаго порта идутъ за сенсационную повинку „Портъ Артура“, которой держатели особенно гордятся и созываютъ зрителей. Есть уже и картинки сраженій нашей эскадры съ японской. Появились банды мальчишекъ, нашедшихъ новый способъ зарабатывать деньги. Завидѣвъ какого-нибудь русскаго офицера или штатскаго, компанія выстраивается во фронтъ по командѣ „смирно“! „Здорово ребята“, — продолжаетъ тотъ же мальчишка, который командовалъ „смирно“ „Здравія желаю, ваше высокоблагородіе“, — отвѣчаютъ остальные. „Спасибо ребята“, — благодарить онъ ихъ, и вслѣдъ за

тѣмъ вся банда хоромъ запѣваетъ „Разлука ты разлука“. По окончаніи пѣсни слѣдуетъ обычный припѣвъ „деньги давай“, но чаще всего деньги даются довольными прохожими безъ просьбы со стороны предприимчивыхъ исполнителей.

Нѣкоторые изъ этихъ уличныхъ хоровъ поютъ превосходно, выдерживая мотивъ и правильно произнося слова. Зарабатывая достаточно денегъ, они не отличаются особенною назойливостью. Другіе же не знаютъ ни мотива, ни словъ и, завидуя количеству зарабатываемыхъ соперниками денегъ больше, чѣмъ ихъ умѣнью, неустанно преслѣдуютъ прохожихъ, издавая дикіе звуки воображаемой пѣсни и требуя за нее денегъ, чѣмъ надоѣдаютъ до безконечности.

Начались дожди, съ сопровождающей ихъ непролазной манчжурской грязью. Арбы безпомощно застрѣвали среди лужъ. Управлявшіе ими солдаты особенно жалобно выкрикивали всѣ эти ча, уо, уо, трръ, юй и - и, безъ которыхъ невозможно управлять воспитанной на нихъ китайской упряжкой, хотя бы даже прибавивъ къ ней вожжи, что зачастую дѣлаютъ русскіе возницы. Возницы иногда выкрикивали команду не въ тонъ, и четверка продолжала не то, что отъ нея требовалось. Это злило возницъ и развлекало наблюдавшихъ китайцевъ не меньше, чѣмъ „Разлука“ китайскихъ малышей - русскихъ. Они смѣялись отъ души, не смотря на угрозы разсерженныхъ возницъ накласть имъ по шеѣ. Путники или ѣхали на рикшахъ, бродившихъ по колѣно въ грязи, рискуя каждую минуту опрокинуться, или предпочитали идти пѣшкомъ окольными путями, перелѣзая черезъ заборы, по дворамъ, такъ какъ идти прямо по улицѣ, благодаря образовавшимся ужаснымъ лужамъ, было не вездѣ возможно.

Дождь обильно поливалъ. Повсюду грязь и вонь на улицахъ. Духота и мухи—въ домахъ. Все это начинало надоѣдать, отвращая, вмѣстѣ съ отсутствіемъ удобствъ, отдыхъ, за которымъ многіе пріѣзжаютъ въ Ляоянъ съ передовой линіи.

Какъ-то въ дождь, когда вокзалъ былъ залитъ водой и всѣ ходили мокрые и грязные, я разговорился съ однимъ изъ иностранныхъ корреспондентовъ А., участвовавшимъ на своемъ вѣку въ качествѣ офицера и корреспондента въ 10 ти войнахъ. Онъ чуть ли не сутки ждалъ на вокзалѣ пассажирскаго поѣзда

въ Мукденъ. Я спросилъ его, приходилось ли ему во время другихъ кампаній видѣть столько грязи, какъ теперь. „О, да,“ — отвѣтилъ онъ мнѣ убѣдительно: „вѣдь всѣ войны одно и тоже: слишкомъ много грязи и ожиданій и очень мало сраженій“. По своему онъ былъ совершенно правъ. Грязи много, конечно, и въ передовой линіи, но за то тамъ больше жизни, волн ній, ожиданій и безпокойствъ. Въ Ляоянѣ боьше спокойствія, меньше ожиданій и волненій. Есть даже нѣкоторыя удобства, но все это отравляется грязью и грязью. Отдыхъ въ предѣлахъ не далѣе Ляояня могъ заключаться только въ періодическихъ смѣнахъ одного знакомства на другое, по положенію. Когда грязь и монотонность Ляоянской жизни мнѣ надоѣли, я снова двинулся на передовую линію, поближе къ боевой жизни, „отдыхать“ отъ Ляояня.

Такъ всѣ ждали, когда японцы, послѣдовательно занявшіе Пуландянъ, Вафандянъ, Вафангоу, Ганцзялинъ, Сенькченъ и Гайчжоу, двинутся далѣе. Послѣ всякаго боя или усиленнаго марша они давали себѣ отдыхъ въ одну—двѣ недѣли, въ ожиданія подвоза снарядовъ и продовольствія, дѣлая въ среднемъ не болѣе трехъ верстъ въ сутки и позволяя максимальные переходы въ 10 верстъ лишь въ видѣ исключенія въ боевые дни, какъ, напримѣръ, въ переходѣ съ половины разстоянія между Пуландяномъ и Вафандяномъ къ Вафангоу 31-го мая и 1-го и 2-го іюня. Двигаясь съ такой медленностью и не дѣлая большихъ развѣдокъ за исключеніемъ дней непосредственно предшествующихъ сраженію, японцы сохраняли свои войска, вводя ихъ въ бой совершенно свѣжими и не утомленными.

Ничего или совсѣмъ мало понимая въ движеніяхъ пѣхоты, я до сраженій держусь всегда поближе къ кавалеріи. На правомъ флангѣ кавалерійскій отрядъ, съ самаго начала своего существованія постоянно мѣнявшій количество и численное соотношеніе различныхъ мундировъ, входившихъ въ его составъ, и своихъ начальниковъ, состоялъ теперь снова изъ 4-хъ полковъ и одной конной батареи и былъ готовъ перемѣнить третьяго по счету начальника на четвертаго. Кавалерія стояла немножко сзади авангарднаго отряда въ деревнѣ Лалашапъцзы и въ день моего прибытія готовилась выдвинуться впередъ, въ юго-западномъ направленіи, до деревни Лавъцичанъ, по одной

линии съ Дачапу, гдѣ находился авангардъ полковника Л Мѣстность, по которой предстояло двигаться кавалеріи, представляла изъ себя низину съ топкимъ грунтомъ, сплошь перѣсеченную рѣчками, канавами и болотами, число которыхъ постепенно увеличивалось по мѣрѣ приближенія къ морю.

II

Отрядъ вышелъ часовъ въ шесть вечера и двигаясь, по заранее выбранной разѣздами дорогѣ, часовъ въ девять былъ въ Ланьцичанѣ, сдѣлавъ за три часа не болѣе двѣнадцати верстѣ. Здѣсь однако условія приняла угрожающій характеръ. Надвигавшіеся дожди, которые превратили бы всю мѣстность въ сплошное топкое болото, по которому кавалерія едва ли могла бы двигаться, дѣлали ее непригодной и даже опасной для стоянки коннаго отряда. Высокія, густыя заросли гаоляна увеличивали эту опасность. Скрываясь за ними, непріятельская пѣхота могла незамѣтно двигаться тамъ, куда кавалерія было немислимо пройти. Поэтому часа въ 3 ночи отрядъ выступилъ въ обратномъ направленіи и къ пяти часамъ остановился въ мѣстности Да-пинъ. Здѣсь, надъ прибрежной низиной, было видно все море отъ Гайчжоу до Инкоу, съ массой двигающихся взадъ и впередъ большихъ и малыхъ джонокъ. Въ направленіи Гайчжоу на морѣ изрѣдка появлялись и большіе корабли иностраннаго типа, очевидно, подвозившіе запасы японцамъ.

День этотъ не прошелъ спокойно для отряда: съ 9 часовъ утра въ авангардномъ отрядѣ началась стрѣльба изъ орудій. Пушечнаго грома не было слышно уже нѣсколько дней. Всѣ какъ-то отвыкли отъ него. Возобновленіе перестрѣлки не могло не взволновать всѣхъ и держало въ напряженномъ состояніи весь отрядъ. Съ 11 часовъ утра онъ былъ на всякій случай готовъ къ выступленію.

Стрѣльба, однако, утихая и снова возобновляясь нѣсколько разъ, къ обѣду совершенно замолкла, не поднявъ общей тревоги. Съ линіи ж. д. приходили донесенія отъ разѣздовъ о движеніи японцевъ впередъ, но это было очевидно не болѣе, какъ смѣна сторожевого охраненія. Ближе всего къ нашему сторожевому охраненію двѣ японскихъ роты засѣли въ китайскомъ постояломъ дворѣ, по правую сторону полотна дороги, сѣвернѣе

Саньгойши. Нашъ драгунскій разѣздъ, близко подошедшій къ этому двору, поплатился въ этотъ день двумя ранеными. Остатокъ дня прошелъ спокойно.

Утромъ слѣдующаго дня отрядъ перешелъ въ деревню Саньлучжуанъ, на сѣверо востокъ, ближе къ полотну дороги; два казачьихъ полка изъ его состава поочередно уходили къ авангардному отряду. Остальные два полка несли сторожевую службу.

Всю слѣдующую недѣлю до 10 го іюля рѣдкій день проходилъ безъ перестрѣлки въ авангардѣ, но въ районѣ коннаго отряда было спокойно. Къ начинавшимся съ утра выстрѣламъ изъ орудій привыкли, какъ къ обычному явленію, и не обращали на нихъ большого вниманія.

Стоянка была прекрасная. Весь отрядъ расположился въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ по дворамъ и площадямъ. Съ одного конца къ одной деревнѣ примыкали два озера, образовавшіяся отъ дождей. Въ нихъ цѣлый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, шло купанье лошадей, съ неизбѣжнымъ шумомъ и криками. Изъ озера вытекалъ небольшой ручеекъ, обсаженный ивами, дававшими пріятную тѣнь. На томъ и другомъ берегу этого ручья, противъ той фанзы, гдѣ помѣщался штабъ отряда, расположились въ палаткахъ тѣ изъ офицеровъ штаба, которые не могли выносить грязи, кислаго запаха, клоповъ и другихъ прелестей китайскихъ фанзъ. Я пристроился тутъ же на землѣ, подъ тѣнью деревьевъ вмѣстѣ съ офицерами И. Г. и Б.

Очень просто разрѣшивъ вопросъ о помѣщеніи, мы приступили къ организаціи продовольствія. Въ окружавшихъ насъ изъ любопытства китайцахъ не было недостатка, тѣмъ болѣе, что г. Б. и я оба говорили по-китайски; но, какъ всегда, китайцы встрѣчали насъ недоувѣрчиво. Мы начали съ ними разговоръ о курицахъ и яйцахъ—основныхъ матеріалахъ мѣстнаго питанія.

Китайцы, конечно, должнымъ образомъ отвѣтили, что ни куръ; ни яицъ у нихъ нѣтъ. Когда же для поощренія ихъ рвенія мы сказали имъ, что за куръ мы заплатимъ рубль за пару, за яйцо 20 коп. за десятокъ, все мальчишекъ немедленно выдѣлились изъ толпы, и черезъ минуту и куры, и яйца были въ нашемъ распоряженіи. Получивъ за нихъ деньги, китайцы возчувствовали къ намъ полное довѣріе.

Начиная со слѣдующаго дня, предложеніе куръ и яицъ настолько превысило спросъ на нихъ, что пришлось значительно понизить первоначально установленную цѣну. Тѣмъ не менѣе чуть ли не каждый проходящій китаецъ надоѣдалъ вопросомъ: „не нужно ли курицу“. Получивъ отвѣтъ, что сегодня ни того, ни другого не нужно, китаецъ старался получить заказъ на завтрашній день.

Но въ виду значительной конкуренціи между поставщиками, наиболѣе предприимчивые изъ нихъ просто приносили куръ и безъ всякихъ разговоровъ, не смотря на протесты, привязывали ихъ за лапы подъ кустами около нашего бивуака, увѣренные въ томъ, что рано или поздно она кому-нибудь пригодится, и тотъ, кто ее съѣстъ, заплатитъ за нее деньги.

Со временемъ къ курамъ и яйцамъ прибавились картошка и кукуруза, доставлявшіяся все тѣми же услужливыми китайцами. Въ отношеніи продовольствія мы чувствовали себя какъ въ раю. За то нестерпимая жара превращала наше существованіе въ адъ. Солнце начинало печь уже полчаса спустя послѣ восхода и такъ до самаго заката. Духота и пресыщенный влагой воздухъ, отличительное качество здѣшной жары, дѣйствовали разслабляющимъ образомъ. Изрѣдка выпадавшіе дожди, сами по себѣ не пріятные и не желательные при той бивуачной жизни, какую мы вели, мало облегчали жару; освѣжая воздухъ лишь незначительно, они въ то же время страшно увеличивали его влажность. Утромъ мы просыпались, покрытые обильными каплями росы. Днемъ обливались потомъ. Бѣлье и платье были постоянно мокрыя, а руки мылись въ собственномъ поту. У нѣкоторыхъ лицъ съ чувствительной кожей укусы разнаго рода насекомыхъ и мошекъ, подъ вліяніемъ этой влажности воздуха, превращались въ долго незаживавшіе волдыря. Духота не уменьшалась всю ночь до самаго утра. Спать было можно, ничѣмъ не закрываясь. Предутренней свѣжести, какъ на сѣверѣ, здѣсь не было.

Единственное облегченіе отъ жары давало озеро и тѣмъ, кто не брезгалъ купаться въ его замутнѣвшихъ водахъ.

На почвѣ купли еѣстныхъ припасовъ у насъ завязались добрыя отношенія съ китайцами. Сотникъ Б., временно откомандированный въ штабъ, былъ своего рода уполномоченнымъ по

дѣламъ съ китайцами. Китайцы обращались къ нему при всѣхъ недоразумѣніяхъ, возникавшихъ у нихъ съ отрядомъ, главнымъ образомъ, благодаря взаимному непониманію или отсутствію переводчиковъ въ штабѣ и обозѣ отряда. А недоразумѣній было немало и подѣ часъ очень сложныхъ. Напримѣръ, за неимѣніемъ фуража покупаютъ у китайцевъ поле чумизы на кормъ лошадямъ. Когда начинаютъ рвать чумизу, является цѣлая толпа протестующихъ. Послѣ разбора дѣла, дѣлящагося цѣлый часъ, оказывается, что поле купили у одного хозяина, деньги заплатили другому китайцу, не хозяину, и начали рвать чумизу на полѣ третьяго хозяина, въ сдѣлкѣ совершенно не участвовавшего, не получавшаго никакихъ денегъ и совершенно не желавшаго продать свое поле, и т. п.

Въ отсутствіе Б китайцы пробовали обращаться за разрѣшеніемъ спорныхъ дѣлъ ко мнѣ. Но я объяснилъ имъ, что я въ отрядѣ совершенно посторонній человекъ и вмѣшиваться въ ихъ дѣла съ отрядомъ не могу. Тогда они начинали изливать передо мною сѣтованія на ихъ невыгодное положеніе между двумя боюющими сторонами.

Эти сѣтованія кончались, конечно, комплиментомъ по адресу русскихъ. Я желчно замѣчалъ, что они хвалятъ насъ, пока мы тутъ, а когда мы уйдемъ и придутъ японцы — то будутъ хвалить японцевъ. Китайцы возражали: „лосыко шанго, потому что они за все, что берутъ, платятъ. Ибэны-бухао, такъ какъ ни за что ничего не платятъ“.

Я пробовалъ возразить, что и русскіе, во-первыхъ, не за все платятъ; а во-вторыхъ, за то, что платятъ, не всегда полностью платятъ.

Но китайцы стояли на своемъ. Они видятъ, что русскіе стараются платить, а если за что и не платятъ, то это вызывается необходимостью и неизбежно во всякой войнѣ; но за то они безразличны къ китайскимъ „бабушкамъ“. А японцы берутъ солому — не платятъ; за куръ не платятъ, за гаольянъ — не платятъ, а за китайскихъ мадамъ платятъ деньги. Это послѣднее обстоятельство приводило китайцевъ въ негодованіе. Это было уже „лу-шанго“ — въ высшей степени не хорошо. И они какъ-то особенно подчеркивали контрастъ уплаты денегъ за одно это при неуплатѣ ихъ за все прочее, говоря объ этомъ такимъ то-

номъ, какъ будто подозрѣвали, что японцы хотѣли ихъ этимъ нарочно оскорбить.

Среди посѣщавшихъ насъ китайцевъ вертѣлся и нашъ китаецъ. Его посылали въ Гайчжоу, Сеньченъ за различными свѣдѣніями. Тогда китаецъ мѣнялъ свой приличный костюмъ на неприличный нищенскій и исчезалъ.

Дня черезъ два онъ снова появлялся на свѣтъ Божій, свѣжій и бодрый, на сколько можетъ быть бодръ курильщикъ опиума, вѣчно отъ него пьяный, опять въ приличномъ костюмѣ и начиналъ свои повѣствованія на тему былъ и небылицы. Онъ никогда не терялся, если чего-нибудь не зналъ, о чемъ его спрашивали, рассказывал о вещахъ ему и другимъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ одинаково увѣреннымъ тономъ опытнаго гадальщика, умѣющаго давать отвѣты въ желательномъ для гадающихъ смыслѣ.

Поощряемый, онъ постепенно возвышался въ своемъ собственномъ мнѣніи и съ каждымъ днемъ велъ себя фамиллярнѣе по отношенію къ Б. и ко мнѣ. Онъ уже позволялъ себѣ садиться рядомъ съ нами и безъ приглашенія наливалъ себѣ стаканъ, когда мы пили чай. Здороваясь и прощаясь, онъ сталъ величественно протягивать намъ руку. Однимъ словомъ, китаецъ началъ себя чувствовать среди насъ какъ въ своемъ кругу. Его назойливыя посѣщенія и еще болѣе назойливыя вопросы, гдѣ находится такое то и такое-то начальство, которое онъ единственно удостоивалъ разговорами о своихъ важныхъ дѣлахъ, наконецъ, вывели меня изъ терпѣнія и я низвелъ его съ того пьедестала, на который онъ себя поставилъ, попросивъ его не только не задавать мнѣ никакихъ вопросовъ, но и не появляться близко.

Мнѣ часто приходилось слышать жалобы на то, что китайцы относятся къ намъ недружелюбно, что они симпатизируютъ японцамъ, помогаютъ имъ, шпионятъ, сигнализируютъ зеркалами, флагами, указывая мѣстонахожденіе нашихъ войскъ, батарей и т. д. И это говорится съ горькой обидой и негодованіемъ на китайскую неблагодарность и неблагородство по отношенію къ намъ. Мнѣ лично ни разу не пришлось видѣть, чтобы китайцы гдѣнибудь отнеслись къ намъ недружелюбно. Я ни разу не видѣлъ китайцевъ-сигнальщиковъ, указывавшихъ японскимъ бата-

реямъ мѣстонахожденіе нашихъ войскъ. Конечно, я не хочу сказать, что совершенно не допускаю возможности этого въ отдѣльныхъ случаяхъ. Но отдѣльные случаи—не общее правило.

Въ общемъ мы дружно жили съ китайцами. 4-го іюля прибылъ новый начальникъ отряда генераль К. Дни мирно протекали одинъ за другимъ такъ же, какъ и при прежнемъ начальникѣ. Разъѣзды, донесенія, рекогносцировки. Каждые два дня одинъ изъ казачьихъ полковъ уходилъ на смѣну другого въ авангардный отрядъ. Смѣненный полкъ съ пѣснями возвращался на стоянку. Онъ пользовался двумя днями отдыха. Все чистилось, чинилось, приводилось въ порядокъ. Въ полкахъ, несшихъ сторожевую службу, послѣдніе дни передъ десятымъ было тихо. Въ авангардномъ отрядѣ орудійная перестрѣлка изрѣдка продолжалась.

Когда 10-го іюля въ 5 ¹/₂ часовъ утра начался этотъ знакомый гулъ, его приняли въ началѣ за обычное явленіе. Однако уже къ 8-ми часамъ выстрѣлы настолько усилились, что стало ясно, что японцы намѣрены предпринять что-то серьезное. Бой попрежнему начался въ авангардномъ отрядѣ полковника Л. около Потайцзы, но постепенно переносился къ главнымъ позиціямъ, такъ какъ авангардъ подъ напоромъ артиллеріи и пѣхоты припужденъ былъ отойти къ главнымъ силамъ корпуса.

Въ предупрежденіе возможнаго, хотя и маловѣроятнаго по характеру мѣстности, обхода нашего праваго фланга, весь конный отрядъ въ составѣ трехъ полковъ и одной конной 3-ей Забайкальской батареи въ 8 часовъ утра выдвинулся впередъ къ желѣзнодорожному переѣзду на одной линіи съ Потайцзы. Правѣе линіи ж. дороги не было замѣтно движенія японцевъ. Когда нашъ арьергардъ отошелъ отъ Потайцзы на новыя позиціи, конный отрядъ оказался за линіей обстрѣла нашихъ батарей: ихъ снаряды рвались далеко позади переѣзда, лѣвѣе полотна. Японцы въ это время такъ же продвинулись впередъ по линіи дороги и около 3-хъ часовъ дня открыли огонь изъ орудій по головному разѣзду отряда. Ихъ батарея стояла не менѣе 4—5 верстъ, такъ какъ перелеты снарядовъ рвались сѣвернѣе переѣзда. Тогда отрядъ отошелъ правѣе отъ дороги и взялъ направленіе на Ланьдичанъ, куда, судя по донесеніямъ, направилось нѣсколько ротъ японской пѣхоты. Къ пяти часамъ онъ

былъ около этой деревни, но разъезды не обнаружили по близости ни неприятельской пѣхоты, ни конницы. Оставивъ въ Лань-цичанѣ одинъ полкъ изъ своего состава, отрядъ къ 7 часамъ вечера возвратился на прежнюю стоянку, не сдѣлавъ за весь день ни одного выстрѣла. Перестрѣлка изъ орудій смолкла еще къ четыремъ часамъ дня.

Ночь прошла спокойно. Тишина ея только одинъ разъ нарушилась часовъ около одиннадцати учащенной перестрѣлкой на передовыхъ постахъ, скоро замолкшей.

На слѣдующій день ждали чего нибудь похожего на бой подъ Вафангоу 1 и 2-го іюня, но бой 11-го іюля, вопреки ожиданіямъ, оказался совершенно оригинальнымъ.

VII. Разказъ Н. Л. Кладо.

Въ „Р. Л.“ сообщаютъ, что 8 сентября пріѣхалъ въ Москву изъ Владивостока начальникъ штаба владивостокской эскадры капитанъ 2-го ранга Н. Л. Кладо. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ этой газеты капитанъ сказалъ, что «Громобой» и «Россія» совершенно исправлены. Повреждены были на нихъ подводныя части. Возвращеніе этихъ крейсеровъ во Владивостокъ былъ встрѣчено съ громаднымъ энтузіазмомъ: вся пристань было усѣяна восхищеннымъ народомъ, оглушительное «ура» гремѣло надъ городомъ и его пристанью цѣлый день. Всѣ запасные матросы наперебой заваливали штабъ прошеніями о зачисленіи ихъ на эти крейсера взамѣнъ выбывшихъ.

Бой 1-го августа по словамъ капитана, былъ неизбеженъ. Японцы отрѣзали намъ путь къ отступленію въ Портъ-Артуръ, и «Рюрикъ» попалъ въ такое отчаянное положеніе, что другого выхода, какъ затонуть, у него не было. Японцы отлично освѣдомлены о каждомъ движеніи нашихъ судовъ изъ Владивостока и другихъ пунктовъ: китайцы шпіоны на джонкахъ доставляютъ имъ эти свѣдѣнія; нѣтъ никакой возможности услѣдить за ними.

— Война показала намъ, — продолжалъ Н. Л. Кладо. — какое громадное значеніе имѣетъ для насъ флотъ. Мы заботились главнымъ образомъ о сухопутныхъ войскахъ, между тѣмъ, какъ, если бы мы имѣли до начала войны достаточный флотъ, то японцы не были-бы теперь въ Манчжуріи. Наиболее быстрое

прибытіе балтійской эскадры намъ существенно необходимо, не менѣе необходимо намъ добиться выхода черноморскаго флота. Оба эти флота въ Европейской Россіи намъ совершенно не нужны, а тамъ они прекратили-бы подвозъ новыхъ силъ и провіанта изъ Японіи. Черноморскую эскадру Турція съ удовольствіемъ выпуститъ на волю.

Японцы великолѣпно понимаютъ опасность своего положенія въ случаѣ прибытія балтійской эскадры и поэтому стремятся во что-бы то ни стало поскорѣе взять Портъ-Артуръ, чтобъ отрѣзать насъ отъ моря, отнять у насъ главнѣйшую и наилучшую гавань.

Война съ Японіей, по мнѣнію капитана Кладо и адмирала Скрыдлова, продлится не менѣе 2 лѣтъ.

— Въ это время мы,—замѣтилъ съ сарказмомъ Н. Л. Кладо —изучимъ какъ слѣдуетъ международное право, поймемъ хорошо своего противника и тогда только можемъ надѣяться обезсилить его и разбить окончательно; но для этого, во всякомъ случаѣ, намъ необходимъ флотъ, флотъ и флотъ. Вильгельмъ II давно понялъ важность флота и недаромъ говорилъ: «Будущее Германіи на водахъ». То самое должны повторять за нимъ и мы.

VIII. О ген. Куропаткинѣ.

Корреспондентъ парижскаго „Journal“ Людовикъ Нодо, телеграфируетъ изъ Мукдена отъ 31-го августа:

«Генераль Куропаткинъ не изъ тѣхъ людей, которые послѣ совершившихся событій позволяютъ бесплоднымъ размышленіямъ разселять ихъ волю. Я сегодня же убѣдился въ противномъ. Пользуясь пріостановкой военныхъ дѣйствій, главнокомандующій, какъ туристъ, посѣтилъ могилы манжурскихъ императоровъ, расположенныя въ 6 километрахъ къ сѣверу отъ Мукдена, въ чудномъ паркѣ, гдѣ торжественно царитъ молчаніе умершихъ вѣковъ.

Генераль Куропаткинъ разгуливалъ, улыбаясь. Видъ у него былъ спокойный, привѣтливый. Его сопровождалъ его штабъ и нѣсколько китайскихъ ученыхъ, которые старались лучше изложить ему исторію этихъ царственныхъ руинъ. Онъ разсматривалъ внимательно разноцвѣтные кіоски, пестрыя пагоды и аллеи фантастическихъ животныхъ.

Я вернулся съ главнокомандующимъ. По повязкѣ на моей рукѣ онъ узналъ, что я корреспондентъ. По желанію самого генерала меня попросили къ нему. Я приблизился не безъ волненія, не будучи вполнѣ подготовленъ къ разговору съ главнокомандующимъ. Я по-истинѣ былъ пораженъ до крайней степени видомъ этого замѣчательнаго человѣка. Какое спокойствіе! Его безъ всякаго преувеличенія можно назвать необыкновеннымъ человѣкомъ. Одинъ видъ его достаточенъ для успокоенія колеблющихся. Однимъ взглядомъ онъ успокаиваетъ встревоженное воображеніе — это испытали на себѣ нѣкоторые знакомые мнѣ офицеры.

Генераль Куропаткинъ пожалъ мнѣ руку и спросилъ, како газеты я корреспондентъ. Послѣ моего отвѣта генераль улыбнулся еще привѣтливѣе и сказалъ:

— Ахъ да. Значить, вы уже давно въ Манчжуріи.

— Да, ваше превосходительство. — я старѣйшина французской прессы при манчжурской арміи. И въ Манчжуріи съ первыхъ моментовъ войны.

— Мнѣ пріятно познакомиться съ вами здѣсь, во время этого затишья предъ всѣмъ этимъ великолѣпіемъ китайской древности... Вы были свидѣтелемъ ужасныхъ событій. — продолжалъ генераль, на лицѣ котораго сіяло полнѣйшее, ясное спокойствіе. — Если вы останетесь еще нѣкоторое время при русской арміи, вы увидите еще болѣе ужасныя событія. Я вамъ въ этомъ ручаюсь.

И съ лицомъ, озареннымъ широкой улыбкой, главнокомандующій пожалъ мнѣ руку на прощанье. Шепотъ одобренія заявленію генерала Куропаткина пробѣжалъ среди офицеровъ его штаба. Очевидно, никто изъ нихъ не сомнѣвался въ будущахъ успѣхахъ.

Это же свиданіе съ генераломъ Куропаткинымъ можетъ показаться со стороны маловажнымъ, но я, лично испытавшій впечатлѣніе при встрѣчѣ съ русскимъ главнокомандующимъ, понялъ очень многое.

Въ Манчжуріи.

Отъ нашего собственнаго корреспондента*).

(Изъ записокъ добровольца).

I.

По дорогѣ въ Манчжурію.

Сырой холодный день окутывалъ городъ Томскъ, когда я покидалъ его. Тучи одна за другою безконечною вереницею медленно ползли по небу и также медленно уносились далеко за темносинѣющій горизонтъ. Иногда сквозь нихъ прорывались лучи солнца, обливали своимъ живительнымъ свѣтомъ только что пронувшійся городъ и затѣмъ снова тонули и гасли въ свинцовой массѣ. Кое-гдѣ сверкала молнія, блистая то ярче, то блѣднѣе и какъ-то безотрадно невесело становилось на душѣ.

— Кажись, будетъ дождь.— обратившись ко мнѣ, сказалъ извозчикъ и съ видимымъ неудовольствіемъ покачалъ головой.

— Пусть его,— отвѣтилъ я, совсѣмъ не интересуюсь атмосферическими измѣненіями и сульбами покидаемаго мною города. Томскъ,—гдѣ культомъ жизни являются большею частью карты и вино и гдѣ только еще начинаютъ зарождаться стремленія къ болѣе лучшему гражданскому существованію,—меня уже почти не интересовалъ. Въ немъ я „сжегъ свои корабли“, совершенно не предполагая когда либо появиться вновь, выражаясь фигурально, на мѣстномъ общественномъ форумѣ. Мысленно я переносился уже на манчжурскія территоріи, сюда, въ этотъ почти безжизненный и пустынный край, гдѣ сейчасъ „катятся ядра, свистутъ пули“, раздаются стоны раненыхъ и чуть-чуть слышны послѣдніе вздохи, послѣднее прощаніе умирающихъ.

Естественно, что, уѣзжая на войну, мысли мои невольно кружились вокругъ и около новыхъ предполагаемыхъ впечатлѣній.

* Ножѣщаемъ начало перваго письма, только что полученнаго нами, нашего корреспондента, состоящаго добровольцемъ въ дѣйствующей арміи.

Настоящее до нѣкоторой степени утрачивало свой интересъ и болѣе всего меня поглощало желаніе разгадать предстоящія перемѣны въ моей добровольной рѣшимости встать въ ряды дѣйствующихъ войскъ.

Когда я прибылъ на вокзалъ, мнѣ сообщили, что поѣздъ отходитъ съ опозданіемъ.

— Почему?—поинтересовался я.

— А кто его знаетъ!—отвѣтилъ кто-то.

Я направился въ залъ I и II го классовъ, въ эту „коробочку“, гдѣ два-три пассажира едва могутъ повернуться, и вполне отдался велѣніямъ судьбы. Пассажиръ на русской желѣзной дорогѣ,—какъ извѣстно,—себѣ не принадлежитъ. Его интересамъ же дирижируютъ обстоятельства и судьба его зависитъ не столько отъ установленныхъ правилъ, сколько отъ небрежности, недосмотра и желаній вершителей и заправиль дороги. Нерѣдко—правило остается правиломъ, красуясь на самыхъ видныхъ мѣстахъ, въ дѣйствительности-же его замѣняютъ личныя соображенія желѣзнодорожныхъ „величинъ“, мнящихъ себя „царьками“ въ своихъ кукольныхъ креслахъ.

Собственно говоря, извѣстіе о томъ что мы опаздываемъ, на меня не произвело особаго впечатлѣнія. Я даже и не доискивался причинъ этой постоянной случайности. Опаздываемъ, такъ опаздываемъ!—подумалъ я, вполне равнодушно относясь къ своей участи. Зная порядки, господствующіе на Сибирской желѣзной дорогѣ, и не разъ выступая съ горячимъ протестомъ на страницахъ того или другаго изданія противъ оригинальныхъ и парадоксальныхъ идеаловъ, доминирующихъ на ней, я нисколько не удивился тому, что мы опаздываемъ,—и если бы даже намъ объявили, что поѣздъ совсѣмъ не будетъ пущенъ, то это обстоятельство, не лишнее юмористическаго оттѣнка, пожалуй, гармонировало бы съ тою безпечностью, которая нависла и руководить всѣмъ этимъ живымъ и сложнымъ дѣломъ.

Впрочемъ, въ словѣ „опаздываемъ“—что-то слышится родное. Русская жизнь, главнымъ образомъ, ея поступательное прогрессивное движеніе, ея, такъ сказать, эволюція, довольно отчетливо характеризуютъ нѣкоторую нашу отсталость и вялость, наше безпричинное „опаздываніе“ въ области труда и знаній и строе гражданской жизни. Мы находимся, какъ справедливо замѣчаютъ

иностранцы, въ хвостъ огромной арміи цивилизаціи, дѣлаемъ шагъ впередъ и два назадъ и твердо держимся устарѣвшихъ, отжившихъ свое время, традицій и предрасудковъ.

Но, виновать, я отклонился въ сторону.

Къ моему удовольствію, поѣздъ скоро тронулся, и я, поблагодаривъ Создателя за столь счастливое событіе, сталъ бесѣдовать съ пассажирами.

Въ вагонѣ насъ было немного: два чиновника судебного вѣдомства, дама изъ Иркутска съ малолѣтнимъ сыномъ, читинскій купецъ, я и еще три студента. Первоначально мы, какъ бы стѣсняясь одинъ другого, молча поглядывали въ окна и также молча измѣряли одинъ другого глазами. Читинскій купецъ, мужчина плотный и плечистый съ коротко остриженной бородой, усиленно курилъ папиросы, дама изъ Иркутска погрузилась въ чтеніе какого-то французскаго романа, чиновники читали газеты и только студенты, чувствуя себя въ вагонѣ, какъ дома, нарушали общую тишину. Они пѣли вполголоса довольно стройно и мелодично романсы, спорили между собою, громко хохотали и, вообще, держали себя непринужденно.

Вскорѣ, однако, наше молчаливое времяпрепровожденіе было нарушено. Благодаря читинскому купцу, мы заговорили о войнѣ: въ разговоръ вмѣшались и другіе, и все время мы бесѣдовали объ этой животрепещущей, затмившей всѣ другіе интересы дня, темѣ. Дѣйствительно, надо отдать справедливость, съ самаго возникновенія русско-японскаго конфликта почти весь міръ сосредоточилъ свое вниманіе на этомъ въ высшей степени печальномъ и рѣдкомъ событіи. Въ обществѣ, въ прессѣ, въ разнообразныхъ учрежденіяхъ—и, вообще, повсюду—только и говорятъ лишь о войнѣ. Для нашего времени, времени болѣе сознательной жизни, расцвѣта общественныхъ идеаловъ и мысли, война поистинѣ является необычнымъ явленіемъ, тормозящимъ весь социально-экономическій строй государствъ, отвлекая народныя богатства въ сторону отъ ихъ прямого назначенія. Вотъ почему, не говоря уже о другихъ причинахъ, она приковываетъ и сосредоточиваетъ на себѣ міровую жизнь, заставляетъ слѣдить за ея ходомъ и развитіемъ и, оказывая сильное вліяніе на интересы народовъ, поглощаетъ собой всѣ другія событія, наполняя жизнь государствъ и составляющія, какъ говорятъ, злобу дня.

Дама изъ Иркутска, оказавшаяся урожденкой Москвы, дама нѣсколько нервная и вспыльчиваго темперамента, едва мы заговорили о войнѣ прямо забросала насъ вопросами. Какъ женщина высшаго круга, она была достаточно освѣдомлена о ходѣ политическихъ событій и положеніи дѣлъ на Дальнемъ Восто-кѣ, но ея, видимо, глубоко интересовали наши мнѣнія и, въ силу этого, она, съ большимъ вниманіемъ выслушивая то или другое сужденіе, задавала намъ все новые и новые вопросы. Какъ и слѣдовало ожидать, объектомъ разговора сначала сдѣлался я. Отправляясь на театръ военныхъ дѣйствій по доброй волѣ, я, конечно, возбудилъ въ своихъ случайныхъ спутникахъ нѣкото-рый интересъ.

— Вы въ дѣйствующую армію?—спросилъ меня читинскій купецъ, предварительно освѣдомившись, куда я держу путь.

Я удовлетворилъ его любопытство. Мой отвѣтъ заинтересовалъ и другихъ собесѣдниковъ.

— А скажите,—обратилась ко мнѣ дама—куда собственно? можетъ быть, по интендантской части..

— Нѣтъ, въ полкъ, въ строй,—перебилъ я ее.

— А -а-а, вотъ какъ!—замѣтила дама, сдѣлавъ серьезный видъ.

Въ словахъ ея чувствовалась нотка сожалѣнія и глубокаго сочувствія, но я, воспользовавшись случаемъ, постарался убѣдить свою спутницу, что въ своемъ рѣшеніи я правъ и что, вообще, каждый имѣетъ право располагать своей судьбою, какъ ему угодно.

Меня поддержали и другіе.

— Вольному воля—спасенному рай!—замѣтилъ одинъ изъ студентовъ.

— Ну, нѣтъ не согласенъ,—запротестовалъ читинскій купецъ, выпуская изо рта густые клубы дыма. Не всегда вольному можно давать волю; вы слышали, какая у насъ пертурбація приключилась съ однимъ толтосумомъ, полагавшимъ, что вольному по-истинѣ воля и что хошь, то и дѣлай.

Мы превратились, что называется въ слухъ.

Читинскій купецъ обвелъ насъ глазами и рассказалъ нѣчто дѣйствительно и поучительное и назидательное изъ жизни нашихъ міроѣдовъ и кулаковъ, воспріянувшихъ духомъ, едва слышались первые раскаты орудійныхъ выстрѣловъ въ Манчжу-

ри. По его словамъ, въ Читѣ одинъ изъ стаи этихъ славныхъ, *nomina sunt odiosa*, возымѣлъ желаніе возможно прибыльнѣе учестъ наступившія времена въ свою пользу и, такимъ образомъ, увеличить свои, Богъ вѣсть какимъ путемъ накопленные, сокровища и богатства.

Мысль—что и говорить—соблазнительная, и мѣстный крезъ недолго обмозговывалъ ее. Ведя большую оптовую мясную торговлю и дирижируя цѣнами рынка, для него, конечно, не составляло особаго труда осуществить шальную мысль. Драть шкуру, такъ драть!—рѣшилъ онъ и поднялъ высоко цѣну на мясо.

— Хошь бери хошь—нѣтъ, дешевле ни копейки,—потирая отъ удовольствія руки, говорилъ онъ обывателямъ. Обыватели ежились, крѣпились, наконецъ, просто взвыли. Вопли ихъ кой кто услышалъ, и глубокозадуманная идея креза потерпѣла крушеніе. На этотъ разъ сорвалось! Мысль—и при этомъ уже осуществленная—очень не понравилась мѣстной власти. Послѣдняя возстала противъ довольно широкаго аппетита остроумнаго креза конфисковало у него заготовленное мясо, установило на мясо нормальную цѣну, а самого изобрѣтателя обирательной идеи выслала административнымъ порядкомъ на жительство въ Тобольскъ.

Финалъ, какъ видите, назидательный. Счастье было такъ близко, такъ возможно и вдругъ все превратилось въ дымъ, въ нѣчто печальное, пошло „кувыркомъ, кувыркомъ“, какъ поютъ въ одной опереткѣ.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что читинскій крезъ, собиравшійся нагрѣть свои руки и нажать капиталы за счетъ государственной нужды, не составляетъ исключенія. Какъ только была объявлена война многіе наши Колупаевы и Разуваевы начали не безъ удовольствія поглаживать свои бороды и обдумывать, создаваемые желаніемъ попользоваться обстоятельствами, планы.

— Н-да съ, счастье плыветъ!—бесѣдуя сами съ собою, мысленно подумывали они и, конечно, уже принялись за дѣла.

Въ Харбинѣ я случайно встрѣтилъ одного господина, бывшаго владѣльца небольшой, вскорѣ прогорѣвшей, типографіи.

— Вы зачѣмъ здѣсь?—удивился я.

— Подрядами занимаюсь,—не безъ достоинства отвѣтилъ онъ и улыбнулся. Я пожалъ плечами.

Для меня это извѣстіе показалось прямо чудовищнымъ Человѣкъ, не имѣющій ломанаго гроша въ карманѣ — и вдругъ подрядчикъ, да при этомъ еще на крупную сумму. Вполнѣ понятно, что тутъ дѣло обстоитъ не совѣмъ благополучно и юркій комерсантъ, скорѣе всего разыгрывающій роль подставнаго лица, представляетъ собою только мишень за которой скрылись настоящіе дѣльцы.

Вій.

(Продолженіе будетъ).

Замѣтки о судоустройствѣ и судопроизводствѣ.

I. Высочайшій указъ о расширеніи правъ евреевъ.

Даемъ текстъ Высочайшаго указа, послѣдовавшаго 11 августа сего 1904 года о расширеніи права жительства для лицъ, исповѣдующихъ іудейскую религію (евреевъ); при чемъ, въ примѣчаніяхъ, мы возстановливаемъ текстъ тѣхъ статей Св. Зак., на которыя сдѣланы ссылки въ этомъ указѣ.

Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату.

Признавая справедливымъ ввести, впредь до общаго пересмотра законодательства объ евреяхъ, нѣкоторыя измѣненія въ дѣйствующіе постановленія о правахъ ихъ жительства въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи, Мы повелѣли установить ниже слѣдующія правила:

1) Дѣйствіе примѣчанія 1 ст. 779 зак. о сост. (Св. Закон. т. IX изданія 1899 года) ¹⁾ о воспрещеніи евреямъ въ губерніяхъ постоянной ихъ осѣдлости впредь вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ не распространяется:

а) на евреевъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи, ихъ жепъ и дѣтей: сыновей до совершеннолѣтія или до окончанія курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но не долѣе 25 лѣтняго возраста, а дочерей — до замужества;

б) на евреевъ купцовъ 1-й гильдіи и членовъ ихъ семействъ, включенныхъ въ ихъ сословное купеческое свидѣтельство, а также евреевъ, бывшихъ купцовъ 1-й гильдіи, въ теченіе 15

лѣтъ состоявшихъ въ сей гильдіи, какъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, такъ и внѣ оной и членовъ ихъ семействъ;

в) на евреевъ, упомянутыхъ въ ст. 17 приложенія къ ст. 68 Уст. пасп. изданія 1903 года, ²⁾ пока они будутъ заниматься своими ремеслами и мастерствами, съ подчиненіемъ ихъ по принадлежности изложеннымъ въ этой статьѣ правиламъ.

и г) на евреевъ, отставныхъ нижнихъ чиновъ, поступившихъ на службу по рекрутскому уставу.

Примѣчаніе. Упоминаемымъ въ пп. а и б настоящей статьи евреямъ: 1) окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, 2) купцамъ 1-й гильдіи предоставляется имѣть при себѣ во время пребыванія въ сельскихъ мѣстностяхъ черты еврейской осѣдлости домашнихъ слугъ приказчиковъ или конторщиковъ изъ своихъ единовѣрцевъ, хотя-бы не пользующихся самостоятельнымъ правомъ жительства въ сихъ мѣстностяхъ, съ соблюденіемъ въ отношеніи къ нимъ правилъ, установленныхъ ст. ст. 12 и 13 прил. къ ст. 68 Устава пасп. изданія 1903 года по принадлежности ³⁾.

2) Евреямъ, упомянутымъ въ статьѣ 1-й настоящихъ правилъ, предоставляется на время пребыванія ихъ внѣ городовъ и мѣстечекъ, въ чертѣ еврейской осѣдлости расположенныхъ, заключать сдѣлки по найму имущества для ихъ жилья и для производства ими торговли и промысловъ.

3) Еврея, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи, не состояшіе подъ слѣдствіемъ, судомъ и надзоромъ полиціи и не опороченные судебнымъ приговоромъ, пользуются повсемѣстно правомъ заниматься торговлей и промыслами на общихъ основаніяхъ и могутъ, безъ предварительнаго 5-ти-лѣтняго пребыванія въ 1-й гильдіи въ чертѣ еврейской осѣдлости, причисляться къ купечеству внѣ означенной черты.

4) Евреи, перешедшіе въ купцы 1-й гильдіи за черту осѣдлости и прекратившіе до истеченія 10 лѣтъ выборку купеческихъ той-же гильдіи документовъ, имѣютъ право вновь причисляться къ купечеству 1-й гильдіи во внутреннихъ губерніяхъ, не отбывая вторично 5-лѣтняго срока состоянія въ той же гильдіи въ чертѣ осѣдлости.

Примѣчаніе. Правами, присваиваемыми евреямъ купцамъ 1-й гильдіи въ силу сей (4) статьи, а также и б статьи

1-й настоящихъ правилъ, они пользуются лишь при условіи небытности ихъ подъ слѣдствіемъ, судомъ и надзоромъ полиціи и неопороченія ихъ судебнымъ приговоромъ.

5) Евреи, пробывшіе хотя-бы и съ перерывами 10 лѣтъ въ купечествѣ 1-й гильдіи внѣ черты осѣдлости, пріобрѣтаютъ затѣмъ право: а) на приписку къ городскимъ обществамъ внутреннихъ губерній и б) на повсемѣстное въ имперіи жительство съ членами ихъ семействъ, занесенными въ сословное купеческое свидѣтельство главы семейства въ теченіе указаннаго 10 лѣтняго срока, а равно съ женами и дѣтьми ихъ, хотя-бы почему-либо не внесенными въ означенное свидѣтельство.

6) Евреи, удостоенные званія коммерціи или мануфактуръ-совѣтниковъ, пользуются съ членами ихъ семействъ правомъ повсемѣстнаго въ имперіи жительства, не исключая сельскихъ мѣстностей черты еврейской осѣдлости.

7) Повсемѣстное жительство въ имперіи въ соотвѣтствіи съ правами, принадлежащими отставнымъ нижнимъ чинамъ изъ евреевъ, поступившимъ на службу по рекрутскому уставу (прим. къ ст. 5 прил. къ ст. 680 т. IX зак. о сост. изданія 1899 года ⁴⁾ и ст 1 настоящихъ правилъ) предоставляется воинскимъ чинамъ изъ евреевъ, кои, участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ на Дальнемъ Востокѣ, удостоились пожалованія знаками отличія или вообще безпорочно несли службу въ дѣйствующихъ войскахъ.

8) Евреи купцы 1-й и 2 й гильдій имѣютъ право пріѣзжать во всѣ города внутреннихъ губерній для производства торговли и промысловъ безъ ограниченія числа такихъ пріѣздовъ, съ тѣмъ лишь, чтобы временное ихъ тамъ пребываніе въ общей сложности не превышало: первыхъ—6 и вторыхъ—3 мѣсяцевъ ежегодно; въ случаѣ невозможности лично отправиться во внутрь имперіи по болѣзни или другимъ причинамъ, означеннымъ купцамъ разрѣшается присылать вмѣсто себя по торговымъ и промышленнымъ дѣламъ въ счетъ опредѣленнаго въ этой статьѣ срока своихъ приказчиковъ съ надлежащими довѣренностями

9) жены евреевъ, окончившихъ курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи, а также удостоенныхъ званія коммерціи или мануфактуръ-совѣтниковъ, пользуются пожизненнымъ правомъ повсемѣстнаго въ имперіи жительства, какъ при жизни мужа, такъ и послѣ его смерти, развѣ-бы вступили въ

новое супружество. Дѣти же сказанныхъ евреевъ: сыновья до совершеннолѣтія или-же до окончанія курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но не долѣе 25-лѣтняго возраста, а дочери до замужества могутъ повсемѣстно проживать какъ при жизни отца съ его, въ отношеніи несовершенно-лѣтнихъ, разрѣшенія отдѣльно отъ него, такъ и въ случаѣ смерти отца.

10) Всѣ постановленія казенныхъ палатъ о причисленіи евреевъ къ кушечеству и мѣщанскимъ обществамъ городовъ внутреннихъ губерній, состоявшіяся хотя-бы съ отетупленіемъ отъ закона до обнародованія настоящихъ правилъ, остаются въ силѣ и отмѣнѣ не подлежатъ.

и 11) Дѣйствіе настоящихъ правилъ не распространяется на такія мѣстности имперіи, въ коихъ относительно евреевъ установлены особыя ограничительныя права.

Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ.“

Въ Петергофѣ, 11-го августа 1904 года.

Примѣчанія.

1) Примѣч. I къ ст. 779 зак. о сост., т. IX, изд. 1899 г., гласило; „Высочайше повелѣно: въ видѣ временной мѣры и до общаго пересмотра въ установленномъ порядкѣ законовъ о евреяхъ, воспретить евреямъ въ губерніяхъ постоянной ихъ осѣдлости впредь вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ съ допущеніемъ въ семъ отношеніи исключенія только относительно существовавшихъ до 1882 года еврейскихъ колоній, занимающихся земледѣліемъ.“

Высочайшимъ указомъ 11 августа мѣра, указанная въ выше-приведенномъ примѣчаніи, не распространяется на извѣстныя категоріи лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, подробно поименованныя въ 1 ст. литеры а—г. того указа, въ томъ числѣ и на евреевъ, упомянутыхъ въ ст. 17 прилож. къ ст. 68 „Уст. о пасп.“ изд. 1903 г.

2) Статья 17 прилож. къ ст. 68 „Уст. о пасп.“ изд. 1903 г., говоритъ, что —

Евреямъ механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и вообще мастерамъ и ремесленникамъ дозволяется проживать по узаконеннымъ видамъ повсемѣстно внѣ черты, для постоянной осѣдлости евреевъ назначенной, не исключая губерній при-Балтійскихъ, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: 1) желающіе воспользоваться сказаннымъ разрѣшеніемъ обязаны представить въ подлежащее мѣсто (ст. 72 и 73 сего Уст.): цеховые ремесленники-свидѣтельства на званіе мастера или подмастерья въ одномъ изъ городовъ имѣющихъ цеховое устройство, а также удостовѣреніе полиціи въ томъ, что они не состоятъ подъ судомъ; винокуры, механики и вообще ремесленники, занимающіеся вообще нецеховыми мастерствами — засвидѣтельствованныя полиціею удостовѣренія, заводчиковъ и фабрикантовъ (или ихъ уполномоченныхъ), въ заведеніяхъ которыхъ они занимались производствомъ мастерства или обучались оному, о знаніи ими своего мастерства; 2) евреямъ-механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и вообще мастерамъ и ремесленникамъ во время пребыванія ихъ внѣ черты, для постоянной осѣдлости евреевъ назначенной, дозволяется имѣть при себѣ членовъ своихъ семействъ, т. е. женъ, дѣтей и несовершенно-лѣтнихъ братьевъ и сестеръ. Далѣе этой статьей разрѣшено пріѣзжать въ мѣстности, лежащія внѣ черты осѣдлости, молодымъ евреямъ, имѣющимъ, однако, не болѣе 18 лѣтъ отъ роду, хотя-бы они и не принадлежали къ ремесленному сословію, для обученія мастерствамъ, на срокъ не долѣе 5-ти лѣтъ, съ тѣмъ, что они вправѣ остаться на постоянное жительство въ тѣхъ мѣстностяхъ, если, по окончаніи ученія, получаютъ отъ своихъ мастеровъ одобрителныя аттестаты.

На всѣ эти лица, слѣдовательно, не распространяется ограниченительная мѣра, изложенная въ примѣч. 1. ст. 779 Зак. Зак. о сост.

3) Примѣчаніе Высочайшаго указа отъ 11 августа къ ст. 1 предоставляетъ права евреямъ, упоминаемыхъ въ парагр. а и б, имѣть при себѣ во время пребыванія въ сельскихъ мѣстностяхъ черты еврейской осѣдлости домашнихъ слугъ, приказчиковъ и т. п., хотя бы не пользующихся самостоятельнымъ правомъ жительства въ этихъ мѣстностяхъ, но съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ ст. 12 и 13 прилож. къ ст. 68 „Уст. о пасп.“ изд. 1903 г.

Статья 12 этого приложенія предоставляетъ права евреямъ (собственно купцамъ 1 гальдіи, но въ силу указа 11 августа ст. 12 примѣняется и къ евреямъ, поименованнымъ въ пар. 6 ст. 1-й того указа) держать приказчиковъ и домашнюю прислугу изъ евреевъ же, съ тѣмъ что предварительнѣ они должны объяснить, къ коему числу приказчиковъ и прислуги имъ необходимо имѣть изъ евреевъ; при чемъ наблюдается, чтобы они не состояли подъ слѣдствіемъ, судомъ или надзоромъ полиціи и не были опорочены судебнымъ приговоромъ, и чтобы они не были употребляемы къ управленію или наблюденію за подрядами, взятыми евреями во внутреннихъ губерніяхъ. Въ случаѣ же выбытія, по какимъ-бы то ни было причинамъ, переселившихся въ сельскія мѣстности евреевъ, они обязаны будутъ возвратиться оттуда со своими семействами и состоящими при нихъ изъ ихъ единовѣрцевъ приказчиками и служителями.

Статья 13 прилож. къ ст. 68 Уст о пасп предоставляетъ право евреямъ, имѣющимъ дипломы на ученія степени, во время пребыванія въ мѣстѣ, назначенныхъ для постоянной осѣдлости евреевъ, имѣть при себѣ домашнихъ слугъ изъ своихъ единовѣрцевъ, но не болѣе двухъ; тѣ же изъ нихъ, которые запишутся въ купцы, вправѣ имѣть сверхъ того еще одного приказчика или конторщика изъ своихъ единовѣрцевъ же.

4) 7 ст. Высочайшаго указа предоставлено также право повсемѣстнаго жительства въ имперіи воинскимъ чинамъ изъ евреевъ, кои, участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ на Дальнемъ Востоцѣ, удостоились пожалованія знаками отличія или вообще безпорочно несли службу въ дѣйствующихъ войскахъ въ соотвѣтствіи, какъ сказано въ указѣ, съ правами, принадлежащими отставнымъ нижнимъ чинамъ изъ евреевъ, поступившимъ на службу по рекрутскому уставу; при чемъ въ указѣ сдѣлана ссылка на прим. къ ст. 5 Приож къ ст. 680 т. IX. Зак. о сост. изд. 1899 г.

Этимъ приложеніемъ къ ст. 680 предоставлены различныя льготы отставнымъ нижнимъ чинамъ и ихъ семействамъ, поступившимъ на службу по рекрутскому уставу. Эти льготы, слѣдовательно, должны теперь примѣняться и къ евреямъ о которыхъ говоритъ 7 ст. Высочайшаго указа 11 августа. Главной льготой является какъ право повсемѣстнаго жительства, такъ и

право приписки безъ испрошенія пріемнаго приговора отъ городского общества ко всеѣмъ вообще городамъ, за исключеніемъ столицъ и городовъ, пользующихся особыми правами и привилегіями.

10 ст. Высочайшаго указа устаравливаетъ, что все постановленія казенныхъ палатъ о причисленіи евреевъ къ купечеству и мѣщанскимъ обществамъ, состоявшіяся хотя бы съ отступленіемъ отъ закона, но до обнародованія указа, остаются въ силѣ и отнынѣ не подлежатъ. Это значительное право и, слѣдовательно, въ силу его все еврей, хотя бы вопр ки закона приписанные къ городамъ, получаютъ къ нимъ право постоянной осѣдности.

Дѣйствіе правилъ указа не распространяется только на тѣ мѣстности Имперіи, въ коихъ относительно евреевъ установлены особыя ограничительныя права.

Къ такимъ мѣстностямъ приходится отнести и сибирскія губерніи и области; но не безусловно для всеѣхъ евреевъ; а только для тѣхъ, которые не имѣли въ нихъ права осѣдности, какъ это истекаетъ изъ точнаго смысла 23 ст. прилож къ ст. 68 „Уст. о пасп.“ гдѣ говорится, что „причисленнымъ въ Сибири евреямъ, не принадлежащимъ къ числу сосланныхъ туда за преступленія и просяпкки, дозволяется, во 1—хъ, отлучаться во внутреннія и назначенныя для постоянной ихъ осѣдности губерніи, съ соблюденіемъ лишь правилъ и ограниченій, какіе существуютъ на отлучки, вообще, евреевъ за черту ихъ постоянной осѣдности, и, во 2—хъ, переселяться въ губерніи, назначенныя общими постановленіями для постоянной осѣдности евреевъ.“

Слѣдовательно, для причисленныхъ въ Сибири евреевъ Сибирь ечается мѣстомъ ихъ постоянной осѣдности; а потому все еврей, причисленные въ Сибири и не принадлежащіе къ числу сосланныхъ туда, пользуются въ Сибири всеѣми правами, установленными для евреевъ въ чертѣ ихъ общей осѣдности и тамъ, гдѣ дозволено имъ постоянное пребываніе (ст 779 т. IX Зак. о сост. изд. 1899 г.), и могутъ переселяться съ одного мѣста на другое на общѣхъ правилахъ и пріобрѣтать тамъ недвижимую собственность, а также производить торговлю.

В. Д.—ковъ.

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства по дѣ- ламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ.

(Продолженіе, — см. кн. 7—8 тек. года).

1035¹. Дознанія о преступныхъ дѣяніяхъ, въ статьяхъ 1030 и 1031 указав-
ныхъ, производятся офицерами отдѣльнаго корпуса жандармовъ при содѣйствіи
нижнихъ чиновъ сего корпуса, а въ случаяхъ отсутствія офицеровъ корпуса жан-
дармовъ на мѣстѣ обнаруженія сихъ дѣяній и неотложной необходимости въ при-
ступѣ къ дознанію—чинами полиціи, за исключеніемъ полицейскихъ и околото-
чныхъ наглядателей, урядниковъ, городскихъ и стражниковъ, содѣйствіемъ конхъ,
однако, при производствѣ дознанія старшіе чины полиціи могутъ пользоваться.
Производство дознанія можетъ быть поручено чинамъ полиціи, по соглашенію на-
чальника губернскаго жандармскаго управленія съ прокуроромъ окружнаго суда.

1035². Въ случаяхъ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ призываетъ необходи-
мымъ, производство дознаній возлагается на состоящихъ при департаментѣ полиціи
министерства внутреннихъ дѣлъ чиновниковъ особыхъ порученій, которые, при
исполненіи сихъ обязанностей, дѣйствуютъ на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ офицеры
отдѣльнаго корпуса жандармовъ, и производятъ дознанія при тѣхъ жандармскихъ
управленіяхъ, въ вѣдѣніи конхъ возникло дѣло.

1035³. По дѣламъ особенно важнымъ дознанія производятся лично, Высочай-
шею властью къ тому назначеннымъ, въ личномъ присутствіи прокурора судебной
палаты.

1035⁴. Дознанія, возникшія въ вѣдѣніи нѣсколькихъ губернскихъ жандарм-
скихъ управленій, по соглашенію министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, могутъ
быть соединены для совмѣстнаго производства въ вѣдѣніи одного изъ сихъ упра-
вленій.

1035⁵. Дознанія производятся подъ наблюденіемъ мѣстнаго прокурора окруж-
наго суда или особо назначеннаго лица прокурорскаго надзора. Общее руководство
производствомъ дознаній принадлежитъ прокурору судебной палаты.

1035⁶. Наблюденіе за дознаніемъ, которое производится въ округахъ нѣсколь-
кихъ окружныхъ судовъ, возлагается прокуроромъ судебной палаты на одного изъ
прокуроровъ окружныхъ судовъ. За дознаніемъ, которое производится въ округахъ
нѣсколькихъ судебныхъ палатъ, наблюдаетъ, по распоряженію министра юстиціи,
или одинъ изъ прокуроровъ палатъ, или особо командированное къ тому лицо
прокурорскаго надзора. Высшее наблюденіе за дознаніемъ, производство коего воз-
ложено на Высочайше назначенное къ тому лицо, принадлежитъ министрамъ юсти-
ціи и внутреннихъ дѣлъ.

1035⁷. О преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 103, 104, 106—
118, 123, 128, 131, 163, 164, 166, (ч. 2), 168 (ч. 3), 170, 173 (ч. 4), 643 (ч. 2
и 3), 644 (ч. 4), 645 (ч. 4), 652 (ч. 3) уголовного уложенія, если преступныя дѣя-
нія эти учинены одними военно-служащими и притомъ въ мѣстахъ исключительнаго

дѣлнія военнаго либо военно-морскаго начальства или же во время отправленія обязанностей службы, дознанія производятся военнымъ или военно-морскимъ начальствомъ, по принадлежности, и получаютъ дальнѣйшее направление согласно правиламъ военнаго и военно-морскаго судебныхъ уставовъ.

1035⁸. Въ случаѣ отсутствія офицеровъ корпуса жандармовъ, первоначальныя мѣры не терпящія отлагательства, въ томъ числѣ обыскъ въ помѣщеніи подозрѣваемого лица съ опечатаніемъ его бумагъ, принимаются въ отношеніи военнослужащихъ подлежащимъ военнымъ или военно-морскимъ начальствомъ, по принадлежности.

1035⁹. Дознанія начинаютъ офицерами отдѣльнаго корпуса жандармовъ и чинами полиціи (ст. 1035¹) какъ по предложенію подлежащаго лица прокурорскаго надзора, такъ и по непосредственному ихъ усмотрѣнію, а по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ военнослужащихъ и по сообщенію подлежащаго военнаго или военно-морскаго начальства. О приступѣ къ дознанію и о предметѣ изслѣдованія немедленно увѣдомляется прокуроръ окружнаго суда, а въ случаѣ обвиненія военнослужащихъ также ихъ начальства, если дѣло возбуждено не по ихъ предложенію или сообщенію.

1035¹⁰. Если начальникъ жандармскаго управленія въ поступившихъ къ нему заявленіяхъ частныхъ лицъ или сообщеніяхъ полиціи или другихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ не найдетъ достаточныхъ основаній къ производствѣ дознанія, то немедленно сообщаетъ о томъ прокурору окружнаго суда отъ котораго зависитъ дѣло прекратить или же обратить оное къ производствѣ дознанія.

1035¹¹. Лица, производящія дознанія, имѣютъ право принимать все мѣры, упомянутыя въ статьяхъ 253, 254, 256 и 257 сего устава, производить слѣдственные дѣйствія, исчисленныя въ статьѣ 258, какъ то: осмотры, освидѣтельствованія, обыски (съ опечатаніемъ бумагъ) и выемки, равно какъ снимать предварительные допросы. При производствѣ этихъ дѣйствій, а также въ случаѣ, означенномъ въ статьѣ 257, они соблюдаютъ во всей точности правила, постановленныя въ семъ уставѣ для производства предварительнаго слѣдствія. Въ случаѣ необходимости осмотра или выемки почтовой или телеграфной корреспонденціи, таковыя осмотры или выемки предпринимаются по соглашенію производящаго дознанія съ наблюдающимъ за онымъ лицомъ прокурорскаго надзора.

1035¹². Лица, производящія дознанія, записываютъ безотлагательно содержаніе произведенныхъ ими разспросовъ въ протоколы за подписями разспрашиваемыхъ и понятыхъ, если таковыя были. Подписи понятыхъ необходимы въ случаѣ, если разспрашиваемый не можетъ или же откажется подписать протоколъ.

1035¹³. При привлеченіи къ дознанію, въ качествѣ обвиняемыхъ въ преступномъ дѣяніи, въ статьяхъ 1030 и 1031 указанномъ, лицъ, учащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ или состоящихъ на государственной службѣ сообщается о томъ ихъ начальству, а относительно состоящихъ на общественной службѣ доводится до свѣдѣнія мѣстнаго губернатора. При этомъ во всехъ упомянутыхъ случаяхъ сообщается и о существѣ обвиненія.

1035¹⁴. При производствѣ дознаній, лица, производящія оныя, могутъ заключать подъ стражу обвиняемыхъ и въ такихъ преступныхъ дѣяніяхъ, которыя влекутъ за собою наказаніе ниже исправительнаго дома, если эта мѣра представляется

необходимою для предупрежденія сношеній обвиняемыхъ между собою или сокрытія слѣдовъ преступнаго дѣянія. О такомъ распоряженіи немедленно доводится до свѣдѣнія лица прокурорскаго надзора, наблюдающаго за дознаніемъ, который имѣетъ право предложить письменно объ отбѣгѣ сей мѣры, если по обстоятельствамъ дѣла признаетъ, что она не вызывается необходимостью.

1035¹⁵. Всѣ вообще присутствєнные мѣста и должностныя лица обязаны оказывать зависящее отъ нихъ содѣйствіе лицамъ, производящимъ дознаніе.

1035¹⁶. Возникающія при производствѣ дознаній затрудненія, какъ по вопросу объ избраніи мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, такъ и по другимъ поводамъ, разрѣшаются прокуроромъ судебной палаты. Если же дознаніе производится Высочайше назначеннымъ къ тому лицомъ, то возникающія затрудненія разрѣшаются министромъ юстиціи по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ обоихъ случаяхъ сдѣланное распоряженіе о личномъ задержаніи обвиняемаго или о взятіи съ него залога сохраняетъ свою силу до разрѣшенія возникшаго затрудненія.

1035¹⁷. Если, при производствѣ дознанія, откроются обстоятельства, дающія поводъ предполагать, что обвиняемый совершилъ преступное дѣявіе, находясь въ состояніи невмѣняемости (ст. 39 уголовного уложенія), или же, что онъ впалъ въ такое состояніе послѣ совершенія преступнаго дѣянія, то прокуроръ суда, непосредственно или по распоряженію прокурора судебной палаты, предлагаетъ объ освѣдѣтельствovanіи умственныхъ способностей обвиняемаго окружному суду, который руководствуется при этомъ статьею 355.

1035¹⁸. Въ отношеніи привлеченныхъ къ дознанію несовершеннолѣтнихъ отъ десяти до семнадцати лѣтъ соблюдается порядокъ, установленный статьями 356¹—356⁶ сего устава (по прод. 1902 г.).

1035¹⁹. Въ случаяхъ, указанныхъ въ статьяхъ 1035¹⁷ и 1035¹⁸, окружной судъ, руководствуясь статьями 356¹ и 356⁶ сего устава (по прод. 1902 г.), или постановляетъ опредѣленіе о прекращеніи дознанія либо о пріостановленіи преслѣдованія, съ принятіемъ по отношенію къ обвиняемому одной изъ мѣръ, указанныхъ въ статьяхъ 39 и 41 уголовного уложенія, или же возвращаетъ дознаніе прокурору для дальнѣйшаго его направленія.

1035²⁰. Привлекаемые къ дознанію свидѣтели, свѣдущіе люди и переводчики получаютъ вознагражденіе по правиламъ сего устава изъ суммъ, назначенныхъ по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

1035²¹. О розыскѣ обвиняемыхъ, скрывшихся отъ преслѣдованія, лица, производящія дознанія сообщаютъ департаменту полиціи министерства внутреннихъ дѣлъ.

1035²². Объ окончаніи дознанія объявляется какъ наличному обвиняемому, такъ и всякому обвиняемому, находящемуся подъ стражею. Въ случаѣ просьбы обвиняемаго, ему предъявляются всѣ добытыя дознаніемъ данныя, относящіяся къ предъявленному противъ него обвиненію. Указанія обвиняемаго на новыя обстоятельства призванныя имѣющими значеніе для дѣла, подлежатъ дальнѣйшему разслѣдованію.

1035²³. Оконченное производствомъ дознаніе препровождается къ прокурору окружного суда для дальнѣйшаго направленія.

1035²⁴. Дознаніе по дѣламъ о военнослужащихъ, подвѣдомственныхъ военномуъ или военно-морскому суду, получаетъ дальнѣйшее направленіе согласно правиламъ военнаго или военно-морского судебныхъ уставовъ.

1035²⁵. Прекращеніе дознанія въ случаяхъ, указанныхъ пунктами 1, 2 и 4 статьи 16 сего устава, зависитъ отъ прокурора окружнаго суда.

1035²⁶. Въ случаяхъ отсутствія въ изслѣдуемомъ событіи состава преступнаго дѣянія, въ статьяхъ 1030 и 1031 указаннаго, или отсутствія признаковъ какого-либо другого преступнаго дѣянія, а также за необнаруженіемъ или нерозысканіемъ виновнаго или въ валу совершенной недостаточности собранныхъ противъ него уликъ, прокуроръ окружнаго суда предлагаетъ лицу, производившему дознаніе, представить оное, чрезъ начальника губернскаго жандармскаго управленія, губернатору для внесенія въ губернскае совѣщаніе.

1035²⁷. Губернскае совѣщаніе, образуемое, подъ личнымъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ прокурора окружнаго суда и начальника губернскаго жандармскаго управленія, или прекращаетъ дознаніе по одному изъ основаній, въ статьѣ 103²⁶ указанныхъ, съ отмѣною принятой противъ обвиняемаго мѣры пресѣченія ему способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда, если таковая была принята, или же признаетъ дознаніе неподлежащимъ прекращенію. Заключенія губернскаго совѣщанія постановляются по большинству голосовъ. Непрекращенное дознаніе передается на распоряженіе прокурора окружнаго суда для дальнѣйшаго направленія по правиламъ, въ сей главѣ изложеннымъ.

1035²⁸. Прокурору окружнаго суда предоставляется во всякомъ положеніи дѣла съ разрѣшенія прокурора судебной палаты, возбудить предварительное слѣдствіе.

1035²⁹. Передача дѣлъ къ предварительному слѣдствію не прекращаетъ обязанности чиновъ корпуса жандармовъ производить дальнѣйшіе по тому же дѣлу розыски и разслѣдованія (ст. 254). Собранныя по дѣлу послѣ направленія его къ предварительному слѣдствію свѣдѣнія сообщаются чинами корпуса жандармовъ судебному слѣдователю, а наблюдающее за производствомъ слѣдствія лицо прокурорскаго надзора сообщаетъ чинамъ корпуса жандармовъ все тѣ обнаруженныя предварительнымъ слѣдствіемъ свѣдѣнія, которыя представятся необходимымъ имѣть въ виду при производствѣ дальнѣйшихъ розысковъ.

1035³⁰. Оконченное дознаніе, производство коего возложено на Высочайше назначенное къ тому лицо, прекращается для дальнѣйшаго направленія къ прокурору судебной палаты.

1035³¹. Дознаніе, произведенное Высочайше назначеннымъ къ тому лицомъ, въ случаяхъ, указанныхъ въ статьяхъ 1035²⁵ и 1035²⁶, представляется прокуроромъ судебной палаты, при заключеніи о дальнѣйшемъ направленіи дѣла, министру юстиціи, который даетъ ему направленіе въ судебномъ порядкѣ или, по сношеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а въ подлежащихъ случаяхъ съ военнымъ министромъ или управляющимъ морскимъ министерствомъ, прекращаетъ всякое по дѣлу производство.

1035³². Въ случаяхъ, когда дознанія предлагаются судебной палатѣ съ обвинительнымъ актомъ, прокуроръ руководствуется правилами, постановленными для прокуроровъ окружныхъ судовъ по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію сихъ судовъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

Отдѣленіе третье.

Предварительное слѣдствіе.

1036. Производство предварительныхъ слѣдствій возлагается на судебныхъ слѣдователей по важнѣйшимъ дѣламъ или, по распоряженію министра юстиціи, на судебныхъ слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ, или же на одного изъ членовъ судебной палаты.

1037. Предварительныя слѣдствія возбуждаются предложеніями прокуроровъ окружнаго суда или судебной палаты (ст. 1035²⁸) и производятся въ личномъ присутствіи подлежащаго лица прокурорскаго надзора. При производствѣ слѣдствій лица, производящія оныя и чины прокурорскаго надзора дѣйствуютъ на тѣхъ же правахъ, какія предоставлены судебному слѣдователю и прокурору въ общемъ порядкѣ судопроизводства. Но лицу, производящему слѣдствіе, предоставляется дѣлать осмотръ или выемку почтовой или телеграфной корреспонденціи безъ исполненія указаннаго въ статьѣ 368¹ сего устава разрѣшенія. Такіе осмотры и выемки предпринимаются или производящимъ слѣдствіе, или, по его порученію, жандармскими офицерами, или же, въ случаѣ необходимости, въ порядкѣ, установленномъ статьею 292 сего устава.

1037¹. Если судебный слѣдователь признаетъ необходимымъ собраніе по дѣлу справокъ и свѣдѣній чрезъ посредство чиновъ корпуса жандармовъ, то онъ или входитъ по сему предмету въ непосредственное сношеніе съ подлежащими чинами корпуса жандармовъ, не возлагая, однако, на нихъ личнаго исполненія его требованій, или сообщаетъ наблюдавшему за производствомъ слѣдствія лицу прокурорскаго надзора на его распоряженіе.

1038. Жалобы на слѣдственные дѣйствія приносятся судебной палатѣ или особому присутствію Правительствующаго Сената, по принадлежности, и разрѣшаются ими въ распорядительныхъ засѣданіяхъ.

1039. По окончаніи предварительнаго слѣдствія дѣло препровождается къ прокурору окружнаго суда и ему представляется прокурору судебной палаты, который составляетъ по оному обвинительный актъ или заключеніе о прекращеніи слѣдствія, о пріостановленіи уголовного преслѣдованія, о раздѣленіи предметовъ изслѣдованія или объ измѣненіи подсудности. Слѣдствія по дѣламъ, подлежащимъ итѣннѣю особаго присутствія Правительствующаго Сената, представляются министру юстиціи.

1040. Министръ юстиціи по дѣламъ о преступныхъ дѣвіяхъ, которыя подлежатъ разсмотрѣнію особаго присутствія Правительствующаго Сената (ст. 1032 п. 2), назначаетъ одного изъ лицъ прокурорскаго надзора для исполненія прокурорскихъ обязанностей при особомъ присутствіи.

1041. Относительно преданія суду за преступныя дѣвія, въ статьяхъ 1030 и 1031 указанныя, а равно и за преступныя дѣвія, подлежащія разсмотрѣнію по совокупности (ст. 1034), применяются правила, постановленныя въ отношеніи преданія суду по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Въ случаѣ же совокупности подвѣдомаго судебной палатѣ преступнаго дѣвія, въ статьяхъ 1030 и 1031 указаннаго, съ преступнымъ дѣвіемъ, въ сихъ статьяхъ не указаннымъ, если признано возможнымъ допустить от-

дѣльное разсмотрѣніе этихъ дѣявій (ст. 1034 п. 2 и 3), предавіе суду за послѣднее изъ означенныхъ преступныхъ дѣявій производится общаѣмъ, опредѣленнымъ въ семъ уставѣ, порядкомъ.

1042. Заключение о прекращеніи слѣдствій относительно преступныхъ дѣявій въ статьяхъ 1030 и 1031 указанныхъ, а также о пріостановленіи уголовного преслѣдованія, о раздѣленіи предметовъ преслѣдованія или объ измѣненіи подсудности, направляются: 1) подлежащія разсмотрѣнію особаго присутствія Правительствующаго Сената, составленныя исполняющимъ обязанности прокурора при семъ присутствіи,—въ первый департаментъ Правительствующаго Сената; 2) подлежащія разсмотрѣнію судебной палаты, составленныя прокуроромъ палаты,—въ уголовный ея департаментъ. Означенныя заключения о преступныхъ дѣявіяхъ, въ статьяхъ 1030 и 1031 не указанныхъ предлагаются тому установленію, отъ котораго зависить прекращеніе слѣдствія на основаніи общихъ правилъ сего устава.

1043. Для разсмотрѣнія представленій о прекращеніи слѣдствій въ первомъ департаментѣ Правительствующаго Сената, въ засѣданіе оваго приглашается министръ внутреннихъ дѣлъ и, сверхъ того, въ подлежащихъ случаяхъ, когда обвиненія относятся къ преступнымъ дѣявіямъ, предусмотрѣннымъ въ главѣ четвертой уголовного уложенія, военный министръ либо управляющій морскимъ министерствомъ или же министръ иностранныхъ дѣлъ по принадлежности. Сенаторы перваго департамента, назначенные къ присутствованію въ особомъ присутствіи Правительствующаго Сената въ разрѣшеніи сихъ представленій не участвуютъ.

1044. Предъ постановленіемъ опредѣленія по заключенію о прекращеніи слѣдствія, первый департаментъ Правительствующаго сената выслушиваетъ словесно заключение исполняющаго обязанности прокурора при особомъ присутствіи Правительствующаго Сената.

1045. Дѣла по представленіямъ о прекращеніи слѣдствій рѣшаются по большинству голосовъ присутствующихъ сенаторовъ, а при равенствѣ голосовъ принимается мнѣніе о прекращеніи слѣдствія. Голоса приглашенныхъ министровъ исчисляются наравнѣ съ голосами сенаторовъ.

1046. Въ случаѣ отжѣны заключенія прокурора судебной палаты или исполняющаго обязанности прокурора при особомъ присутствіи Правительствующаго сената о прекращеніи слѣдствія, опредѣленіе судебной палаты или Правительствующаго Сената должно быть составлено такимъ образомъ, чтобы оно вполне замѣняло обвинительный актъ.

(Окончаніе будетъ).

Библіографія.

I.

„Русская Мысль“, „Вѣстникъ Европы“ и „Всемирный Вѣстникъ“ за августъ т. г.

Августовская книжка „Русской Мысли“ открывается неизданнымъ произведеніемъ Н. П. Огарева „Исповѣдь лишняго че-

ловѣка“. Н. П. Огаревъ, поэтъ очень любимый многими, извѣстенъ, главнымъ образомъ, своими чудными монологами, глубоко-лирическими по содержанию, красивыми, задушевными, сильными. Лирика, несомнѣнно, составляетъ въ поэзіи Огарева—самый существенный элементъ. „Исповѣдь лишняго человѣка“—произведение безусловно лирическое, такъ какъ въ немъ на первомъ планѣ стоятъ личныя воспоминанія поэта. Для насъ эта исповѣдь имѣетъ большой автобіографическій интересъ: авторъ вспоминаетъ здѣсь о своемъ отцѣ, о матери, о своемъ дѣтствѣ о родной сестрѣ, о французской гувернанткѣ, о нѣмцѣ Карлѣ Ивановичѣ и т. д. Часть „Исповѣди“ написана прозой, часть—стихами (бѣлыми). Кто интересуется Огаревымъ, тотъ почерпнетъ изъ этой „Исповѣди“ много...

Повѣсть Потапенки „Игра ума“ очень интересна по своему содержанию, весьма остроумному, но выведенные въ ней типы едва-ли правдоподобны. Содержание повѣсти не сложно: въ средѣ учителей N—скаго духовнаго училища есть одно лицо, которое выводится авторомъ въ видѣ „овечки“, обреченной въ пищу волкамъ. Это—Константинъ Апполоновичъ Кудахтенко. Онъ—пьяница, душа его мягка и слаба, но онъ добръ или, по крайней мѣрѣ, безвреденъ. Въ видѣ „волка“, преслѣдующаго „овцу“, Потапенко вывелъ передъ читателями эконома того-же духовнаго училища—рыбака дьякона, скупого, хитраго, мелко эгоистичнаго человѣка. У этого дьякона есть племянница Антонина, старая дѣва, которую дьяконъ старается сбыть кому нибудь, ибо она ему „въ тяжесть“. Экономъ задумываетъ женить Кудахтенку на Антонинѣ. Но Кудахтенко не только не сочувствуетъ хитроумной затѣвѣ эконома, но въ трезвомъ состояніи онъ даже открыто протестуетъ противъ женитьбы. Однако экономъ не успокаивается—и всѣми силами, не брезгуя никакими средствами, добивается, наконецъ того что, напоивши Кудахтенку до пьяна, ведетъ его въ церковь и... вѣнчаніе Кудахтенко съ Антониной совершается. На другой день Кудахтенко узнаетъ, что онъ женатъ... и, узнавъ объ этомъ, приходитъ въ негодованіе, гонитъ отъ себя и жену и эконома.. Узнаютъ о подлой „игрѣ ума“ эконома и коллеги Кудахтенки—и они также возмущены нравственнымъ насиліемъ...

Пока на этомъ повѣсть обрывается; ждемъ окончанія ея, которое появилося, вѣроятно, въ слѣдующей (сент.) книгѣ журнала.

Ничего любопытнаго не представляетъ разсказъ Вас. Брусянина, носящій громкое заглавіе: „Тайна Вахровской стени“. И не стоитъ говорить объ этомъ разсказѣ.

Замѣчательно красиво, музыкально и задушевно стихотвореніе талантливаго молодого поэта Мих. Свободина, сотрудника „Курьера“ и „Русской Мысли“. Вотъ это стихотвореніе:

„Голубые колокольчики звенять...
 Пролетаетъ теплый вѣтеръ по полямъ,
 Колыхаетъ вѣтеръ травы по межамъ,
 И за ними, наклоняясь тихо въ рядъ,
 Полевые колокольчики звенять..
 То смолкаютъ, замираютъ голоса,
 Вновь поютъ--ведутъ веселую игру..
 Точно искрится алмазная роса,
 Точно пѣсня въ перелѣскѣ по утру..
 И въ отвѣтъ, глубоко въ сердцѣ у меня
 Струны грустныя порывисто дрожатъ.
 Полевые колокольчики, звеня,
 Что-то внятное, живое говорятъ,
 О далекомъ, о любимомъ, о быломъ,
 И о пѣсняхъ схороненныхъ глубоко,
 Что когда-то въ сердцѣ радостномъ моемъ
 Такъ дрожали, такъ звенѣли глубоко..
 О, молчите, колокольчики мой!
 Не взвивайтесь, вѣтра свѣжія струи!
 Не отвѣтите пѣсень радостной волной
 Мнѣ на голосъ вашъ веселый и живой...

...Хороша статья г-жи Русовой „Гражданскіе мотивы въ малорусской современной поэзіи“. Въ этой статьѣ авторъ разсматриваетъ произведенія наиболѣе выдающихся современныхъ украинскихъ поэтовъ: Гринченки Грабовскаго, Старицкаго, Франко, Леси-Украинки, Чернявскаго. Изъ обзора творчества названныхъ поэтовъ видно, что родникъ этого творчества—горячая любовь къ родинѣ, всесильное чувство любви къ обездоленному народу. Содержаніемъ этихъ произведеній являются картины нужды, горя, обидъ и страстный призывъ къ борьбѣ за освобожденіе труда и мысли, за великое объединеніе народовъ. Въ

достиженіи этаго идеала они видятъ задачу своего неутомимаго труда.

Не можемъ не остановиться на страничкахъ „Русской Мысли“, озаглавленныхъ: „Памяти Чехова“. Редакціей журнала получено *больше трехсотъ* телеграммъ и письменныхъ заявленій глубокаго горя объ ушедшемъ отъ литературы и жизни замѣчательномъ писателѣ и честномъ гражданинѣ—Антонѣ Павловичѣ Чеховѣ. Эти телеграммы и заявленія получены изъ слѣдующихъ городовъ: Саратова, Орла, Елизаветграда, Харькова, Ростова на Дону, Волыня Одессы, Кіева, Баку, Иваново-Вознесенска, Курска, Ярославла, Казани, Сенгилея, Вышневолоцка, Иѣжина, Новгорода, Риги, Колѣмны, Таганрога, Петербурга, Иркутска, Томска и т. д. и т. д. Словомъ, на горе Москвы откликнулась *вся Россія*. Есть, между прочими, и такія трогательныя письма: „Не стало родного Чехова, который такъ хорошо понялъ и такъ горячо пожалѣлъ насъ. Поклонитесь праху его.. *Двѣ сестры. Казань*“. Много писемъ и телеграммъ еще не разобрано. Они продолжаютъ поступать. Всѣ документы будутъ переданы редакціей „Русской Мысли“ особому комитету, который обсудитъ какъ увѣковѣчить память Чехова. Комитетъ состоитъ изъ редактора „Русскихъ Вѣдомостей“ В. М. Соболевскаго, директора Художественнаго театра Вл. И. Пемировича-Данченко, кн. А. И. Сумбатова-Южина, редактора „Журнала для всѣхъ“—В. С. Миролубова и В. А. Гольцева.

Поступило пожертвованій на фондъ имени Чехова пока 608 руб.

Беллестристическія произведенія „Фѣстника Европы“ и оригинальная („На пепелищѣ“ Авиловой, „Черепутье“ Сѣверова), и переводная („Супруга министра“ Girolamo Ravatta и „Морская дѣва“ Wells) довольно скучны по содержанію. За то чрезвычайно интересна большая статья г. Еропкина „Редакціонная комиссія на пересмотру Положенія о крестьянахъ“. Какъ извѣстно, 14 января 1902 года, по Высочайшему повелѣнію, объявлено было во всеобщее свѣдѣніе, что задачей предстоящей законодательной работы по пересмотру Положенія о крестьянахъ признано необходимымъ „поставить измѣненіе въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства, лишь тѣхъ изъ существующихъ узаконеній о

крестьянахъ, недостатки коихъ выяснены опытомъ, съ тѣмъ, чтобы пересмотръ этихъ узаконеній совершался на почвѣ основныхъ началъ Положенія 19 го февраля 1861 года и представлялъ дальнѣйшее ихъ развитіе.* Такая постановка вопроса и такія гуманныя перспективы открыты были для призванной въ іюнѣ того-же года къ осуществленію и подготовкѣ законодательной реформы редакціонной комиссіи. Комиссія эта, состоявшая исключительно изъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, выполняла предначертанную ей задачу, и очеркъ работъ этой комиссіи опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе. И въ своей статьѣ г. Еропкинъ подробно разсматриваетъ работу комиссіи, отмѣчаетъ ея достоинства и недостатки, указываетъ ея пробѣлы.

По обыкновенію, весьма интересно составлено „Внутреннее обозрѣніе“. Въ этомъ „обозрѣніи“ заслуживаетъ вниманія также весьма интересный проектъ обще-земской школьной выставки въ Москвѣ.

„Въ 1905 году,—пишетъ обозрѣватель журнала со словъ „Руси“, исполняется сорокъ лѣтъ со времени фактическаго начала земской дѣятельности въ Московской и другихъ губерніяхъ первой очереди. Поэтому является вполне своевременнымъ уяснить, какіе успѣхи достигнуты за это время въ дѣлѣ народнаго образованія и какія задачи намѣчаются для ближайшаго будущаго, представить наглядную картину того что въ этой области дѣлается и какъ дѣлается, уяснить сильныя и слабыя стороны въ постановкѣ дѣла, извлечь изъ протекшаго опыта полезныя указанія для будущаго, ознакомиться, наконецъ, со всѣми учебно-вспомогательными средствами, которыми могутъ въ настоящее время располагать народныя школы. Проэктируемая выставка и должна будетъ отвѣтить на всѣ эти вопросы“.

Губернскія земства къ которымъ московская управа обратилась съ предложеніемъ принять участіе въ выставкѣ, отнеслись къ этой мысли съ большимъ сочувствіемъ и ассигновали на изготовленіе экспонатовъ соответствующія суммы.

Выставка предположена изъ двухъ отдѣловъ. Въ первый отдѣлъ войдутъ: 1) печатныя работы, діаграммы, картограммы, таблицы и проч., рисующія съ разныхъ сторонъ положеніе начальнаго народнаго образованія (школьнаго и внѣшкольнаго) общаго и профессиональнаго въ отдѣльныхъ губерніяхъ, уѣздахъ

и городских поселеніяхъ, а также выражающія сопоставленіе данныхъ по отдѣльнымъ губерніямъ между собою и съ данными другихъ мѣстностей; 2) печатныя таблицы, діаграммы, картограммы, таблицы и проч., иллюстрирующія расходы з мствъ, обществъ, и частныхъ лицъ на различные виды народнаго образованія, какъ-то: содержаніе школъ, содержаніе учительскихъ институтовъ и семинарій, стипендія и пособія среднимъ и высшимъ учебнымъ заведеніямъ и т. д.; 3) работы учениковъ начальныхъ училищъ (письмо, рукодѣліе, рисованіе, издѣлія ручного труда и т. д.)

Во второй отдѣлъ войдутъ экспонаты, иллюстрирующіе положеніе отдѣльныхъ сторонъ и отраслей народнаго образованія, какъ-то: 1) школьное строительство и обстановка школъ, 2) учебныя и наглядныя пособія, 3) школьная гигиена; 4) библиотечное дѣло, 5) народныя чтенія; 6) воскресныя и вечернія занятія; 7) книгоиздательство и книжная торговля. Сюда же войдутъ данныя о дѣятельности просвѣтительныхъ обществъ, школьных попечительствъ и вообще всѣ тѣ экспонаты, которые не обладаютъ полной однородностью и не могутъ быть систематически сопоставляемы по губерніямъ, но требуютъ выдѣленія въ особую группу.

Выставку предполагается устроить съ 1 іюня по 1 сентября 1905 г. Участіе въ ней, кромѣ Московскаго земства могутъ принимать и другія земства какъ губернскія, такъ и уѣздныя. Привлекаются также къ участию городскія управленія дирекціи народныхъ училищъ, епархіальные училищные Совѣты, просвѣтительныя общества, издательскія фирмы и мастерскія, выпускающія собственныя учебныя пособія или торгующія заграничными изданіями и издѣліями. При выставкѣ организуется экспертная комиссія, составляемая московской губернской земской управой изъ приглашенныхъ ею компетентныхъ лицъ. По постановленію экспертной комиссіи частныя экспоненты могутъ получать почетныя отзывы.

Если предположеніе московскаго губернскаго земства осуществится, то можно надѣяться, что выставка будетъ крайне интересною и поучительною“...

Этимъ „Внутреннее обозрѣніе“ заканчивается.

Восьмая книжка „Всемирнаго Вѣстника“ содержитъ, между прочимъ, весьма любопытную главу изъ статьи о Герценѣ В. П. Батуринскаго—объ иркутской дуэли. Къ сожалѣнію, намъ не приходится подробно останавливаться на этой статьѣ. Изъ другихъ же статей „В. В.“ мы беремъ на себя смѣлость рекомендовать читателю: „Изъ исторія культуры“ Кадтскаго, „Зарожденіе министерствъ въ Россіи“ проф. Довнеръ-Запольскаго. Беллетристика скучна.

Г. Вяткинъ

II

„Новый Путь“, *юль—августъ* Юльская и августовская книжки „Новаго Пути“ довольно разнообразны по содержанію, хотя ничего выдающагося въ нихъ нѣтъ. Въ юльской книжкѣ слѣдуетъ отмѣтить окончаніе статьи Карла Юэль „Ницше и романтизмъ“, въ переводѣ Дворчикова, и продолженіе статьи В. Розанова „Среди обманутыхъ и обманувшихся“. Помѣщено нѣсколько стихотвореній, въ томъ числѣ переводы изъ пѣсенъ Метерлинка, довольно слабыхъ и въ подлинникѣ.

Въ августовской книжкѣ—окончаніе статьи В. Розанова, интересной по затронутымъ въ ней вопросамъ, и начало статьи И. Вернера „Евангеліе и нѣмецкая свободная критика“. Снова много стиховъ, изъ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе маленькое стихотвореніе К. Бальмонта „Примѣта“.

В. Д.

III.

— Литературный Вѣстникъ, *кн. 6—8 до 1903 г. и 1—3 за текущій годъ*. „Литератур. Вѣстникъ“, изданіе русскаго Библіологическаго общества, даетъ массу интереснаго матеріала для изученія русской литературы. Къ сожалѣнію, книжки его выходятъ очень неопредѣленно и теперь мы получили нѣсколько книжекъ одновременно. Въ разбираемыхъ книжкахъ находимъ, между-прочимъ, письма Грибоѣдова къ разнымъ лицамъ, прологъ къ его знаменитой комедіи „Горе отъ ума“, шуточные стихи его къ М. Загоскину, о черновой рукописи „Горе отъ ума“ и прч. (кн. 2-я текущ. годѣ), статью А. И. Яцимѣрскаго „Писатели-крестьяне. I. И. Г. Воронинъ“, и И. Якушкина „Новое изданіе переписки „Пушкина“ и друг. (кн. 1-я тек. года), А. Г.

Максимова „Описание русскихъ періодическихъ изданій XIX вѣка“ и друг. (кн 3-я тек года).

Кромѣ того, въ „Лит. В.“ богатъ отдѣлъ библіографіи, а также весьма интересно составляется „Хроника“, заключающая въ себѣ различныя свѣдѣнія о литературныхъ и ученыхъ обществахъ, писателяхъ, юбилейныхъ празднествахъ, выдающихся дѣятеляхъ литературы и науки и т. п.

Гаврила Томскій

IV.

В. В. Солдатовъ „Какъ спасти хлѣбъ отъ засухи“, брошюра для крестьянъ. Приложение къ „Тобольскимъ Губерн. Вѣдомостямъ“. Тобольскъ, 1904 г.

„Всегда надо знать, отчего бываетъ та или другая бѣда и невзгода, и тогда легко будетъ узнать и то, какъ побѣдить ее и какъ защитить себя отъ нея на будущее время“—говоритъ авторъ разбираемой брошюры. Дѣйствительно, причиною недородовъ въ Сибири никакъ нельзя считать почву. Въ рѣдкихъ случаяхъ можно считать виновницею его—засуху но, повторяю, только въ рѣдкихъ случаяхъ; въ большинствѣ неумѣніе воздѣлывать землю, сохранить влагу и пр. служатъ главною причиною недородовъ. Г. Солдатовъ въ этомъ отношеніи принесетъ своей брошюрой несомнѣнную пользу.—Многія главы его книжки посвящены вопросамъ насущнымъ для земледѣльца (напр., 1 и 2-ая главы повѣствуютъ о нѣкот. свойствахъ почвы), во многихъ мѣстахъ онъ учитъ, какъ можно успѣшно бороться съ засухой (въ 4 и 5-ой главѣ) и, наконецъ, въ концѣ совѣтуетъ, какъ средство борьбы съ голодомъ, образованіе земледѣльческихъ артелей. Всѣ эти свѣдѣнія, несомнѣнно, принесутъ пользу, если только книжка будетъ дѣятельно распространяться среди крестьянъ. Что касается изложенія—оно точно и понятно. Книжка снабжена рисунками.

Мат. Фл—ръ.

V.

Очеркъ десятилѣтней дѣятельности Покровскаго приходскаго попечительства (на Алтаѣ). Казань 1904 г.

Недавно исполнилось десятилѣтіе существованія Покровскаго приходскаго попечительства. Дѣятельность попечительства выра-

зилась въ шести видахъ: 1) отдѣлъ церковный—удовлетвореніе религіозныхъ запросовъ населенія; 2) отд. образовательный—устройство школъ, библіотекъ, читаленъ и пр.; 3) отд. врачебный—оказаніе медицинской помощи населенію; 4) отд. благотворительный—оказаніе матеріальной помощи; 5) отд. сельскохозяйственный—заботы объ экономическомъ состояніи населенія (организація образцовыхъ хозяйствъ и пр.) и, наконецъ 6) отд. нравственный—борьба съ пьянствомъ и другими пороками.

Какъ видно изъ настоящаго очерка попечительство принесло населенію не малую пользу. Была выстроена новая церковь, открыто три школы, библіотека (книгъ до 4000 экз.), аптека; было роздано на поѣвъ 160 пуд. 20 фун.; денежныхъ ссудъ на сумму 348 р. 14 к., изъ кот. было возвращено 300 р.. Словомъ, попечительство, какъ видно изъ вышесказаннаго, очень полезно населенію. Жаль только, что оно не располагаетъ достаточными средствами для расширенія своей дѣятельности. Пожертвованій въ попечительство поступаетъ очень мало. Быть можетъ, это происходитъ отъ того, что многіе не знаютъ объ адресѣ попечительства. Прибѣгая на помощь нашимъ читателямъ, мы ниже сообщаемъ адресъ его, надѣясь, что полезная цѣль попечительства найдетъ откликъ среди публики.

Адресъ попечительства.—Ст. Алтай Томской губ., с. Тоуракское — Покровскому Приходскому Попечительству.

Мат. Фл — рѣ.

VI

Отчетъ попечительнаго комитета Петровской колоніи русскаго об-ва дѣятелей печатнаго дѣла за 1903 годъ. СІБ., 1904 г.

Петровская колонія для труженниковъ печатнаго дѣла, основанная 8 іюня прошлаго года въ Сестрорѣцкѣ, состоитъ изъ двухъ дачъ члена Р. Р. Голике и А. И. Вильборга. Въ свое время вся наша печать говорила объ этомъ выдающемся событіи въ литературномъ мірѣ Россіи. Положеніе наборщиковъ съ основаніемъ колоніи становится немного обезпеченнѣе.

Колонія имѣетъ въ наст. время 20 комнатъ, число которыхъ впослѣдствіи, вѣроятно, будетъ увеличено.

Въ 1903 отчетномъ году имѣло въ колоніи пріютъ 19 человекъ. При колоніи есть библіотека и читальня, есть шахматы, шашки и др игры. При колоніи есть постоянный врачъ.

Мат. Флееръ.

VII.

*Каталогъ газетъ и журналовъ на 1904 годъ. Изданіе конторы
объявленій Герольдъ, акціонери. Общ. Типографскаго Дѣла въ
С.-Иркутскѣ Сиб.*

Настоящій каталогъ газетъ и журналовъ составленъ весьма обстоятельно и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія обо всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ въ Россіи. Изданъ каталогъ прекрасно, на хорошей разноцвѣтной бумагѣ, и снабженъ общимъ алфавитнымъ указателемъ періодическихъ изданій и алфавитнымъ указателемъ періодическихъ изданій по отдѣламъ. Въ концѣ его помѣщены объявленія разныхъ періодическихъ изданій и торговыхъ фирмъ.

В. Д.

VIII.

*XXXV Годовой отчетъ Высочайше утвержденнаго 2 мая 1869
года общества для распространенія св. писанія въ Россіи за 1903
годъ. С. П. Б. 1904 г.*

Изъ названнаго отчета видно, что въ 1903 году распростра-
нено св. книгъ 42032 на сумму 32661 р. 1 к. Всего-же со вре-
мени основанія общества распространено экз св. писанія 2200592.
Къ 1 января 1903 г. капиталъ Общества простирается до 12779
р. 26 к. Дѣйствительныхъ членовъ состояло только 40 (болѣе
ихъ не можетъ быть по уставу); но за то было очень много
членовъ сотрудниковъ, въ томъ числѣ въ Томской губ.—6
человекъ.

В. Д.

IX.

*Книгоиздательство кино, при въ С. А. Чиколини. „Портъ-Артуръ“.
Инженеръ-механика флота Б. М. Лобача-Жученко. С. П. Б. 1904 г.*

Небольшая, но очень дѣльно составленная брошюра съ вида-
ми Портъ Артура и „Варягомъ“ и „Енисеймъ,* стоящими въ
Восточномъ бассейнѣ. Цѣна вполне доступная. Издана брошю-
ра опрятно.

В. Д.

X.

Сельско-хозяйственная библиотечка. Свиноводство. Практическое руководство для русских сельских хозяевъ. Съ 29 рисунками и 2 чертежами Составилъ агрономъ И. А. Каширскій. С. П. Б. Изд. П. П. Сойкина.

Настоящая книга представляетъ полезное, хорошо составленное, руководство для нашихъ сельско-хозяевъ. При томъ оно снабжено рисунками и чертежами. Цѣна книги—не дорогая, и мы совѣтуемъ приобрѣсти ее всѣмъ и интересующимся развитіемъ свиноводства въ Россіи.

В. Д.

М. В. Загоскинъ.

(Некрологъ.)

11 сентября текущаго года скончался въ селѣ Грановскомъ Иркутскаго уѣзда одинъ изъ выдающихся людей Сибири—Михаилъ Васильевичъ Загоскинъ. Помѣщаемъ портретъ почившаго и даемъ свѣдѣнія о его жизни и похоронахъ, заимствуя ихъ изъ „Сиб. Жизни“ и „Восточ. Обоз.“

Въ тѣхъ поръ, какъ въ Сибири появилась своя мѣстная „родная“ интеллигенція, она представляла изъ себя людей горячо и безкорыстно преданныхъ дѣлу просвѣщенія своей, долгое время обездоленной, родины. Всѣ лучшіе сыны Сибири, составлявшіе ея интеллигентную армію, направляли свои усилія къ тому, чтобы приобщить ее къ общечеловѣческой культурѣ, чтобы втянуть ее въ кругъ міровыхъ интересовъ не дать коснѣть ей въ рутинѣ,—лежать „гнилой колодою“ на пути прогресса. И надо отдать справедливость сибирскимъ п'онерамъ культуры: они достигли своимъ трудомъ того, что когда хлынула въ Сибирь волна общемировой жизни, здѣсь уже существовали просвѣтительныя общества и учрежденія, здѣсь уже была мѣстная печать, существовало уже всеконтролирующее общественное мнѣніе. Сибирь не была совершенно застигнута врасплохъ,—здѣсь

была уже подготовлена почва для дальнѣйшаго культурнаго развитія, сообразно ея мѣстнымъ нуждамъ и особенностямъ.

Въ этой интеллигентной, хотя и немногочисленной арміи Сибири виднымъ дѣятелемъ былъ Михаилъ Васильевичъ Загоскинъ скончавшійся 11 сентября.

Окончивши иркутскую духовную семинарію, а затѣмъ казанскую духовную академію, Михаилъ Васильевичъ не остался въ Россіи и не сталъ созидать личной карьеры, — а вернулся въ Сибирь въ тѣ тяжелыя времена — въ 50 е годы, когда Сибирь такъ сильно нуждалась въ дѣтеляхъ к. к. въ административной, такъ и въ общественной жизни. Тогда Сибирь пугала людей; суровый, не культурный край, мѣсто ссылки, — мало сулилъ пріятнаго дѣтелямъ на какомъ бы то ни было поприщѣ. Нужно было быть глубоко идейнымъ человекомъ, чтобы посвятить себя службѣ и дѣятельности въ такомъ непривѣтливомъ краѣ и притомъ въ краѣ, въ которомъ всякому культурному дѣлу надо было полагать починъ.

Михаилъ Васильевичъ, по прибытіи въ Сибирь служилъ первое время инспекторомъ иркутскаго военнаго училища, а когда, при его непосредственномъ участіи, было открыто въ Иркутскѣ техническое училище, онъ и тамъ исполнялъ обязанности инспектора классовъ.

На литературное поприще Михаилъ Васильевичъ выступилъ въ 50-хъ годахъ обширнымъ трудомъ „Обытъ поселянъ Иркутскаго уѣзда“. Болѣе десяти лѣтъ онъ былъ редакторомъ иркутской газеты „Сибирь,“ — органа печати, вѣрно стоявшаго на стражѣ общественныхъ интересовъ и умѣвшаго сохранить и до конца выдержать благородную роль защитника права и просвѣщенія, несмотря на всѣ трудности существованія провинціального органа въ то время.

Въ Восточно-Сибирскомъ отдѣлѣ географическаго общества, такъ много сдѣлавшаго по изученію Сибири, Михаилъ Васильевичъ долго состоялъ правителемъ дѣлъ.

Всю свою жизнь работая на поприщѣ мѣстной литературы, онъ сотрудничалъ и въ „Сибири“, издававшейся въ Петербургѣ подъ редакціей К. П. Михайлова, и въ „Восточномъ обозрѣніи“ съ начала его основанія, и далъ нѣсколько очерковъ сельской жизни и не мало статей о нуждахъ сибирскихъ крестьянъ.

Надо ожидать что люди, близко знавшіе Михаила Васильевича Загоскина и въ особенности тѣ, которымъ приходилось работать съ нимъ въ одномъ дѣлѣ, подѣлятся съ обществомъ біографическими свѣдѣніями о немъ. Такіе общественные работники, какъ Загоскинъ, заслуживаютъ того, чтобы общество о нихъ знало и помнило ихъ заслуги.

Похороны М. В. Загоскина.

13 сентября тѣло покойнаго М. В. Загоскина было привезено изъ с. Грановщины въ Иркутскъ въ 3 часа дня и помещено въ старомъ соборѣ. Около моста чрезъ Ушаковку процессія была встрѣчана немногими знакомыми покойнаго, а далѣе къ ней присоединилась учащаяся молодежь, составившая небольшой хоръ, который съ помощью провожавшаго священника пѣлъ до самой церкви „Святой Боже“.

14 сентября, послѣ литургіи, было совершено отпѣваніе, по окончаніи котораго похоронная процессія двинулась къ Іерусалимскому кладбищу. На катафалкѣ, гробъ и крышку было возложено 11 вѣнковъ: 1) отъ родныхъ; 2) „Піонеру Сибирской печати“ отъ „Восточнаго Обозрѣнія“; 3) „Старѣйшему члену“ отъ Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества; 4) „Дорогому учителю-наставнику“ отъ преданныхъ учениковъ и почитателей, 5) „Отъ друзей-сибиряковъ“, 6) „Незабвенному печальнику интересовъ Сибири“ отъ читинскаго отдѣла географическаго общества, 7) отъ минусинскаго музея; 8) „дорогому учителю-другу“ отъ женскаго учебнаго заведенія А. М. Григорьевой; 9) отъ иркутскаго общественнаго управленія; 10) отъ редакціи „Врачебныхъ Вѣдомостей“ и 11) отъ общества врачей Восточной Сибири. На пути къ кладбищу были отслужены краткія литіи около городской управы и не далеко отъ музея.

На могилѣ усопшаго гг. Соловьевымъ и Фальборкомъ были произнесены рѣчи, изъ которыхъ первый сказалъ приблизительно слѣдующее:

„У насъ, русскихъ, благодаря особымъ условіямъ нашего существованія, печать является единственной трибуной, съ ко-

торой общественное мнѣніе можетъ заявить о своемъ существованіи. Всѣ другіе факторы для выраженія общественнаго мнѣнія не обладаютъ еще тою силой, которая для этого требуется. Поэтому—то, чѣмъ живетъ въ данную минуту общество, чего хочетъ и противъ чего протестуетъ, выражается, насколько возможно, въ нашей прессѣ. Несмотря на препоны, общественная мысль чрезъ печатное слово проникаетъ въ сознаніе массъ и дѣлаетъ свое великое дѣло до той поры, пока на ея пути не встанутъ препятствія.

Дѣло русскаго писателя—отвѣтственное, трудное дѣло, путь его усыпанъ бываетъ далеко не розами, наградою за его дѣятельность является обыкновенно перспектива самая незаманчивая.

Поэтому слава тѣмъ, кто на писательской стезѣ, несмотря на трудность своего „славнаго поста“, дѣлалъ свое великое дѣло, будя въ обществѣ лучшія стремленія и борясь за лучшую долю своей родины.

Жизнь нашего славнаго сибирскаго публициста была посвящена этому великому дѣлу.

Руководимая Михаиломъ Васильевичемъ, газета „Сибирь“ цѣлое десятилѣтіе была маякомъ для сибирскаго общества. Призывая къ обновленію обветшавшаго общественнаго строя, настойчиво требуя реформъ, она чутко откликалась на нужды народа.

Тяжело давалась Мих. В-чу такая дѣятельность, у руководителя „Сибири“ иногда опускались руки, такъ какъ нелегкое дѣло пробивать „китайскую стѣну“ общественной косности и невѣжества, но вѣра истиннаго шестидесятника согрѣвала его, и онъ бодро „среди мятелей и снѣговъ“ несъ свое знамя.

Дорого должна цѣнить заслуги Михаила Васильевича его родина, которую онъ такъ горячо любилъ и за лучшую долю которой боролся.

Въ дѣло развитія самосознанія сибирской окраины имъ внесена огромная лепта.

Мы не касаемся въ настоящемъ словѣ общественной и педагогической дѣятельности Мих. В-ча: объ этой дѣятельности всѣ находящіеся здѣсь сибярики знаютъ. Мы хотѣли только вспомнить его заслуги передъ печатнымъ словомъ, свобода котораго была однимъ изъ девизовъ его славнаго знамени.

Въ послѣдній годъ существованія своей газеты, не ожидая Грозившаго ей, Михайль Вас-чъ въ своемъ новогоднемъ привѣтствіи писалъ обращаясь къ собратамъ по печати: „Привѣтъ вамъ, наши соратники въ нелегкомъ дѣлѣ изученія нашего родного края и въ борьбѣ со всякими „супротивными силами“, гнѣздящимися въ томъ великомъ организмѣ, который называется сибирскимъ обществомъ. Многочисленны и опасны тѣ язвы которыми болѣетъ наша родина,—и мало насъ! Но да не смущается сердце наше сомнѣніемъ и отчаяніемъ. Въ сознаніи своего долга и своихъ обязанностей къ отчизнѣ, въ сознаніи святости дѣла, за которое мы съ вами взяли добровольно, будемъ продолжать съ бодростью и упованіемъ служить дѣлу общественнаго самосознанія и содѣйствовать торжеству правды“... „Не вѣнцы, конечно, ждуть насъ И Богъ съ ними! Людскія мнѣнія такъ переменчивы и народныя оваціи такъ капризны. Вѣчно только одно—правда и любовь. Будемте-же служить правдѣ и учить людей—дѣлать добро и бороться со зломъ“

Эти золотыя слова дорогаго намъ покойника пусть будутъ для насъ его духовнымъ завѣщаніемъ.

Миръ твоему праху, Михайль Васил., пусть тебѣ будетъ легкой земля твоей холодной родины, ждущей своего обновленія“...

Второй ораторъ, г. Фальборкъ, причисляя покойнаго къ группѣ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ, сказалъ, что М. В. не мало потрудился вмѣстѣ съ другими въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Наступила другая эра, и покойный не отсталъ отъ нея, а шелъ всегда впереди, направляя свой путь и наставляя другихъ только на служеніе одной правдѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ идеалистовъ, силою которыхъ Россія возродилась въ 61 году. Почва для дальнѣйшаго сѣянія къ новому возрожденію уже приготовлена ими, и теперь на обязанности молодого поколѣнія лежитъ трудъ продолжать ихъ дѣло.

Нѣсколько родныхъ, знакомыхъ, почитателей и духовенство собрались помянуть покойнаго въ учебномъ заведеніи Григорьевой. Здѣсь за частной бесѣдой К. А. Кузьмина ознакомила общество съ завѣщаніемъ М. В., который предъ смертию завѣщалъ свой домъ въ с. Грановшинѣ съ тѣмъ, что-бы въ немъ было устроено училище его имени. Друзья покойнаго рѣшили

вопросъ объ открытіи школы возбудить чрезъ посредство общества распространенія народнаго образованія.

Григорій Николаевичъ Потанинъ.

„Сиб. Вѣст.“ сообщаетъ, что 21 января 1905 года исполнится семидесятая годовщина дня рожденія Григорія Николаевича **Потанина**, извѣстнаго ученаго путешественника, сибирскаго общественнаго и литературнаго дѣятеля. Григорій Николаевичъ Потанинъ родился въ 1835 году въ станицѣ Ямышевской, на Иртышѣ. Вся его научная и общественная дѣятельность неразрывно связано съ Сибирью, которой онъ посвятилъ все свои силы и которая знаетъ его и гордится имъ, какъ лучшимъ изъ своихъ сыновъ.

Семидесятая годовщина дня рожденія Григорія Николаевича Потанина будетъ, конечно, днемъ праздника и для его родины - -Сибири, которая сумѣетъ его отмѣтить должнымъ образомъ.

Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ выдающейся ученой и общественной дѣятельности Г. Н. Потанина, мы помѣщаемъ портретъ его, хотя съ оригинала, снятаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Надѣмся въ послѣдствіе дать снимокъ и съ портрета его болѣе поздняго времени.

Редак.

Желѣзнодорожныя свѣдѣнія.

(Renseignements sur le chemin de fer).

Сибирская желѣзная дорога (Chem'n de fer Transibéricu).

Управление Сибирской желѣзной дороги доводитъ до свѣдѣнія публики что съ 15 октября 1904 года, въ зимній періодъ, вводится новое расписание движенія пассажирскихъ поѣздовъ, а именно: (15 octobre 1904).

СТАНЦИИ. (Stations).	Скорый поѣздъ № 2 I и II кл четыре раза въ нед. (grand vitesse)	Почт н. № 4 съ вагонами I II и III клас.		Товаро-пасса- жир.-смѣшан. п № 12 съ ваг III и IV кл.			
	Дви слѣд. скорого поѣзда № 2 по мѣстному времени	В Р Е М Я (Heure).					
		Петер- бург.	Мѣст- ное.	Петер- бургск	Мѣст- ное.	Петер- бургск.	Мѣст- ное.
Челябинскъ отпр. (Depart) (Tscheliabinsk)	Посред., ч. тв., суб. и воскр. Mercredi, jeudi, samedi et dimanche.	3,15д.	5,19д.	4 30д	6,34в	11,20в.	2,24в.
		10,20в.	12,40в	2,18в.	4,38в	1 43д	4,03д.
Курганъ отпр (Kourghane)	По чет пятн вос и пон jeudi, ven- dredi dimanche et lundi).	5,43в.	8,18у	12,10д	2 45д	2,50в.	5,25в.
Петропавл отпр (Petropawlowsk)		1,08д.	4,00д.	9 45в	12 37в	4 45д.	7,37в.
Омскъ приб. (Omsk).	По пятн. суббот. пон. и вторн. Ven- dredi, samedi, lundi et mardi).	1, 33д	4 25д	10,50у.	1,42в.	6 30в.	9 22в
Омскъ отпр. Кайнскъ отпр (Kaïnsk).		10,51в.	2,02в	11 33у	2 44д.	9 55у.	1,06д.
Обь приб. (Obi)	По пят. суб пон и втор (Vend.sam. lundi et mardi).	7,41у	11 11у	11 00в	2 30в.	1,50в	5,20в
Обь отправл Тайга приб. (Taïga)		8,06у	11 36у.	1 10в	4 40в	3 40в	7, 0у.
Тайга стар. (Taïga-départ)	По суббот., вос- кресеньямъ, вторн и сред. (samedi, dimanche mardi et mercredi.	3,45д	7,29в	10,34у.	2,18д	6,50в	10,34в.
Маріинскъ оти (Mariïnsk).		4,15д.	7,59в.	11,34у.	3,18д.	8 15в.	11,59в.
Ачинскъ отпр (Atschinsk)	По воскр понед. сред и чет. (Di- manche lundi mer- credi et jeudi).	9,18в.	1,09в	5,49д.	9 40в	6,15у.	10,06у
Красноярскъ п (Krasnoïarsk)		4,13в.	8,14у	1 45в	5,46в.	6,5 ^в	10,5 ^в
Красноярскъ от. Канскъ отпр. (Kansk).	По воскр понед. сред и чет. (Di- manche lundi mer- credi et jeudi).	10,27у.	2,27д	9,40у	1,50д.	6 05у	10,15у
Нижнеудин от (Nijneoudinsk)		10,57у.	3,07д.	11,30у	3,40д	7 45у.	11 55у.
Тулузъ отпр (Toulouse)	По пон. вт. четв. и пят. (eundi, mar- jeudi et vendredi).	7,29в.	11 50в.	11,10в.	3,31в	2 35в.	6 56у.
Иркутскъ приб (Irkoutsk)-arriv)		8 12у.	1 ^в ,47д.	5,10д.	9,45в.	3,30в	8 05у
		12,15д	4,56д.	10,55в.	3,36в.	12,50д	5,31д.
		1,55в	6 51у.	7,00в.	11,55в	5,10д.	9,56в.

СТАНЦИИ. (Stations).	Скорый поезд № 1. I и II кл. четыре раза въ нед (grand vitesse)	Почт. п. № 3 съ вагонами I II и III клас.		Товаро-пасса- жир.-смѣшан. п. № 11 съ ваг. III и IV кл.			
		В Р Е М Я (Horaire).					
		Дни слѣд. скорого поезда № 4 по мѣстному времени	Петер- бургск	Мѣст- ное	Петер- бургск.	Мѣст- ное.	Петер- бургск
Иркутскъ отпр (depart)(Irkoutsk).	По воскр. повед сред и суб. (Di- manche, lundi, mer- credi et samedi)	11,15у.	4 11д	12,00д	4 56д	3 40в.	8,36у
Тулунъ отпр (Touloune).		12 07в	4 48в	6,14у.	10,55у.	10,20у	3,01д
Нижнеул. отпр. (Nijneoudinsk).	По пов. вторн четв и воскресен (Lundi, mardi jeu- di et dimanche)	3,48в	8,23у	11 27у	4,02д	7,48в.	12,23в
Канскъ отпр. (Kansk).		3,13д	7 14в	2,48в	7,04у.	2,40в	2,01в
Красноярскъ п. (Krasnojarsk)	По вторн сред пятн и поведѣл Mardi, mercredi, vendredi et lundi)	11,30д	3,40в	1,35д	5,45д	3,00д.	7,10в
Красноярскъ ул		11,55в.	4,05в	2,45д	6 55в	4,45д	8,55в.
Ачинскъ отпр (Atschinsk)		5,44в.	9,45у	11,05в	3,06в	6,17у.	10,11у
Маринскъ отп. (Mariinsk).		12,20д	4 11д	7 50у.	11,41у	6,57в.	10,48в.
Тайга приб (Taiga)	По втор сред пят и пов (Mardi, mer- credi, vendredi et lundi).	4 51д.	8,35в	1,55д	5 39д	4,05в.	7,49у
Тайга отпр (Taiga-depart)		5,16д.	9,00в.	3 05д	6,49в	6,00у.	9,44у.
Обь приб. (Obi).	По средамъ чет- вергамъ, суббот и вторн. (Mercredi, jeudi, samedi et mardi).	12,36в.	4,06в	2,15в	5 45в.	8,00в.	11 31в
Обь отпр.		1,01в	4 31в	3,35в	6,55у.	9,51в.	1,21в
Кайнскъ отпр. (Kainsk).		10,15в.	1,26д	3 40д	6,51в	4,10д	7,21в.
Омскъ приб. (Omsk).		7,15у	10,07в	3 50в	6 42у	6,30у	9,22у.
Омскъ отпр.	7 40в.	10,32в	5,05в	7 57у	7,50у	10,42у.	
Петропавлов от. (Petrovavlowsk).	По четверг пят ницамъ, воскре- сеньямъ и средамъ. (Jeudi, vendredi, dimanche et mer- credi)	3,58в.	6,33у	4,05д.	6 40в.	10,55в.	1,30в.
Курганъ отпр (Kourghane)		11,52у.	2,12д	2,07в	4,27в.	1 57д	4 17д
Челябинскъ пр (Tscheliabinsk). arriv).		6,40в.	8 14в	11 25у	1 89д	3,05в.	5 09в

ТОМСКАЯ ВѢТВЬ.

(L' embranchement du chemin de fer a Tomsk).

СТАНЦИИ. (Stations)	Скорый поѣздъ № 2 I и II кл. четыре раза въ нед. (grand vitesse).	Почт. п. № 3 съ вагонами I II и III клас		Товаро-пасса- жир-смѣшан п № 12 съ ваг III и IV кл.			
	Дни слѣд. скорого поѣзда № 2 по мѣстному времени.	В Р Е М Я (Horaire).					
		Петер- бургск	Мѣст- ное.	Петер- бургск.	Мѣст- ное	Петер- бургск.	Мѣст- ное.
Тайга отпр на Томскъ (Depart) (Taïga).	По пят. суб пон и втор. (Vendredi, samedi, lundi et dimanche).	5,10д.	8 54ч	11,55у.	3 39д.	2 40в	1,24н
Меженниковка п. (Mezenikouka).		8 20в.	11,59в.	3 05д.	6 45в	1,10н	4,49н
Томскъ приб. (Tomsk arriv).	По суб. воскрес. втор. и сред. (Sam. dimanche, mardi et mercredi)	9 05в.	12,44н.	3,55д	7 31в.	2 10н.	5,49н
Томскъ от. на Ир. (Tomsk)	По пятн суб пон. и втор. (Vendredi, samedi, lundi et mardi).	9,15у	12,54д.	5,30н	9 09у.	2 25д	6 04в
Меженниковка от. Тайга приб. (Taïga arriv.)		10,03у	1,42д.	6 16у.	9 55у	3 14д	6 53в.
		1,35д	5,19д	9,40у	1,24д	6,55у	10,39в.

СТАНЦИИ. (Stations).	Скорый поѣздъ № 1. I и II кл. четыре раза въ нед. (grand vitesse)	Почт п. № 3 съ вагонами I II и III клас.		Товаро-пасса- жир-смѣшан. п. № 11 съ ваг. III и IV кл.			
	Дни слѣд. скорого поѣзда № 4 по мѣстному времени.	В Р Е М Я (Horaire)					
		Петер- бургск	Мѣст- ное.	Петер- бургск.	Мѣст- ное	Петер- бургск.	Мѣст- ное.
Тайга отпр. на Томскъ. (Depart)	По вторн. сред. пят. и пон (Mardi, mercredi, vendredi et lundi).	5,10д	8,54в.	5,10 .	8 54в	5,40н.	0,24у.
Меженн. пр. (Mezenikouka)		8,20н	11,59в	8,20в.	11 59в.	9,05у.	12 44д
Томскъ приб. (Tomsk arriv).	По сред. чет. суб и втор. Mercredi jeudi samedi et mardi,	9,05в.	12 44н	9 05в.	12 44н	10 20у	1,59д
Томскъ от. на Чел Tomsk-depart	Повторн. средамъ пят. и пон (Mardi, mercredi, vendre- di et lundi.	9,15у.	12 54д	9,15у	12,54д	9,40в	1,19н.
Меженниковка от.		10,03у	1 42д	10 03у	1,42д	10,30в.	2 09н.
Тайга приб. (Taïga-arriv)		1,35д	5,19д	1,35д	5,19д	2 20н.	6,04у.

Для досуга.

РЕБУСЪ.

(А. Ордынского).

X.

АРИФМОГРАФЪ.

(А. Горюшковскаго).

- 1) 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14—королевство въ Европѣ.
- 2) 1, 11, 3, 10, 6, 8, 12, 11—духовой музыкальный инструментъ.
- 3) 1, 11, 3, 2, 8, 13, 11, 12, 11—растение лѣсной ладонь.
- 4) 3, 4, 10, 2, 8, 11—наборная буква.
- 5) 3, 4, 10, 11, 12, 13, 14—торжественное богослуж. у католиковъ.
- 6) 4, 10, 11, 3, 13, 14—королевство въ Европѣ.
- 7) 5, 11, 11, 7, 11-- предметъ поклоненія мусульманъ.
- 8) 5, 6, 8, 9, 12, 5, 9—изюмъ безъ зерна.
- 9) 5, 6, 11, 10, 6, 8, 5, 11—письменный столъ.
- 10) 6, 10, 2, 3, 3, 6—герой трагедіи Шекспира
- 11) 7, 11, 5, 11, 3, 2, 14—сушеные плоды.
- 12) 10, 6, 8, 7, 11—сумка.
- 13) 11, 1, 8, 11,—дочь Титана и Земли.
- 14) 13, 6, 10, 9—греческая буква.

ЗАДАЧИ БУКВЪ.

(А. Горчаковскаго).

I

Найти 9 названій слѣдующаго значенія:

1) Животное изъ породы парнокопытныхъ.	6 буквъ.
2) Известнякъ, похожій на икру	6 "
3) Птица изъ семейства лазящихъ.	6 "
4) Существо съ высшими качествами.	6 "
5) Простонародіе.	6 "
6) Помощникъ атамана	6 "
7) Родъ улитки	6 "
8) Городъ Сибири	6 "
9) Музыкальный духовой инструментъ	6 "

Найдя названія, составить изъ ихъ начальныхъ буквъ фамилію русскаго писателя.

II.

— нов—трево—а раст— —,

Т—ни ложатся угрю о

С—о—но—вилися в—гнѣз—о

В—сердц—лишь ск—р—н—я ду—ы

Вмѣсто черточекъ, вставить буквы и изъ нихъ составить русскую пословицу.

III.

О—т—т—у—ц—р—ы—г—и—е—д—

— н—ѣ—е—т—в—и—ъ

Зачеркнуть нѣкоторыя изъ данныхъ буквъ такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ составила фамилія русскаго писателя; оставшіяся буквы должны образовать названіе одного изъ его произведеній.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАДАЧА.

(И. Сибирякова-Тажнаго.)

Найти фамилію: одного изъ героев ром. А. К. Шеллера „Гнильмя болота;“ одного изъ героев пов. А. И. Красницкаго „Слезы“; — героя пов. Тимковскаго „Серый Шумовъ“; — одного изъ

героевъ разск. Скитальца „Ситъка“; одного изъ героевъ ром Д. И. Стахѣева „Студенты“; одного изъ героевъ ром. М. Н. Заго-скина „Брянскій лѣсъ“ и имя героини разск. М. Горькаго „Старуха Изергиль.“

Изъ инициаловъ найденныхъ фамилій требуется составить фамилію извѣстнаго собирателя памятниковъ народнаго твор-чества въ Россіи.

ЗАДАЧИ.

I.

(И. Сибирякова-Тасженнаго).

Начальная буква фамилій 7-ми русскихъ художниковъ, оканчивающихся на КИЙ, должны дать названіе поэмы знамени-таго русскаго поэта.

II

(А. Горчаковскаго)

Найдя 16 глаголовъ на ИТЬ и взявъ инициалы ихъ, составить изъ этихъ инициаловъ страну (или рѣку) въ Африкѣ, городъ въ Европ. Россіи и городъ въ Азіатской Россіи.

ЗАДАЧА-ШУТКА.

(Я И Ч)

а, в, г, д

е, к, л, л,

н, о, о, о,

о, о, с, у.

Что нужно сдѣлать, чтобы изъ данныхъ буквъ можно было получить какое угодно слово?

ЭСТИХОЗЫ

I.

(А. Горчаковскаго.)

— ассы

— ожак

—соѣд

—каф

—зда

—лоп

Вмѣсто черточекъ, подставить буквы и составить фамилію русскаго писателя.

II.

(И. Сибиряка-Тасожнаго.)

ду—ы

в — аг

пъ—т

а — ла

пи—а

д—ма

ла—а

Пропущенныя буквы вставить такъ, чтобы прочесть сверху фамилію нѣсколькихъ русскихъ художниковъ.

ЛОГОГРАФЪ.

(И. Сибиряка-Тасожнаго.)

Съ К—меня въ землю вбиваютъ,
 съ П—на землѣ настилаютъ,
 съ Б—я бываю внизу,
 съ В—часто тяжесть везу,
 съ Г—я раздѣтъ до нога,
 съ З—упираю я въ землю рога,
 съ С—я на морѣ лежу, силу морскую въ оковахъ держу...

Рѣшеніе ребусовъ, задачъ, прифанографовъ и проч, помѣщенныхъ въ іюньской книжкѣ.

Ребусовъ (*А. Ордынскаго*): VI—Пока громъ не грянетъ, рускѣй мужикъ не перекрестится, VI. Глаза считаютъ зеркаломъ души, а что душа—не знаютъ.

Литературной задачи (*Н. Сибиряки-Тисленова*). Герой комедіи Гоголя „Женитьба“—*Подколесинъ*; одинъ изъ героев поэмы „Мертвыя души“—*Ноздревъ*;—романа „Торжество правосудія“—*Лажучниковъ*; герой пов. „На дѣйствительной службѣ“—*Обновленскій* одинъ изъ героев „Рабыня славы“—*Охлябьевъ*; одинъ изъ героев романа „Девятый валъ“—*Вечерневъ*; героиня того же романа—*Алая* и героиня поэмы „Евгеній Онѣгинъ“—*Татьяна*.

Такимъ образомъ получаютъ буквы: П, Н, Л, О, О, В, А, и Т, изъ которыхъ легко составить фамилію: Платонъ Павловъ.

Задачи (*Я. И Ч*)

с	о	в	а
о	м	а	р
в	а	з	и
а	р	а	б

Створчатой задачи (*Я. И. Ч*)

Э—т—И

М—онго—Л

М—ая—К

А—рб—А

Н—анки—Н

У—хва—Т

Эммануиль Кантъ.

Задачи буквъ (*А. Святогоръ-Альенки*). 1) Валеть. 2) Епархъ. 3) Ребусъ. 4) Ефорія. 5) Щеголь. 6) Абулія. 7) Грація. 8) Иліада. 9) Натура. 10) Ъ—*Верещагинъ*.

Логогрифа (И. Сибирякова-Тасженто).

Сонъ.

Тонъ.

Фонъ.

Донъ.

Логографа (И. Сибирякова-Тасженто).

оно,

сам,

ѣда,

ось,

рой,

дно.

Изъ пропущенныхъ буквъ можно прочесть: Надсонъ.

Арифмографа (А. Святогоръ-Альенки)

Павловскъ

Аакъ

Валь

Лава

Оваль

Бааль

Сапа

Какасъ

Ъ

Рѣшенія ребусовъ, задачъ и проч. прислали г. г. А. Горчаковскій, В. Загорскій, Н. М. Черновъ, А. Александровъ, Р. К. Федоровъ, И. И. Исуповъ.

Новыя книги и брошюры, поступившія въ редакцію по 1 октября.

А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ Алтайская желѣзная дорога. Соединеніе рельсовымъ путемъ Туркестана съ Великою Сибирскою желѣзною дорогою. $\frac{1}{2}$ л. л., стр. 31. С. П. Б. Типогр. М-ва Путей Сообщенія, 1904 г.

И. А. Каширскій. Сельско-хозяйственная библіотека. Свиноводство. Практическое руководство для русскихъ сельскихъ хозяевъ. $\frac{1}{8}$ д. л. Ц. 1 р. 196 стр. С. П. Б. изд. П. П. Сойкина.

П. Андреевъ. Мотивы изяшнаго садоводства. Устройство ландшафтныхъ садовъ ковровыхъ цвѣтниковъ и клумбъ (8 хромолитограф. и 4 черныхъ плана садовъ и цвѣтниковъ). $\frac{1}{4}$ д. л. С. П. Б. изд. П. П. Сойкина. 1904 г.

В. Кюкенталь, проф. зоологій и сравнит. анатоміи университета въ Бреславлѣ. Руководство къ практической зоологій. Съ 180 рис. (Перев. со 2-го нѣмецкаго изданія Ассистентовъ Императорской Военно-Медицинской Академіи **А. К. Клишко** и **К. З. Яцуты**, Съ предисловіемъ Проф. Императорскаго С. П. Б. Университета **В. М. Шимкевича** $\frac{1}{8}$ д. л. б. ф. 1904 г. С. П. Б., изд. П. П. Сойкина.

Труды Пермской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. VII. $\frac{1}{8}$ д. л. б. ф. 1904 г. Пермь Типо-Литографія Губернскаго Правленія. 127 стр.

Извѣстія Красноярскаго подѣла Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ I, вып. VI. $\frac{1}{8}$ д. л. б. ф. 1904 г. 169 стр. Красноярскъ, Енисейская губернская типографія.

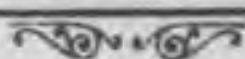
Торжественное засѣданіе членовъ Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 26 го октября 1902 г. $\frac{1}{8}$ д. л. б. ф. 52 стр. 1904 года Омскъ, Тип. Штаба Сиб. воен. Окр.

XXXV годовою отчетъ Высочайше утвержденнаго 2 мая 1869 года Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи за 1903 г. $\frac{1}{8}$ д. л. 72 стр. С. П. Б. 1904 г. Типограф. А. В. Орлова.

VI. Année.

Septembre—Octobr.

1904.

L'OBSERVATEUR
SIBÉRIEN.

(PARAISSANT DOUZE FOIS PAR AN).

№ № 9 — 10.

T O M S K .

Typo-Lithographie P. J. Macousehine.

1904.

L'Asie - Asie

SIBÉRIEN

L'Asie - Asie

— 10 —

L'Asie - Asie

L'Asie - Asie

L'Asie - Asie

VILLES SIBÉRIENNES.

VIII.

Verkhne-Oudinsk.

Verkhne-Oudinsk.—Ville d'arrondissement de la Transbaïkalie est située par $51^{\circ} 49'$ de latitude nord et $77^{\circ} 14'$ de longitude est, au confluent de l'Ouda et de la Sélenga, au pied d'un rameau occidental de la chaîne de Yablonoï, dans une profonde vallée; elle se divise en ville ancienne, en faubourg transoudien et en faubourg de Pol-sié (de l'autre côté de la Sélenga). La ville a été fondée en 1649. Selon le recensement de 1897 les habitants sont au nombre de 8,002 personnes des deux sexes (dans ce nombre 4,964 hommes et 3,038 femmes). La ville, qui est très-belle, renferme 901 maisons. Elle est régulièrement bâtie; ses rues sont larges. Elle est un important centre commercial de la Transbaïkalie, et doit cet avantage à son heureuse situation sur le fleuve navigable de Sélenga (c'est ici le lieu de relâche des bateaux qui circulent entre Kiakhta et le Baïkal) principale voie fluviale entre Irkoutsk et l'Amour. Comme elle se trouve en outre sur la ligne du grand traussibérien, on peut lui prédire un accroissement considérable.

La ville renferme 3 églises orthodoxes, une synagogue, une bibliothèque, un progymnase de filles, une école de district, 3 écoles paroissiales, un asile pour les enfants des prisonniers et des indigents, un hôpital de 20 lits, un bureau des postes et télégraphes, un club.

La foire de Verkhne-Oudinsk, qui dure du 25 janvier au 10 février, est l'une des plus importantes de la Sibérie orientale; ses opérations montent à 2,000,000 de roubles. Les aborigènes (bouriates) y affluent en grand nombre.

Les habitants s'occupent principalement de commerce, d'agriculture et de roulage. Quelques-uns s'en vont travailler aux mines d'or. Les arts manuels et industriels sont peu développés; il existe

cependant 16 tanneries, 4 fonderies, 3 savonneries, 1 distillerie, une brasserie et une fabrique de bougies.

La vie est devenue depuis quelque temps très-chère à Verkhné-Oudinsk. Les distractions y manquent complètement. Le vin et les cartes sont les seuls plaisirs des habitants.

Il y a trois hôtels où l'on peut avoir aussi la table; le prix des chambres varie entre 1 $\frac{1}{2}$ et 2 roubles par jour; les prix augmentent pendant la foire. Beaucoup de personnes préfèrent descendre dans des maisons particulières où l'on est logé et nourri moyennant 1 $\frac{1}{2}$ à 2 roubles par jour. Les fiacres de Verkhné-Oudinsk laissent beaucoup à désirer; ils prennent 20 k. à la course et 40 à 50 k. à l'heure. On trouve une bonne table dans une boulangerie non loin de la station de poste. Il y a des bains publics. En 1899 les revenus municipaux étaient de 73,312 r. 88 k.; les dépenses de 77,445 r. 92 k. Il y a ici une succursale de la banque russo-chinoise.

L'arrondissement de Verkhné-Oudinsk dans la partie occidentale de la Transbaïkalie touche à la Mongolie. L'étendue de l'arrondissement est de 1,000 verstes en longueur et de 700 verstes en largeur. Le sol est assez fertile. Le chiffre des habitants (russes, toungouses et bouriates) s'élève à 165,541 (84,747 hommes et 80,794 femmes). La plupart des aborigènes sont de race mongole, ce qui fait donner quelquefois à l'arrondissement le nom de «Mongolie russe».

Dans l'arrondissement de Verkhné-Oudinsk non loin de la gare de Pétrovsk se trouve la fonderie et forge de la commune de Pétrovsk connue sous le nom de Petrovskiy Zavod (l'usine de Pétrovsk); elle a été fondée en 1790. Le village de Pétrovsk possède une église sous l'invocation des Saints Pierre et Paul, une école, un hôpital. C'est à Petrovskiy Zavod qu'après un séjour à la prison de Tchita furent déportés et incarcérés dans une prison spécialement construite quelques-uns des décembristes condamnés pour leur participation à l'émeute qui eut lieu le 14 décembre 1825. Leurs femmes partagèrent volontairement leur exil. C'est ainsi qu'Annenkoff, Volkonski, Troubetzki, Mouravieff et d'autres se sont trouvés internés à l'usine de Petrovsk; l'un des décembristes Gorbatchevski y mourut même en 1870 après avoir rempli dans les dernières années de sa vie les fonctions d'arbitre de paix. Le village de Pétrovsk possède 3,700 habitants des deux sexes.

IX.

Tchita.

Tchita, chef-lieu de la province Transbaïkalienne, est située par $51^{\circ} 1'$ de latitude nord et $83^{\circ} 10'$ de longitude est, sur la rive gauche de la rivière Tchita, tout près de son embouchure dans l'Ingoda. Cette ville comptait en 1897 12,596 habitants (8,137 hommes et 4,459 femmes). Deux ans après elle en comptait 15,807 (10,055 hommes et 5,742 femmes). Les maisons y sont au nombre de 1415.

La ville est traversée par le ruisseau souvent desséché de Kaïdalovka, qui la partage en deux moitiés reliées entre elles par trois ponts de bois qui se trouvent dans les rues du Grand Amour et d'Yénisséïsk. La Tchita est si peu profonde qu'elle ne peut pas même être utilisée pour le flottage; elle se divise près de la ville en plusieurs bras, qui forment beaucoup d'îles couvertes de toutes sortes de constructions; mais c'est l'île formée par le confluent de la Tchita et de l'Ingoda qui renferme le plus grand nombre de maisons, d'auberges, de tanneries et de scieries; quand la rivière déborde, comme cela a eu lieu en 1897, la population riveraine est obligée d'aller habiter les quartiers élevés de la ville. La ligne du chemin de fer, tracée d'abord dans l'île, fut transposée. De la gare située au pied d'un volcan non loin du village de Kenonsk, la vue sur les îles et la ville de Tchita est très-belle. De loin, la ville encadrée de volcans couverts de forêts, construite elle-même en amphithéâtre sur le versant d'un volcan, paraît très-belle, mais vue de plus près elle produit une impression défavorable à cause de la monotonie de ses constructions de bois et de ses haies non peintes qui offrent à l'œil une teinte uniformément sale.

Les rues poussiéreuses, sillonnées après la pluie de dangereuses ornières, ne sont animées que par les animaux domestiques qui s'y promènent en toute liberté; de vastes places, des rues larges semblent désertes à l'exception de la rue de l'Amour, où l'on peut rencontrer le public qui se promène en hiver et au printemps dans bois tourbillons de poussière, en été le public se rassemble dans un bois rempli malheureusement de cadavres d'animaux et de fumier. (*A continuer*).

Продолжается подписка на 1904 годъ.

ежемѣс.-литератур.-полит. журналъ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Вышла сентябрьская (девятая) книга.

Содержаніе: I) Игра ума—*И. Н. Потапенко*, II) Памяти А. П. Чехова.—*А. Десперова*, III) Ночь на Говорунъ—*В. М. Кичанова*, IV) Мелочи польской литературы, перев. *В. М. Л.*, V) Аля Сушица (посвящ. памяти А. П. Чехова.)—*Экз.*, VI) Сжечь не вскрывая М. Фояъ Эбнеръ-Эшенбахъ—перев. *Ел. П.*, VII) Слѣдствіе, причинѣ не соответствующее.—*И. П. Блюконскаго*, VIII) Стихотв.—*Ө. К. Арнольда*, IX) Сахалинъ, какъ колонія.—*А. Смица*, X) По берегамъ Кореи—*В. В. Корсакова*, XI) Международные третейскіе суды XIX в.—*Гр. Л. А. Камаровскаго*, XII) Что сдѣлано за сорокъ лѣтъ москов. городс. управленіемъ по народному образованію.—*Н. Ма-ю.*, продолж., XIII) Арестантская республика—*В. Александрова*, XIV) Дегенераты въ нашей современной белетристкѣ—*А. М. Скабицескаго*, XV) Пять лѣтъ переустройства средней школы—*Н. А. Скворцова*, XVI) Одинъ изъ реформаторовъ русской школы—*А. А. Кизеветтера*, XVII) А. И. Герценъ, его хлопоты о заграничномъ паспортѣ и послѣдняя поѣздка въ Петербургъ.—*Е. С. Некрасовой*, XVIII) Памяти Чехова—*Редак.*, XIX) „Нынѣ отпускаеши“—*П. Н. Обнинскаго*, XX) Внутрен. Обзоріе. XXI) Иностр. Обзор—*В. А. Г.*, XXII) Журнальное обзор. XXIII) Библиогр. отд. XXIV) Объявленія Ближайшее участіе въ ред. принимаютъ *В. А. Гольцевъ* и *А. А. Кизеветръ*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой и пересылкою во все мѣста Россіи: 12 м. 12 р. 9 м.—9 р., 6 м.—6 р., 3 м.—3 р., 1 м.—1 р. За-границу: 12 м.—14 р., 9 м.—10 р. 50 к., 6 м.—7 р., 3 м.—3 р. 50 к., 1 м.—1 р. 25 к.

Цѣна отдѣльнаго номера 1 р. 30. съ перес. Книгопродавцамъ дѣлается уступка 50 коп. съ полнаго экземпляра.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Москвѣ, въ конторѣ журнала, Ваганьков. пер., д. Куманина; въ С.-Петербурѣ въ Варшавѣ, Вильнѣ книжн. магаз. Карбасникова. Въ Кіевѣ, въ кн. магаз. Оглоблина. Все изданія ред. „Русской Мысли“ находятся на складѣ при типогр. Т-ва Кушнеревъ и К^о.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ*

Фотографъ-Ретушеръ опытный
ИЩЕТЪ МѢСТА

Адресъ: Казатинъ, Кіевской губерніи, И. В. Титову.

№ порядков.	№ частный.	Фамилія, имя и отчество.	Званіе или состояніе.	Вѣроисповѣ- даніе.	Годъ поступ. въ университет.	Годъ перехода въ друг. введ.	Заведеніе, въ которое совершенъ переходъ.	Примѣ- чанія.
<i>Вологодская.</i>								
364	20	Кедровскій А. Н.	прот.	прав.	1895	1898	Юрьев. ун.	
365		Мезенцевъ Л. А.	чинов.	прав.	1897	1897	Ун. Св. Вл.	
<i>Воронежская.</i>								
366	25	Боголюбскій Я. М.	прот.	прав.	1895	1896	Харьк. ун.	
367		Говорова В. А.	свящ.	прав.	1894	1896	Ун. Св. Вл.	
368		Дорошевскій В. В.	прот.	прав.	1896	1897	Харьк. ун.	
369		Корыстовъ В. П.	свящ.	прав.	1894	1897	Харьк. ун.	
370		Наливкинъ П. А.	псалом.	прав.	1897	1898	Юрьев. ун.	
371		Петровскій В. І.	свящ.	прав.	1892	1895	Харьк. ун.	
372		Половъ Г. Д.	свящ.	прав.	1896	1897	Дем. лиц.	
373		Пономовъ Н. А.	свящ.	прав.	1896	1897	Харьк. ун.	
374		Рязановъ А. Я.	псалом.	прав.	1893	1895	Харьк. ун.	
375		Скрабѣвъ М. М.	свящ.	прав.	1894	1897	Ун. Св. Вл.	
376	Шевцовъ А. Г.	крест.	прав.	1896	1897	Ун. Св. Вл.		
377	Федоровъ П. О.	псалом.	прав.	1896	1897	Харьк. ун.		
<i>Вятская.</i>								
378	35	Ардашевъ И. П.	свящ.	прав.	1894	1897	Каз. унив.	
379		Кочкинъ П. М.	свящ.	прав.	1894	1897	Каз. унив.	
380		Олюнинъ И. О.	диак.	прав.	1894	1897	Юрьев. ун.	
<i>Донская.</i>								
381		Семеновъ М. С.	прот.	прав.	1893	1898	Юрьев. ун.	
<i>Екатеринославская.</i>								
382		Краснопольскій Д. Г.	прот.	прав.	1886	1897	Ун. Св. Вл.	
383		Нежинцовъ А. П.	свящ.	прав.	1896	1897	Харьк. ун.	
<i>Калужская.</i>								
384	40	Боковъ А. Н.	свящ.	прав.	1898	1898	Каз. унив.	
385		Васильевъ В. В.	свящ.	прав.	1889	1891	Каз. унив.	
386		Пименовъ П. П.	псалом.	прав.	1896	1897	Варш. ун.	
<i>Калужская.</i>								
387	45	Богодаровъ В. Я.	чинов.	прав.	1895	1896	Мос. унив.	
388		Виноградскій В. В.	чинов.	прав.	1895	1896	Кіев. унив.	
389		Любимовъ В. И.	прот.	прав.	1895	1896	Ун. Св. Вл.	
390		Любимовъ И. И.	прот.	прав.	1895	1896	Ун. Св. Вл.	
391		Смирновъ В. И.	свящ.	прав.	1894	1896	Мос. унив.	
392		Соколовъ А. А.	чинов.	прав.	1895	1898	Мос. унив.	
393		Тихомировъ П. И.	свящ.	прав.	1895	1896	Ун. Св. Вл.	

№ порядков.	№ частей.	Фамилія, имя и отчество.	Званіе или состояніе.	Вѣроисповѣданіе.	Годъ поступ. въ университет.	Годъ перехода въ друг. завед.	Заведеніе, въ которое совершенъ переходъ.	Примѣчанія.	
<i>Киевская.</i>									
394	50	Петровицъ Н. И.	псалом.	прав.	1896	1897	Ун. Св. Вл.		
395		Сараконовичъ А. М.	свищ.	прав.	1896	1897	Ун. Св. Вл.		
<i>Кіевская.</i>									
396	55	Георговичъ Д. С.	свищ.	прав.	1895	1896	Ун. Св. Вл.		
397		Ивановъ К. А.	свищ.	прав.	1896	1897	Вар. унив.		
398		Баконскій А. О.	свящ.	прав.	1892	1894	Ун. Св. Вл.		
399		Крыловъ Б. П.	свищ.	прав.	1895	1896	Лаз. Инст.		
400		Левинскій А. А.	свищ.	прав.	1895	1896	Ун. Св. Вл.		
401		Надеждинскій М. А.	свищ.	прав.	1897	1898	Юрьев. ун.		
402		Терлецкій П. П.	прот.	прав.	1893	1895	Ун. Св. Вл.		
403		Трегубовъ Ф. Л.	свищ.	прав.	1896	1897	Ун. Св. Вл.		
<i>Костромская.</i>									
404	60	Александръ А. А.	ищан.	прав.	1894	1898	Юрьев. ун.		
405		Анагорскій В. А.	свищ.	прав.	1896	1897	Ун. Св. Вл.		
406		Богословскій В. П.	прот.	прав.	1895	1897	Мос. унив.		
407		Винogradовъ А. П.	діак.	прав.	1892	1895	Харьк. ун.		
408		Красношницевъ П. П.	свищ.	прав.	1895	1896	Ун. Св. Вл.		
409		65	Красовскій П. А.	свищ.	прав.	1897	1897	Юрьев. ун.	
410			Красовскій П. И.	діак.	прав.	1894	1895	Ун. Св. Вл.	
411			Лебедевъ В. И.	свищ.	прав.	1891	1894	Ун. Св. Вл.	
412		Мальцевъ Н. А.	свищ.	прав.	1894	1896	Каз. унив.		
413		Нифонтовъ С. А.	свищ.	прав.	1893	1895	Каз. унив.		
414		70	Побланинскій С. А.	свищ.	прав.	1894	1895	Вар. унив.	
415			Святухинъ П. В.	свищ.	прав.	1895	1898	Мос. унив.	
416			Скворцовъ В. А.	свищ.	прав.	1895	1896	Харьк. ун.	
417			Слободскій Н. Н.	чинов.	прав.	1896	1897	Юрьев. ун.	
418		Успенскій Н. Я.	свищ.	прав.	1892	1896	Мос. унив.		
419	75	Успенскій П. Ф.	свищ.	прав.	1891	1864	Ун. Св. Вл.		
<i>Курская.</i>									
420	80	Васильевъ Н. А.	прот.	прав.	1896	1897	Юрьев. ун.		
421		Михайловскій Н. Ф.	свищ.	прав.	1897	1898	Харьк. ун.		
422		Мревловъ Н. Г.	свищ.	прав.	1896	1867	Ун. Св. Вл.		
423		Полтавцевъ А. П.	свищ.	прав.	1890	1892	Харьк. ун.		
424		Сабынинъ В. П.	свищ.	прав.	1888	1890	Вар. унив.	Умеръ.	
425		Явшинъ З. М.	псалом.	прав.	1895	1896	Ун. Св. Вл.		
<i>Литовская.</i>									
426			Жуковскій Н. И.	крест.	прав.	1895	1896	Юрьев. ун.	
427		Нешкевичъ С. Г.	прот.	прав.	1896	1896	Юрьев. ун.		
428		Савицкій Н. Л.	свищ.	прав.	1896	1897	Юрьев. ун.		

№ порядков.	№ частный.	Фамилія, имя и отчество.	Званіе или состояніе.	Въроисповѣ- даніе.	Годъ поступ. въ университет.	Годъ перехода въ друг. завед.	Заведеніе, въ которое совершенъ переходъ.	Примѣ- чанія.
<i>Минская.</i>								
429	85	Кезевичъ Д. Г.	свищ.	прав.	1894	1897	Каз. унив.	
430		Москалевскій С. И.	свищ.	прав.	1896	1897	Юрьев. ун.	
<i>Могилевская.</i>								
431	90	Булгаревичъ Д. А.	свищ.	прав.	1893	1894	Вар. унив.	
432		Волочковъ А. П.	свищ.	прав.	1896	1897	Ун. Св. Вл.	
433		Георгиевскій С. П.	свищ.	прав.	1898	1898	Юрьев. ун.	
434		Голіенко Н. П.	свищ.	прав.	1891	1895	Харьк. ун.	
435		Пославскій С. П.	свищ.	прав.	1893	1896	Каз. унив.	
436		Слободовъ А. И.	мѣщан.	прав.	1894	1897	Ун. Св. Вл.	
437	Чуловичъ А. И.	свищ.	прав.	1893	1896	Каз. унив.		
<i>Нижегородская.</i>								
438	95	Адамаитовъ И. Г.	свищ.	прав.	1894	1895	Ун. Св. Вл.	
439		Алоевъ К. Г.	псалом.	прав.	1896	1897	Каз. унив.	
440		Владимірскій В. В.	свищ.	прав.	1894	1897	Харьк. ун.	
441		Владимірскій М. Ю.	свищ.	прав.	1894	1895	Мос. унив.	
442		Делекторскій А. П.	свищ.	прав.	1895	1896	Харьк. ун.	
443		Метальниковъ А. М.	свищ.	прав.	1895	1897	Каз. унив.	
444		Невзоровъ П. П.	свищ.	прав.	1895	1896	СПБ. унив.	
445		Пальмовъ А. С.	свищ.	прав.	1891	1893	Ун. Св. Вл.	
446		Перуанскій Д. А.	свищ.	прав.	1894	1897	Каз. унив.	
447		Померандевъ Н. А.	свищ.	прав.	1894	1896	Ун. Св. Вл.	
448	Соловьевъ А. И.	свищ.	прав.	1894	1897	Юрьев. ун.		
449	105	Яворскій А. С.	свищ.	прав.	1893	1897	Мос. унив.	
<i>Олонская.</i>								
450		Шумковъ Г. Г.	крест.	прав.	1895	1896	Ун. Св. Вл.	
<i>Оренбургская.</i>								
451		Львовъ Л. П.	прот.	прав.	1894	1898	Юрьев. ун.	
452		Милицянъ С. В.	свищ.	прав.	1895	1896	СПБ. унив.	
453		Юденичъ П. С.	прот.	прав.	1896	1897	Каз. унив.	
<i>Орловская.</i>								
454	110	Брянцевъ К. В.	свищ.	прав.	1896	1897	Ун. Св. Вл.	
455		Троицкій А. И.	псалом.	прав.	1896	1897	Юрьев. ун.	

№ порядков.	№ частный.	Фамилія, имя и отчество.	Званіе или состояніе.	Въроисповѣ- даніе.	Годъ поступ. въ университет.	Годъ перехода въ друг. завед.	Заведеніе, въ которое совершенно переходъ.	Примѣ- чанія.
<i>Пензенская.</i>								
456		Архангельскій В. А.	свящ.	прав.	1896	1897	Каз. унив.	
457		Галиконовъ С. Я.	свящ.	прав.	1896	1897	Каз. унив.	
458		Мильтоновъ Т. Н.	свящ.	прав.	1892	1894	Каз. унив.	
459	115	Шестаковъ Н. М.	свящ.	прав.	1894	1896	Каз. унив.	
<i>Пермская.</i>								
460		Мелезянъ Б. Г.	свящ.	прав.	1895	1897	Харьк. ун.	
461		Плотниковъ А. М.	свящ.	прав.	1891	1895	Харьк. ун.	
462		Спасскій А. М.	свящ.	прав.	1893	1896	Каз. унив.	
463		Топорковъ А. В.	свящ.	прав.	1894	1897	Каз. унив.	
<i>Подольская.</i>								
464	120	Орловскій Н. М.	свящ.	прав.	1893	1896	Ун. Св. Вл.	
<i>Полтавская.</i>								
465		Базилевичъ Е. А.	свящ.	прав.	1896	1897	Ун. Св. Вл.	
466		Гаприядашвили А. А.	крест.	прав.	1891	1894	Ун. Св. Вл.	
467		Данилевскій И. И.	свящ.	прав.	1895	1897	Ун. Св. Вл.	
468		Лукьяновъ Ѡ. П.	свящ.	прав.	1892	1895	Ун. Св. Вл.	
469	125	Лучникъ М. М.	свящ.	прав.	1991	1895	Харьк. ун.	
<i>Рязанская.</i>								
470		Васильевъ И. А.	свящ.	прав.	1897	1898	Юрьев. ун.	
471		Зиминъ П. Н.	свящ.	прав.	1896	1897	Каз. унив.	
472		Знаменскій С. Г.	свящ.	прав.	1895	1897	Мос. унив.	
473		Платовъ К. А.	свящ.	прав.	1894	1887	Мос. унив.	
474	130	Садовниковъ А. И.	прот.	прав.	1896	1897	Юрьев. ун.	
475		Шибковъ А. И.	крест.	прав.	1894	1897	Каз. унив.	
476		Чельцовъ В. Д.	свящ.	прав.	1893	1896	Мос. унив.	
<i>Самарская.</i>								
477		Иларіоновъ А. И.	свящ.	прав.	1895	1896	Каз. унив.	
478		Кильдюшевскій В. С.	свящ.	прав.	1893	1896	Каз. унив.	
479	135	Кряжнискій А. Г.	свящ.	прав.	1893	1896	Каз. унив.	

№ порядков.	№ частный.	Фамилія, имя и отчество.	Званіе или состояніе	Въроисповѣ- даніе.	Годъ поступ. въ университет.	Годъ перехода въ друг. завед.	Заведеніе, въ которое совершенно переходъ.	Примѣ- чанія.
<i>Саратовская.</i>								
480		Зиновьевъ К. Н.	чинов.	прав.	1894	1896	Мос. унив.	
481		Князевскій Н. В.	свящ.	прав.	1894	1897	Харьк. ун.	
482		Ковалевскій Н. И.	чинов.	прав.	1895	1897	Харьк. ун.	
483		Красновъ В. I.	свящ.	прав.	1894	1896	Мос. унив.	
484	140	Луковъ И. И.	крест.	прав.	1893	1896	Мос. унив.	
485		Маматовъ В. В.	свящ.	прав.	1896	1897	Ун. Св. Вл.	
486		Назаровъ П. Ф.	свящ.	прав.	1894	1897	Ун. Св. Вл.	
487		Палимпсестовъ И. П.	свящ.	прав.	1894	1896	Каз. унив.	
488		Петровъ П. Н.	фельд.	прав.	1895	1897	Каз. унив.	
489	145	Покровскій А. Л.	діак.	прав.	1895	1896	Каз. унив.	
490		Соколовъ В. И.	мѣщан.	прав.	1895	1897	Ун. Св. Вл.	
<i>Симбирская.</i>								
491		Арсентьевъ С. П.	свящ.	прав.	1896	1897	Каз. унив.	
492		Лебяжьевъ В. Н.	свящ.	прав.	1893	1898	Юрьев. ун.	
493		Трояновъ С. М.	свящ.	прав.	1894	1897	Каз. унив.	
<i>Таврическая.</i>								
494	150	Гончаровъ В. В.	прот.	прав.	1 97	1898	Юрьев. ун.	
<i>Тамбовская.</i>								
495		Живонисцевъ А. Н.	чинов.	прав.	1893	1896	Ун. Св. Вл.	
496		Лисицынъ Н. В.	свящ.	прав.	1894	1897	Харьк. ун.	
497		Плотыцынъ Е. К.	крест.	прав.	1891	1895	Харьк. ун.	
498		Посадловъ Н. А.	псалом.	прав.	1897	1898	Юрьев. ун.	
499	155	Сергѣевскій А. С.	свящ.	прав.	1895	1898	Каз. унив.	
500		Серповскій К. Г.	свящ.	прав.	1891	1895	Харьк. ун.	
<i>Тверская.</i>								
501		Воскресенскій М. А.	свящ.	прав.	1895	1897	Каз. унив.	
502		Доброхотовъ С. И.	свящ.	прав.	1895	1896	Каз. унив.	
503		Ершовъ Н. А.	свящ.	прав.	1894	1897	Мос. унив.	
504	160	Кавскій Г. А.	діак.	прав.	1896	1897	Ун. Св. Вл.	
505		Климовскій А. П.	поч. гр.	прав.	1894	1895	Мос. унив.	
506		Леоновъ А. А.	фельд.	прав.	1894	1895	Вар. унив.	
507		Могаловскій Н. С.	свящ.	прав.	1896	1897	Каз. унив.	
508		Покровскій И. П.	псалом.	прав.	1893	1895	Каз. унив.	
509	165	Рязанцевъ С. И.	свящ.	прав.	1893	1895	Ун. Св. Вл.	
510		Троицкій Н. В.	свящ.	прав.	1895	1896	Мос. унив.	
511		Шаховъ М. В.	свящ.	прав.	1894	1897	Каз. унив.	

№ порядков.	№ частный.	Фамилія, имя и отчество.	Званіе или состояніе.	Въроасговѣ- даніе.	Годъ поступ. въ университет.	Годъ перехода въ друг. завед.	Заведеніе, въ которое совершенъ переходъ.	Примѣ- чанія.
<i>Тифлисская.</i>								
512		Баларджевъ К. И.	свящ.	прав.	1894	1896	Ун. Св. Вл.	
513		Билановъ В. М.	псалом.	прав.	1893	1896	Харьк. ун.	
514	170	Инаевъ В. И.	прот.	прав.	1892	1895	Харьк. ун.	
515		Иягородка К. І.	свящ.	прав.	1896	1897	Харьк. ун.	
516		Магаловъ А. Г.	свящ.	прав.	1894	1896	Ун. Св. Вл.	
<i>Тульская.</i>								
517		Бѣльковскій А. П.	свящ.	прав.	1895	1896	Ун. Св. Вл.	
518		Глаголевъ Е. А.	псалом.	прав.	1895	1896	СПБ. унив.	
519	175	Говоровъ Г. О.	свящ.	прав.	1895	1897	Ун. Св. Вл.	
520		Лебедевъ П. В.	псалом.	прав.	1893	1896	Мос. унив.	
521		Соколовъ В. С.	свящ.	прав.	1897	1898	Юрьев. ун.	
<i>Харьковская.</i>								
522		Повомаревъ Э. И.	свящ.	прав.	1891	1894	Харьк. ун.	
523		Слюсаревъ С. Н.	свящ.	прав.	1894	1897	Харьк. ун.	
524	180	Эвенховъ И. С.	свящ.	прав.	1892	1895	Харьк. ун.	
525		Якубовичъ Л. О.	свящ.	прав.	1891	1895	Харьк. ун.	
<i>Черниговская.</i>								
526		Байбаковъ Г. Н.	чинов.	прав.	1895	1896	Ун. Св. Вл.	
527		Гурскій А. А.	свящ.	прав.	1895	1896	Ун. Св. Вл.	
528		Давидовичъ И. К.	діак.	прав.	1893	1895	Вар. унив.	
529	185	Кузьминскій Н. М.	свящ.	прав.	1895	1897	Ун. Св. Вл.	
530		Лаврушевъ А. Я.	свящ.	прав.	1895	1897	Ун. Св. Вл.	
531		Лобановскій П. Н.	свящ.	прав.	1894	1897	Ун. Св. Вл.	
532		Нагорскій Н. В.	свящ.	прав.	1892	1895	Ун. Св. Вл.	
533		Рождновскій В. А.	свящ.	прав.	1896	1897	Ун. Св. Вл.	
534	190	Сидоровъ О. М.	свящ.	прав.	1896	1897	Ун. Св. Вл.	
535		Цуймановъ П. К.	свящ.	прав.	1896	1898	Юрьев. ун.	
<i>Ярославская.</i>								
536	192	Давыдовскій И. И.	діак.	прав.	1896	1897	Дем. Лид.	

Итого 234 (б. восп. гимназ. 36 и б. восп. духовн. семин. 198).

№ порядков.	№ частей.	Фамилія, имя и отчество.	Званіе или состояніе.	Вѣроисповѣ- даніе.	Годъ поступ. въ университет.	Годъ увольн. изъ универс.	Примѣчанія.
		3) Уволенные по проше- ніямъ, различнымъ §§ пра- вила для студентовъ и увершіе.					
		<i>1) Классическія гимназіи.</i>					
		1) Восточной Сибири.					
		<i>Владивостокская</i>					
537	1	Бронштейнъ А. М.	куп.	іудейс.	1896	1897	
538		Козыбинъ С. В.	мѣщан.	прав.	1894	1896	
539		Мясниковъ Н. М.	крест.	прав.	1893	1896	
		<i>Иркутская.</i>					
540		Бонверъ Г. В.	кремт.	іудейс.	1888	1893	Умеръ.
541	5	Воронцовъ М. М.	свищ.	прав.	1890	1893	
542		Ивановъ В. И.	чинов.	прав.	1894	1895	
543		Забавскій А. Ѳ.	мѣщан.	прав.	1889	1891	
544		Кокорулинъ А. П.	прот.	прав.	1892	1895	
545		Комарицинъ С. П.	чинов.	прав.	1893	1896	
546	10	Литосковичъ Е. І.	двор.	прав.	1889	1891	
547		Пахомовъ Н. И.	чинов.	прав.	1889	1892	
548		Переломовъ А. Н.	мѣщан.	прав.	1890	1893	
549		Стрѣлковъ Г. В.	чинов.	прав.	1891	1893	
550		Файнбергъ М. А.	мѣщан.	іудейс.	1890	1892	
551	15	Фурманъ И. Л.	мѣщан.	іудейс.	1891	1896	Умеръ.
		<i>Красноярская.</i>					
552		Ауабиновичъ А. І.	мѣщан.	р.-кат.	1894	1897	
553		Бауэрбергъ П. Я.	двор.	іудейс.	1891	1895	
554		Бурмакинъ И. С.	крест.	прав.	1892	1895	
555		Бутыркинъ Р. И.	чинов.	прав.	1888	1895	
556	20	Витошинскій С. І.	чинов.	прав.	1892	1896	
557		Кулаковъ И. С.	ун.-оф.	прав.	1892	1894	
558		Кытмановъ П. И.	купц.	прав.	1893	1895	
559		Лампе Н. Н.	чинов.	прав.	1890	1891	Умеръ.
560		Спороходовъ А. Е.	крест.	прав.	1888	1895	Умеръ.
561	30	Шмуклеръ И. М.	мѣщан.	іудейс.	1894	1896	
562		Юдинъ В. Г.	чинов.	прав.	1894	1896	

№ порядков.	№ частный.	Фамилія, имя и отчество.	Званіе или состояніе.	Вѣроисповѣ- даніе.	Годъ поступ. въ университет.	Годъ увольн. изъ универс.	Примѣчанія.
<i>Читинская.</i>							
563		Капдуновъ Р. Я.	мѣщан.	іудейс.	1894	1895	Умеръ.
564		Лебедевъ Г. Я.	крест.	прав.	1893	1896	
565		Мякуличъ В. В.	крест.	прав.	1893	1895	
566	30	Соловьевъ А. А.	чинов.	прав.	1893	1896	
2) Западной Сибири.							
<i>Иркутская.</i>							
567	1	Великопольскій Д. А.	чинов.	прав.	1888	1890	Умеръ.
568		Денисовъ П. П.	чинов.	прав.	1889	1890	
569		Зыряновъ А. А.	мѣщан.	прав.	1894	1898	Перешелъ на юр. и вѣдч. фак.
<i>Омская.</i>							
570		Алчедаяевскій Ф. Р.	мѣщан.	іудейс.	1892	1895	Умеръ.
571	5	Белверховъ В. И.	чинов.	прав.	1891	1894	
572		Даринскоій М. И.	мѣщан.	іудейс.	1888	1891	
573		Итбаевъ Крешентъ	карг.	магом.	1894	1897	
574		Кабалкинъ А. Э.	мѣщан.	іудейс.	1897	1898	Пер. на юр. ф.
575		Каринскій Н. Н.	мѣщан.	прав.	1890	1893	
576	10	Островскій І. Х.	мѣщан.	іудейс.	1897	1898	
577		Соболевскій В. К.	двор.	р.-кат.	1894	1896	
<i>Тобольская.</i>							
578		Амвросовъ И. П.	чинов.	прав.	1889	1891	
579		Козминъ П. Д.	чинов.	прав.	1894	1896	
580		Ноторянъ Э. З.	рядов.	іудейс.	1892	1895	
581	15	Печокасъ И. И.	ун.-оф.	р.-кат.	1893	1896	
582		Словцовъ А. Н.	свящ.	прав.	1890	1892	
583		Шалабановъ П. Г.	чинов.	прав.	1894	1896	
584		Янкелевичъ И. Л.	мѣщан.	іудейс.	1896	1897	
<i>Томская.</i>							
585		Бастрыгинъ Н. А.	чинов.	прав.	1894	1895	
586	20	Бѣйлинъ Х. Р.	мѣщан.	іудейс.	1893	1894	
587		Боржимъ П. В.	чинов.	прав.	1897	1898	Пер. на юр. ф.
588		Воронинъ П. М.	чинов.	прав.	1888	1893	
589		Ефремовъ А. О.	чинов.	прав.	1896	1898	
590		Зайтсскій А. М.	чинов.	прав.	1896	1896	
591	25	Ивановъ Н. М.	мѣщан.	прав.	1894	1896	
592		Ивановъ П. И.	ун.-оф.	прав.	1891	1892	
593		Касаткинъ М. И.	купц.	прав.	1888	1889	

№ порядков.	№ частной.	Фамилія, имя и отчество.	Званіе или состояніе.	Вѣроисповѣ- даніе.	Годъ поступ. въ университет.	Годъ увольн. изъ универс.	Примѣчанія.
594		Качковскій К. І.	двор.	р.-кат.	1894	1896	
595		Кирсановъ В. О.	чинов.	прав.	1893	1896	Умеръ.
596	30	Кондратьевъ К. О.	мѣщан.	прав.	1890	1892	
597		Коновновъ В. Д.	чинов.	прав.	1897	1898	Пер. на юр. ф.
598		Кореневъ С. Н.	чинов.	прав.	1889	1892	
599		Коржавинъ В. О.	чинов.	прав.	1894	1897	
600		Кошко А. В.	крест.	прав.	1893	1894	
601	35	Печеркинъ Б. Я.	чинов.	прав.	1897	1898	
602		Роръ С. А.	чинов.	р.-кат.	1890	1890	
603		Раковскій А. И.	двор.	р.-кат.	1890	1892	
604		Рязановъ Н. Г.	чинов.	прав.	1894	1895	
605		Сурей В. Ю.	мѣщан.	прав.	1894	1897	
606	40	Файнбергъ И. М.	мѣщан.	іудейс.	1889	1892	Умеръ.
607		Щегловъ О. Г.	крест.	прав.	1894	1897	
608		Янкелевичъ Н. А.	мѣщан.	іудейс.	1895	1897	
609	43	Ярославцевъ А. В.	чинов.	прав.	1894	1897	
3) Европейской Россіи.							
<i>Екатеринбургская.</i>							
610	1	Басаревъ П. А.	чинов.	прав.	1888	1891	
611		Качановъ П. М.	мѣщан.	прав.	1888	1889	
612		Шапошниковъ Н. П.	купц.	прав.	1888	1891	
<i>Златопольская.</i>							
613		Парникель К. К.	двор.	р.-кат.	1895	1896	
<i>Минская.</i>							
614	5	Лавде А. С.	мѣщан.	іудейс.	1889	1894	
<i>Петербургская.</i>							
615		Доброписцевъ В. М.	чинов.	прав.	1890	1895	
<i>Смоленская.</i>							
616		Рѣзниковъ М. И.	мѣщан.	прав.	1892	1895	
<i>Тифлисская.</i>							
617		Канделава К. М.	чинов.	прав.	1896	1898	
<i>Троицкая.</i>							
618		Протасовъ А. А.	свищ.	прав.	1888	1890	
619	10	Фридъевъ А. И.	мѣщан.	іудейс.	1889	1891	

№ порядков.	№ частный.	Фамилія, имя и отчество.	Званіе или состояніе.	Въровсповѣ- даніе.	Годъ поступ. въ университет.	Годъ увольн. изъ универс.	Примѣчанія.
		<i>Уфимская.</i>					
620		Гурьевъ Н. А. <i>Якутское реальное учи- лище.</i>	чинов.	прав.	1889	1891	
621	12	Филипповъ Д. И. <i>II) Духовныя семинаріи. 1) Восточной Сибири. Башовищенская.</i>	инор.	прав.	1895	1897	Умеръ.
622	1	Серегинъ А. С. <i>Иркутская.</i>	мѣщан.	прав.	1896	1898	
623	3	Громовъ И. Н.	свящ.	прав.	1894	1897	
624		Орловъ А. А. 2) Западной Сибири. Тобольская.	свящ.	прав.	1897	1898	Перешелъ на юр. идич. фак.
625	1	Безсоновъ А. А.	свящ.	прав.	1889	1891	
626		Варлаковъ Д. И.	свящ.	прав.	1888	1891	
927		Герасимовъ Н. Н.	свящ.	прав.	1889	1891	
628		Земляницынъ С. А.	свящ.	прав.	1888	1893	
		<i>Томская.</i>					
629	5	Алексѣевскій П. В.	свящ.	прав.	1888	1890	
630		Бѣлоруссовъ Г. П.	свящ.	прав.	1897	1898	
631		Васильевъ А. А.	свящ.	прав.	1897	1898	Пер. на юр. ф.
632		Васильевъ Л. Н.	свящ.	прав.	1896	1897	
633		Жаворонковъ Н. А.	свящ.	прав.	1894	1897	
634	10	Милицынъ Н. О.	свящ.	прав.	1897	1898	Пер. на юр. ф.
635		Нѣмцевъ Г. И.	чинов.	прав.	1894	1897	
636		Поляковъ П. И.	мѣщан.	прав.	1888	1890	
637		Смирновъ Н. И.	свящ.	прав.	1894	1895	
638		Сосуновъ А. О.	свящ.	прав.	1888	1890	
639	15	Тыжновъ Н. Г.	діак.	прав.	1893	1897	Умеръ.
640		Тыжновъ М. Г.	свящ.	прав.	1896	1898	Пер. на юр. ф.
641		Чернявскій К. Д.	свящ.	прав.	1897	1898	Пер. на юр. ф.
642	18	Чикишевъ Н. Г.	свящ.	прав.	1888	1891	

№ порядков.	№ частный.	Фамилія, имя и отчество.	Званіе или состояніе.	Въроисповѣ- даніе.	Годъ поступ. въ университет.	Годъ увольн. изъ универс.	Примѣчанія.
3) Европейской Россіи.							
<i>Архангельская.</i>							
643	1	Ивановъ Н. К.	прот.	прав.	1889	1890	
644		Новиковъ П. П.	прот.	прав.	1896	1896	
<i>Астраханская.</i>							
645		Здравомысловъ В. М. . . .	свящ.	прав.	1889	1890	
646		Ильинскій П. К.	псалом.	прав.	1893	1897	Умеръ.
<i>Владимірская.</i>							
647	5	Баскановъ В. В.	свящ.	прав.	1893	1895	Умеръ.
648		Звѣревъ В. А.	діак.	прав.	1894	1897	
649		Пановъ А. А.	діак.	прав.	1890	1894	
650		Перловъ Н. В.	діак.	прав.	1894	1897	
651	10	Херсонскій В. М.	свящ.	прав.	1891	1896	Умеръ.
652		Чижовъ М. Г.	свящ.	прав.	1895	1897	
<i>Вологодская.</i>							
653	15	Неклюдовъ Н. А.	діак.	прав.	1895	1898	
654		Поповъ А. Н.	свящ.	прав.	1890	1893	
655		Поцовъ И. А.	свящ.	прав.	1896	1898	
656		Цоповъ П. А.	свящ.	прав.	1896	1898	
657		Правдинъ А. Д.	псалом.	прав.	1889	1899	
658		Ржанцивъ И. А.	свящ.	прав.	1896	1897	
659		Ржанцивъ Л. Е.	свящ.	прав.	1890	1891	
<i>Волынская.</i>							
660		Курджинскій М. А.	свящ.	прав.	1889	1895	
<i>Воронежская.</i>							
661	20	Григорьевъ Т. А.	свящ.	прав.	1896	1897	
662		Моревъ А. Г.	свящ.	прав.	1896	1897	
663		Налѣвкинъ Г. А.	псалом.	прав.	1895	1896	
664		Петровъ В. В.	свящ.	прав.	1892	1894	
665		Поповъ И. В.	свящ.	прав.	1892	1893	
666		Свѣтозаровъ И. А.	свящ.	прав.	1890	1890	Умеръ.
667	25	Черницинъ П. А.	свящ.	прав.	1889	1891	
668		Яковлевъ А. П.	свящ.	прав.	1889	1892	
<i>Вятская.</i>							
969		Порфирьевъ И. В.	діак.	прав.	1894	1896	

№ порядков.	№ частный.	Фамилія, имя и отчество.	Званіе или состояніе.	Вѣроисповѣ- даніе.	Годъ поступ. въ унѣверсит.	Годъ увольн. нхъ унѣверс.	Примѣчанія.
		<i>Донская.</i>					
670		Николаевъ П. К.	свящ.	прав.	1893	1896	Умеръ
		<i>Екатеринославская.</i>					
671		Темировъ Ѡ Н	крест.	прав.	1888	1893	Умеръ
672	30	Филипповъ Е. П.	свящ.	прав.	1890	1892	
		<i>Екатеринбургская.</i>					
673		Шумовъ М. П.	свящ.	прав.	1889	1890	
		<i>Калужская.</i>					
674		Богословскій В. П.	чинов.	прав.	1889	1893	Умеръ
675		Добромысловъ В. П.	свящ.	прав.	1889	1892	Умеръ.
676		Меморскій Г. А.	свящ.	прав.	1895	1898	Пер. на юр. ф.
677	35	Нестеровъ П. С.	свящ.	прав.	1890	1891	
678		Пятницкій П. М.	прот.	прав.	1890	1892	
		<i>Костромская.</i>					
679		Бѣлокрылинъ В. П.	мѣщан.	прав.	1891	1894	
680		Горскій А. А.	свящ.	прав.	1894	1896	
681		Горскій С. Д.	свящ.	прав.	1890	1895	
682	40	Захаровъ А. Е.	крест.	прав.	1893	1894	
683		Колябринъ Н. П.	свящ.	прав.	1892	1894	
		<i>Курская.</i>					
684		Кузнецовъ Н. А.	діак.	прав.	1888	1890	
		<i>Литовская.</i>					
685		Лѣбинскій Г. В.	свящ.	прав.	1895	1898	
		<i>Монилевскія.</i>					
686		Богдановичъ И. А.	свящ.	прав.	1891	1892	
687	45	Цитовичъ Ѡ. А.	свящ.	прав.	1896	1897	
		<i>Нижнегородская.</i>					
688		Вилковъ А. А.	свящ.	прав.	1893	1895	
689		Малвицкій И. П.	свящ.	прав.	1889	1890	Умеръ.

№ порядков.	№ частный.	Фамилія, имя и отчество.	Званіе или состояніе.	Въпросовъ- ланіе.	Годъ поступ. въ университет.	Годъ увольн. изъ универс.	Примѣчанія.
<i>Оренбургская.</i>							
690		Мартыновъ П. А.	мѣщан.	прав.	1897	1898	Пер. на юр. ф.
691		Поповъ М. Д.	свящ.	прав.	1891	1893	
<i>Орловская.</i>							
692	50	Дубровский М. А.	свящ.	прав.	1893	1894	Пер. на юр. ф.
693		Колошинъ А. А.	діак.	прав.	1897	1898	
694		Марковъ В. И.	свящ.	прав.	1892	1894	
695		Михайловъ Г. П.	свящ.	прав.	1893	1894	
696		Переверзевъ К. Н.	діак.	прав.	1896	1897	
697	55	Святскій М. М.	чинов.	прав.	1889	1890	
698		Соколовъ Г. М.	свящ.	прав.	1893	1895	
699		Соколовъ Д. А.	свящ.	прав.	1890	1893	
700		Тимоновъ Н. В.	свящ.	прав.	1889	1890	
<i>Пензенская.</i>							
701		Быстровъ П. И.	пеалом.	прав.	1891	1894	Умеръ
<i>Пермская.</i>							
702	60	Бабинъ В. Я.	свящ.	прав.	1891	1892	
703		Колокольниковъ В. Н.	свящ.	прав.	1889	1891	
704		Молчановъ И. В.	свящ.	прав.	1889	1891	
705		Селивановъ Г. В.	фельд.	прав.	1888	1891	
706		Селивановъ И. В.	фельд.	прав.	1889	1891	
707	65	Серебренниковъ В. П.	свящ.	прав.	1889	1892	
708		Флоровъ Н. В.	свящ.	прав.	1892	1894	
709		Хохряковъ А. П.	мѣщан.	прав.	1891	1891	
<i>Подольская.</i>							
710		Щепченко Е. Д.	свящ.	прав.	1888	1891	
<i>Полтавская.</i>							
711		Гаврилковъ А. М.	прот.	прав.	1893	1893	
712	70	Кваша А. Я.	купц.	прав.	1890	1894	
713		Симоновскій В. В.	свящ.	прав.	1893	1894	
714		Трегубовъ Н. М.	свящ.	прав.	1889	1891	
<i>Рязанская.</i>							
715		Борецкій И. И.	рядов.	прав.	1891	1894	Умеръ
716		Можаровъ Ф. Д.	свящ.	прав.	1893	1898	
717	75	Плавтовъ Н. А.	свящ.	прав.	1892	1895	
718		Сперанскій П. И.	свящ.	прав.	1896	1897	

№ порядков.	№ частный.	Фамилія, имя и отчество.	Званіе или состояніе.	Въроисповѣ- даніе.	Годъ поступ- въ университет.	Годъ увольн енъ универс.	Примѣчанія.
<i>Саратовская.</i>							
719		Козьмодемьянскій А. И.	свящ.	грав.	1895	1896	
720		Малининъ П. И.	свящ.	прав.	1895	1896	
721		Мининъ В. К.	свящ.	прав.	1895	1897	
<i>Симбирская.</i>							
722	80	Астрадымовъ Н. В.	свящ.	прав.	1891	1892	Умеръ.
723		Гурьевъ К. В.	свящ.	прав.	1895	1896	
724		Даниловъ С. М.	свящ.	прав.	1891	1891	
<i>Смоленская.</i>							
725		Лебедевъ С. Д.	прот.	прав.	1889	1891	
726		Макарьевскій П. Н.	свящ.	прав.	1889	1891	
727	85	Неклепаевъ В. І.	прот.	прав.	1890	1891	
<i>Тамбовская.</i>							
728		Агѣевъ А. А.	діак.	прав.	1890	1891	
729		Румянцевъ В. И.	свящ.	прав.	1891	1893	
730		Челнавскій Н. С.	свящ.	прав.	1893	1894	
<i>Тверская.</i>							
731		Бересневъ П. В.	свящ.	прав.	1889	1892	
732	90	Владимірскій Н. В.	прот.	прав.	1891	1893	
733		Никольскій М. Н.	псалом.	прав.	1889	1891	Умеръ.
734		Синевъ А. И.	свящ.	прав.	1896	1898	
735		Синевъ А. В.	свящ.	прав.	1889	1890	
736		Титовъ И. А.	псалом.	прав.	1889	1891	
<i>Тифлисская.</i>							
737	95	Цегоевъ К. К.	діак.	прав.	1887	1892	
<i>Тульская.</i>							
738		Извольскій В. А.	свящ.	прав.	1889	1891	Умеръ.
739		Кудрявцевъ М. С.	псалом.	прав.	1896	1898	Умеръ.
740		Никольскій В. И.	свящ.	прав.	1890	1892	
741		Теплинскій А. С.	свящ.	прав.	1890	1891	
<i>Уфимская.</i>							
742	100	Карповъ В. С.	крест.	прав.	1892	1896	Умеръ.
743		Малѣевъ А. П.	свящ.	прав.	1893	1896	
744		Петропавловскій Е. И.	діак.	прав.	1888	1893	Умеръ.
745		Стефановъ П. Н.	псалом.	прав.	1891	1892	
<i>Черниговская.</i>							
746		Карпинскій Ѡ. П.	свящ.	прав.	1896	1898	Пер. на юр. ф.
747	105	Мельниковъ Х. Ф.	свящ.	прав.	1889	1892	Умеръ.

Итого 211 (изъ б. воспит. гимн. 85 и б. восп. дух. сем. 126).

№ порядков.	№ частный.	Фамилія, имя и отчество.	Время поступлен.	Время выбытія.	Примѣчаніа.
2) Посторонніе слушатели.					
<i>I) Удостоенные званія провизора.</i>					
748	1	Буяновъ П. М.	1893	1895	
749		Вороновичъ Э. Л.	1895	1897	
750		Гарберъ И. В.	1896	1898	
751		Герасимовъ А. И.	1892	1894	
752	5	Гефтеръ И. Г.	1893	1895	
753		Горбатовъ И. В.	1894	1896	
754		Даукино В. М.	1890	1892	
755		Ивановъ Н. И.	1890	1892	
756		Кирейлисъ И. К.	1892	1894	
757	10	Ковнацкій М. С.	1893	1896	
758		Конгоровичъ Е. М.	1895	1897	
759		Любарскій А. А.	1896	1898	
760		Маркузовъ Т. П.	1894	1896	
761		Мочаловъ И. Е.	1894	1896	
762	15	Нови Б. Ш.	1894	1896	
763		Рабиновичъ О. Х.	1894	1896	
764		Родионовъ В. А.	1895	1897	
765		Тауберъ И. К.	1895	1897	
766		Шейкисъ И. М.	1894	1896	
767	20	Штромбергъ Г. А.	1890	1893	
768	21	Эльсонъ М. Х.	1895	1897	
<i>II) Перешедшіе въ друія высшія учебныя заведенія.</i>					
769	1	Фроловъ А. И.	1895	1896	Въ СПб. университет.
<i>III) Уволенные по про- шеніямъ.</i>					
770	1	Блауть П. П.	1890	1893	
771		Буткѣевъ П. А.	1888	1889	
772		Бѣйлинъ Л. Х.	1895	1896	
773		Бѣловъ В. П.	1890	1891	
774	5	Владиславскій П. В.	1891	1892	
775		Гуревичъ Г. Е.	1894	1894	
776		Давиловъ Е. К.	1894	1895	
777		Дзюбинскій В. Н.	1888	1889	
778		Заваловскій И. А.	1893	1894	

№ порядков.	№ частный.	Фамилія, имя и отчество.	Время поступлен.	Время выбытія.	Примѣчанія.
779	10	Кацунновъ П. Я.	1893	1894	
780		Кузнецовъ В. Я.	1890	1894	
781		Кузнецовъ И. П.	1888	1891	
782		Ласки И. К.	1892	1893	
783		Макушинъ Д. П.	1889	1890	
784	15	Манушевичъ А. М.	1891	1893	
785		Молчановъ Н. М.	1897	1898	
786		Оборинъ П. И.	1895	1895	
787		Пальмовъ И. О.	1897	1898	
788		Платоновъ И. М.	1889	1890	
789	20	Подегимскій Э. А.	1895	1896	
790		Прейсманъ А. Н.	1891	1892	
791		Родзевичъ В. И.	1897	1898	
792		Спейтъ А. К.	1893	1894	
793		Сухановъ А. С.	1889	1890	
794	25	Цитовичъ М. И.	1891	1891	
795		Яблонскій-Шавровскій А.	1897	1898	
796	27	Ященко И. М.	1896	1897	

Такимъ образомъ въ теченіи перваго десятилѣтія со времени открытія Императорскаго Томскаго университета (1888—1898) состояло студентовъ 747 (изъ б. воспит. гимн. 209 и б. воспит. духовн. семин. 538) и постороннихъ слушателей 49, изъ которыхъ 21 удостоены званія провизора, одинъ перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ и 27 уволены по различнымъ причинамъ. Всего состояло 796.